

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Приокские зори

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2

2011

ПРИОКСКИЕ ЗОРЯ

**ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ
РАЗА В ГОД**

**ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**

**ИЗДАЕТСЯ
В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ**

**ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2011 — 2(23)**

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

В. Г. Белинский и русский критический реализм..... 3

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ОСНОВОПОЛОЖНИКА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ ВИССАРИОНА ГРИГОРЬЕВИЧА БЕЛИНСКОГО (1811—1848)

Виссарион Григорьевич Белинский. Сочинения Александра Пушкина. Статья первая..... 9

РОМАН. ПОВЕСТЬ

Рудольф Артамонов. Повесть о русской Сольвейг (Продолжение)..... 32

Алексей Яшин. Совершенство и абсурд..... 56

АНТОЛОГИЯ ПРОЗЫ

Сергей Овчинников. Трансформации. Ангел..... 71

Вячеслав Михайлов. Дуэль на ТВ..... 78

Игорь Карлов. В соседней палате..... 83

Ирина Кедрова. Тихий старец Иоаким..... 90

Владимир Чистополов. Мужики должны родину защищать, потому что они мужики..... 95

Тина Зимина. Прощай, Курмышево!..... 98

Александр Миронов. Собачатина. Нечисть огородная..... 101

Геннадий Маркин. Опечатка..... 113

Александр Хадарцев. На Бежином луге..... 118

ПОЭЗИЯ

Всеволод Кузнецов. *Personalia*..... 121

Сергей Лебедев. Ветлуга (по народной легенде)..... 126

Анатолий Миронов. А жизнь бежит..... 130

Надежда Сорокина. Разлилась любовь как море..... 133

Алексей Веселов. Один из немногих..... 136

Юлия Варфоломеева. У дома..... 139

Людмила Авдеева. *Personalia*: Ты такая разная, Россия..... 142

Владимир Резцов. Зарезцовки..... 149

СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ СИБИРИ

Иннокентий Медведев. Мой рай..... 150

Борис Туров. Осень вышла на смотрины..... 154

Михаил Стрельцов. Своя скрипка..... 158

Александр Захарченко. Воздух родины..... 165

Сергей Прохоров. *Personalia*..... 168

РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Сергей Гора. Цыганская песня..... 172

Наум Ципис. «Шел трамвай девятый номер...»..... 173

ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР – 25 В «ПРИОКСКИХ ЗОРЯХ»

Ульяна Хомякова. Свитер для младшей сестры.....	185
СКАЗКИ СО СМЫСЛОМ	
Николай Макаров. Сказки о Белозёре.....	191
ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАМЯТЬ	
Николай Дружков. Варвара.....	209
Эльвира Александрова. Вспоминаю поэта.....	214
Иван Александров. Душа его металась.....	216
ПРАВОСЛАВИЕ В НАШИХ ДУШАХ	
Русское древлеправославие: документы старой и новой истории.....	224
В. Е. Макаров. Старообрядчество, его смысл и значение.....	227
Речь императрицы Екатерины Великой о старообрядчестве, сказанная на общей конференции Синода и Сената 15 сентября 1763 года.....	244
Владимир Никишов. Жабьинь и старообрядческое движение.....	256
Литературное объединение «Ковчег» в журнале «Приокские зори» (Марина Михалева, Валентина Пинаевская, Валерий Савостьянов, Валерий Ходулин, Виктория Ткач, Владимир Ионов, Людмила Алтунина, Вячеслав Алтунин, Галина Винокурова, Евгений Залесский, Игорь Боронин, Сергей Никулов, Татьяна Абинякина, Яков Шафран, Геннадий Мир).....	265
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ	
Алексей Третьяков. Художественное познание как самовыражение идеального представления. Пример Достоевского.....	286
Сергей Норильский. Во взыскании вечных истин.....	293
Ирина Кедрова. О Л. Н. Толстом и не только о нем.....	300
Владимир Сапожников. Исповедь идеалиста-коммуниста.....	302
Ирина Николаева. Прочти и удивись душевному богатству.....	305
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ	307

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на CD-диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. на 4-й стр. обложки. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы не принимаются.

Вниманию читателей: журнал распространяется преимущественно в библиотечной сети.
Адрес: 300025, Тула, а/я 920, А. А. Яшину; e-mail: priok.zori@mail.ru; тел.: (4872)35-06-73

Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула), член правления Академии российской литературы
Первый зам. главного редактора Виктор ПАХОМОВ (Тула)

Редколлегия:

Вячеслав БОТЬ (Тула)
Тамара БУЛЕВИЧ (Красноярск) — зам. главного редактора по сибирским регионам
Валерий ГАНИЧЕВ (Москва), председатель правления Союза писателей России
Виктор ГРЕКОВ (Белев)
Ирина КЕДРОВА (Москва) — зав. отделом критики
Олег КОЧЕТКОВ (Коломна)
Валерий КРУЧИНИН-РУСИЧ (Сокольники)
Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
Геннадий МАРКИН (Щекино) — отв. секретарь
Владимир МИРНЕВ (Москва), президент Академии российской литературы
Игорь НЕХАМЕС (Москва)
Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
Ирина ПАРХОМЕНКО (Плавск)
Наталья ПАРЫГИНА (Тула)
Владимир РЕЗЦОВ (Тула) — зав. отделом поэзии
Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
Валентин СОРОКИН (Москва) — проректор Литинститута им. А. М. Горького по ВЛК
Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
Леонид ХАНБЕКОВ (Москва), вице-президент Академии российской литературы

Информационная поддержка:

— Литературное агентство «Московский Парнас»
— журнал «Подъем» (Воронеж)
— «Литературная газета»
— газета «Российский писатель»
— газета «Тульский литератор»
— газета «Щекинский вестник»
— газета «Марийская правда» (Йошкар-Ола)
— газета «Слобода» (Тула)
— газета «Тульская правда»

Журнал издается попечительством Тульского государственного университета (ректор М. В. Грязев) при организационной поддержке Академии российской литературы.

Учредитель: ООО Издательство «Неография».
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ 71-00079 от 05.03.2009
Управления ФС по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций по Тульской области

Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте Интернета:
www.medtsu.tula.ru (в PDF формате)

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

В. Г. БЕЛИНСКИЙ И РУССКИЙ КРИТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ

При разработке концепции современного русского критического реализма в литературе (см. «ПЗ» № 1, 2011) мы во многом отталкивались от взглядов основоположника отечественной литературной критики Виссариона Григорьевича Белинского (1(13).VI. 1811, г. Свеаборг — 26.V (7.VI). 1848, Петербург), 200-летие со дня рождения которого мы отмечаем в этом году. Наш журнал, естественно, не прошел мимо этой даты — см. содержание настоящего номера.

...Слава богу, что некоторые из моих студентов-медиков первого курса, то есть еще не забывших школьные уроки литературы, смутно помнят, отвечая на мой вопрос о персоналии Белинского, что-де был такой критик. Но интересно: сколько «толстых» литературных журналов сейчас вспомнили о Виссарионе Григорьевиче? Хочется процитировать одесских классиков в части реплики Остапа Бендера: «Сейчас многие не помнят имен героев; угар НЭПа...».

Более того, исключая, может быть, журналы «Знамя», «Приокские зори», все более утрачивается такая традиция русской литературной периодики, берущая начало с «Современника» А. С. Пушкина и того же «Современника» и «Отечественных записок» Н. А. Некрасова, как наличие в журналах разделов литературной критики и рецензий.

Кто-то из великих (Монтень или Декарт?) однажды опрометчиво высказался в том смысле, что критика есть бесстыдство ума, ничего своего не создающего, но придирчиво оценивающего созданное другими.. Что-то в этом смысле. Вне всякого сомнения, в литературном процессе участвуют и такие, с позволения сказать, отчаянные критики, которых в других сферах человеческой деятельности именуют более емким словом: критиканы.

...А вот наверняка наши читатели старшего поколения вспомнят популярный плакат 40—50-х гг., как-то попавшийся мне на глаза в качестве иллюстрации к одному из изданий: на плакате крестьянин в рубахе-распояске с размаху косит символические сорные травы различных асоциальных и пр. недостатков. Подпись же гласит, что критика и самокритика — это острое оружие в борьбе со всем омертвевшим и тормозящим, с обскурантизмом и мракобесием. Пишу по памяти, по-

этому эти слова И. В. Сталина не закавычиваю.

Это полярные определения критики, но предмет литературной критики в творческом методе критического реализма, ведущем в нашем журнале, по определению максимально приближен к определению Сталина, данному, правда, в несколько ином, социально-экономическом и политическом, контексте.

Исходя из опыта, то есть теории и практики, русской литературной критики XIX—XX веков, логически и фактологически непротиворечивым будет следующее определение.

Литературная критика в общем и в особенности в рамках творческого метода русского критического реализма является неотъемлемой составной частью литературного процесса, жанром литературно-художественного творчества в публицистически-очерковой форме самовыражения, неразрывно связанной с историей, сегодняшним днем и прогностикой развития национальной литературы с учетом ее парциального вклада в общемировую литературу. Исходя из общего определения, целью литературной критики является сочетание действенных функций «барометра», отражающего вектор общественного мнения и степень его отображения в литературе, и направляющего движения объективного литературного процесса. Данная цель реализуется постановкой и исполнением специфических задач, как-то: оценка произведений художественной литературы с позиций творческого метода критического реализма; обеспечение преемственности поколений писателей в неразрывности литературного процесса; пропаганда доступными литературной критике средствами талантливых произведений и их авторов; объективная оценка, но с акцентом на поддержку произведений подающих надежды авторов и так далее. В целом, литературная критика является институтом, инструментом, замыкающим в единую систему творческий литературный процесс в выбранном его творческом ареале: национальная, мировая, историческая, современная, условно-конфессиональная, моножанровая и пр. критика.

Данному определению в полной мере отвечает творчество В. Г. Белинского, как основоположника русской литературной критики с доминантой творческого метода критического реализма. Здесь он прямо противопоставит резкому Писареву и в определенном смысле Добролюбову.

...Первая половина XIX века — самое динамичное время для только что обретшей свое самосознание русской литературы. Это как первотолчок, подготовленный писателями, поэтами и драматургами века предыдущего: Ломоносов, Тредиаковский, Херасков, Фонвизин, Крылов и многие другие славные имена из предтечь отечественной литературы можно назвать. И, конечно, переходная фигура: «Старик Державин нас заметил, и в гроб сходя, благословил».

Но всякий первотолчок требует гениев и высоких талан-

тов, которые сжигают себя в творческом огне. Отсюда и непродолжительность их физической (не творческой!) жизни: кого убивают на дуэли, а кто, как Белинский, умирает от чахотки. Почти как и Александр Сергеевич, прожил он недолго, скончавшись через шесть дней после исполнения ему тридцати семи лет... Но возраст физический этих гениев первой половины XIX века несоизмерим с их творческим наследием: 16 томов у Пушкина (академическое советское издание), 12 томов у Белинского (также академическое издание 1953—56 гг.). А это главное для характеристики их роли в том первотолчке, от которого пошла великая русская литература.

В советской историографии (при всем к ней уважении) литературного процесса в России XIX века акцент в оценке творчества Белинского ставили на словах В. И. Ленина о том, что великий критик явился «предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении». Как следует понимать в контексте ленинской работы, подспудно это утверждение распространялось и на вытеснение дворянских писателей разночинцами. Это не совсем верно: просто в ряды писателей во второй трети XIX века влился мощный поток литераторов из разночинцев, преимущественно из клерикальной, церковной среды по рождению и начальному воспитанию. И в дальнейшем, окончательно объединившись в рамках метода критического реализма, писатели из дворян и из «колокольного дворянства» отнюдь не теснили друг друга, но подготовили мировой феномен русской литературы второй половины XIX века.

Поэтому — в антитезу ленинскому утверждению — правильнее фактологически и справедливее по существу отнести Белинскому место в пантеоне истории русской литературы как провозвестнику, предтече объединения всех, прежде сословных и иных градаций, течений и направлений отечественной литературы под знаменем метода критического реализма с чисто русской спецификой, для понимания которой уместно вспомнить евангельские слова: «несть эллина, несть иудея». Речь идет, понятно, не о национальностях, а о том содержании, которое Христос иносказательно вложил в эти слова: совершенство духа и устремление к социальной справедливости и равенству не признает никаких границ между людьми: этнических, географических, а есть только вера с ее добром, в итоге побеждающая порок с его злом.

...И еще одно *nota bene*, прослеживающаяся в биографиях наших гениев первотолчка. Как юный Лермонтов был сослан на воюющий Кавказ за сделавшее его имя знаменитым стихотворение на смерть Пушкина, так и Белинский был исключен из Московского университета за первое свое заметное произведение — драму «Дмитрий Калинин», проникнутую духом немаскируемого — по несоблюденным им правилам тогдашней «игры с цензурой» — антикрепостничества.

Приведенное выше определение критики, как жара литературного творчества, в полной мере коррелирует со взглядами В. Г. Белинского. Это уже видно и первой крупной его литературно-критической работы «Литературные мечтания», опубликованной в 1834 году в газете «Молва» — приложении к журналу «Телескоп», издаваемым Н. И. Надеждиным.

Далее Белинский фактически вел всю литературно-критическую часть таких известных русских журналов второй трети XIX века, как «Московский наблюдатель», возобновленный Н. А. Некрасовым пушкинский «Современник», где Виссарион Григорьевич очень скоро выдвинулся на роль, говоря современным языком, главного идеолога этого журнала. Именно через рупор «Современника» Белинский, что называется, методом смелых проб и небольших ошибок разрабатывал теорию и практику русского критического реализма. С «Современником» великий критик сотрудничал до самой своей кончины.

В своей творческой манере жанра литературно критики В. Г. Белинский выработал и закрепил, передав эстафету следующему поколению критиков XIX—XX вв., свое «оформление», точнее — форму, подачи материала. Во-первых, он ввел форму своего рода годовых обзоров публикаций отечественной — в соотнесении с европейской — литературы; это, в первую очередь, такие его статьи как «Взгляд на русскую литературу 1846 года», «Взгляд на русскую литературу 1847 года», чуть более ранняя «Русская литература в 1845 году».

Во-вторых, идейно и тематически выделяются в его творчестве работы: «Мысли и заметки о русской литературе», «Петербургский сборник» и «Ответ «Москвитянину».

Но вот где проявились в полной мере талант и новаторство великого критика, так это в его «персоналиях», работах, посвященных гениям русской литературы А. С. Пушкину, Н. В. Гоголю, М. Ю. Лермонтову. К этой же форме подачи материала можно отнести статьи Белинского о творчестве Н. А. Полевого, А. И. Герцена, И. А. Гончарова, Н. А. Некрасова. Особняком стоит его большая, пронзительная статья о выдающемся народном поэте «О жизни и сочинениях Кольцова».

Понятно, что и европейская литература — в ее истории и современности — не прошли мимо его острого взгляда и творчески оценивающейся мысли: Жорж Санд, Беранже, Гейне и многие европейские современники.

...Редко кто из русских писателей XIX века не обращался к творчеству Шекспира; здесь достаточно упомянуть Льва Толстого с его — отличным от всех других — мнением о драмах Шекспира. Белинский же именно на примере Шекспира выступил в новой для него ипостаси театрального критика; это статьи «Мочалов в роли Гамлета», «О Гамлете». В более общем плане отметим работу 1845-го года «Александринский театр».

Но все же подлинными шедеврами критической мысли были и остаются работы В. Г. Белинского о Н. В. Гоголе («Похождения Чичикова или Мертвые души», знаменитое «Письмо к Гоголю», «Выбранные места из переписки с друзьями Н. Гоголя») и — особенно! — его 550-страничная книга в одиннадцати статьях под общим заголовком «Сочинения Александра Пушкина».

Что здесь можно нового сказать? — А то, что при всей всероссийской известности во время жизни Белинского творчества Пушкина, которого и сам царь Николай Первый полагал первым же поэтом России, и Гоголя, представление «Ревизора» которого смотрел все тот же царь, именно Белинский в своих работах сделал их произведения всенародно узнаваемыми.

...Не следует думать, что в первой половине XIX века имена наших гениев Пушкина и Гоголя (к немногочисленным таковым позже в русской и советской литературе «присоединились» Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой и М. А. Шолохов) в массовом сознании пишущей и читающей публики воспринимались в ныне устоявшихся определениях навроде «солнца русской поэзии». В светских же окололитературных кругах, а именно они определяли тогда «общественное мнение», в отношении Пушкина его творчество перевешивал своего рода «бренд» скандальной дуэли с Дантесом, а имя Гоголя чаще ассоциировалось с высказыванием императора по поводу «Ревизора», что автор в нем выпорол всю Россию, а прежде всего самого царя.

Поэтому не будет преувеличением сказать, с учетом всех фактов и факторов отечественной литературной историографии, что Белинский в определенном смысле ускорил вхождение Пушкина и Гоголя в ранг основоположников русской литературы Новейшего времени (XIX—XXI вв. — по принятой в исторической науке градации).

В заключении отметим роль Белинского в практике современной русской критики, естественно, в рамках преобладающего и в нынешнем российском литературном процессе творческого метода критического реализма. Сейчас она, критика, поднимается из ничтожества своего 90-х годов прошедшего века, постепенно обретает свое лицо и присутствие в литературе как ее полноправный жанр.

Отрадно, что и здесь назрел момент собирания камней и очищения зерен от плевел, «толстые» журналы, а именно они традиционно являются провозвестниками и полем развития и существования литературной критики, обретают свое лицо в данном жанре. Не «растекаясь мылию по древу», то есть не анализируя всероссийский литературный процесс в ареале критики, что требует более аргументированной и объемной работы, остановимся на родных пенатах, то есть на «Приокских зорях» и дружественном нам альманахе (де-факто журна-

ле) «Московский Парнас».

В каждом из их номеров (выпусков) присутствует тематический критический раздел. Большой удачей для названных изданий является сотрудничество, а для «Московского Парнаса» и руководство, пожалуй, ведущего современного русского, российского (кому как привычнее...) литературного критика, в полное мер следующего традициям В. Г. Белинского, Леонида Ханбекова. Причем здесь мы имеем в виду не только его регулярные выступления на страницах обоих журналов, но и его четырехтомное собрание сочинений, а главное — продолжающуюся серию книг — очерков о творческих персоналиях, наиболее значимых современных писателях, прозаиках и поэтах, под логотипом «Созвездие России». Число таких книг уже измеряется двухзначной цифрой.

Весомый вклад вносит Ирина Кедрова, профессор, лауреат литературных премий, ведущая отделы критики в «Московском Парнасе» и в «Приокских зорях».

...Важно подчеркнуть, что «критика по Белинскому» по определению исключает элитарное выпячивание, самодовлеющий нарциссизм, «мэтровскую» снисходительность, политкорректную вальяжность, замкнутую кружковщину и местечковость, озлобленность на всех и вся, дурное и примитивно понятую идеологизацию.

Негоже серьезному критику принимать участие в запиаривании всякой околосредотворительной суши и в кумовстве, быть демонстративно «верноподданным», помня, что в рамках творческого метода критического реализма писатель всегда находится в конструктивной оппозиции к власти и — особенно — деньгам имущим.

Еще раз повторим евангельские слова: «несть эллина, несть иудея», что в преломлении к литературной критике означает: не лизоблюдствуй и не перехваливай писателей «с именем», но смотри в корень: в достоинства и недостатки их произведений. И поддержи ростки таланта у начинающего или по характеру робкого.

Настоящую колонку главного редактора, учитывая важность события, мы целиком посвятили памяти и творчеству Виссариона Григорьевича Белинского. Напомним, что на второй квартал этого года приходятся юбилеи таких выдающихся писателей, как 125-летие со дня рождения Николая Гумилева (1886—1921), 120-летие Михаила Булгакова (1891—1940), 125-летие Владислава Ходасевича (1886—1939) — кстати, не только поэта, но и заметного критика. Назовем еще Аполлона Майкова (1821—1897), со дня рождения которого 4-го июня сего года исполнилось 190 лет.

...И еще один момент. Учитывая, что в наше время еле-еле тлеющей духовности произведения В. Г. Белинского читают, скорее — просматривают, едва ли не одни студенты филологической специальности и сочиняющие диссертации на темы

русской литературной критики, ниже публикуем первую статью Виссариона Григорьевича о творчестве А. С. Пушкина.

Nota bene огорчительного характера, совсем не в контексте юбилеев наших великих и выдающихся мастеров слова: ранее, хотя и предположительно, обещанное департаментом культуры администрации Тульской области включение в части финансирования нашего журнала в дополнительную Культурную программу на 2011 год, увы, не состоялось.

Это, как говорится, ложка дегтя в бочку меда. Видно, у больших культуртрегеров и заботы более значительные...

**К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ОСНОВОПОЛОЖНИКА РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ
ВИССАРИОНА ГРИГОРЬЕВИЧА
БЕЛИНСКОГО (1811—1848)**

Виссарион Григорьевич Белинский

**СОЧИНЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА
СТАТЬЯ ПЕРВАЯ***

*Обозрение русской литературы
от Державина до Пушкина*

В. Г. Белинский
Рисунок художника
И. Астафьева. 1881 г.

Давно уже обещали мы полный разбор сочинений Пушкина: предлагаемая статья есть начало выполнения нашего обещания, замедлившегося по причинам, изложение которых не будет здесь излишним. Всем известно, что восемь томов сочинений Пушкина изданы, после смерти его, весьма небрежно во всех отношениях — и типографском (плохая бумага, некрасивый шрифт, опечатки, а где и искаженный смысл стихов), и редакционном (пьесы расположены не в хронологическом порядке, по времени их появления из-под пера автора, а по родам, изобретенным бог знает чьим досужеством). Но что всего хуже в этом издании — это его неполнота: пропущены пьесы, помещенные самим автором в четырехтомном собрании его сочинений**, не говоря уже о пьесах, напечатанных в «Современнике» и при жизни, и после смерти Пушкина. Последние три тома сделаны компаниею издателей-книгопродавцев, которые, что могли сделать, как издатели, сделали хорошо, то есть издали эти три тома красиво и опрятно, но также неполно, как были изданы (не ими, впрочем) первые восемь томов. Справедливый ропот публики, которая, заплатя за одиннадцать томов сочинений Пушкина шестьдесят пять рублей асс. (сумму довольно значительную и для книги, хорошо и полно изданной), все-таки не имела в руках полного собрания сочинений Пушкина, — этот ропот, соединенный с столь же дурным расходом трех последних, как и восьми первых томов, и справедливое негодование некоторых журналистов на такое оскорбление тени великого поэта: все это побудило издателей трех остальных томов сочинений Пушкина обещать отдельное дополнение к ним, в котором публика могла бы найти решительно все, что написано Пушкиным и что не вошло в одиннадцать томов полного собрания его сочинений. А пропущено так много, что из допол-

* Печатается по изданию: Белинский В. Г. Собрание сочинений в трех томах. Т. III.: Статьи и рецензии 1843—1848 / Под общ. ред. Ф. М. Головенченко. — М.: ОГИЗ-ГИХЛ, 1948. — С. 172—204.

** Стихотворения Александра Пушкина. Санкт-Петербург. В тип. Департамента народного просвещения. Четыре части. I и II — 1829, III — 1832, IV — 1835.

нения вышел бы целый том,— и тогда полное собрание сочинений Пушкина состояло бы пока из двенадцати томов. Говорим — пока, ибо в рукописи остаются еще материалы к истории Петра Великого, предпринятой Пушкиным. Говорят, что этих материалов стало бы на добрый том, и только одному богу известно, когда русская публика дожидется этого тома... Итак, пока хорошо было бы дождаться хоть дополнения-то, обещанного издателями трех последних томов. О нем много толковали, и мы даже видели опыты приготовления к этому делу, которое интересовало нас еще и как удобный предлог к началу обещанной нами статьи о Пушкине. Но время шло, а вожделенное дополнение не являлось, и мы, право, не знаем, явится ли оно когда-нибудь; если же и явится, то не потребует ли еще другого дополнения?.. Это решило нас, не дожидаясь исполнения чужих обещаний, приняться, наконец, за исполнение своих собственных.

Но, кроме того, была еще и другая, более важная, так сказать, более внутренняя причина нашей медленности. Година безвременной смерти Пушкина с течением дней отодвигается от настоящего все далее и далее, и нечувствительно привыкают смотреть на поэтическое поприще Пушкина не как на прерванное, но как на оконченное вполне. Много творческих тайн унес с собою в раннюю могилу этот могучий поэтический дух; но не тайну своего нравственного развития, которое достигло своей апогеи и потому обещало только ряд великих в художественном отношении созданий, но уже не обещало новой литературной эпохи, которая всегда ознаменовывается не только новыми творениями, но и новым духом. Исключительные поклонники Пушкина, с ним вместе вышедшие на поприще жизни и под его влиянием образовавшиеся эстетически, уже резко отделяются от нового поколения своею закоснелостию и своею тупостию в деле разумения сменивших Пушкина корифеев русской литературы. С другой стороны, новое поколение, развившееся на почве новой общечеловечности, образовавшееся под влиянием впечатлений от поэзии Гоголя и Лермонтова, высоко ценил Пушкина, в тоже время судит о нем беспристрастно и спокойно. Это значит, что общество движется, идет вперед через свой вечный процесс обновления поколений и что для Пушкина настает уже потомство. На Руси все растет не по годам, а по часам, и пять лет для нее — почти век. Но новое мнение о таком великом явлении, как Пушкин, не могло образоваться вдруг и явиться совсем готовое; но, как все живое, оно должно было развиваться из самой жизни общества; каждый новый день, каждый новый факт в жизни и в литературе должны были изменять и образ воззрения на Пушкина.

По мере того как рождались в обществе новые потребности, как изменялся его характер и овладевали умом его новые думы, а сердце волновали новые печали и новые надежды, порожденные совокупностью всех фактов его движущейся жизни,— все стали чувствовать, что Пушкин, не утрачивая в настоящем и будущем своего значения как поэт великий, тем не менее был и поэтом своего времени, своей эпохи и что это время уже прошло, эта эпоха сменилась другою, у которой уже другие стремления, думы и потребности. Вследствие этого Пушкин является перед глазами наступающего для него потомства уже в двойственном виде: это уже не поэт безусловно великий и для настоящего и для будущего, каким он был для прошедшего, но поэт, в котором есть достоинства безусловные и достоинства временные, который имеет значение артистическое и значение историческое,— словом, поэт, только одною стороною принадлежащий настоящему и будущему, которые более или менее удовлетворяются и будут удовлетворяться им, а другою, большею и значительнейшею стороною вполне удовлетворявший своему настоящему, которое он вполне выразил и которое для нас — уже прошедшее. Правда, Пушкин принадлежал к числу тех творческих гениев, тех великих исторических натур, которые, работая для настоящего, приготавливают будущее и по тому самому уже не могут принадлежать только одному прошедшему; но в том-то и состоит задача здоровой критики, что она должна оп-

ределить значение поэта и для его настоящего и для будущего, его историческое и его безусловно художественное значение. Задача эта не может быть решена однажды навсегда, на основании чистого разума; нет, решение ее должно быть результатом исторического движения общества. Чем выше явление, тем оно жизненнее, а чем жизненнее явление, тем более зависит его сознание от движения и развития самой жизни. Лучшее, что можно сказать в похвалу Пушкина и в доказательство его величия,— то, что при самом появлении его на поэтическую арену он встречен был и безусловными похвалами необдуманного энтузиазма, и ожесточенною бранью людей, которые в рождении его поэтической славы увидели смерть старых литературных понятий, а вместе с ними и свою нравственную смерть,— что запальчивые крики похвал и порицаний не умолкали ни на минуту ни в продолжение всей его жизни, ни после самой его жизни, и что каждое новое произведение его было яблоком раздора и для публики, и для привилегированных судей литературных. Теперь утихают эти крики: знак, что для Пушкина настало потомство, ибо запальчивая прѣмнений существует только для предметов, столь близких глазам современников, что они не в состоянии видеть их ясно и вполне, по причине самой этой близости. Суд современников бывает пристрастен; однако ж в его пристрастии всегда бывает своя законная и основательная причинность, объяснение которой есть тоже задача истинной критики.

Ни одно произведение Пушкина — ни даже сам «Онегин» — не произвело столько шума и криков, как «Руслан и Людмила»: одни видели в ней величайшее создание творческого гения, другие — нарушение всех правил пиитики, оскорбление здравого эстетического вкуса. То и другое мнение теперь могло бы показаться равно нелепым, если не подвергнуть их историческому рассмотрению, которое покажет, что в них обоих был смысл, и оба они до известной степени были справедливы и основательны. Для нас теперь «Руслан и Людмила» — не больше, как сказка, лишенная колорита местности, времени, народности, а потому и не правдоподобная; несмотря на прекрасные стихи, которыми она написана, и проблески поэзии, которыми она поражает местами, она холодна, по признанию самого поэта*, и в наше время не у всякого даже юноши станет охоты и терпения прочесть ее всю, от начала до конца. Против этого едва ли кто станет теперь спорить. Но в то время, когда явилась эта поэма в свет, она действительно должна была показаться необыкновенно великим созданием искусства. Вспомните, что до нее пользовались еще безотчетным уважением и «Душенька» Богдановича, и «Двенадцать спящих дев» Жуковского; каким же удивлением должна была поразить читателей того времени сказочная поэма Пушкина, в которой все было так ново, так оригинально, так обольстительно — и стих, которому подобного дотоле ничего не бывало, стих легкий, звучный, мелодический, гармонический, живой, эластический, и склад речи, и смелость кисти, и яркость красок, и грациозные шалости юной фантазии, и игривое остроумие, и самая вольность нецеломудренных, но тем не менее поэтических картин!.. По всему этому «Руслан и Людмила» — такая поэма, появление которой сделало эпоху в истории русской литературы. Если бы какой-нибудь даровитый поэт написал в наше время такую же сказку и такими же прекрасными стихами, в авторе этой сказки никто не увидел бы великого таланта в будущем, и сказки никто бы читать не стал; но «Руслан и Людмила» как сказка, вовремя написанная, и теперь может служить доказательством того, что не ошиблись предшественники наши, увидев в ней живое пророчество появления великого поэта на Руси. У всякого времени свои требования, и теперь даже обыкновенному таланту, не только гению, нельзя дебютировать чем-нибудь вроде «Руслана и Людмилы» Пушкина, «Оберона» Виланда, или, пожалуй, и «Orlando Furioso»**

* Соч. А. Пушкина, т. XI, стр. 226.

** «Неистового Роланда». — Ред.

Ариоста, но все эти поэмы, шуточные, волшебные, рыцарские и сказочные, явились в свое время и под этим условием прекрасны и достойны внимания и даже удивления. Итак, юноши двадцатых годов (из которых многим теперь уже далеко за сорок) были правы в энтузиазме, с которым они встретили «Руслана и Людмилу».

С другой стороны, имела причину и враждебность, с которою литературные староверы встретили поэму Пушкина: в ней не было ничего такого, что привыкли они почитать поэзиею; эта поэма была, в их глазах, буйным отрицанием их литературного корана. Так называемая война классицизма (мертвой подражательности утвержденным формам) с романтизмом (стремлением к свободе и оригинальности форм) была у нас отголоском такой же войны в Европе, и первая поэма Пушкина послужила поводом к началу этой войны, пережитой Пушкиным. Следовавшие затем поэмы и лирические стихотворения Пушкина были для него рядом поэтических триумфов. Энтузиасты провозгласили его северным Байроном, представителем современного человечества. Причиною этого неудачного сравнения было не одно то, что Байрона мало знали и еще меньше понимали, но и то, что Пушкин был на Руси полным выразителем своей эпохи. Однакож, как скоро начало устанавливаться в нем брожение кипучей молодости, а субъективное стремление начало исчезать в чисто художественном направлении, — к нему стали охладевать, толпа ожесточенных противников стала возрастать в числе, даже самые поклонники или начали примыкаться к толпе порицателей, или переходить к нейтральной стороне. Наиболее зрелые, глубокие и прекраснейшие создания Пушкина были приняты публикою холодно, а критиками — оскорбительно. Некоторые из этих критиков очень удачно воспользовались общим расположением в отношении к Пушкину, чтоб отомстить ему или за его к ним презрение, или за его славу, которая им почему-то не давала покоя, или, наконец, за тяжелые уроки, которые он проповедал им иногда в легких стихах летучих эпиграмм...

С другой стороны, люди, искренно и страстно любившие искусство, в холодности публики к лучшим созданиям Пушкина видели только одно невежество толпы, увлекающейся юношескими и незрелыми произведениями, но не умеющей ценить обдуманнх творений строгого искусства. Смотря на искусство с точки зрения исключительной и односторонней, его жаркие поборники не хотели понять, что если симпатии и антипатии большинства бывают часто бессознательны, зато редко бывают бессмысленны и безосновательны, а, напротив, часто заключают в себе глубокий смысл. Странно же, в самом деле, было думать, чтоб то самое общество, которое так дружно, так радостно, словно потрясенное электрическим ударом, в первый еще раз жизни своей откликнулось на голос певца и нарекло его своим любимым, своим народным поэтом, странно было думать, чтоб то же самое общество вдруг охолодело к своему поэту за то только, что он созрел и возмужал в своем гении, сделался выше и глубже в своей творческой деятельности! А между тем это охлаждение — факт, достоверность которого можно доказать свидетельством самого поэта: в его записках (том XI), в некоторых местах «Онегина», в стихотворении «Поэт» слышится горькая жалоба оскорбленной народной славы. Из этого нельзя было не заключить, что если публика была не совсем права в своей холодности к поэту, то и поэт все же не был жертвою ее прихоти и, по вине или без вины с своей стороны, но не случайно же, а по какой-нибудь причине, испытал на себе ее охлаждение. Но ответа на эту загадку еще не было: ответ скрывался во времени, и только время могло дать его. Безвременная смерть Пушкина еще больше запутала вопрос: как и должно было ожидать, она снова и с большею силою обратила к падшему поэту сочувствие и любовь общества. Восторженные поклонники искусства, как искусства, тем более были поражены смертью поэта и тем более скорбели о ней, что вскоре затем появившиеся в «Современнике» посмертные сочинения Пушкина изумили их своим художественным совершенством, своею творческою глубиною. Образ Пушкина, украшенный страдаль-

ческою кончиною, предстоял перед ними во всем блеске поэтической апофеозы: это был для них не только великий русский поэт своего времени, но и великий поэт всех народов и всех веков, гений европейский, слава всемирная... Но не успело еще войти в свои берега взволнованное утратою поэта чувство общества, как подняла свое жужжание и шипение на страдальческую тень великого злопамятная посредственность, мучимая болью от глубоких царапин, еще не заживших следов львиных когтей... Она начала, и прямо и косвенно, толковать о поэтических заслугах Пушкина, стараясь унижить их; невпопад и кстати начала сравнивать Пушкина и с Мининым, и с Пожарским, и с Суворовым, вместо того чтоб сравнивать его с поэтами своей родины... Подобные нелепости не заслуживали бы ничего, кроме презрения, как выражение бессильной злобы; но веселое скакание водовозных существ на могиле павшего в бою льва возмущает душу, как зрелище неприличное и отвратительное; а наглое бесстыдство низости имеет свойство выводить из терпения достоинство, сильное одною истинною... Мудрено ли, что и такое ничтожное само по себе обстоятельство, раздражая людей, способных понять и оценить Пушкина как должно, только более и более увлекало их в благородном, но вместе с тем и безотчетном удивлении к великому поэту...

Между тем время шло вперед, а с ним шла вперед и жизнь, порождая из себя новые явления, дающие сознанию новые факты и подвигающие его на пути развития. Общество русское с невольным удивлением, полным ожидания и надежды чего-то великого, обратило взоры на нового поэта, смело и гордо открывавшего ему новые стороны жизни и искусства. Равен ли по силе таланта или еще и выше Пушкина был Лермонтов — не в том вопрос: несомненно только, что, даже и не будучи выше Пушкина, Лермонтов призван был выразить собою и удовлетворить своею поэзией несравненно высшее, по своим требованиям и своему характеру, время, чем то, которого выражением была поэзия Пушкина. И менее чем в какие-нибудь пять лет, протекавшие от смерти Пушкина, русское общество успело и радостно встретить пышный восход и горестно проводить безвременный закат нового солнца своей поэзии!.. Другой поэт, вышедший на литературное поприще при жизни Пушкина и приветствованный им, как великая надежда будущего, после долгого и скорбного безмолвия, подарил, наконец, публику таким творением, которое должно составить эпоху и в летописях литературы, и в летописях развития общественного сознания. Все это было безмолвною, фактической философиею самой жизни и самого времени для решения вопроса о Пушкине. Толки о Пушкине, наконец, прекратились, но не потому, чтоб вопрос о нем переставал интересовать публику, а потому, что публика не хочет уже слышать повторения старых, односторонних мнений, требуя мнения нового и независимого от предубеждений, в пользу или невыгоду поэта. Повторяем: мнение это могло выработаться только временем и из времени, и, чуждые ложного стыда, не побоимся сказать, что одною из главных причин, почему не могли мы ранее выполнить своего обещания нашим читателям: касательно разбора сочинений Пушкина было сознание неясности и неопределенности собственного нашего понятия о значении этого поэта. Знаем, что такое признание пробудит остроумие наших доброжелателей: в добрый час — пусть себе острятся! Мы не завидуем готовым натурам, которые все узнают за один присест и, узнавши раз, одинаково думают о предмете всю жизнь свою, хвалясь неизменчивостию своих мнений и неспособностию ошибаться. Да, не завидуем, ибо глубоко убеждены, что только тот не ошибался в истине, кто не искал истины, и только тот не изменял своих убеждений, в ком нет потребности и жажды убеждения; история, философия и искусство — не то, что математика с ее вечными и неподвижными истинами: движение математики, как науки, состоит не в движении ее истин, а в открытии новых и кратчайших путей к достижению неизменных результатов. В царстве математики нет случайности и произвола, зато нет и жизни; но история, философия и искусство живут, как природа, как дух человече-

ский, выражаемый ими, живут, вечно изменяясь и обновляясь; их единство скрыто в многообразии и разнообразии, необходимость — в свободе, разумность — в случайности. Кто хочет уловлять своим сознанием законы их развития, тот сам, подобно им, должен развиваться и доходить до результатов истины не в легком наслаждении апатического спокойствия, а в болезнях и муках рождения: зерно истины в благодатной душе то же, что младенец в утробе матери — предмет пламенной любви и трудных попечений, источник блаженства и скорбей...

Кроме того, нас останавливали еще пределы замышляемой нами статьи. Наблюдая за ходом отечественной литературы, мы, естественно, часто должны были в прошедшем отыскивать причины настоящего и прозревать в историческую связь явлений. Чем более думали мы о Пушкине, тем глубже прозревали в живую связь его с прошедшим и настоящим русской литературы и убеждались, что писать о Пушкине — значит писать о целой русской литературе: ибо как прежние писатели русские объясняют Пушкина, так Пушкин объясняет последовавших за ним писателей. Эта мысль сколько истинна, столько и утешительна: она показывает, что, несмотря на бедность нашей литературы, в ней есть жизненное движение и органическое развитие, следственно, у нее есть история. Мы далеки от самолюбивой мысли удовлетворительно развить это воззрение на русскую литературу и желаем только одного — хоть намекнуть на это воззрение и проложить другим дорогу там, где еще не протоптано и тропинки. Пусть другие сделают это лучше нас: мы первые порадуемся их успеху, а сами для себя будем довольны и тем, если нам, намеком на это воззрение, удастся положить конец старым толкам о русской литературе и произвольным личным суждениям о русских писателях...

Вот для чего, приступая к критическому рассмотрению сочинений Пушкина, мы почили за необходимое сперва обозреть ход и развитие русской поэзии (ибо предмет наших статей будет не литература в обширном смысле, а только поэзия русская) с самого ее начала. Выход нового издания сочинений Державина доставил нам удобный случай взглянуть с нашей точки зрения на его творения, и нашу статью о Державине мы считаем началом статьи о Пушкине, почему и намерены связать обе эти статьи обзором исторического развития русской поэзии от Державина до Пушкина, через что статья наша о Державине будет еще пополнена и уяснена общюю идеею, которая должна быть основою всего ряда этих статей, образующих собою *критическую историю* «изящной литературы» русской. Вслед за статьями о Пушкине мы немедленно приступим к разбору (тоже давно нами обещанному) сочинений Гоголя и Лермонтова. И хотя в нашем журнале не раз и не мало было говорено об этих писателях, — однакоже обещаемые статьи несколько не будут повторением сказанного.

Русская литература есть не туземное, а пересадное растение. Это обстоятельство дает особенный характер ей самой и ее истории; не понять этого обстоятельства или не обратить на него всего внимания — значит не понять ни русской литературы, ни ее истории. Мы начали ее характеристику сравнением — и продолжим сравнением же. Одни растения, будучи перенесены в новый климат и пересажены в новую почву, сохраняют свой прежний вид и свои прежние качества; другие изменяются в том и другом, по влиянию на них нового климата и новой почвы. Русская литература может быть сравниваема с растениями второго рода. Ее история, особенно до Пушкина (отчасти еще и до сих пор), состоит в постоянном стремлении — отрешиться от результатов искусственной пересадки, взять корни в новой почве и укрепиться ее питательными соками. Идея поэзии была выписана в Россию по почте из Европы и явилась у нас как заморское нововведение. Ее понимали как искусство слагать вирши на разные торжественные случаи. Тредьяковский был привилегированным придворным *пиитой* и «воспевал» даже балы и маскарады придворные, словно как государственные события. Ломоносов, *первый* русский поэт, тоже понимал поэзию как «воспева-

ние» торжественных случаев, и первая ода его (и в то же время первое русское стихотворение, написанное правильным размером) была песнью на взятие русскими войсками Хотина. Это было в 1739 году; стало быть, теперь этому *сто четыре* года. Впрочем, «песнопевческий» и «воспевательный» взгляд на поэзию создан не нашими первыми поэтами: так смотрели тогда на поэзию во всей просвещенной Европе. Всеобщую известность тогда пользовались только древние литературы, из которых греческая была или по наслышке известна, или искаженно и превратно понимаема, а латинская, лучше знаемая и более доступная и любимая, считалась идеалом всякой изящной литературы. Из новейших литератур пользовались всеобщей известностью только французская и итальянская, особенно первая, ибо она наиболее находилась под влиянием латинской, по крайней мере во внешних формах. Немецкой изящной литературы тогда еще не существовало; испанская и английская не были известны за пределами своих земель.

Итак, из новейших литератур французская царила над всеми другими, гордо презирая английскую и испанскую, как выражение крайнего безвкусия, почитая Данта уродливым поэтом и восхищаясь по-своему Петраркою и Тассом. Влияние древних литератур на французскую (а следственно и на все другие в Европе того времени) состояло в условных понятиях о внешней форме поэтических произведений и уподоблениях кстати и некстати из языческой мифологии. У древних стихи не читались, а говорились речитативом с аккомпаньементом музыкального инструмента — лиры; оттого у древних «петь» — значило в переносном значении «сочинять стихи». В новом мире стихи не пелись, а читались, и лиры совсем не существовало; но приличие требовало, чтоб в стихах не обходилось без «пою» и «лиры». Мифология была выражением жизни древних, и их боги были не аллегориями, не символами, не риторическими фигурами, а живыми понятиями в живых образах. В новом мире царила религия Христа, и, стало быть, богов не было; но, несмотря на то, нельзя было написать никакого стихотворения, где бы не стреляли из лука амуры и купидоны, не выли бо-реи, Нептун не воздымал моря, зефиры не дышали прохладой и т. д. А почему? — потому что так было у греков и римлян! По воззрению греков, трагедия могла быть только апофеозом государственной жизни, и оттого у них действовали в ней только представители стихий государственности: цари, герои, военачальники, правители, жрецы (а по связи их жизни с религиею и боги); народ же мог присутствовать на сцене только в виде хора, выражавшего лирическими излияниями свое участие не в происходящем перед его глазами событии, но свое участие к происходившему перед его глазами событию. Единство основной идеи считалось у греков столько необходимым условием для трагедии, как и для всякого другого произведения поэзии; единство же места и времени отнюдь не считалось необходимостью, но часто соблюдалось как по простоте и немногосложности действия, так и по обширности сцены. Драматурги новейшего мира поняли это по-своему. Набожно хранили они в трагедии правило триединства; допускали в нее только царей и героев с их наперсниками, а из простого народа позволяли появляться на сцене одним «вестникам». Вот что значит принять факт за идею! Создания греческой поэзии, вышедшие из жизни греков и выразившие ее собою, показались для новых поэтов нормою и первообразом для поэзии народов другой религии, другого образования, другого времени! Это особенно видно из понятия псевдоклассиков об эпосе: греческий эпос «Илиаду» и рабский сколок с нее — «Энеиду» приняли они за эпос всеобщий и думали, что до скончания мира все эпические поэмы должны писаться по их образцу, без малейшего отступления, даже начинаться не иначе, как «муза, воспой» или «пою». Поэтому истинная «Илиада» средних веков — «Божественная комедия» Данта, выразившая собою всю глубину духовной жизни своего времени, в свойственных этой жизни и этому времени формах, казалась им не эпическою поэмою, а уродливым произведением. Да и как могло

быть иначе: она начиналась не с глагола «пою» и называлась — о, ужас! — *комедией!!!*. Эпическая поэзия, по понятию псевдоклассиков, должна была «воспевать» какое-нибудь великое событие в жизни человечества или в жизни народа, — и в какую бы эпоху, у какого бы народа ни произошло это событие, оно должно быть наряжено в багряницу или тогу, лишиться местного колорита, приводиться в движение сверхъестественными силами, выражаться напыщенно и бесцветно, — чего необходимо требует всякая подделка под чужую форму и тем более под чужую жизнь. Вот происхождение *риторической* поэзии. Основание ее — отложение от жизни, отпадение от действительности; характер — ложь и общие места. Такая-то поэзия была перенесена на Русь.

Ломоносов был первым основателем русской поэзии и первым поэтом Руси. Для нас теперь непонятна такая поэзия: она не оживляет нашего воображения, не шевелит сердца, а только производит в нас скуку и зевоту. Но если сравнить Ломоносова с Сумароковым и Херасковым — стихотворцами, вышедшими на поприще после него, — то нельзя не признать в Ломоносове значительного дарования, которое пробивается даже в ложных формах риторической поэзии того времени. Только один Державин был несравненно больше поэт, чем Ломоносов; до Державина же Ломоносову не было никаких соперников, и хотя Сумароков и Херасков ценились современниками не ниже его, но им до него —

Как до звезды небесной далеко!

Сравнительно с ними язык его чист и благороден, слог точен и силен, стих исполнен блеска и парения. Если же не всякий мог так писать, как Ломоносов, значит — нужно иметь талант, чтоб писать так, как писал он. Поэзия Корнелия и Расина для нас — ложная, риторическая поэзия, и нам от нее спится так же сладко, как и от поэзии Сумарокова; но чтоб и теперь писать так, как писали в свое время Корнель и Расин, надо иметь большой талант; писать же так, как писал Сумароков, не нужно было никакого таланта и в его время, а нужна была только охота и страсть к писанию. В одах Ломоносова: «К Иову», «Утреннее» и «Вечернее размышление о величестве божием», кроме замечательного искусства версификации, видны еще одушевление и чувство, чего незаметно ни в одном стихотворении Сумарокова или Хераскова. Поэзия Ломоносова — хвалебная и торжественная по преимуществу. Сумароков писал по крайней мере комедии, эклоги, сатиры, кроме трагедий и од; Ломоносов писал только оды и, кроме их, написал две трагедии, да неоконченную поэму «Петриаду». Таков был дух времени; так понимали тогда поэзию в Европе, и расстояние между «Петриадою» Ломоносова и «Генриадою» Вольтера, право, невелико. В «Петриаде» Ломоносов описывает дворец Нептуна на дне Белого моря: наш поэт не подумал о том, что отвел слишком холодную квартиру обитателю Средиземного моря и греческого Архипелага. Петр Великий и — Нептун, морской бог древних греков; какое сближение! Понятно, почему не кончил Ломоносов своей дикой, напыщенной поэмы: у него было от природы столько здравого смысла и ума, что он не мог кончить подобного *tour de force** воображения, поднятого на дыбы. Трагедии Ломоносова похожи на его «Петриаду». Сумароков писал во всех родах, чтоб сравняться с господином Вольтером, и во всех равно был бесталантен. Но о поэзии тогда думали иначе, нежели думают теперь, и, при страсти к писанию и раздражительном самолюбии, трудно было не сделаться великим гением. Современники были без ума от Сумарокова. Вот что говорит о нем один из замечательнейших и умнейших людей екатерининских времен Новиков, в своем «Опыте исторического словаря о российских писателях»: «Различных родов стихотворными и прозаическими сочинениями приобрел он себе великую и бессмертную славу не только от россиян, но и от чужестранных

* Фокуса. — Ред.

академий и славнейших европейских писателей. И хотя первый из россиян он начал писать трагедии по всем правилам театрального искусства, но столько успел во оных, что заслужил название северного Расина. Его эклоги равняются знающими людьми с виргилиевыми и поднесь еще остались неподражаемы; а притчи его почитаются сокровищем российского Парнаса; и в сем роде стихотворения далеко превосходит он Федра и де ла Фонтена, славнейших в сем роде. Впрочем, все его сочинения любителями российского стихотворства весьма много почитаются». Такие похвалы Сумарокову теперь, конечно, очень смешны, но они имеют свой смысл и свое основание, доказывая, как важны, полезны и дороги для успехов литературы те смелые и неутомимые труженики, которые, в простоте сердца, принимают свою страсть к бумагомаранию за великий талант. При всей своей бездарности Сумароков много способствовал к распространению на Руси охоты к чтению и к театру. Современники дорожат такими людьми, добродушно удивляясь им как гениям. Вот что говорит тот же Новиков о Василии Кирилловиче Тредьяковском: «Сей муж был великого разума, многого учения, обширного знания и беспримерного трудолюбия; весьма знающ в латинском, греческом, французском, италиянском и в своем природном языке; также в философии, богословии, красноречии и в других науках. Полезными своими трудами приобрел себе бессмертную славу и первый в России сочинил правила нового российского стихосложения, много сочинил книг, а перевел и того больше, да и столь много, что кажется невозможным, чтоб у одного человека достало к тому столько сил; ибо одну древнюю Ролленеву историю перевел он два раза... При том, не обинуясь, к его чести сказать можно, что он первый открыл в России путь к словесным наукам, а паче к стихотворству: причем был первый профессор, первый стихотворец и первый положивший толико труда и прилежания в переводе на российский язык преподанных книг».

Мы не без намерения делаем эти выписки: свидетельство современников, как всегда пристрастное, не может служить доказательством истины и последним ответом на вопрос; но оно всегда должно приниматься в соображение при суждении о писателях, ибо в нем всегда есть своя часть истины, часто невозможная для потомства. Посему мы не раз еще прибегнем к подобным выпискам в продолжение нашей статьи, чтоб показать ими, как смотрели на того или другого писателя его современники, из чего некоторым образом можно судить о степени его важности и в истории литературы.

Громкою славою пользовались у знатоков и любителей литературы того времени четверо писателей из школы Ломоносова — Поповский, Херасков, Петров и Костров. Поповский обязан своею громкою известностию в то время лестным отзывам Ломоносова о переведенном им стихами «Опыте о человеке» Пóпа. Вот что говорит о Поповском Новиков: «Опыт о человеке славного в ученом свете Попия перевел он с французского языка на российский, с таким искусством, что, по мнению знающих людей, гораздо ближе подошел к подлиннику и не зная английского языка, что доказывает как его ученость, так и проницание в мысли авторские. Содержание сей книги столь важно, что и прозою исправно перевести ее трудно; но он перевел с французского, перевел в стихи, и перевел с совершенным искусством, как философ и стихотворец; напечатана сия книга в Москве 1757 года. Он переложил с латинского языка в российские стихи Горациеву эпистолу о стихотворстве и несколько из его од; также перевел прозою книгу о воспитании детей, состоящую в двух частях, славного Лока: *сей перевод, по мнению знающих людей, едва не превосходит ли и подлинник*. Он сочинил несколько речей, читанных в публичных собраниях и также писал торжественные оды. Вообще стихотворство его чисто и плавно, а изображения просты, ясны, приятны и превосходны». Поповский умер тридцати лет и сжег свой перевод Тита Ливия (которого перевел больше половины) и перевод многих од Анакреона, будучи

недоволен своими переводами и боясь, чтоб после его смерти они не были напечатаны. Стихи Поповского, по своему времени, действительно хороши, а недовольство его несовершенством трудов своих еще более обнаруживает в нем человека с дарованием. Замечательно, что многие места переведенного им «Опыта» были не пропущены тогдашнею цензурою.

Херасков написал целые двенадцать томов. Он был и эпик, и лирик, и трагик, писал даже «слезные драмы» и комедии, и во всем этом обнаружил большую страсть к литературе, большое добродушие, большое трудолюбие и — большую бесталантность. Но современники думали о нем иначе и смотрели на него с каким-то робким благоговением, какого не возбуждали в них ни Ломоносов, ни Державин. Причиной этого было то, что Херасков подарил России двумя эпическими или героическими поэмами — «Россиадою» и «Владимиром». Эпическая поэма считалась тогда высшим родом поэзии, и не иметь хоть одной поэмы народу — значило тогда не иметь поэзии. Какова же должна быть гордость отцов наших, которые знали, что у итальянцев была одна только поэма — «Освобожденный Иерусалим», у англичан тоже одна — «Потерянный рай», у французов одна, и то недавно написанная — «Генриада», у немцев одна, почти в одно время с поэмами Хераскова написанная — «Мессиада», даже у самих римлян только одна поэма, а у нас, русских, так же как и греков, целые две! Каковы эти поэмы — об этом не рассуждали, тем более что никому в голову не приходила мысль о возможности усомниться в их высоком достоинстве. Сам Державин смотрел на Хераскова с благоговением и раз, без умысла, написал на него злую эпиграмму, думая написать мадригал, в стихотворении «Ключ», который оканчивается следующими стихами:

*Творца бессмертной Россиады,
Священный Гребеневский ключ,
Поил водой ты стихотворства.*

Дмитриев так выразил свое удивление к Хераскову в этой надписи к его портрету:

*Пуškai от зависти сердца зоилов ноут;
Хераскову они вреда не принесут:
Владимир, Иоанн щитом его покроют
И в храм бессмертья проведут.*

Мы увидим ниже, как долго еще продолжалось мистическое уважение к творцу «Россиады» и «Владимира», несмотря на сильные восстания против его авторитета некоторых дерзких умов: оно совершенно окончилось только при появлении Пушкина. Причина этого мистического уважения к Хераскову заключается в риторическом направлении, глубоко охватившем нашу литературу. Кроме этих двух стихотворных поэм, Херасков написал еще три поэмы в прозе: «Кадм и Гармония», «Полидор, сын Кадма и Гармонии» и «Нума Помпилий, или Процветающий Рим». «Похождения Телемака» Фенелона, «Гонзальв Кордуанский» и «Нума Помпилий» Флориана были образцами прозаических поэм Хераскова. Замечательно предисловие автора к первой из них: «Мне советовали переложить сие сочинение стихами, дабы вид эпической поэмы оно прияло. Надеюсь, могут читатели поверить мне, что я в состоянии был издать сие сочинение стихами, но я не поэму писал, а хотел сочинить простую токмо повесть, которая для стихословия не есть удобна. Кому известны пиитические правила, тот при чтении сей книги почувствует, для чего не стихами она писана». Далее Херасков восстает против мнения Тредьяковского, утверждавшего, что поэмы должны писаться без рифм и что «Телемак» именно потому не ниже «Илиады», «Одиссеи» и «Энеиды» и выше всех других поэм, что писан без рифм. Детское простодушие этих мнений и споров лучше всего показывает, как далеки были словесники того

времени от истинного понятия о поэзии и до какой степени видели они в ней одну риторiku. В «Полидоре» особенно замечательно внезапное обращение Хераскова к русским писателям. Имена их означены только заглавными буквами — характеристическая черта того времени, чрезвычайно скрупулезного в деле печати. Но мы выпишем их имена вполне, кроме тех, которые трудно угадать: «Такова есть сила песнословия, что боги сами восхищаются привлекательным муз пением, муз небесных, пиршества их на холмистом Олимпе сопровождающих; — и кто не восхитится стройностью лир приятных? чье сердце не тронется сладостным гласом музами вдохновенных пиитов? сердце суровое и нечувствительное, единый наружный токмо слух имеющее, или приятности стихотворства ощущать не сотворенное. Может ли чувствительная душа, может ли в восторг не прийти, внимая громкому и важному *пению* наперсника муз, парящего Ломоносова? Может ли кто не плениться нежными и приятными творениями С? Я *пою* в моем отечестве и пиитов российских исчисляю; мне они путь к горе парнасской проложили; светом их озаряемый, *воспел* я российских древних царей и героев; *воспел* Кадма не стопосложным, но простым слогом; ныне повествую Полидора, не внимая суждению нелюбителей российского слова, ни укоризнам завистливых человек, в уничижении других славу свою поставляющих. Но пусть они гиппокренского источника прежде меня достигнут, тогда, уступив им лавры, спокойно за ними последую; слабые и недостойные творения забвенны будут. А вы, мои предшественники, вы, мои достославные современники, в памяти наших потомков впечатленны и славимы вечно будете; — и ты, бард времен наших, превосходный певец и тщательный списатель красок природы! И ты, Державин, во веки не умрешь по твоему вдохновенному свыше изречению. Но не давай прохлаждаться священному пламени, в духа твоем, музами воспаленном: музы не любят, кто, ими призываем будучи, редко с ними беседует. Тебе, любимец муз, Русский Путешественник Карамзин; тебе, чувствительный Нелединский; тебе, приятный певец Дмитриев; тебе, Богданович, творец «Душеньки»; и тебе, Петров, писатель од громогласных, важностию преисполненных, то же я вещаю. А вы, юные муз питомцы, вы, российского песнопения любители! шествуйте ко храму их медленно, осторожно и рачительно; он воздвигнут на горе высокой; стези к нему пробирают сквозь скалы крутые, извитые, перепутанные. Достигнув парнасския вершины, излиянный пот ваш, рачение, тщательность ваша, осеняющими гору древесами прохлаждены будут; чело ваше приосенится венцем неувядаемым. Но помните, что ядовитость, самолюбие и тщеславие музам не приличны суть; они девы, и любят непорочность нравов, любят нежное сердце, сердце чувствующее, душу мыслящую. Неимеющие правил добродетели главным своим видом, вольнодумцы, горделивые стопослагатели, блага общего нарушители, друзьями их наречься не могут. Буди целомудр и кроток, кто бессмертные песни составлять хочет! Таковы строги суть уставы горы парнасской, на коей восседают бессмертные пииты, витии и прочие други Фивозы» (Тв. <орения> Хераск. <ова> т. XI, стр. 1—3).

Бедный Херасков! думал ли он, пиша эти строки, что, всю жизнь свою строго исполняя нравственные правила своей эстетики, он тем не менее сам будет забыт неблагодарным потомством?

Странно, однако, что отзыв Новикова о Хераскове сделан в довольно умеренных выражениях: «Вообще сочинения его весьма много похваляются; а особливо, трагедия «Борислав», оды, песни, обе поэмы, все его сатирические сочинения и «Нума Помпилий», приносят ему великую честь и похвалу. Стихотворство его чисто и при-

* Должно быть, дело идет о *Евстафии Станевиче*, весьма плохом пиите того времени.

** Здесь, вероятно, идет дело о Боброве, авторе описательной поэмы: «Херсониада, или летний день на полуострове Херсониаде» и разных лирических стиотворений. Бобров замечателен тем, что был знаком с английскою литературою и подражал ее писателям поповской школы.

ятно, слог текущ и тверд, изображении сильны и свободны; его оды наполнены стихотворческого огня, сатирические сочинения остроты и приятных замыслов, а «Нума Помпилий» философических рассуждений; и он по справедливости почитается в числе лучших наших стихотворцев и заслуживает великую похвалу».

Петров считался громким лириком и остроумным сатириком. Трудно вообразить себе что-нибудь жестче, грубее и напыщеннее дебой лиры этого семинарского певца. В оде его «На победу российского флота над турецким» много той напыщенной высокопарности, которая почиталась в то время лирическим восторгом и пиитическим парением. И потому эта ода особенно восхищала современников. И действительно, она лучше всего прочего, написанного Петровым, потому что все прочее из рук вон плохо. Грубость вкуса и площадность выражений составляют характер даже нежных его стихотворений, в которых он воспевал живую жену и умершего сына своего. Но такова сила предания: Каченовский еще в 1813 году, когда Петрова давно уже не было на свете, восхвалял его в своем «Вестнике Европы»! Странно, что в «Опыте исторического Словаря о российских писателях» Новиков холодно и даже насмешливо, а потому и весьма справедливо, отозвался о Петрове: «Вообще о сочинениях его сказать можно, что он *напрягается* итти по следам российского лирика; и хотя некоторые и называют уже его вторым Ломоносовым, но для сего сравнения надлежит ожидать важного какого-нибудь сочинения и после того заключительно сказать, будет ли он второй Ломоносов или останется только Петровым и будет иметь честь слыть подражателем Ломоносова». Этот отзыв взбесил Петрова, и он ответил сатирою на «Словарь», которая может служить образцом его сатирического остроумия:

*...Я шлюсь на Словаря,
В нем имя ты мое найдешь без фонаря;
Смотри-тко, тамо я как солнышко блистаю,
На самой маковке Парнасса превитаю!
То правда, косна желвь там сделана орлом,
Кукушка лебедем, ворона соколом;
Там монастырские запечны лежебоки
Пожалованы все в искусники глубоки;
Коль верить Словарю, то сколько есть дворов,
Столь много на Руси великих авторов;
Там подлой на ряду с писцом стоит алырицк,
.....
.....
С баклагой сбитеницк и водолив с бадьей;
А все то авторы, все мужи имениты,
Да были до сих пор оплошностью забыты:
Теперь свет умному обязан молодцу,
Что полну их имен составил памяту;
В дни древни, в старину жил, был де царь Ватуто,
Он был, да жил да был, и сказка-то вся тутто.
Такой-то в эдаком писатель жил году,
Ни строчки на своем не издал он роду;
При всем том слог имел, поверьте, молодецкой;
Знал греческий язык, китайской и турецкой.
Тот умных столько-то наткал проповедей:
Да их в печати нет. О! был он грамотей;
В сем годе цвел Фома, а в эдаком Ерема;*

*Какая же по нем осталась поэма?
Слог пылок у сего и разум так летуч,
Как молния в эфир сверкающая из туч.
Сей первый издал в свет шутиливую пиесу,
По точным правилам и хохота по весу.
Сей надпись начертал, а этот патерик;
В том разума был пуд, а в этом четверик.
Тот истину хранил, чтил сердцем добродетель,
Друзьям был верный друг и бедным благодетель;
В великом теле дух великой же имел,
И видя смерть в глазах, был мужествен и смел.
Словарник знает все, в ком ум глубокий, в ком мелок,
Кто с ним ватажился, был друг ему и брат,
Во святцах тот его не меньше как Сократ.
О други, что своим дивитесь работам,
Сию вы памятку читайте по субботам!
Когда ж возлюбленный всероссийский наш Словарь
Плох разумом судья, плох наших хвал звонарь:
Кто ж будет ценовик сложений стихотворных,
Кто силен отличить хорошие от вздорных?*

Костров прославил себя переводом шести песен «Илиады» шестистопным ямбом. Перевод жесток и дебел, Гомера в нем нет и признаков; но он так хорошо соответствовал тогдашним понятиям о поэзии и Гомере, что современники не могли не признать в Кострове огромного таланта.

Из старой, додержавинской школы пользовался большою известностью подражатель Сумарокова — Майков. Он написал две трагедии, сочинял оды, послания, басни, в особенности прославился двумя так называемыми «комическими» поэмами: «Елисей, или раздраженный Вакх» и «Игрок Ломбера». Г. Греч, составитель послужных и литературных списков русских литераторов, находит в поэмах Майкова «необыкновенный пиитический дар», но мы, кроме площадных красот и веселости дурного тона, ничего в них не могли найти.

С Державина начинается новый период русской поэзии, и как Ломоносов был первым ее именем, так Державин был вторым. В лице Державина поэзия русская сделала великий шаг вперед. Мы сказали, что в некоторых стихотворных пьесах Ломоносова, кроме замечательного по тому времени совершенства версификации, есть еще и одушевление и чувство; но здесь должны прибавить, что характер этого одушевления и этого чувства обнаруживает в Ломоносове скорее оратора, чем поэта, и что элементов художественных решительно незаметно ни в одном его стихотворении. Державин, напротив, чисто художническая натура, поэт по призванию; произведения его преисполнены элементов поэзии как искусства, и если, несмотря на то, общий и преобладающий характер его поэзии — риторический, в этом виноват не он, а его время. В Ломоносове боролись два призвания — поэта и ученого, и последнее было сильнее первого; Державин был только поэт, и больше ничего. В стихотворениях его уже нечего удивляться одушевлению и чувству — это не первое и не лучшее их достоинство: они запечатлены уже высшим признаком искусства — проблесками художественности. Муза Державина сочувствовала музе эллинской, царице всех муз, и в его анакреонтических одах промелькивают пластические и грациозные образы древней антологической поэзии; а Державин между тем не только не знал древних языков, но и вообще лишен был всякого образования. Потом в его стихотворениях нередко встречаются образы и картины чисто русской природы, выраженные со всею оригинальностью русского ума и речи. И если все это только промелькивает и про-

блескивает, как элементы и частности, а не является целым и окончанным, как создания выдержанные и полные, так что Державина должно читать всего, чтобы из рассеянных мест в четырех томах его сочинений составить понятие о характере его поэзии, а ни на одно стихотворение нельзя указать, как на художественное произведение,— причина этому, повторяем, не в недостатке или слабости таланта этого богатыря нашей поэзии, а в историческом положении и литературы и общества того времени. Посеянное Екатериною II возросло уже после нее, а при ней вся жизнь русского общества была сосредоточена в высшем сословии, тогда как все прочие были погружены во мрак невежества и необразованности. Следовательно, общественная жизнь (как совокупность известных правил и убеждений, составляющих душу всякого общества человеческого) не могла дать творчеству Державина обильных материалов. Хотя он и воспользовался всем, что только могло оно ему дать, однако этого было достаточно только для того, чтоб поэзия его, по объему ее содержания, была глубже и разнообразнее поэзии Ломоносова (поэта времен Елизаветы), но не для того, чтоб он мог сделаться поэтом не одного своего времени. Сверх того, так как всякое развитие совершается постепенно и последующее всегда испытывает на себе неизбежное влияние предшествовавшего, то Державин не мог, вопреки своей поэтической натуре, смотреть на поэзию иначе, как с точки зрения Ломоносова, и не мог не видеть выше себя не только этого учителя русской литературы и поэзии, но даже Хераскова и Петрова. Одним словом, поэзия Державина была первым шагом к переходу вообще русской поэзии от риторики к жизни, но не больше.

Мы здесь только повторяем, для связи настоящей статьи, *resume** нашего воззрения на Державина; кто хочет доказательств, тех отсылаем к нашей статье о Державине во второй и третьей книжках «Отечественных записок» нынешнего года.

Важное место должен занимать в истории русской литературы еще другой писатель екатерининского века: мы говорим о Фонвизине. Но здесь мы должны на минуту

* Итог, резюме.— Ред.

воротиться к началу русской литературы. Кроме того обстоятельства, что русская литература была в своем начале нововведением и пересадкою, начало ее было ознаменовано еще другим обстоятельством, которое тем важнее, что оно вышло из исторического положения русского общества и имело сильное и благотворное влияние на все дальнейшее развитие нашей литературы до сего времени и доселе составляет одну из самых характеристических и оригинальных черт ее. Мы разумеем здесь ее сатирическое направление. Первый по времени поэт русский, писавший варварским языком и силлабическим стихосложением, Кантемир, был сатирик. Если взять в соображение хаотическое состояние, в котором находилось тогда русское общество, эту борьбу умирающей старины с возникающим новым, то нельзя не признать в поэзии Кантемира явления жизненного и органического, и ничего нет естественнее, как явление сатирика в таком обществе. С легкой руки Кантемира, сатира внедрилась, так сказать, в нравы русской литературы и имела благотворное влияние на нравы русского общества. Сумароков вел ожесточенную войну против «кропивного зелья» лихоимцев; Фонвизин казнил в своих комедиях дикое невежество старого поколения и грубый лоск поверхностного и внешнего европейского полуобразования новых поколений. Сын XVIII века, умный и образованный, Фонвизин умел смеяться вместе и весело и ядовито. Его «Послание к Шумилову» переживает все толстые поэмы того времени. Его письма к вельможе из-за границы по своему содержанию несравненно дельнее и важнее «Писем русского путешественника»: читая их, вы чувствуете уже начало французской революции в этой страшной картине французского общества, так мастерски нарисованной нашим путешественником, хотя, рисуя ее, он, как и сами французы, далек был от всякого предчувствия возможности или близости страшного переворота. Его исповедь и юмористические статьи, его вопросы Екатерине II — все это исполнено для нас величайшего интереса, как живая летопись прошедшего. Язык его, хотя еще не карамзинский, однако уже близок к карамзинскому. Но, по предмету нашей статьи, для нас всего важнее две комедии Фонвизина — «Недоросль» и «Бригадир». Обе они не могут назваться комедиями в художественном смысле этого слова: это скорее плод усилия сатиры стать комедиею, но этим-то и важны они: мы видим в них живой момент развития раз занесенной на Русь идеи поэзии, видим ее постепенное стремление к выражению жизни, действительности. В этом отношении самые недостатки комедий Фонвизина дороги для нас, как факты тогдашней общественности. В их резонерах и добродетельных людях слышится для нас голос умных и благонамеренных людей того времени, — их понятия и образ мыслей, созданные и направленные с высоты престола.

Хемницер, Богданович и Капнист тоже принадлежат уже к второму периоду русской литературы: их язык чище, и книжный риторический педантизм замечен у них менее, чем у писателей ломоносовской школы. Хемницер важнее остальных двух в истории русской литературы: он был первым баснописцем русским (ибо притчи Сумарокова едва ли заслуживают упоминания), и между его баснями есть несколько истинно прекрасных и по языку, и по стиху, и по наивному остроумию. Богданович произвел фурор своею «Душенькою» — современники были от нее без ума. Для этого достаточно привести как свидетельство восторга современников три следующие надгробия Дмитриева творцу «Душеньки»:

I

*Привесьте к урне сей, о грации! венец:
Здесь Богданович спит, любимый ваш певец.*

II

*В спокойствии, в мечтах его текли все лета,
Но он внимал был владычицей полсвета,*

*И в памяти его Россия сохранит.
Сын Феба! возгордись: здесь муз любимец спит.*

III

*На руку преклонясь вечернею порою,
Амур невидимо здесь часто слезы льет
И мыслит, отягчен тоскою:
Кто Душеньку теперь так мило воспоет?*

К второму изданию сочинений Богдановича, вышедшему уже в 1818 году, приложено множество эпитафий и элегий, написанных во время оно по случаю смерти певца «Душеньки» (а он умер в 1802 году). Между ними особенно замечательны три: первая принадлежит издателю Платону Бекетову, человеку умному и небезызвестному в литературе; вот она:

*Зефир ему перо из крыл своих давал;
Амур водил рукой: он Душеньку писал.*

Вторая написана близким родственником автора «Душеньки» — Иваном Богдановичем:

*Не нужно надписями могилу ту пестрить,
Где Душенька одна все может заменить.*

Третья принадлежит анониму и написана по-французски:

*Quoique bien tu sois l'auteur
De ce poeme enchanteur,
Tu seras un temeraire,
Si tu mets au bas ton nom,
Bogdanovitz! pour bien faire
Il faut signer Apollon.**

Кстати: в предисловии ко второму изданию сочинений Богдановича издатель говорит, что первого издания (1809—1810) не успело разойтись и 200 экземпляров, как в Москву вступил неприятель; сочинения Богдановича, разумеется, подверглись общей участи всех книг в это смутное время, и потому впоследствии уцелевшие экземпляры первого издания сочинений Богдановича, вместо двенадцати рублей, продавались в книжных лавках по шестидесяти рублей!..

Восторженное удивление к Богдановичу продолжалось долго. Сам Пушкин с любовью и увлечением не раз делал к нему обращения в стихах своих. А между тем для нас теперь поэма эта лишена всякого признака поэтической прелести. Стихи ее, необыкновенно гладкие и легкие для своего времени, теперь и тяжелы, и неблагозвучны; наивность рассказа и нежность чувств приторны, а содержание ребячески ничтожно. И ни в содержании, ни в форме «Душеньки» Богдановича нет и тени поэтического мифа и пластической красоты эллинской. Что ж было причиною восторга современников? — не что другое, как необычайная для того времени легкость стиха, состоявшего из неоднобразного количества стоп, отсутствие тяжелого и напыщенно-восторженного тона, начинавшего надоедать, и при этом: соблазнительная вольность содержания картин, законно допущенная шутливым родом стихотворения и льстившая фантазии и чувству читателей.

* Творец пленительной поэмы,
Она твоя — то знаем все мы,
Но жаль, ты скромности лишен.
Зачем ты в авторстве сознался?
Уместней подпись «Аполлон»,
Где Богданович подписался. — Ред.

Капнист писал оды, между которыми иные отличались элегическим тоном. Стих его отличался необыкновенною легкостью и гладкостью для своего времени. В элегических одах его слышится душа и сердце. Но этим и оканчиваются все достоинства его поэзии. Он часто злоупотреблял своею грустью и слезами, ибо грустил и плакал в одной и той же оде на нескольких страницах. Капнист знаменит еще как автор комедии «Ябеда». Это произведение незначительно в поэтическом отношении, но принадлежит к исторически важным явлениям русской литературы, как смелое и решительное нападение сатиры на крючковаторство, ябеду, лихоимство, так страшно терзавшие общество прежнего времени.

Теперь мы приблизились к одной из интереснейших эпох русской литературы. Посеянное и насажденное Екатериною II начало возрастать и приносить плоды. По мере того как цивилизация и просвещение стали утверждаться на Руси, начала распространяться и литературная образованность. Вследствие этого появление преобразовательных талантов, имевших влияние на ход и направление литературы, стало чаще и обыкновеннее, чем прежде, а новые элементы стали скорее входить в литературу. В то время как Державин был уже в апогее своей поэтической славы, оставаясь на одном и том же месте, не двигаясь ни взад ни вперед; в то время как были еще живы Херасков, Петров, Костров, Богданович, Княжнин и Фонвизин; в то время, когда еще Крылов был юношею по 21-му году, Жуковскому было только шесть лет от роду, Батюшкову только два года, а Пушкина еще не было на свете, в то время один молодой человек двадцати четырех лет отправился за границу. Это было в 1789 году, а молодой человек этот был — *Карамзин*. По возвращении из-за границы он издавал в 1792 и 1793 годах «Московский журнал», в котором помещали свои сочинения Державин и Херасков. В 1794 году он издал в двух частях альманах «Аглая» и альманах «Мои безделки» (в двух частях); в 1797—1799 годах он напечатал три тома «Аонид», а в 1802 и 1803 году издавал основанный им журнал «Вестник Европы», который в 1808 году издавал *Жуковский*. В 1804 году в первый раз была представлена в Петербурге трагедия *Озерова* — «Эдип в Афинах», а в 1805, 1807 и 1809 годах были в первый раз представлены его трагедии — «Фингал», «Димитрий Донской» и «Поликсена». С 1793 по 1807 год начали появляться комедии и другие драматические опыты *Крылова*, а около 1810 года появились его басни*. С 1805 года начали появляться в журналах стихотворения *Жуковского* и *Батюшкова*.

Карамзин имел огромное влияние на русскую литературу. Он преобразовал русский язык, совлекши его с ходуль латинской конструкции и тяжелой славяницыны и приблизив к живой, естественной, разговорной русской речи. Своим журналом, своими статьями о разных предметах и повестями он распространял в русском обществе познания, образованность, вкус и охоту к чтению. При нем и вследствие его влияния тяжелый педантизм и школярство сменялись сентиментальностью и светскою легкостью, в которых много было странного, но которые были важным шагом вперед для литературы и общества. Повести его ложны в поэтическом отношении, но важны по тому обстоятельству, что наклонили вкус публики к роману, как изображению чувств, страстей и событий частной и внутренней жизни людей. Карамзин писал и стихи. В них нет поэзии, и они были просто мыслями и чувствованиями умного человека, выраженными в стихотворной форме; но они простотою своего содержания, естественностью и правильностью языка, легкостью (по тому времени) версификации, новыми и более свободными формами расположения были тоже шагом вперед для русской поэзии.

Но для нее гораздо более сделал друг и сподвижник Карамзина — *Дмитриев*, который был старше его только пятью годами. Дмитриев не был поэтом в смысле лирика, но его басни и сказки были превосходными и истинно поэтическими произве-

* В каталоге Смирдина не означено первого издания басен Крылова, а второе вышло в 1815—1816 годах.

дениями для того времени. Песни Дмитриева нежны до приторности, — но таков был тогда всеобщий вкус. Оды Дмитриева сильно отзываются риторикою; но, несмотря на то, они были большим успехом! со стороны русской поэзии. Громозвучность и парение, составлявшие тогда необходимое условие оды, в них довольно умеренны, а выражение просто, не говоря уже о правильности языка и тщательной отделке стиха. Формы од Дмитриева оригинальны, как, например, в «Ермаке», где поэт решился вывести двух сибирских шаманов, из которых старый рассказывает молодому, при шуме волн Иртыша, о гибели своей отчизны. Стихи этой пьесы для нашего времени и грубы, и шероховаты, и не поэтичны; но для своего времени они были превосходны, и от них веяло Духом новизны. Что же касается до манеры и тона пьесы, — это было решительное нововведение, и Дмитриев потому только не был прозван *романтиком*, что тогда не существовало еще этого слова. Вообще в стихотворениях Дмитриева, по их форме и направлению, русская поэзия сделала значительный шаг к сближению с простотою и естественностью, словом — с жизнью и действительностью: ибо в нежно вздыхательной сентиментальности все же больше жизни и натуры, чем в книжном педантизме. Речи, которые поэт влагает в уста шаманам, исполнены декламациею и стараются блистать высоким! слогом — это правда; но мысль в жалобах и рассказах шамана на берегу Иртыша выказать подвиг Ермака — это уже не риторическая, а поэтическая мысль. Тут еще нет поэзии, но есть уже стремление к ней и видно желание проложить для поэзии новые пути.

В это время в русской литературе заметно уже пробуждение духа критицизма. Некоторые старые авторитеты начали уже покачиваться. В 1802 году Карамзин написал статью «Пантеон российских авторов». В ней ни слова не сказано о живых писателях — о Державине и Хераскове, ибо это считалось тогда неприличным; также ни слова не сказано о Петрове, хотя уже со дня смерти его прошло более трех лет: можно догадываться, что Карамзин не хотел восстанавливать против себя почитателей этого поэта, к которым принадлежали все грамотные люди, и в то же время не хотел хвалить его против своего убеждения. Эта литературная уклончивость была в характере Карамзина. В «Пантеоне» было в первый еще раз высказано справедливое суждение о Тредьяковском. Вот что говорит о нем Карамзин: «Если бы охота и прилежность могли заменить дарование, кого бы не превзошел Тредиаковский в стихотворстве и красноречии? Но упрямый Аполлон вечно скрывается за облаком для самозванцев-поэтов и сыплет лучи свои единственно на тех, которые родились с его печатью. *Не только дарование, но и самый вкус не приобретается; и самый вкус есть дарование, но и самый вкус не приобретается; и самый вкус есть дарование. Учение образует, но не производит автора.* Тредиаковский учился во Франции у славного Роллена; знал древние и новые языки; читал всех лучших авторов и написал множество томов в доказательство, что он... не имел способности писать». Суждение Карамзина о Сумарокове мягче и уклончивее, нежели о Тредьяковском, но тем не менее оно было страшным приговором колоссальной славе этого пигмея. «Сумароков еще сильнее Ломоносова действовал на публику, избрав для себя сферу обширнейшую. Подобно Вольтеру, он хотел блистать во многих родах — и современники называли его нашим Расином, Мольером, Лафонтеном, Буало. *Потомство не так думает*; но, зная трудность первых опытов и невозможность достигнуть вдруг совершенства, оно с удовольствием находит многие красоты в творениях Сумарокова и *не хочет быть строгим критиком его недостатков.* Уже *фимиами не курится перед кумиром*; но не тронем мраморного подножия; оставим в целости и надпись: *Великий Сумароков!*.. Соорудим новые статуи, если надобно; не будем разрушать тех, которые воздвигнуты благородною ревностью отцов наших!» Замечательно, что Карамзин ставил в недостаток трагедиям Сумарокова то, что «он старался более описывать *чувства*, нежели представлять *характеры* в их эстетической и нравственной истине», и что, «назы-

вая героев своих именами древних князей русских, не думал соотносить свойства, дела и язык их с характером времени». Нельзя не увидеть в таких замечаниях суждения необыкновенно умного человека — и великого шага вперед со стороны литературы и общества. Правда, Карамзин находит многие стихи в трагедиях Сумарокова «нежными и милыми», а иные даже «сильными и разительными»; но не забудем, что всякое сознание развивается постепенно, а не рождается вдруг, что Карамзин и так уже видел неизмеримо дальше литераторов старой школы, и, сверх того, он, может быть, боялся, что ему совсем не поверят, если он скажет истину вполне или не смягчит ее незначительными в сущности уступками.

Остроумная и едкая сатира Дмитриева «Чужой толк» также служит свидетельством возникавшего духа критицизма. Она устремлена против громогласного «одопения», которое начинало уже досаждать слуху. Поэт заставляет, в своей сатире, говорить одного старика с такою «любезною простотою дедовских времен»:

*Что за диковинка? лет двадцать уж прошло,
Как мы, напрягли ум, наморщивши чело,
Со всеусердием все оды пишем, пишем,
А ни себе, ни им похвал нигде не слышим!
Ужели выдал Феб свой именной указ,
Чтоб не дерзал никто надеяться из нас
Быть Флакку, Рамлеру и их собратьи равным,
И столько ж, как они, во песнопеньи славным?
Как думаешь!.. Вчера случилось мне сличать
И их и нашу песнь: в их... нечего читать!
Листочек, много три, а любо как читаешь —
Не знаю, как-то сам как будто бы летаешь!
Судя по краткости, уверен, что они
Писали их резвясь, а не четыре дни;
То как бы нам не быть еще и их счастливей,
Когда мы во сто раз прилежней, терпеливей?
Ведь наш начнет писать, то все забавы прочь!
Над парюю стихов просиживает ночь,
Потеет, думает, чертит и жжет бумагу;
А иногда берет такую он отвагу,
Что целый год сидит над одою одной!
И подлинно, уж весь приложит разум свой!
Уж прямо самая торжественная ода!
Я не могу сказать, какого это рода,
Но очень полная — иная в двести строф!
Судите ж, сколько тут хороших есть стишков!
К тому ж, и в правилах: сперва прочтешь вступление,
Тут предложение, а там и заключение —
Точь-в-точь, как говорят учены по церквам!
Со всем тем нет читать охоты — вижу сам.
Возьму ли, например, я оды на победы,
Как покорили Крым, как в море гибли шведы!
Все тут подробности сраженья нахожу,
Где было, как, когда, — короче я скажу:
В стихах реляция! прекрасно!.. а зеваю!
Я, бросивши ее, другую раскрываю,
На праздник иль на что подобное тому:
Тут найдешь то, чего б нехитрому уму*

*Не выдумать и ввек: зари багряны персты,
И райский крин, и Феб, и небеса отверсты!
Так громко, высоко!.. а нет, не веселит
И сердца, так сказать, ничуть не шевелит.*

Один из собеседников берется объяснить старику причину такого грустного явления. Эта причина, увы! и теперь еще не совсем состарелась, и теперь еще не совсем анахронизм! Слушайте:

*Я сам язык богов, поэзию люблю,
И нашей, как и вы, утешен также мало;
Однакож здесь в Москве толкался я не мало
Меж наших Пиндаров и всех их замечал;
Большая часть из них — лейб-гвардии капрал,
Ассессор, офицер, какой-нибудь подъячий,
Иль из кунсткамеры антик, в пыли ходячий,
Уродов страж — народ все нужный, должностной...*

А вот и объяснение причины деятельности наших поэтов:

*К тому ж, у древних цель была, у нас другая:
Гораций, например, восторгом грудь питая,
Чего желал? О, он — он брал не свысока:
В веках бессмертия, а в Риме лишь венка
Из лавров иль из мирт, чтоб Делия сказала:
«Он славен — чрез него и я бессмертна стала!»
А наших многих цель иль дружество с князьком,
Который отроду не читывал другова,
Кроме придворного подчас месячеслова,
Иль похвала своих приятелей, а им
Печатный каждый лист быть кажется святым.*

Приписывая неуспехи наших поэтов убеждению, что если у кого есть природный дар, тот имеет право ничему не учиться и быть невеждою, злой аристарх презабавно описывает, как писались в старину громкие оды:

*И вот как писывал поэт природный оду:
Лишь пушек гром подаст приятну весть народу,
Что Рымникский Алкид поляков разгромил,
Иль Ферзен их вождя Костюшку полонил, —
Он тотчас за перо, и разом вывел: Ода!
Потом, в один присест: такого дня и года!
«Тут как?.. Пою!.. Иль нет, уж это старина!
Не лучше ль: даждь мне, Феб?.. Иль так: не ты одна
Подпала под пядь, о чалмоносна Порта?
Но что же мне прибрать к ней в рифму, кроме чорта?
Нет, нет! не хорошо; я лучше поброжу
И воздухом себя открытым освежу».
Пошел, и на пути так в мыслях рассуждает:
«Начало никогда певцов не устрашает;
Что хочешь, то мели! Вот штука, как хвалить
Героя-то придет! Не знаю, с кем сравнить?
С Румянцевым его иль с Грейгом иль с Орловым?
Как жаль, что древних я не читывал! а с новым —
Неловко что-то все! — Да просто напишу:
Ликуй, герой! ликуй! герой ты! возглашу.*

*Изрядно! тут же что? Тут надобен восторг!
Скажу: кто завесу мне вечности расторг?
Я вижу молний блеск! Я слышу с горня света
И то, и то... А там? известно: многи лета
Брависсимо! и план, и мысли, все уж есть!
Да здравствует поэт! Осталось присесть!
Да только написать, да и печатать смело!»
Бежит на свой чердак, чертит, и в шляпе дело!
И оду уж его тисненью предают,
И в оде уж его нам ваксу продают.
Вот как пиндарил он, и все ему подобны,
Едва ли вывески надписывать способны!*

Право, не дурно было бы, если б какой-нибудь даровитый поэт нашего времени написал современный «Чужой толк» и объяснил, как пишутся теперь романы, повести и «патриотические драмы»...

Дмитриев заставляет в своей сатире говорить плохого стихотворца:

Пою!.. иль нет, уж это старина!

А между тем это «пою» вместе с «лирою» так часто попадаетея и в стихах самого Дмитриева, и в стихах Карамзина. Это перешло от писателей предшествовавших двух школ — ломоносовской и державинской, которые под «литературою» разумели и «песнопение»: кто бы что бы ни писал — в стихах или в прозе,— он пел, а не писал. Державин в стихотворении своем «Прогулка в Царском Селе» делает такое обращение к Карамзину:

*И ты, сидя при розе,
Так, дней весенних сын,
Пой, Карамзин! — и в прозе
Глас слышен соловьи.*

В стихотворениях Дмитриева и Карамзина русская поэзия сделала значительный шаг вперед и со стороны направления, и со стороны формы; но из-под риторического влияния далеко еще не освободилась. Фебы, лиры, гласы, усечения, пиитические вольности и более или менее прозаическая фактура только ослабились в ней, но не исчезли; они удержались в ней по преданию, которое дошло даже и до Пушкина, как увидим это после. Но важно то, что если поэзия и удержала риторический характер, зато как она, так и вообще беллетристика русская приобрели новый характер вследствие направления, данного им Карамзиным и Дмитриевым: мы говорим о *сентиментальности*. Не Карамзин с Дмитриевым изобрели ее; они только привили ее к русской литературе. Она преобладала в литературе и в нравах всей Европы XVII и XVIII века. На счет сентиментальности много можно сказать смешного и забавного; но мы хотим судить о ней, а не потешаться ею. Она — важное явление в отношении к историческому развитию человечества, которого процесс всегда совершается переходами из крайности в крайность. Феодальная дикость и грубость нравов Европы средних веков совершенно исчезли только при Людовике XIV — представителе нового, противоположного эпохе рыцарства времени; но, исчезнув, эта феодальная дикость, естественно, уступила место изнеженности чувств. Мужчины и женщины исчезли: их заменили пастушкí и пасту́шки, поэты вздыхали, охали и ахали, красавицы стонали, как горлинки, madame Дезульер воспевала барашков и голубков, наивно завидуя их праву любиться открыто, не стыдясь добрых людей. Это вздыхательное и чувствительное направление существовало в Европе до тех самых пор, как страшные бури и грозные волнения политические, разразившиеся над нею в конце прошлого

века, не изменили ее характера и нравов. Россия не знала возродившейся Европы до славной для себя эпохи 1814 года, и результаты этого нового знакомства обнаружались в ее литературе только со времени появления Пушкина и начала войны романтизма с классицизмом. До того же времени наши поэты и литераторы продолжали поклоняться старым авторитетам: Мерзляков критиковал с голоса Лагарпа и переводил идиллии madame Дезульер; Озеров подражал Расину; в Крылове видели подражателя Лафонтена; Батюшков низкопоклонничал перед каким-нибудь Парни, которого далеко превосходил талантом; Жуковский вполнину шел особым путем, вполнину покорялся влиянию карамзинской школы. Итак, русская литература познакомилась и сошлась с европейскою сентиментальностью почти в ту самую минуту, как Европа навсегда рассталась с своею сентиментальностью. Эта встреча была необходима и полезна для русской литературы и нравов ее общества. В Европе сентиментальность сменила феодальную грубость нравов; у нас она должна была сменить остатки грубых нравов допетровской эпохи. Это понятно там, где не только просвещение и литература, но и общительность и любовь были нововведением. Сентиментальность, как раздражительность грубых нервов, расслабленных и утонченных образованием, выразила собою момент *ощущения* (sensation) в русской литературе, которая до того времени носила на себе характер книжности. Смешны теперь нам эти романтические имена: *Нина, Каллиста, Леония, Эмилия, Лилетта, Леон, Милон, Модест, Эраст*; но в свое время они имели глубокий смысл: в них выразилась человеческая склонность к романтической мечтательности, к жизни сердцем. В лице Карамзина русское общество обрадовалось, в первый раз узнав, что у него, этого общества, есть душа и сердце, способные к нежным движениям. Это называлось тогда «наслаждаться чувствительностью»*. Кто мог плакать в умилении от песни Дмитриева «Стонет сизый голубочек», тот, конечно, понимал поэзию лучше того кто видел ее только в торжественных одах на разные иллюминации. Поэзия предшествовавшей школы пугала женщин, а стихи Дмитриева, Карамзина и Нелединского-Мелецкого женщины знали наизусть и ими воспитывались целые поколения. Карамзина читали все грамотные люди, претендовавшие на образованность; многих из них только Карамзин и мог заставить приняться за чтение книг и полюбить это занятие, как приятное и полезное.

В один год с Карамзиным (1765) родился *Макаров*, человек, которому суждено было играть в русской литературе роль созвездия Карамзина, хотя они и не были знакомы друг с другом. В 1803 году Макаров издавал журнал «Московский Меркурий», статьи которого отличались таким же направлением и таким же языком, как и статьи Карамзина. Макаров был одарен вкусом, талантами, путешествовал по Европе и вообще принадлежал к умнейшим и образованнейшим людям своего времени. Сравните его разбор сочинений Дмитриева и разбор Карамзина «Душеньки» Богдановича: оба эти разбора писаны как будто одним и тем же человеком. Макаров защищал Карамзина против известного в то время фанатического пуризма русского языка. Выступил Макаров на поприще литературы в 1795 году, с прекрасным переводом, впрочем, посредственного романа «Граф де Сент-Меран, или Новые заблуждения ума и сердца». Он же перевел две первые части «Антеноровых путешествий по Греции и Азии» Лантье, изданные им в 1802 году. К сожалению, этот примечательный человек не долго жил: он умер в 1804 году.

Капнист, по влиянию на него Карамзина, должен быть причтен к числу писателей карамзинской школы, в которой замечательны также: *Подшивалов* и *Бенитский*, хорошие прозаики; *Нелединский-Мелецкий*, прославившийся нежными песнями, в которых много непритворной чувствительности; *Долгорукий*, издававший свои стихотворения под сентиментальным титулом «Бытие моего сердца», поэт чувствительный и сатирический, нередко отличавшийся неподдельным русским юмором; *Мило-*

* Соч. Карамзина, 4-е изд., т. 9, стр. 140—241.

нов, замечательный сатирик; *Воейков*, стихотворец, переводчик эклог Виргилия, описательных поэм Делиля, обессмертивший себя одним известным в рукописи стихотворением, потом журналист, прославившийся полемикою; *Кокошкин* и *Хмельницкий*, переводчики и подражатели Мольера; *Василий Пушкин*, стихотворец, и *Владимир Измайлов*, прозаик.

Озеров и *Крылов* являются, особенно последний, самостоятельными деятелями в карамзинском периоде нашей литературы, хотя и принадлежат к школе преобразователя русского языка. После Сумарокова на поприще драматической литературы со славою подвизался *Княжнин*. У него не было самостоятельного таланта, но как он был человек умный, образованный, знавший иностранные языки и хорошо владевший русским, — то и пользовался с успехом богатою трапезою французского театра, лепя свои трагедии и комедии из отрывков французских драматургов, которые переводил почти слово в слово. Сочинения этого трудолюбивого писателя представляют собою значительный успех русской драматической поэзии со стороны вкуса и языка: он далеко оставил за собою предшественника своего, Сумарокова. Но еще дальше его самого оставил за собою *Озеров*. Это был талант положительный, и появление его было эпохою в русской литературе, которая имела в нем своего Расина. Неспособный рисовать страсти и характеры, он увлекал живым изображением чувств. Трагедия его — сколок с французской, и потому не удивительно, что теперь он забыт театром совершенно и его не играют и не читают; но в истории русской литературы он никогда не будет забыт. Язык русский в трагедиях Озерова сделал большой шаг вперед. В одно время с Озеровым явился *Крюковский*, которого трагедия «Пожарский» имела необыкновенный успех, но не по литературному достоинству, а по похвальным чувствам патриотизма, которые не могли не пробудить сочувствия в эпоху борьбы России с Наполеоном.

Крылов писал комедии весьма замечательные по остроумию, но слава его как баснописца не могла не затмить его славы как комика. Крылов далеко оставил за собою и Хемницера, и Дмитриева и достиг в басне возможного совершенства. Басни Крылова — сокровищница русского практического смысла, русского остроумия и юмора, русского разговорного языка; они отличаются и простодушием, и народностью. Крылов вполне народный писатель и теперь уже воспитатель не менее тридцати поколений. Басня, как род поэзии, довольно ложный род: ее явление возможно только у народа, находящегося еще в младенчестве, и потому ее родина — Восток. У греков она вовремя явилась с Эзопом. Французы, хотевшие в литературе во всем подражать древним, решили, что у них должна быть басня, потому что она была у греков; а мы, русские, во всем подражавшие французам, решили, что и у нас должна быть басня, потому что у французов есть басня. Впрочем, у нас басня явилась с Хемницером более кстати и более во-время, чем у французов явилась она с Лафонтеном. Этот ложный род удивительно привился к французской литературе и получил там особенную народную форму; басне посчастливилось и у нас: во Франции она имела Лафонтена, у нас Крылова, а за это ей можно простить ее ложность, как рода поэзии. Знатки говорят, что архитектура во вкусе рококо — ложная архитектура; положим так; но Растрелли тем не менее великий художник. Чем бы ни была басня, но Лафонтен и Крылов по справедливости составляют славу и гордость своих отечественных литератур. Мы выше сказали, что с 1805 года начали появляться в журналах стихотворения Жуковского и Батюшкова. Каждый из этих поэтов составлял собою особую школу в русской литературе и вносил в нее новые элементы жизни; но влияние обоих мало было чувствуемо в продолжение карамзинского периода; настоящая пора их деятельности началась после знаменитого 1814 года: тогда и влияние их стало ощутительнее. В следующей статье мы поговорим о них подробнее.

РОМАН. ПОВЕСТЬ

Рудольф Артамонов
(г. Москва)

ПОВЕСТЬ О РУССКОЙ СОЛЬВЕЙГ*

Прежде, чем везти сына в Москву, Фима приехала одна. Дом на Донской, где они жили с Грегором, был разрушен. Завалы еще не разобрали. Можно было видеть обломки стен с накатанным трафаретным рисунком на них и по этому рисунку узнать, какой комнате эти стены принадлежали. В общежитии жили дружно, ходили друг к другу. Кто как живет, что ест и на чем спит, знали. Цельной мебели не было. Видно, уже растащили. Обломков же стульев, столов, топчанов и прочей немудреной «обстановки» рабочего общежития было сколько угодно. Подул сквозящий весенний ветерок и зашевелил мусор на завале. Открылась картинка. В узкой деревянной рамке пейзаж — золотистые деревья, зеленая трава и холодное синее небо. Фима нагнулась и подняла картинку. На обратной картонной стороне было написано — «Репродукция с картины Левитана «Золотая осень»». Фима взяла картинку — на память, и ушла от того места, где стоял ее дом, в котором она жила с Грегором, иностранцем, полюбившем ее и заставившем полюбить его. Фима не заплакала у развалин своего дома. Слезы она выплакала давно.

Она поехала в поселок Текстильщики, где жила Лиза, перед самой войной выскочившая замуж за военного летчика. Она жила с Анатолием, мужем, в доме от завода КИМ, где работала после окончания ФЗУ.

В городе ходили трамваи, автобусы, работало метро. На улицах былолюдно. Оботшумевшей войне говорили еще не везде убранные развалины домов, заклеенные полосками бумаги окна, очереди в продуктовые магазины.

Лизаветин дом оказался целым. Бомбили больше центр города, а Текстильщики — окраина Москвы. Наверное, поэтому дом уцелел.

Дом казался нежилым. Двери не заперты. Она нашла квартиру, в которой была комната Лизы. Вошла. Комната была пуста. Ничего из того, что было в ней, не осталось. Дешевая, но большая, картина, изображавшая вазу с цветами, которую они с Пелагией подарили Лизе на свадьбу, исчезла тоже. Остался гвоздь в стене. На него Фима повесила «Золотую осень» Левитана. Не на что было даже присесть. Она постояла в пустой комнате, вздохнула и вышла на улицу.

— Никак Лизина сестра родная? Кажется, Ефимия?

* Продолжение; начало в «ПЗ» № 1, 2011.

— Да,— сказала Фима.

Перед ней стоял пожилой мужчина, знакомый, но имя которого она забыла. Лицо непримечательное, но запомнить этого человека было легко,— у него не было одной ноги, и он ходил на деревянном протезе. Местный сапожник, сосед Лизы по дому. По совету сестры Фима раза два чинила у него свои туфли.

— Николай Петрович я. Не помнишь? Сапожничаю здесь.

Фима вспомнила.

— Где сестра? Лиза?

— В эвакуации.

— Вернется?

— Вернется.

— Я тогда за комнатой ее присмотрю. Замок поставлю.

— Спасибо вам, Николай Петрович,— сказала Фима, обняла пожилого человека, и тут она заплакала.

— Я вам махорки привезу, деревенской,— сказал Фима Николая Петровичу, утирая слезы.

— Спасибо. Так и будем помогать друг другу — ответил Николай Петрович.— Когда вернетесь?

— Не знаю еще. У меня дома нет. Разбомбили.

— Эх, беда, беда,— вздохнул старый сапожник.

* * *

Фима поехала в Сасово за сыном и Лизой.

В поезде, в общем вагоне, где ей досталось место у окна, Фима просидела все семь часов дороги, не засыпая и ни разу не перекусив.

Постоянная суета общего вагона, когда на каждой остановке обновляется публика, жующие свои нехитрые съестные припасы соседи по лавке, нескончаемые разговоры о закончившейся войне, о погибших и раненых отцах и братьях, о лишениях, которые им пришлось перенести,— не мешали Фиме предаваться своим, тоже нерадостным мыслям. Эти мысли о пережитом за последние года без всякой связи между собой возникали в ее голове, зримыми сценами проходили перед ее внутренним взором, чаще вызывали слезы на глазах. Иногда улыбку.

Весной, перед самой войной она заболела. Ревматизм. Положили в больницу.

Сына Рамона, Романа, Ромашку по-русски, оставила на Пелагию. Известие о войне застало ее в больнице. Она рвалась к сыну, но врачи не отпускали. Говорили — у тебя порок сердца, умрешь, сына сиротой сделаешь, а так хоть с больной да с матерью сын будет. Осталась в больнице. Ромашку, трехлетнего, Пелагия увезла в Сасово. В дороге Пелагия, сама бездетная, не знает, как обращаться с детьми, накормила сына колбасой. У него разболелся живот, и потом его рвало. Привезла в Сасово больного. Поля-Пелагия! Ушел Иван на фронт, так и не успели они обзавестись ребенком. Через полгода войны пришла «похоронка». Как Пелагия убивалась! По полу каталась, говорила, руки на себя наложит. А через год — опять веселая, наряжаться стала. Приглядела себе инвалида без одной ноги. Танцевать его учит. У него только ступню на войне оторвало. Ходит, почти незаметно, что инвалид. Живут, не расписываясь. Бедовая наша Поля! Говорит, война все спишет. Лиза не такая. Ее Анатолий погиб на третий год войны. Прислали ей его китель с орденами и кортик офицерский — морской летчик был. Лиза повесила китель и кортик на стену и каменная стала. Сутки ее от этой стены не могли оттащить. Глядеть на нее было больно... Тоже не успели ребеночка родить. Прожили-то вместе всего полгода. Теперь Лиза Ромашку за своего сына считает. Велит ему называть ее мамой. Ну и что, что одна мама уже есть, я — мама номер два. Когда в сорок третьем, как раз через два месяца после это-

го по нем пришла «похоронка», Анатолий приезжал с фронта в Сасово на побывку на четверо суток, они с Лизой встретились прямо на улице. Он приехал, а Лиза была на работе. Ей позвонили, что муж приехал. Она все бросила и домой. Анатолий тоже не стал дожидаться ее дома, побежал навстречу. На улице они и встретились. «Сшиблись они, как сымашедшие. Он на руки ее схватил и кружит. А у него ордена на груди звенят. Как тут не засмотреться». Так потом рассказывала бабка Зинаида, соседка, которая, засмотревшись на встречу Лизы с Анатолием, оступилась, упала и сломала ногу.

Фима улыбнулась.

«Первая жертва любви» — потом шутили они с Лизой. Второй жертвой любви стала ее сестренка Лиза. До сих пор она ни на кого не хочет смотреть. Говорят ей, что, мол, жизнь проходит, мертвого не вернешь, а она никого слушать не хочет. Как привезу ее в Москву, в ее комнату, где ничего не осталось от ее с Анатолием короткой совместной жизни!? Одни голые стены. Выдержит ли ее сердце? Здесь, в Сасове, уже после известия о гибели Анатолия она тоже перенесла ревматизм. Вот напасть-то на их семью! У Лизы теперь тяжелый порок сердца. С завода пришлось уйти, тяжело работать нельзя, разрешили только воспитательницей в детском саду. Она и рада с Ромашкой целый день быть.

Фима всплакнула.

Ромашка славный, его не полюбить нельзя. Смугленький, широконосый, как отец. Смышленный. «Я Рамон». Сколько раз ему говорили, что не «Рамон», а «Роман». Потом уж, когда запретили ему строго-настрою, стал называть себя Роман, Ромашка. И все спрашивал — а почему? Как же можно было ему объяснить, почему?! Она сама, когда прибежала к Марии Петровне, чтобы та объяснила ей — почему? — увидела совершенно чужое лицо. Ничего, Ефимия, не знаю, и знать не хочу, сказала парторг. Ты мне ничего не говорила, и я тебе ничего не говорила. Поняла? Но как же, Мария Петровна, но как же?! Фима тогда разрыдалась. Она ждала, что Мария Петровна своей сильной рукой прижмет ее к пышной мягкой груди и скажет что-нибудь утешительное, объяснит. Но Мария Петровна только сухо и коротко, как отрезала, сказала — сожги все бумаги... не было ничего. И отвернулась от нее, Фимы.

О себе Фима не хотела вспоминать. Она отгоняла от себя любое воспоминание о том, что пережила она сама. Боялась не выдержать, разрыдаться...

За окном вагона, чем дальше от Москвы, тем меньше война напоминала о себе. Дома проезжаемых городов не были разрушены. Станционные постройки целехоньки. Привычно, как и раньше, до войны, на станциях торговали семечками, махоркой. На остановках пассажиры выбегали за кипятком.

Казалось, и не было войны, горя, страданий, потерь близких, разбомбленных жилищ. Не было бессонных ночей, наполненных страхом, не было бесконечно длящихся голодных дней. Нет, конечно, все это было. И осталось в памяти и сердцах этих людей — ее соседей по вагону, этих пожилых женщин в валенках и телогрейках, хотя лето на дворе, торгующих на перронах нехитрым товаром. Но лица их, как ни вглядывалась в них Фима, не несли на себе печать скорби и уныния. Жизнь продолжается. Надо жить...

Но как?! Одна, с маленьким сыном на руках. Больная. Когда лечащий врач сказал, что ей дают инвалидность по болезни, вторая группа, она запротестовала. Она, Фима, молодая женщина, инвалид?

Слезы снова выступили у нее на глазах. А тогда, услышав об инвалидности, она разрыдалась. Нет, нет, ни за что! Никакой инвалидности. Врач положил ей руку на плечо и сказал: не дури. Время трудное. Пригодится. Как инвалидность может пригодиться? Кому она будет нужна с инвалидностью?

В Сасове не было заводов, где бы она могла работать. А если бы и был, ее бы, на-

верное, и не взяли — инвалид. Ей предложили работу в столовой, поваром. Это предложение обидело и рассмешило ее одновременно. Она, шлифовщица высокого разряда, привыкшая иметь дело с металлом, станет к плите?

— Соглашайся, Фима,— сказала Поля. — По крайней мере, сын будет сыт, и сама будешь сыта.

Да, тогда эта работа помогла им всем не голодать. Сначала Фима стеснялась брать с кухни съестное. Но шеф-повар, Иван Иванович, добрый человек, сказал: бери понемножку, сына поддержи.

Как Ромашка обрадовался и удивился, когда она в первый раз принесла ему с работы два печенья. Где ты взяла, спросил он. Лисичка прислала, ответила Фима. С тех пор он всегда, когда она приходила с работы, спрашивал — что ему сегодня прислала лисичка.

Все равно было голодно. В прошлом году Ромашка ходил с ребятами в поле собирать колоски. Большое хлебное поле было через квартал от их дома. После уборки на поле оставались колоски. Из них выеивали зерно, молотили его на самодельных жерновах. Получалась мука. И пекли лепешки.

Фима сшила Ромашке специально для сбора колосков сумку. Он надевал ее на плечо и, мужичок-с-ноготок, шел, как на работу, в поле с ребятами из соседних домов. Собирать колоски ходили и взрослые, в основном женщины. Фима не ходила.

Однажды Ромашка пришел весь в слезах и без сумки. Оказалось, объездчик стегнул его плеткой по спине и отобрал сумку с колосками. Досталось и другим ребятам. С тех пор Фима запретила Ромашке ходить в поле.

Он такой хороший, ее Ромашка. Смуглый, черноволосый. Худенький, но крепкий. Глаза карие, смысленные и, как у отца, всегда влажные, будто только что плакал. Но плачет он редко. Даже когда обидно и больно, сдерживается. Однажды с соседским мальчишкой Генкой Худяковым залезли на забор стручки акаций собирать в палисаднике Марии Николаевны, соседки. Та вышла да шуганула их. Генка спрыгнул и убежал, а ее Ромашка повис кверху ногами на заборе — жесткие подошвы сандалий застряли между штакетником. Пелагия была дома. Вышла, сдернула Ромашку с забора и спавшими с его ног сандалиями отшлепала его по мягкому месту на виду у всех, прямо на улице. Ромашка все стерпел, ни слезинки не проронил. Только с тетей Полей потом долго не разговаривал.

Фима улыбнулась. Мысли о сыне всегда вызывали в ней светлые чувства. Он очень ее любит. Тогда, после выписки из больницы, она поздно ночью приехала в Сасово. В доме свет был только в одном окне. Она постучала по стеклу.

— Мама, мама приехала! — Это был голос Ромашки.

— До сих пор твой не ложился спать. Все маму свою ждал,— ворчливо сказала Поля, открывая ей дверь и впуская в дом.

А Ромашка бросился к ней, обхватил ее руками и уткнулся носом ей в грудь...

Как теперь будет? Надо везти его в Москву. В сентябре в школу идти. Семь лет. Оставлять его в Сасове, как бабушка предлагает, Фима не хотела. Он должен быть москвичом. Выучиться. Получить образование. Стать, как отец, умным, образованным... Каким был Грегор...

Поезд остановился. За окном было Сасово.

* * *

Решено было ехать в Москву как можно быстрее, чтобы успеть определить Ромашку в школу. Стали собираться. Собираться, собственно, было нечего. Одежда и обувь — все, что на себе. Немножко посуды. Но концу сборов набралось много — подушка, матрац, ведь не будешь спать на полу.

Когда Лиза узнала, что в ее московской квартире не осталось ничего, кроме гвоз-

дя в стене, она не расстроилась. Жизнь надо начинать сначала. Китель Анатолия с орденами и кортик решила взять. Кортик ради Ромашки. Он был его любимая игрушка. Не позволялось только вынимать его из ножен. Ромашка прикреплял его к поясу и отдавал тете Лизе честь — прикладывал напряженную ладошку к виску.

Пошли проститься с Полей. Она жила со своим одноногим ухажером, не расписываясь, у него. Пили чай. Егор, Полин «муж», выпил самогону.

Говорили только о том, чтобы Поля почаще навещала бабушку Стешу в деревне, и если что, сразу дала знать им в Москву.

— Не забывай свою тетю Полю,— сказала Пелагия, обнимая Ромашку.

Сестры обнялись, всплакнули. Жизнь получилась не такой, как они думали.

— Чего кричать-то,— сказал Егор.— Не на край света уезжаете. В гости к вам будем с Полей ездить в Москву.

— Пока некуда,— сказала Фима,— в одной комнате втроем будем жить. В Лизиной, от производства. От моей одни крошки остались.

— Ничего, когда разбогатеете. Молодые, здоровые,— не унимался Егор. Стуча протезом по полу, вместе с Полей проводил их до дверей и, по-родственному, расцеловал.

— Были здоровые,— вздохнула Фима.

Потом пошли проститься с Зинаидой Гавриловной, хозяйкой дома, куда Фиму с Ромашкой и Лизой поселили, когда они приехали в Сасово, как эвакуированных.

Сначала не хотели к ней идти. Встретила тогда она их плохо — «уплотнили» ее. Недовольна была. Ворчала, до ссор доходило дело. Лизка, задира, ни в чем уступать ей не хотела. А потом как-то все образовалось. Бездетная Зинаида Гавриловна привязалась к Ромашке. А когда у Лизы погиб Анатолий, она, Зинаида Гавриловна, сама проводившая мужа на фронт, смягчилась к Лизе, стала звать ее Лизонькой.

Когда Фиме от столовой дали жилплощадь, и они съезжали, Зинаида Гавриловна дала им кое-что из посуды и два стула, и даже прослезилась. Просила не помнить худого и навещать.

Решили все-таки зайти к ней и попрощаться. Ее муж пропал на фронте без вести. Она жила одна.

Приняла она их в той самой комнате, в которой они квартировали. Постарела Зинаида Гавриловна. Седых волос стало больше. Взгляд всегда сердитых глаз теперь смягчился.

Она была им рада. Сестры сказали, что зашли на минутку, но Зинаида Гавриловна упростила их «посидеть». Накрыла стол. Выставила жареного кролика. По тем временам — неслыханная роскошь.

Все войну Зинаида Гавриловна держала в сарае кроликов. Когда она жарила их, ароматный дух, наполнявший дом, вызывал в животе у Ромашки голодные боли.

— Кушай, Ромашка, вкусно,— сказала Зинаида Гавриловна, подвигая ему тарелку с красиво обжаренными кусочками.

Но Ромашка есть кролика не стал. Он вспомнил, как однажды, когда они еще жили «на квартире», Зинаида Гавриловна во дворе забивала кролика. Взяла его за задние ноги, он повис у нее, а она скалкой как даст ему по голове, кролик сразу и умер.

Ромашка отодвинул тарелку.

Поговорили о разбомбленной и голодной Москве, повспоминали, повздыхали, обнялись и простились.

На другой день поехали в деревню к бабушке Стеше. Ехали в расхлябанном дребезжащем автобусе. На остановках, когда автобус тормозил, клубы пыли врывались в раскрытые двери. Ромашка чихал и вытирал пальцами запыленные сандалии.

Бабушка Стеша, вдовая с тридцати лет, жила в деревне одна, в доме, который построил еще ее дед — Григорий Кузнецов. В этот дом, шестнадцатилетнюю, ее привел

дедушка, тоже Григорий Кузнецов. А в девичестве, то есть до замужества, бабушка была Артемьевой. В этом доме бабушка родила их отца, тоже Григорий: таков был семейный обычай — старших сыновей называть этим именем, и еще трех его сестер. Их отец привел в этот дом Татьяну Артемьеву, их мать. В этой деревне половина была Кузнецовы, а другая половина жителей были Артемьевы. Их мать, Татьяна, тоже овдовела в тридцать лет, потеряв от тифа мужа и сына — Григория, их с тетей Лизой брата, а его, Ромашки, дядю. И сама через год после этого погибла — пьяный шофер на грузовике ее задавил на смерть. Три девочки — Поля, Фима и Лиза — остались на руках у бабушки Стеши...

Все это Фима рассказывала Ромашке, пока они ехали в деревню

Ромашка слушал внимательно. Когда Фима закончила рассказ о своей родословной, сын сказал — а о папиной родне расскажи.

— В другой раз, — сказала Фима. Он отвернулась к окну.

Что она может рассказать сыну о его отце? Она мало что знает о нем. А уж о его родне тем более. Она не расспрашивала, он же говорил мало и неохотно, как о чужих. Знала только, что у него есть две сестры. Одна очень похожа на Лизу. Если сказать об этом сыну, он станет расспрашивать еще и удивится, как мало она знает о родне его отца.

Фима молча глядела в окно. Проезжали знакомые с детства места. Она помнит их по поездкам с матерью в Сасово. Сейчас вид знакомых мест не согревал ей душу. Они были знакомые, но как чужие. Как будто не она, а кто-то другой жил здесь. От этого ей стало жалко себя. Слезы выступили на глазах.

Лиза, чтобы Ромашка не видел маминых слез, стала развлекать его воспоминаниями своего с Фимой детства в деревне.

Она вспомнила, как однажды зимой они все сидели в жарко натопленной избе. Лизе очень хотелось пить. И тетя Поля, озорная была, принесла из сеней заиндевший топор. «На лизни, холодненький», — сказала Поля младшей сестре. Та лизнула, и язык прилип к топору. Было очень больно. Польша смеялась, а Лиза стояла с топором в руках и не могла его отпустить — язык никак не отлипал. Хорошо Фима догадалась полить на топор теплой воды. Язык сразу отлип от топора.

Рассказ тети Лизы не развесил Ромашку.

— Дура тетя Поля. Язык мог оторваться, — серьезно сказал он.

— Но зато Бог наказал Польшу, — продолжала рассказывать Лиза.

Тетя Поля никогда не смотрела, куда садится. Плюхается и все. На книжку может сесть. На ее, тети Лизы, юбку, наглаженную к выходу, может усесться. Один раз она, как всегда не глядя, плюхнулась на кровать и села прямо на вязальный крючок. Крючок впился в тетину Полину попу. Она с мамой вынимали крючок, а тетя Поля кричала от боли. Крючок вязальный вынуть не просто.

Ромашка хохотал во весь голос, он живо представил себе, как все это было.

Утерев слезы, Фима повернулась к сыну.

Автобус в очередной раз затормозил и остановился. Через клубы пыли, ринувшиеся в дверь, они вышли из автобуса.

Бабушка Стеша встречала их у калитки палисадника перед своим домом. Она знала, что они уезжают в Москву насовсем, и ждала их проститься.

В большом просторном доме в этот жаркий душный день было прохладно. Пахло вымытыми полами и какой-то душистой травой.

Ромашка с любопытством осматривался в деревенском доме. Темные бревна стен и темный потолок придавали комнатам торжественный вид. Ромашка сначала ходил по дому на цыпочках. В углу напротив двери разноцветно сверкали иконы, подсвеченные горячей лампадкой. В самую большую комнату — горницу — выходила беленая печь с лежанкой на верху. Топка была из кухни.

Ромашка теперь знал, что в этом доме жили папа и мама его мамы и ее, мамы, дедушки и бабушки, прадедушки и прабабушки. Он попробовал представить их себе, и они оказались все похожими на бабушку Стешу — седую, большую, с сильными руками. Когда она погладила его по голове, он ощутил тяжесть ее руки. Он тоже, когда вырастет, будет большой и сильный, а потом седой. Он ходил по дому, широко шагая и твердо ставя ноги на пол.

— Мужичок,— сказала бабушка Стеша. Вздохнула. — Не наш. Не Кузнецов.

От Поли она знала, кто был отец Ромашки.

— Кто он будет? — обратилась она с вопросом к Фиме.

— Бабушка, я же вам говорила, мой он, Кузнецов,— с отчаянием в голосе ответила Фима.

— Так не бывает,— стояла на своем бабушка.

— Бывает,— за Фиму ответила Лиза.

По совету Марии Петровны Фима сожгла все бумаги, касавшиеся ее брака с Грегором, и записалась как мать-одиночка. В паспорте в графе «отец» теперь у нее был прочерк. Ромашка был записан как Роман Григорьевич Кузнецов.

— Горемычные мои. Без мужей. Без детей,— вздохнула бабушка. Добавила горестно: — Больные.

На глазах у нее появились редкие слезы. Она утерла их кончиком головного платка.

— Бабушка Стеша, не плачь. Я же есть.

— Есть, внучек, есть.

Сели за большой, чистый — скобленный — стол. Ели молодую картошку, мало-сольные огурцы. Черного хлеба было вдоволь. Пили чай с душистой мятой.

Говорили об огороде — что когда поспеет, чего сколько уродится. Картошек будет мешков пять. Одной до новой хватит. Капуста тоже хорошая в этом году. Огурцов засолит. Морковка там, свеколка. Одной много ли надо.

Ромашка представил себе, как бабушка одна будет всю зиму жить в этом большом темном доме.

— Бабушка Стеша, хочешь, я с тобой буду жить,— сказал он.

— Добрая душа. В нашу породу,— сказала бабушка.

— Его отец тоже был добрый человек,— сказала Лиза.

— Добрые, они долго не живут,— вздохнула бабушка.

Фима поторопилась перевести разговор на другую тему.

— Когда устроимся в Москве, площадь побольше получим, вас к себе заберем. Хорошо? — сказала она бабушке Стеше.

— Нет, внучка. Помирать здесь буду. Здесь все мои лежат. И мне здесь лежать.

— А можно посмотреть, где они лежат? — сказал Ромашка, понимая, что речь идет о дедушках и бабушках и о прадедушках с прабабушками.

— Отчего нельзя. Можно,— сказала с готовностью бабушка.— Здесь недалеко. И вам надо сходить,— добавила она, обращаясь к внучкам.

Через пять дворов на спуске к реке Цне было сельское кладбище. Все вчетвером они пошли по деревне. Впереди бабушка Стеша за руку с Ромашкой. Встречные раскланивались с бабушкой. Ромашка тоже говорил — «здравствуйте».

— Никак правнучек, Степанида Дмитриевна? — спросила пожилая, бабушкиного возраста, женщина.

— Да, Петровна, Ефимии,— коротко ответила бабушка, не останавливаясь.

— На цыганенка похож,— пропустив Степаниду Дмитриевну вперед, сказала Петровна следовавшей следом Фиме.

— Старая дура,— зло сказала Лиза,— кроме цыган за свою жизнь никого не видела. Когда был поменьше, Ромашка гордо говорил — «я — испанец». «Ты рус-

ский,— говорила ему Фима,— запомни это!» Ромашка запомнил. Но тетя Лиза часто, лаская его, говорила — «испанчик ты наш».

Кладбище было небольшое. Могилы бабушкиных предков были в самом центре.

— Это наши,— сказала бабушка, охватывая движением руки несколько могил.— Это мой дед — Григорий Иванович, здесь мой отец — Григорий Григорьевич, это ваш дед, мой муж, Григорий, Дмитриевич, как и я. А это вот ваш отец,— сказала она внукам,— твой дед.— Она подвела Ромашку поближе к могиле.

На старых могилах стояли каменные белые кресты, имена и фамилии были написаны красивыми, непонятными Ромашке буквами. Он умел уже читать по слогам, но эти буквы не были похожи на те, которые он знал. Недавние могилы были под деревянными крестами и на них были понятные буквы.

— Гри-го-рий Гри-горь-евич Куз-не-цов,— прочитал он нараспев.— Это мой дед.

— Молодец. Помни это,— сказала бабушка и положила на голову Ромашке свою тяжелую руку.

Постояли. Помолчали. Бабушка, крестясь, поклонилась каждой могиле. Ромашка попробовал было перекреститься, как бабушка, но у него не получилось.

Когда прощались на остановке автобуса, бабушка перекрестила внука, трехкратно поцеловала обеих.

— Крещеный? — спросила она Фиму.

— Нет,— ответила Фима.

Бабушка не стала крестить Ромашку. Наклонилась, поцеловала в обе щеки, выпрямилась и приложила кончик головного платка к глазам.

Обратно ехали в таком же расхлябанном дребезжащем автобусе. Пыли было меньше, так как был уже вечер.

* * *

Николай Петрович, сапожник, не обманул: в Лизиной комнате был врезан замок. Лиза сбегала к нему и принесла ключ от замка и табуретку — «на обзаведение», как сказал он.

Маленькая комната «сапожком» была совершенно пуста. Только на стене висела Левитановская «Золотая осень».

Чтобы не дать волю горестным чувствам, сестры бросились обустроить свое жилье.

— Посиди пока один, мы поищем что-нибудь. А то и есть не на чем,— сказала тетя Лиза Ромашке.

И они ушли.

Ромашка сел на табуретку и стал ботать ногами. Было скучно. Потом стало страшно. Ему показалось, что в вещах, сваленных в углу комнаты, что-то шевелится. «Крысы»,— подумал он. — Сейчас они схватят меня за ноги». Он помнил, как в Сасове, на квартире у Зинаиды Гавриловны крысы прогрызли прутья железной клетки, где она держала кроликов, и одного съели.

Он влез на табурет, вынул из ножен кортик, висевший у него на поясе, взял его, как саблю, лезвием вверх, и приготовился сражаться с крысами. Крысы не появились, но Ромашка продолжал стоять на табуретке.

— Что здесь за мальчик у нас такой появился? — услышал он ласковый женский голос. Обернулся. В открытой двери стояла темноволосая тетя и улыбалась ему.

— Я из Сасова,— серьезно сказал Ромашка.

— А я Мария Семеновна, твоя соседка. Почему ты один и как тебя зовут?

— Я Ромашка. Мама и тетя Лиза ушли за столом.

— Ромашка! Какое красивое имя.

— Нет. Я Роман Григорьевич Кузнецов.

— Вот и познакомились, Пойдем ко мне. Тебе одному скучно.

Ромашка вложил кортик в ножны и слез с табуретки.

Комната Марии Семеновны была большая, больше, чем комната Ромашки. Также везде были следы недавнего въезда. Ворох вещей по углам. Стопки книг, картины, прислоненные к стене.

— Садись сюда,— сказала ласковая тетя.— Чем бы тебя развлечь? Ты любишь музыку?

Не зная, что ответить, Ромашка молчал. Сел в черное кожаное кресло, положил кортик на колени.

Мария Семеновна подошла к черному, блестящему от солнца ящику, похожему на длинный комод, открыла крышку, села и стала пальцами перебирать черные и белые плашки.

Зазвучавшая музыка произвела на Ромашку неожиданное действие. Его лицо охватило жаром. Внутри у него все похолодело. Он встал, подошел к Марии Семеновне и, как замороженный, смотрел на ее пальцы, на ее лицо, на черный длинный «комод», из которого вылетали звуки, наполнявшие его неведомым ранее удовольствием.

Мария Семеновна взглянула на Ромашку.

— Роман Григорьевич Кузнецов, да ты музыкально одаренный мальчик,— она повернулась к нему на вертящемся круглом стуле.

— Играйте еще,— тихо, настойчиво попросил Ромашка.

— Проверим, слух у тебя есть. Слушай.

Она одним пальцем сыграла — «Во поле березонька стояла».

— Теперь пропой мне эту мелодию.

Ромашка пропел.

— Прекрасно,— сказала Мария Семеновна, смешно выговаривая букву «р». — А чувство ритма у тебя есть?

Она пальцем постучала по крышке пианино.

— Теперь ты.

Ромашка тоже постучал пальцем по крышке пианино.

— Великолепно, мальчуган!

Эта необыкновенная тетя и говорила необыкновенно.

Когда Фима и Лизы вернулись, к ним вышла Мария Семеновна.

— Будем знакомы — Мирра Семеновна, ваша соседка. Мой муж работает на КИМе инженером. Ваш сын,— продолжала Мария Семеновна, безошибочно обращаясь к Фиме,— музыкально одаренный. Его надо учить музыке.

— Музыке? Нам спать не на чем,— ответила Лиза.

— Это пока. Все образуется.

Ночью, лежа между мамой и тетей Лизой на разостланном на полу пальто, Ромашка долго не мог уснуть. Вновь переживаемые впечатления этого удивительно длинного, полными событиями дня гнали от него сон.

Ранее просыпание, толчея на вокзале в Сасове, суматошная посадка в вагон, мелькание за окнами домов, людей, грохот проезжаемых мостов через речки, дальние деревья, весело бегущие впереди наперерез поезду, дым паровоза, проносившийся за окнами и время от времени наполняющий вагон едким запахом, коричневый чай в стаканах с подстаканниками, долгая утомительная езда, когда становилось скучным даже глядение в окно, серые усталые лица соседей по лавке, разговаривающие о чем-то своем, непонятном, бесцельное хождение по вагону мимо свисающих с лавок рук и ног пассажиров.

Потом Москва. Огромный, как гора, вокзал. Стена людей, мимо которых надо протискиваться. Страх мамы и тети Лизы, что он, Ромашка, потеряется или что-нибудь у них украдут. Перетаскивание вещей — мама сажала Ромашку на узлы, а

сама шла к тете Лизе за очередным узлом, потому что тете Лизе нельзя было таскать тяжести, у нее сразу синели губы.

А потом езда на метро. Мама с тетей Лизой нервничали, что Ромашка непременно потеряется, поэтому метро разглядеть как следует не удалось. Осталось только впечатление, что он видел дворец, какой увидеть можно только во сне. А еще в метро за окном ничего нельзя было разглядеть, только в темноте по стене струились серые канаты.

После метро был автобус. Не такой, как тот, на котором они ездили в деревню к бабушке Стеше. Не расхлябанный и дребезжащий, а почти новый, с мягкими сидениями. На автобусе ехали мимо больших-пребольших домов. Таких больших, что Ромашка даже не предполагал, что такие большие дома бывают не свете. А потом дома стали меньше и меньше, почти такие, как у них в Сасове, одноэтажные. И тетя Лиза сказала — «приехали». Они опять стали суматошно выносить узлы из автобуса. Жить им предстояло в совсем маленькой пустой комнате. Ромашка вспомнил большой просторный дом бабушки Стеши. Хорошо, что крыс нет в этой комнате...

Но самым запомнившимся впечатлением о прошедшем дне была музыка. Как это в таком черном «комоде» могут быть такие красивые звуки?! Конечно, он и раньше слышал музыку. Из радио — черной тарелки, висевшей на стене в комнате Зинаиды Гавриловны там, в Сасове. Из этой тарелки вылетали песни, марши, взрослые слушали сообщения с войны. Никто не играл на этой черной тарелке, никто к ней не прикасался, разве что повернуть ручку, сделать погромче. Звуки сами вылетали из нее. Что она играла, то и слушали. Поиграть самому было нельзя. А на черном «комоде» можно играть, что хочешь. Слышанные днем у Марии Семеновны звуки так явственно звучали для Ромашки, что он снова почувствовал жар на лице и холод внутри себя. Неужели можно самому научиться играть на этом чудесном инструменте!? И слушать, когда захочешь, эти звуки!?

Небесной красоты мелодии звучали в ушах Ромашки, когда он засыпал.

* * *

Школа была далеко, на другом конце поселка.

Когда Ромашка с Фимой пришли записываться в первый класс, к завучу была очередь.

— Фамилия, имя, отчество, отец, мать. Кем работают. Адрес. Национальность,— спрашивала детей строгая худая женщина в сером платье.

Ребятишки старались отвечать сами.

Про отцов часто говорили — «погиб на фронте». Редко — «пропал без вести».

Дошла очередь до Ромашки.

— Ромашка... Роман,— быстро поправился Ромашка, когда женщина в сером платье недоуменно на него взглянула.— Григорьевич, Кузнецов. Маму зовут Фима, Ефимия. Она тоже Кузнецова...

Последовала пауза.

— Отец?

Ромашка посмотрел на Фиму.

— Отца нет,— ответила она.

— Погиб: Пропал без вести?

— Нет. Я мать-одиночка.

— Хорошо, кем, мамаша, работаете?.. Или не работаете?

— Работаю сторожем на заводе КИМ.

— Адрес? — женщина в сером снова обратилась к Ромашке.

Ромашка посмотрел на Фиму.

— Мы недавно приехали из эвакуации, мальчик еще не знает. Четвертая улица, дом два, квартира четыре.

— Национальность?

— Русский, — поспешно за Ромашку ответила Фима.

Из школы долго шли молча. Фима чувствовала себя виноватой перед сыном, перед самой собой, перед Грегором. Пришлось сказать неправду. Скрывать, кто был ее муж, его, Ромашки, отец. Кому можно сказать, каким замечательным человеком был ее Грегор?! Как он радовался, когда родился сын. Целовал ее руки, целовал ее колени. Благодарил ее за сына торопливыми ласковыми словами, часто сбиваясь на иностранный язык. Как счастлива она тогда была. Это было счастье — полное и спокойное — любимой женщины, выполнившей свой главный в жизни долг перед любящим мужчиной. Впервые почувствовала, что она, Фима Кузнецова, может сделать счастливым иностранного человека, Грегора Майкота, умного, много знающего, делающего какую-то серьезную важную работу... Когда вечерами она, уже в постели, видела, как он сидит, склоненный над бумагами и книгами, читает и что-то пишет, и звала его, говоря, что уже поздно, надо отдыхать, он тут же бросал все. Шел к ней. Она своими теплыми сильными руками обнимала его, и он, задыхаясь от счастья, говорил — о, Фима! Воспоминания об этом даже сейчас, спустя столько лет, обдавали жаром ее лицо. Непонятно почему она вспомнила Павла Ивановича, бригадира Пашу — скучного человека с белыми пухлыми, как у женщины, руками. Стань он ее мужем, скрывать было бы нечего. Фамилия, имя и отчество отца ребенка — Павел Иванович Евтюхов. Вопросов нет. Она содрогнулась от одной мысли об этом. Тогда бы не было Ромашки, ее чудесного, умного, ласкового, как его отец, сына.

И вот сейчас в присутствии сына она, Фима, отказалась от Грегора. Сказала, что отца у ребенка не было. Что она не хочет знать, кто был отец ее сына. Фима вспомнила, как часто и с издевкой приходилось слышать — не «мать-одиночка», а «мать-одна-ночка». Это было так унижительно, оскорбительно, гадко. Она любила своего Грегора. И он был счастлив от ее любви. У них было много ночей, а вовсе не одна. Фиму душило возмущение... Они зарегистрировали свой брак. Были бумаги. Она сожгла их по совету Марии Петровны. В войну все могло быть — документы пропали. Выхлопотала себе новый паспорт, вписала в него сына Романа Григорьевича Кузнецова. А в графе «отец» — прочерк. Так лучше, чем Грегор Майкот. Так сказала Мария Петровна... Но что же это меняет?! Грегор был. Был! Не безымянный мужчина залез в ее постель на одну ночь. Нет! Был муж, была семья. Счастливая семья. Было, все было у нее, у Фимы Кузнецовой.

С кем-то неведомым спорила Фима, пытаясь доказать свою правоту. Но этот кто-то был глух и равнодушен к ее доводам: «мать-одиночка» и все. Может быть даже «мать-одна-ночка». Ничего, так тоже бывает.

Фима готова была разрыдаться.

— Мама, а что такое «мать-одиночка»? — спросил Ромашка.

Из разрозненных, вскользь сказанных фраз — тети Лизы, соседок, бабушки Стеши — он знал, что отец у него был, настоящий отец. Но понимал также, что его отец был не как все. Он и сам, Ромашка, не как все ребята. Его дразнили то цыганом, то татаринном, а после того, как кончилась война, евреем.

— Это когда нет отца?

— Отец бывает всегда. — ответила сыну Фима. — Твоего отца убили.

— На фронте?

— Да, — колебавшись ответила Фима. — На фронте.

— Что же ты не сказала об этом в школе?!

— Его убили на другой войне. Не на этой, а на другой. А другая — не считается.

— Почему не считается?

— Откуда я знаю. Не считается — и все.

Они шли от школы на другой конец поселка к своему дому. Поселок был большой, но дома в нем были только одно- и двухэтажные. Каждый день через поселок проходила колонна солдат. Иногда проходили такни, вызывая восторг мальчишек. В Кузьминках, недалеко от поселка Текстильщики стояла воинская часть. В двух оврагах, спускавшихся к большому Люблинскому пруду лежали, как белые глыбы льда, серебристые аэростаты — воздушное заграждение неба Москвы от немецких самолетов во время войны. Также каждый день в поселок пригоняли колонну пленных немцев. Они восстанавливали разрушенные дома и строили новые.

— Я, когда вырасту, буду воевать на настоящей войне, которая считается, — после долгой паузы сказал Ромашка.

* * *

Жизнь постепенно налаживалась.

Фиму, как инвалида третьей группы, не взяли работать по специальности, за станком. Предложили сторожем при заводууправлении. Дежурства, сутки через двое. Она без сожаления приняла это предложение. Если раньше, в больнице, когда ей сказали, что прежнюю специальность надо забыть, она расстроилась и проплакала всю ночь, то теперь спокойно отнеслась к тому, что придется работать сторожем.

Что-то изменилось в ее отношении к жизни. Не хотела возвращаться к той работе, которая была раньше, при Грегоре. Грегора нет и все должно быть по-другому.

У Лизы была инвалидность второй группы. Можно работать только надомницей. Но что Лиза могла делать на дому? Сидеть с Ромашкой? Так и было. Когда Фима была на дежурстве, тетя Лиза кормила Ромашку, снаряжала в школу.

Фимины зарплата была небольшой. Выручала военная пенсия за Анатолия. Жить было можно. Купили поддержанную зингеровскую ручную машинку. Фима, сноровистая, быстро научилась шить. Ромашка был весь обшит мамой — брюки, курточка, на зиму пальто. В дело шли гимнастерки, шинели, которыми расплачивались солдаты за махорку. Все перекрашивалось и шло в дело.

Махорку в мешке привозила из Сасова тетя Поля. За махоркой приходили солдаты из воинской части, что стояла в Кузьминках. Лиза насыпала им в кисеты душистую, до чихания, махорку, а они расплачивались заграничными консервами, гимнастерками, а то и шинелью. Вот из них-то Фима и шила одежду Ромашке, а иногда что-нибудь и себе с Лизой.

За махоркой приходили не только солдаты. Приходили командиры с золотистыми погонами и ремнями на груди. Ромашка не любил их. Они громко топали сапогами, громко говорили. От их больших тел становилось тесно в их маленькой комнатке «сапожком». Они пытались маму и тетю Лизу посадить себе на колени. Фима и Лиза терпели их, потому что за махорку они расплачивались мясной тушенкой, сгущенным молоком, иногда шоколадом.

Больше всего Ромашке не нравился майор дядя Жора. От него пахло одеколоном, но он был некрасивый и толстый. Приходил чаще всего, когда дома после дежурства была мама. Совал Ромашке шоколадки, сажал к себе на колени, гладил маму по спине. Ромашка брал шоколадки неохотно, и однажды отказался взять. Тогда дядя Жора согнал его со своего жирного колена и сказал — «сукин кот». Когда дядя Жора уходил, мама вышла вслед за ним и через некоторое время вернулась вся красная. Больше дядю Жору Ромашка не видел.

А вот к тете Лизе приходил капитан Николай. Он был высокий, белокурый и очень веселый. Ромашка всегда был рад его приходу. Сначала тетя Лиза брала с собой Ромашку, когда капитан приглашал ее погулять. Они ходили по поселку. В середине Ромашка. Капитан Николай рассказывал всякие смешные истории про войну,

анекдоты, которых знал множество, сажал Ромашку себе на плечи, прямо на погоны, смешил тетю Лизу. Тетя Лиза, обычно грустная, смеялась, и Ромашка видел, что ей, в самом деле, смешно.

Потом они перестали брать с собой Ромашку на прогулки. А еще через некоторое время капитан Николай перестал приходить, и тетя Лиза опять стала грустная.

* * *

— Фрицев ведут! Фрицев ведут!

Заслышав эти, каждый день раздававшиеся крики мальчишек, Ромашка выбежал на улицу.

По дороге мимо их дома шла нестройная колонна пленных немцев. По бокам колонны шли солдаты с закинутыми за спину винтовками со штыками. Шаркающие сапоги немцев поднимали пыль с дороги, и оттого они казались еще более серыми в своих серых мундирах.

Каждый раз колонну сопровождали стайки мальчишек. Это повторялось изо дня в день. Первый, кто увидит немцев, кричал на весь двор: — Фрицев ведут! — и мальчишки сбегались к дороге.

В середине поселка колонна рассыпалась на группы, и в сопровождении конвоиров эти группы расходились на разные работы. Одни разбирали завалы разбомбленных домов, другие рыли вручную фундаменты для новых, третьи клали кирпичи на готовые фундаменты. Когда у пленных наступал перерыв в работе ребята обступали их. Немцы вблизи не были страшными. Усталые небритые лица, заискивающие глаза. Старались расположить к себе ребят. Дарили оловянные пуговицы от своих мундиров, показывали карточные фокусы, мастерили нехитрые игрушки, выстругивая их из дерева необыкновенно красивыми перочинными ножами. По-русски пленные не знали. Говорили только «гут» и «йа-йа». Перерыв заканчивался, немцы шли работать, мальчишки расходились по своим мальчишеским делам.

— Фрицев ведут!

Ромашка всегда выбегал на этот крик из дома. Присоединялся к мальчишкам, бежал рядом с колонной, дразнил немцев.

В этот раз в кармане у него была рогатка. Поднял с земли камень, вложил в рогатку, растянул резину и, не целясь, выстрелил в колонну.

— Есть! — торжествующе крикнул он, когда в колонне молодой немец вздрогнул, повернул к нему свое лицо, и Ромашка увидел на его лбу кровь. Немец поморщился и жалостливо улыбнулся Ромашке, в руке которого еще трепетала рогатка.

— Есть. — Теперь уже тихо и испуганно прошептал Ромашка.

Он стрелял по колонне. По всем «фрицам» сразу. Не думал, что попадет в кого-то. Просто стрелял «по врагу». Но попал всего в одного человека, и у этого человека на лице появилась кровь.

— Молодец, Ромашка, попал! Дай мне! — кричали наперебой ребята.

Ромашка засунул рогатку в карман и пошел домой.

— А ваш Ромашка фрица подбил, — сказали Фиме ребята, когда она вечером возвращалась с работы.

— Как это «фрица подбил»? — спросила она, останавливаясь в дверях подъезда.

— А из рогатки. Прямо в лоб. Кровь пошла, — торопливо говорили мальчишки.

Фима не стала сразу вершить суд и расправу. Ромашка был добрый мальчик и послушный. Фима не знала с ним горя. Он, как и многие другие, рос без отца. Но двор не затягивал его. Он не приносил домой бранных слов. Только однажды он назвал Фиму «курвой». Она объяснила ему, что это мерзкое оскорбительное слово. Что слова, которые говорят, когда ругаются или хотят оскорбить другого, плохие и употреблять их не надо: «Твой папа никогда бы так не сказал». Фима тогда улыбнулась.

Вспомнила сцену на танцплощадке в Нескучном саду в том далеком тридцать шестом году, когда Грегор употребил «русский мат». Сказал же, подумала она, но ведь не как брань, а для того, чтобы защитить ее, Фиму, от оскорбления.

Конечно, Ромашка проказничал, как все мальчишки. Приходил с синяками или с ссадинами. Однажды пришел с дыркой на штанах — лазал на дерево. Но чтобы бить кого-нибудь, да еще до крови, такого не было никогда.

Вечером, моя сыну голову над тазиком, как бы невзначай спросила:

— Ты зачем немцу голову разбил до крови?

— Я нечаянно. Стрелял просто так, а попал в него.

А потом вдруг сердито, повернув к Фиме лицо, на котором белым пухом висели гроздя мыльной пены:

— Они моего отца убили!

— Кто они?

— Немцы! — сердито выкрикнул Ромашка.

Продолжая мыть голову сыну, Фима молчала.

Когда мытье закончилось, Фима поставила сына между колен и, вытирая ему голову полотенцем, сказала медленно

— Твоего отца убили не они, не немцы.

— А кто же тогда? — строго спросил Ромашка.

— Я не знаю, кто. Я знаю, что не немцы, — сказала Фима и пожалела, что затеяла этот разговор.

Тоже чувство вины перед сыном, что было тогда, в школе, охватило ее вновь. Но в этот раз это чувство смягчалось тем, что она, в самом деле, не знала, кто убил ее Грегора. Не знала, кто конкретно это сделал. Слухи ходили разные. Но она не прислушивалась к ним. Не знала и не хотела знать. Так посоветовала Мария Петровна. А она была умной женщиной.

— Я, правда, не знаю, кто убил его, — сказала она. — Иногда так бывает. И никто тебе не скажет этого.

— Так не бывает. Когда я вырасту большой, я узнаю сам.

— Хорошо, — сказала Фима, — только не стреляй больше в немцев.

Утром следующего дня Ромашка снова выбежал на улицу, заслышав крики мальчишек:

— Фрицев ведут!

В кармане у него был рогатка.

Он бежал рядом с колонной и высматривал молодого немца с раной на лбу. Разыскать его в колонне среди покачивающихся в ходьбе серых от пыли людей не удалось. Только когда пленные расположились на отдых он, переходя от одной группы к другой, нашел «своего фрица». На бледном лбу была ссадина, помеченная «зеленкой».

Ромашка остановился перед ним. Немец поднял глаза и вопросительно посмотрел на русского мальчика.

Ромашка достал из кармана рогатку, бросил ее на землю и наступил на нее. Она хрустнула и сломалась.

Немец заулыбался.

— Йа-йа, — сказал он. Потом достал из кармана серого френча что-то и протянул Ромашке.

Ромашка протянул руку и взял.

Это была фигурка белого фарфорового ангелочка, с крылышками, держащего в руках позолоченную лиру.

— Вот это да! — воскликнул Ромашка, разглядывая подарок немца. Такой красивой вещицы у него никогда не было.

С зажатым в кулаке ангелочком Ромашка бросился домой.

— Мама, дай скорее хлеба! — выкрикнул он, с шумом распахивая дверь комнаты.

С куском черного хлеба он выбежал из дома. Перерыв кончился. Пленные немцы вставали с земли. Отыскав «фрица» с «зеленкой» на лбу, Ромашка протянул ему хлеб.

— Йа-йа, спасибо,— старательно выговорил немец русское слово. Протянул Ромашке руку.

Руку немца Ромашка пожимать не стал.

* * *

Ближе к весне Мария Семеновна, соседка по коммунальной квартире, спросила Фиму:

— Как учится Роман Григорьевич?

— Хорошо,— ответила Фима.

— Пятерки, немножко четверок,— добавил Ромашка.

— Прекрасно,— сказала Мария Семеновна, смешно выговаривая букву «р». — значит, можно заниматься музыкой.

С этого момента в жизнь восьмилетнего смуглого, черноволосого мальчугана вошла музыка, сделавшись главным удовольствием его мальчишеского бытия.

В дни, когда предстоял урок музыки, Ромашка с нетерпением посматривал на часы, стремглав бежал из школы после окончания уроков, перекусывал на ходу, умывал лицо и руки, так требовала Мария Семеновна, и с волнением, предвосхищая неизъяснимое удовольствие, переступал порог большой красивой комнаты и подходил к пианино.

Ромашка делал поразительно быстрые успехи. Мария Семеновна разрешала ему днем, после уроков, до прихода с работы мужа, заниматься самостоятельно. Кроме упражнений и пьес, которые задавала Мария Семеновна, он сам разучивал новые пьесы.

— Роман Григорьевич,— говорила она,— ни одной ошибки — и фразировка, и паузы, и пальцы!

— Марк,— говорила Мария Семеновна мужу,— посмотри на этого вундеркинда. Я не шучу! Ты видел, чтобы кто-нибудь через полгода играл сонатину Бетховена!?

Муж Марии Семеновны, Марк Львович, уса́тый неторопливый человек, усаживался в кожаное кресло и покорно слушал Бетховена.

В первый раз, послушав игру Ромашки, он сказал:

— Недурственно, недурственно. Но музыкантом становиться не советую. Мужчина должен иметь дело с железом.

— Не слушай Марка Львовича, Роман Григорьевич. У тебя большие способности и их надо развивать. Совершенно не обязательно всем мужчинам быть инженерами.

— Люди гибнут за металл,— сильно фальшивя, пропел Марк Львович.— А не за музыку, молодой человек.

— Ты видишь, Роман Григорьевич, у Марка Львовича совсем нет музыкального слуха, поэтому и не считает музыку серьезным занятием.

— Музыка для девиц и благородных барышень,— засмеялся Марк Львович. Из-под его пышных усов появились большие желтые зубы.

— Все великие композиторы были мужчины,— сказала мужу Мария Семеновна.— Впрочем, спорить с тобой бесполезно.

— Так то великие,— не сдавался Марк Львович.

— Не слушай, Роман Григорьевич. Марк Львович инженер, законченный железочник. Кроме железок, его ничего не интересует.

Этот разговор никак не повлиял на Ромашку. Ему была нужна музыка каждую минуту. Она заполнила все его свободное время. Если не играл на пианино, слушал музыку по радио, запоминая названия музыкальных произведений, имена композиторов, записывая в специально выделенную для этого тетрадь либретто опер. С этой тетрадью не расставался, брал с собой в школу. Открывал ее, улучив минутку, и мелодии любимых опер начинали звучать в его ушах.

Фима радовалась и боялась за сына. Она была уверена, что он не может быть просто обыкновенным мальчиком. Но что с ним будет? Этот вопрос все больше и больше беспокоил ее. Ей, потерявшей Грегора навсегда, ее Рамон, Ромашка, необыкновенный мальчик, был единственная награда за недозволенную любовь. Теперь всю любовь к Грегору, которую она не успела растратить и на одну десятую долю, перенесла на сына, так похожего на любимого человека.

Оттого в ее сердце был постоянный страх за Ромашку. Боязнь его потерять. Если он долго не возвращался с улицы или из школы, она шла искать его, и если не находила сразу, могла в поисках его обойти весь поселок.

Увлечение сына музыкой было для Фимы неожиданным. Она думала, что он будет, как Грегор, журналистом, ученым, будет писать статьи, ездить по стране. А она будет его ждать. Но у него, оказывается, музыкальные способности. Ну что ж. Ромашка будет писать музыку, песни, а она, Фима, будет слушать их по радио и говорить всем, что эту музыку написал ее сын.

Когда Мария Семеновна уходила из дома, она часто оставляла Ромашке ключ, чтобы он в ее отсутствие мог поупражняться на пианино. Ромашка звал Фиму, если она была дома, и играл ей разученные пьесы.

Фима садилась в кожаное кресло и не сводила глаз с его пальцев, быстро перебирающих клавиши, черных волос, свисавших со лба, когда он наклонялся к клавиатуре, сосредоточенного серьезного лица.

Музыка, рождавшаяся под пальцами сына, отличалась от той, которую она слышала по радио. Она нравилась ей все больше. Была пьеса, которую она любила особенно.

— Как называется? — спросила Фима.

— Песнь Сольвейг.

— Это что такое?

Ромашка знал. В его тетради был записан сюжет Пер Гюнта.

— Это музыка Эдварда Грига к Пер Гюнту. Это такая пьеса. В ней рассказывается о том, как некто Пер Гюнт, такой молодой человек, поженится на девушке по имени Сольвейг. А потом ушел странствовать. И странствовал долго-долго. Он вернулся домой, когда Сольвейг стала уже старая. А она его ждала и замуж снова не выходила... Потому и мелодия такая грустная. Но она самая легкая. Другие пьесы из Пер Гюнта трудные, я их потом буду разучивать с Марией Семеновной.

Фима боялась, что Мария Семеновна потребует денег за занятия с Ромашкой. Но та отказалась брать какие-либо деньги. Фима предложила что-нибудь постирать, прибраться в комнате. Та согласилась.

* * *

В школе принимали в пионеры.

В физкультурном зале построили два третьих класса.

Заранее ни о чем не предупредили. Сказали просто, чтобы завтра приходить в белых рубашках. У кого есть. Утром после второго урока повели всех в физкультурный зал. Посередине стоял длинный стол. На нем лежали сложенные в стопку красные галстуки и россыпь значков. За столом стояли директор школы, завуч и девушка в белой блузке с красным галстуком на груди, которую ребята видели впервые.

Надо ли быть пионером, Ромашка не знал. Принимали всех подряд. Девушка в белой блузе стала объяснять, как надо отдавать пионерский салют. Надо взметнуть правую руку, как саблю, над головой, а потом опустить и сделать «руки по швам». Ребята тренировались друг перед другом. К тому, у кого получалось неправильно, подходила девушка в белой блузе, поправляла. Ребята толкались, хохотали, дразнили друг друга. Было весело. Веселье заразило и Ромашку.

— Роман Кузнецов.

Ромашка вышел из строя, громко топая каблуками, подошел к столу.

Пионервожатая Люся, девушка в белой блузе, повязала красный галстук ему на шею, прикрепила значок на рубашку.

Отступив на шаг, сказала — «К борьбе за дело Ленина-Сталина будь готов!» «Всегда готов!» ответил Ромашка. Он нечаянно, по давней привычке поднес напряженную ладонь к виску, но быстро поправился и взметнул, как саблю, перед лицом правую руку.

Когда приняли всех, на патефоне, стоявшем на столе, завели, как сказала пионервожатая, песню первых красных пионеров «Взвейтесь кострами синие ночи, мы пионеры дети рабочих». Пионервожатая стояла перед строем и пела. Пели директор и завуч. Ребята не знали слов.

Песня кончилась. Директор сказал:

— Ребята, вы теперь пионеры и должны быть примером для остальных ребят. Не деритесь на переменках, соблюдайте чистоту в школе, соблюдайте личную гигиену и, конечно, хорошо учитесь.

За директором говорила завуч. Она сказала, что если кто из пионеров будет плохо учиться, у того отберут галстук и исключат из пионеров. А это позор.

На этом церемония принятия в пионеры не закончилась. Сделав паузу после своего обращения к пионерам, завуч сказала:

— У кого отцы погибли на фронте сейчас пойдут в столовую, там вас покормят. За столом не озорничать.

Ромашка был в недоумении. У него отец погиб на фронте, только не на том фронте, который считается. «Но какая разница,— думал Ромашка.— Он же воевал за наших, а не за немцев». И он встал в группу тех, кто направлялся в столовую. Его никто не остановил.

В столовой ребят обдал волнующий запах еды.

Столы были сдвинуты в один длинный стол. Подали настоящий обед. На первое — суп из горохового концентрата. На второе — перловую кашу с настоящей американской мясной тушенкой, на третье — чай в стаканах и к нему конфеты-подушечки, начиненные коричневой патокой. Ели быстро, почти не разговаривая.

— Чего хлеб такой тонкий — Кремль видно? — раздалось на дальнем от Ромашки конце стола. Мальчишка из другого класса стоял, держал ломтик хлеба и смотрел через него на окно.

Над столом прыснул ребячий смех.

— Карпов, не паясничай,— строго сказала завуч.

Директор кивнул раздатчице, та принесла куски хлеба потолще и разложила их по одному перед ребятами.

— Теперь не видно,— сказал мальчишка на другом конце стола.

— Карпов,— прикрикнула завуч, уже не так строго, как в первый раз.

Сытые и довольные ребята выходили из-за стола.

В классе их ждал еще один сюрприз. К концу последнего урока дежурные разнесли и разложили по партам каждому по бублику и конфете-подушечке с начинкой их патоки. Бублики и конфеты получили все, и те, отцы которых не погибли на фронте. Ни о каких задачах думать было невозможно. Взгляд сам, не слушаясь, сползал со страницы учебника на бублик и конфету.

— Ладно уж, уничтожайте свои пионерские подарки,— сказал учительница, закрывая журнал.

В то же мгновение бублики и конфеты исчезли с парт.

Расходились из школы довольные.

— Всегда бы так,— сказал тот самый Карпов, который через хлеб пытался увидеть Кремль.

Вечером того же дня Фима сидела рядом с раскладушкой, на которой спал сын и разглядывала его пионерский галстук. Собственно, не рассматривала, а машинально перебирала пальцами красную материю.

Она думала о том, что вот и сын стал на ту самую дорогу, по которой шел его отец, ее Грегор. Пионер, потом комсомолец, потом — партия. Потом... Страшно подумать, что может быть потом. Как Грегор?..

С каким жаром и восхищением Ромашка рассказывал о приеме в пионеры! С каким восторгом, вскидывая руку, как саблю, показывал, как надо отдавать пионерский салют. Фима вспомнила, как точно также ее Грегор с горящими от возбуждения глазами говорил ей о том, что здесь в России строится новый, лучший мир, в котором все будут счастливы, что переживаемые трудности и жестокость властей — дело временное, болезнь роста, роста молодого народного государства. Что он завидует тем, кто будет жить в России через пятьдесят лет, нет, раньше! Тогда Фима слушала почти равнодушно, что зажигало Грегора еще больше. Он хотел, чтобы она, его жена, гражданка Страны Советов, горела тем же огнем нетерпения, с каким он жаждал скорейшего наступления светлого будущего. Но Фима не зажигалась. Ее больше беспокоило будущее ее сына, присутствие которого она все явственнее ощущала в своем теле. Он, ее будущий ребенок, все чаще и настойчивее давал о себе знать. Его толчки в ее чреве, как предвестники родов, становились все настойчивее. Помимо сладостного предчувствия скорого появления его на свет, ее все больше одолевали тревоги о том, как они будут жить дальше, уже вдвоем. Грегор витал в облаках. С пристрастием искал вокруг ростки нового общества, признаки появления нового, никогда не существовавшего ранее советского человека, ездил по стране, оставляя по неделям ее одну, до поздней ночи сидел за письменным столом, заставляя ее мерзнуть одиноко в постели. И забывал воспользоваться льготным талоном, ходил в штопанных ею, Фимой, носках. С какой радостью он узнал, что будет отцом. Но подумать о том, что понадобится этому будущему гражданину новой России после его появления на свет, не успевал.

Сидя у постели спящего Ромашки, Фима поражалась тому, как сын похож на отца. Не только внешне — смуглый, черноволосый, но и характером.

Фима, теперь уже тридцатилетняя женщина с горьким опытом любви и жизни, знала, что таких людей, как Грегор, как ее сын, не любят. Они неудобны, они мешают тем, кто не умеет или неспособен увлечься, зажечься идеей или делом. Их уничтожают в первую очередь...

— Господи! — вырвался беззвучный взглас из ее груди. Этот взглас не означал молитву или мольбу. Он означал лишь темный, жуткий страх потерять самое дорогое, что у нее осталось в жизни.

* * *

Ночью странный шум разбудил Ромашку. В полусне слышал женские и мужские голоса, топот ног, хлопанье дверей. Когда шум прекратился, Ромашка опять заснул.

Утром он спросил о причине шума.

— Тебе приснилось, — сказал Фима. Потом заплакала и сказала: — Забрали Марка Львовича.

— Куда забрали? — удивился Ромашка.

— Известно куда... Перестань расспрашивать! — неожиданно для Ромашки сердито выкрикнула мама.

— Вот почему был шум, — самому себе серьезно сказал Ромашка.

— Да, поэтому. Они всегда приходят ночью, — тихо сказала Фима.

Ромашка не стал больше расспрашивать. Почувствовал, что случилось что-то нехорошее, страшное.

Льва Марковича Ромашка видел редко. Тот приходил с работы поздно, часто ра-

ботал в выходные. Но иногда, когда Марк Львович был дома и был свободен от дел, Мария Семеновна звала Ромашку и просила поиграть для него на пианино. У нее были уже другие ученики. Она давала уроки на дому. Ромашка, Роман Григорьевич, как она его звала то ли в шутку, то ли в память первого знакомства, был ее гордостью. Он так быстро прогрессировал в технике игры, с таким жаром и так много играл, что она боялась, что он переиграет руку.

Марк Львович благодушно располагался в кожаном кресле, закидывал ногу на ногу и говорил — «послушаем юное дарование».

Ромашка уверенно садился на круглый вертящийся стул и играл. Он любил играть при слушателях.

Ромашка вскидывал руки, играя *pianissimo*, склонялся над клавиатурой, а закончив играть, откидывался назад и замирал.

— Откуда в этом простом мальчишке такой темперамент и артистизм? — недоуменно на ухо мужу говорила Мария Семеновна.

— Недурственно, недурственно,— говорил Марк Львович и громко хлопал большими сильными ладонями. В улыбке под его пышными усами появлялись большие желтые зубы.

После «концерта» Ромашку оставляли пить чай. На круглый стол, покрытый разноцветной скатертью, ставили тонкие белые чашки на таких же белых тонких, как бумага, блюдцах. На блюдцах лежали желтые чайные ложечки.

Ромашка не стеснялся супругов Голдберг. Такая была фамилия Марии Семеновны и Марка Львовича. Размешав в чашке сахар, клал ложечку на блюдце, двумя пальцами поднимал чашку и, не сгибаясь над столом, пил мелкими беззвучными глотками, как это делали Мария Семеновна и ее муж.

Марк Львович обычно за чаем заговаривал о работе, о том, как много забот у главного энергетика такого крупного завода, как КИМ. Мария Семеновна пресекала эти разговоры в самом их начале.

— Роману Григорьевичу это неинтересно,— говорила она.

Марк Львович шутливо сопротивлялся, говорил, уже в который раз, что мужчине подобает иметь дело с железом, а не с бесплотными звуками. Посопровотившись, уступал жене, видя, что Ромашка целиком на стороне советской учительницы.

Ромашке было лестно, что Голдберги разговаривают с ним, как со взрослым.

— Представь себе, что Робинзон Крузо ничего не умел бы делать, а только играл, скажем, на гитаре или волынке. Ведь он был, кажется, англичанин. Он бы погиб на необитаемом острове,— говорил Марк Львович с явным оттенком превосходства над юным музыкантом в последнюю их встречу за чаем.

— На острове и так было много звуков — шум волн, пение птиц, крики обезьян,— парировал Ромашка.— Представьте себе, Марк Львович, что на острове была бы абсолютная тишина, ни одного звука. Смог бы выжить Робинзон Крузо?

— Bravo, Роман Григорьевич,— сказала тогда Мария Семеновна,— один ноль в твою пользу.

Марк Львович улыбался, показывая большие желтые зубы,

— Недурственно, недурственно, молодой человек.— добродушно сказал он тогда.

После той ночи Ромашка понял, что этого уже не будет никогда. Ни занятий с Марией Семеновной, ни книг из их библиотеки, которые они охотно давали ему читать, ни чая из белых тонких чашечек. И разговоров за чаем с ним, как взрослым, о книгах, о музыке, о заводе и работе большого и добродушного человека с пышными усами и большими желтыми зубами тоже уже никогда не будет.

Уроков музыки больше не было. Мария Семеновна уходила из дома с утра и возвращалась поздним вечером.

Она стала опять оставлять Ромашке ключ от своей комнаты, чтобы он мог поиг-

рать самостоятельно. Спросить об уроках он боялся. На Марию Семеновну больно было смотреть. Застывший взгляд, неподвижное лицо, плотно сжатые губы.

Ромашке удалось разучить несколько пьес без Марии Семеновны. Подчиняясь своему и Марии Семеновны настроению, он разучил «Октябрь» из «Времен года» Чайковского и вторую, медленную часть из Патетической сонаты Бетховена.

В эти часы самостоятельных занятий за пианино его единственным слушателем была Фима. Она приходила в комнату Голдбергов, садилась на стул сбоку от пианино и слушала. Когда он заканчивал свои занятия, она часто просила его сыграть «Песнь Сольвейг». Фима безотчетно любила эту грустную и в средней части светлую, как бы танцевальную, мелодию. У Фимы был хороший музыкальный слух. Она могла безошибочно пропеть всю «Песнь Сольвейг» от начал до конца. Фима не знала, был ли у Грегора музыкальный слух. Музыку он любил. Кроме Большого театра, куда у него был льготный билет на двоих, они ходили в консерваторию. Там Фима научилась долго сидеть неподвижно и слушать. Особенно она любила, когда играли на рояле или скрипке. Симфоническая музыка навевала скуку. Слушая игру на рояле, она удивлялась, как это можно так быстро бегать пальцами по клавишам.

Теперь ее сын, ее Ромашка, сидит за пианино, пальцами безошибочно перебирает клавиши, и настоящая музыка звучит в обыкновенной комнате.

Жизнь Фимы была будничной и серой. Скудное сидение на дежурствах в заводоуправлении. Потом двое суток забот о том, чем накормить сына и себя, во что одеться. Лиза, как могла, помогала ей. Но сестра была больна. Приготовить еду, да накормить Ромашку — вот и все, что она могла.

Эту скучную жизнь теперь украшала музыка. Музыка ее сына, воскрешавшая воспоминания о счастливой, но такой короткой жизни вместе с Грегором.

Случившееся с Марком Львовичем еще больше обострило Фимины воспоминания о той жизни. Ей было страшно. Она знала, что этот страх имеет основания и боялась думать о случившемся.

Когда Ромашка закончил играть «Песнь Сольвейг» и сидел еще за пианино, как бы прислушиваясь к замирающим звукам, Фима подошла к сыну сзади и обняла его за плечи. «Спасибо, сынок», — тихо сказала она. Не отпуская его плеч, Фима слегка покачивалась вместе с сыном, как бы баюкая его. Плечи десятилетнего мальчика были не по годам широкие и сильные, как у Грегора, и, как у Грегора, черные волосы на его голове распадались на обе стороны на прямой пробор.

* * *

Свершились перемены и в жизни сестер. Поля больше не привозила махорку на продажу. Воинская часть, что стояла в Кузьминках, была переведена куда-то далеко, из Москвы. Пленные немцы построили три дома и больше не появлялись в поселке.

За тетей Лизой приехал капитан Коля, Николай Петрович. У него умерла жена, и он стал вдовец.

Года два назад в течение года он приходил к сестрам Кузнецовым за махоркой. Сам он почти не курил, или курил мало. Приходил из-за тети Лизы. Она ему нравилась. Прошло время, и капитан Коля стал нравиться тете Лизе. Она призналась Фиме, что всегда любила военных мужчин. Капитан был честный человек. У него была жена, и он не мог жениться на тете Лизе. Он уехал. Тетя Лиза поплакала «втихомолку», так говорила мама, и со временем привыкла к разлуке с понравившимся ей капитаном. У нее был Ромашка, всю свою неистраченную женскую любовь она отдавала ему, своему испанчику, смуглому умненькому мальчику, который называл ее «мамой номер два». Эта любовь иногда тяготила Ромашку. Нельзя было задержаться в школе или на прогулке, прийти с синяком или дыркой на штанах. Начинались расспросы, «охи» и «ахи», становилось «плохо с сердцем». Ромашка чувство-

вал себя виноватым, просил прощения, тетя Лиза обнимала его и просила «так больше никогда не делать».

И вот капитан Коля, высокий белокурый человек, приехал забрать тетю Лизу. В свои двадцать пять она из-за болезни сердца выглядела почти девочкой. Капитан тоже был вполне молод, чуть за тридцать, у него «золотые руки», на фронте был связистом, а сейчас начальник телефонного узла там, у себя в далеком городе за Уралом. Семью обеспечить может.

Все это Ромашка узнал их тихих разговоров тети Лизы с мамой, которые они вели поздним вечером, думая, что их мальчик спит. Из вечерних разговоров сестер он понял, что тетя Лиза согласна уехать с капитаном Колей в его далекий город за Урал, и что он, возможно, никогда больше ее не увидит. Ромашке было грустно оттого, что тетя Лиза уезжает от них.

Фиме тоже было жаль расставаться с сестрой. С тех пор как Лиза перенесла ревматизм, и у нее стало больное сердце, она относилась к младшей сестре по-матерински. Отъезд Лизы означал также, что Ромашка останется без присмотра. Но Ромашка уже большой, одиннадцать, умный, послушный. «Не пропадете»,— успокаивала сестру Лиза.

Фима соглашалась с Лизой

«Не пропадем. Как-нибудь все образуется». Сестре надо устраивать свою жизнь, не вечно же ей быть нянькой Ромашки. После войны мужчины избаловались, нарасхват, холостых девушек и молодых женщин сколько угодно. А тут Николая берет Лизу, больную, может быть, бездетную. Он знает все и на все согласен. Лишь бы Лиза вышла за него. Два года ждал. Срок немалый. Стало быть, любит по-настоящему. Николай признался, что у него есть годовалая дочка. Тем лучше. Все складывается хорошо — любящий мужчина, ребенок, хоть и не свой, но маленький, будет звать мамой.

Сестры решили, что Лиза должна выйти за Николая.

Решили расписываться там, у Николая, а не в Москве.

До отъезда дядя Коля стал бывать у них каждый день. Брал Лизу, а заодно и Ромашку, и они ехали в Москву, в город. Текстильщики хоть и считались Москвой, но какая же это Москва, так, скучный поселок.

Для Ромашки настали золотые деньки. Они ходили в зоопарк, Третьяковку, парк культуры Горького, катались на речном трамвайчике по Москва-реке.

Когда тетя Лиза уставала, они оставляли ее на скамейке, а сами шли посмотреть зверей или катались на качелях. Дядя Коля так высоко взметал Ромашку вверх, что у того дух захватывало и ноги становились, как ватные, но он терпел и не подавал виду, что боится.

— Держись, испанец! Но пасаран,— кричал дядя Коля. Белые волосы то падали ему на лицо, то отлетали назад, он хохотал. Глядя на них, смеялась тетя Лиза, смеялась Ромашка, подавив свой страх. В тире дядя Коля учил Ромашку стрелять из пневматического ружья. Ромашка старался, но попадал редко. За каждый удачный выстрел в награду он получал еще одну пульку. Потом они катались на лодке и кормили белых лебедей кусочками булки.

На речном трамвайчике дядя Коля усаживал Лизу, укрывал ее своим пиджаком, чтобы не продуло, и приносил ей и Ромашке из буфета сидро и мороженное в вафельных стаканчиках.

За четыре года, что он прожил в Москве, Ромашка впервые увидел Кремль, Мавзолей, Красную площадь покатался вволю на метро.

К вечеру дядя Коля привозил их домой усталыми, но довольными.

Эти пять дней перед расставанием с тетей Лизой были для Ромашки настоящим праздником, который, к сожалению, был коротким и должен был закончиться грустно.

Вещей у тети Лизы набралось мало. Фима отдала ей как приданное кое-что из то-

го, что когда-то Грегор брал для нее по льготным коминтерновским талонам. Красивую блестящую блузку, плащ и туфли. Фима надевала их редко. Берегла. Но и, конечно, стеснялась носить. Слишком они были иностранные, обращали на себя внимание. С Грегором еще можно было. А без него... А без него ей ничего не надо. Вещи поэтому имели еще вполне приличный вид. «Не голую же тебя отдавать», — сказала Фима сестре.

Рано утром дядя Коля приехал за тетей Лизой на такси. Все вместе поехали на Казанский вокзал. Тот самый, на который они приехали в Москву из эвакуации четыре года назад. Огромный вокзал, как и тогда, был полон народа. Так же, как и тогда, боялись растеряться в толпе.

Дядя Коля увозил Лизу в купейном вагоне. Ромашка вспомнил вагон, в котором они приехали в Москву, он назывался общим, и удивился, как уютно может быть в поезде и очень удобно, можно было даже лежать.

Дядя Коля вынул из чемодана бутылку шампанского, с шумным хлопком ее открыл и налил всем, и Ромашке, шипящее вино в стаканы с подстаканниками.

— За любовь, за счастье! — сказал он и расцеловал всех, начиная с тети Лизы.

Когда по радио объявили, что провожающим надо выйти из вагона, они стали обниматься, опять целоваться. Мама и тетя Лиза стали вытирать слезы.

На перроне Фима и Ромашка долго махали вслед уходящему поезду.

Грустными, очень грустными, они ушли с перрона.

* * *

Наступившая зима была для Фимы и Ромашки трудной. В дни Фиминых суточных дежурств на заводе Ромашка оставался один.

Ранним зимним утром, еще было темно, он вставал, шел на кухню, на керогазе, этого Фима боялась больше всего, грел чай, завтракал и выходил на улицу. В темноте он вливался в стайку ребят.

Ждали, когда все соберутся. Здесь были и первоклашки и ребята постарше. И через весь поселок на другой конец шли в школу.

В домах зажигались огни. Темные силуэты людей появлялись на улице, хрустко шагали по мерзлому снегу, спешили к автобусной остановке. Это были рабочие завода КИМ.

Ребятам всем вместе идти было не страшно. Только первоклассники боялись темноты и, чтобы не отстать, забегали вперед и путались под ногами у ребят постарше. Кто-то на ходу доедал свой завтрак. Чаще всего это был ломоть черного хлеба. Затевалась игра.

— Хочешь хлебца? — спрашивал идущего рядом мальчишку обладатель аппетитно пахнущего на морозце ломтя. И быстро, чтобы тот не успел ничего сказать, говорил:

— Не хочешь, не надо.

Эта игра в «хочешь — не хочешь — не надо» была единственным развлечением идущих по темным улицам пробуждающегося поселка мальчишек.

Тот, кто не успел сказать — «хочу», говорил — «ладно, дай откусить». Тогда жующий ставил палец близко к краю куска хлеба, чтобы не откусили много, и протягивал просящему. Есть ребята хотели всегда.

В школе обеды на большой перемене стали постоянными.

Однажды завуч сказала Ромашке:

— Кузнецов, не ходи на обеды. Твой отец погиб не на фронте, а неизвестно где.

Повзрослевший Ромашка отнесся к отлучению от еды спокойно. Есть, конечно, хотелось, особенно сильно, когда ребята уходили в столовую. В классе оставалось их, без права на обед, человек пять.

Бублики с конфетами на последнем уроке раздавали всем.

На Октябрьские и Первое Мая в магазине давали муку, по килограмму в одни руки. Для ребят это было веселое время. Очередь занимали с ночи, чтобы к утру, когда открывался магазин, достался заветный килограмм. Получив на ладонь порядковый номер, написанный чернильным карандашом, ребята разбегались по поселку. Можно было гулять всю ночь. Играли в войну, стреляли, сражались деревянными саблями. Играли в прятки, «салочки». Набегавшись, садились на ступеньки магазина и рассказывали друг другу всякие истории. Чаще всего про войну, про своих отцов — живых и погибших, про их ордена и медали. Во время этих разговоров про войну и отцов Ромашка обычно помалкивал. Рассказывать ему было нечего.

Утром с килограммом муки в руках уставшие за ночь ребята расходились по домам. Свой килограмм приносил в дом и Ромашка.

Зимой был еще один источник пропитания. Большой Люблинский пруд не замерзал у водопада. Там, где темная холодная зимой вода переливалась через дамбу, можно было ловить рыбу. Ребята становились на края полыньи и сачками из марли вычерпывали выплывавших из-под льда плотвичек величиной с палец. За два-три часа можно было наловить целую банку без воды. Дома серебристых рыбешек Фима пропускала через мясорубку и получались вкуснейшие на свете рыбные котлетки. Это был личный вклад Ромашки в скудный рацион питания. Он этим очень гордился. Придя с рыбалки, он медленно, устало, как рабочий человек, снимал валенки, пальтишко, шапку, садился на табурет и клал на стол холодные, красные от воды и холода руки.

— Устал, — говорила Фима, чувствуя, что сын ждет сочувствия мамы.

— Немножко, — скромно и с достоинством человека, сделавшего полезное дело, говорил Ромашка.

Ромашка учился хорошо. Если случались тройки, Фима не ругала его. Она начинала говорить о том, каким умным был его отец. Как много он знал, как много читал и как писал статьи, чтобы читали другие. Что Ромашка будет таким же умным, но для этого надо хорошо учиться. Других аргументов у нее не было.

Отец для Ромашки был легендой. Он не помнил его. Ни его лица, ни его рук, ни его голоса. У Фимы каким то чудом сохранилась только одна единственная фотография Грегора. На ней он вместе с Фимой. Оба молодые. Фима в берете, надетом на черные, коротко стриженные волосы. Грегор в пиджаке, с галстуком-бабочкой в горошек. Пышные волосы распадаются на обе стороны.

Эту фотографию Грегор хотел подарить бабушке Стеше как единственной самой старшей из обретенных после женитьбы на Фиме родственников. Но Фима фотографию не отослала. Постеснялась. Слишком нерусский был на фотографии Грегор. На обороте карточки была надпись: «Дорогой маме Степаниде от детей Ефимии и Грегора, и дата — декабрь, 1936». Четкие, без наклона, как цифры, буквы. Это была рука Грегора, отца. Ромашка часто рассматривал фотографию. Потом смотрел на себя в зеркало и, в самом деле, находил большое сходство между собой и отцом. Хотел повесить фотографию на стенку, но мама не разрешила.

Слушая рассказы мамы об отце, Ромашка понимал, что его отец был не как все. Не как все должен был быть и он, Роман Кузнецов. О том, что он не как все, давали ему понять каждый день. И взрослые, и сверстники. Называли то цыганом, то татаринном, то евреем. О том, кто на самом деле, Фима не велела говорить. Русский и все. Взрослые, погадав о национальности Ромашки, уверенно приходили к выводу — «не нашей расы парень».

Образ отца, умного и много знавшего, побуждал Ромашку хорошо учиться. Зная, что отец говорил на иностранных языках, с особым усердием учил английский. Знал его хорошо. Читал английские книги из библиотеки Голдбергов. Уроки английского в школе были ему скучны. Однажды за это поплатился. Директором в школе был Борис Львович Громов. Недобрый и грубый человек. В самом имени и фамилии его

звучала угроза. Бывший военный, он больше всего любил порядок и дисциплину. Однажды директор явился на урок английского проверить, как ведет занятия только что взятая на работу молоденькая учительница.

Борис Львович, прозванный за грубость «Барбосом», проходил между партами и увидел, что Роман Кузнецов записывает урок не в тетради, а не листке. Барбос пришел в ярость. Схватил листок, смял, и комок бумаги швырнул в лицо Ромашке.

Ромашка вспыхнул, вскочил на ноги.

— Как вы смеете! — тихо сказал он.

— Вон из класса! — так же тихо, еле сдерживаясь, прошипел Барбос. И когда Ромашка был уже в дверях, крикнул ему вдогонку:

— Без отца не приходи!

После уроков, когда ребята через вес поселок возвращались домой, картавый Сережка Андрончик сказал Ромашке:

— Мать тебе пиндюлей навешает!

Навешивать «пиндюлей» Ромашке было не кому. Фима была на дежурстве. Но если бы и была дома, самым тяжелым для Ромашки наказанием было бы молчание мамы. Она молчала, ее лицо становилось грустным и закрытым. Долго вытерпеть этого Ромашка не мог. Он подходил к Фиме, утыкался лицом в ее плечо и тихо говорил — прости. Через минуту-другую, длившуюся как целая вечность, рука Фимы опускалась на его голову, она начинала гладить его черные, распадавшиеся на две стороны волосы, — и это означала прощение. Без слов, без упреков.

Мария Семеновна продолжала пропадать из дома целыми днями, оставляя Ромашке ключ от своей комнаты, чтобы он мог поиграть на пианино. И вот однажды она сказала Фиме, что уезжает из Москвы навсегда.

Подъехал грузовик. Погрузили вещи, мебель, связки книг, картины.

— Пианино я оставляю Ромашке, — сказала она Фиме. — Ему оно нужнее, чем мне. Без музыки он пропадет.

Большой длинный «комод», как раньше Ромашка называл пианино, переехал в комнату Фимы на место, где стояла кровать Лизы.

И добрая соседка Мирра, а для Ромашки Мария Семеновна — темноволосая тетка с ласковым голосом, подарившая ему музыку, навсегда исчезла из жизни Фимы и ее сына.

Осталось черное блестящее пианино фирмы *Bekker* и музыка, без которой Ромашка, в самом деле, пропал бы. Послевоенная улица с амнистированными уголовниками, блатными песнями, непременными драками, выпивками по подъездам поглотила бы его, разрушила и выбросила из своей тлетворной пасти, как это случилось со многими его сверстниками. С ним это не случилось. Но не случилось по другой причине.

Окончание следует.

Алексей Яшин
(г. Тула)

СОВЕРШЕНСТВО И АБСУРД*

◆ Артиллерийский полковник в запасе Хмуров, ныне доцент кафедры ракетостроения Тулуповского государственного университета, в последнее время стал ощущать определенную неадекватность окружающей его обстановки: на работе, дома, на улице. Даже на дружеских вечерних с устатку — посиделках в забегаловке «Ханты-манси» с коллегами по кафедре, доцентами Николаем Андреяновичем и Яцышеным, с доцентом же Язвишиным с медико-физкультурного факультета. Стал он замечать то, что ранее воспринимал как некую индивидуальную особенность то ли своего зрения, а может и образности мышления что ли?

Все дело в том, что как будто начал он воспринимать окружающий мир несколько *отстраненно*. Или *отстраненно*? Самое интересное, его аспирант Эдька как-то в доверительном разговоре с шефом — поздним вечером, когда засиделись они вдвое в преподавательской кафедре, выправляя третью главу диссертации — признался примерно в том же самом:

— Понимаете, Григорий Иванович, этот чертов компьютер и суточные «сидения» в Интернете, при всей их полезности, конечно, странное дело с человеком делают: начинаешь себя ощущать вроде как одиночкой, ото всего изолированной единицей. Среди людей, событий и предметов живешь, но все это, даже в каком-то смысле отец с матерью и сестра, бабуля тож, кажутся, прости господи, некими посторонними. Порой до дикости в мыслях доходит: думаю, вот дотронусь пальцем до кого-нибудь или чего-нибудь, а палец пройдет через них. Как в пустоте с голографическими объемными фигурами. Но в то же время какая-то боязнь или неведомая сила запрещают такие эксперименты проводить.

Сейчас у меня подруга интимная, извините, Григорий Иванович, медичка со старшего курса, с нашего медико-физкультурного. Как-то поделился с ней, вроде как шутя, этими мыслями, но та перед этим шампанского с ликером нахлебалась, да и я ее, вторично извиняюсь, чувственно завел... Засмеялась только: а ты, мол, Эдик, как мысли такие придут в голову, так попей сибазончику или грандаксину. Еще действеннее — ивадалу, флуоксетину или доброго старого алпрозоламу. У меня по фармакологии пятерка, то есть сто баллов, были!

Еще раз посмеялась, потом: дескать, не задумывайся, как такая хандра найдет, там мигом ко мне. Коньячок отцовский, шампунек — и в койку. Она-то сразу излечит. Родичи мои, как ресторанным бизнесом увлеклись, так без выходных и праздников в девять утра сматываются, а приезжают в два-три ночи! Так что твоя спасительница, исключая часы занятий, всегда к твоим услугам!

Хмуров ухмыльнулся непосредственности аспиранта, а поскольку виртуализация

* Глава из нового романа «Сны и явь полковника Хмурова (Пятая книга рассказов Николая Андреяновича)», готовящаяся к печати в издательстве «Московский Парнас».

социума и индивидуального человека, полностью погрузившегося, как современная молодежь, в интернетовский, компьютерный мир, как раз и являлась одной из основных тем его исследований и содержания уже написанных томов «книги века», как уже весь университет за глаза ухмылялся, то он кратко, но понятийно объяснил суть происходящего с собеседником. Однако под конец краткой лекции поймал себя на тревожной мысли: но ведь он-то, в отличие от Эдьки и всех современных тинейджеров, да далеко и не только их одних, к компу почти что не подходит, благо печатать и рисовать иллюстрации в машинной графике для его монографий есть кому на кафедре. За умеренную плату. А Интернет он давно объявил изобретением дьявола; принципиально не знает смысла слов из птичьего языка пользователей этой техники навроде блог, сайт, провайдеры там всякие с франчайрайзерами...

Неуютно стало полковнику Хмурову. Скомкав объяснение, распрощался с аспирантом до завтрашнего дня. Повеселевший Эдька взял курс на дом Натки-медики, а Григорий Иванович уныло пошагал вниз по проспекту. Тоже держа ориентир на свой дом. А может и не свой? Вроде как до старости еще дело не дошло. А до чего дошло?

◆ В самом конце третьего века семнадцатого тысячелетия первого цикла летоисчисления* Главный управляющий центр Земли выдал директиву высшей категории важности: для корректировки генплана развития до конца первого цикла в числе многих других мероприятий провести очередной биологический эксперимент. Сущность его состояла в следующем. Да, заметим, что аналогичные проводились, в качестве контрольных, во всех предыдущих нечетных тысячелетиях цикла...

Итак, на этот раз контроль должен быть проведен по соотносению с восемьдесят восьмым годом до начала первого цикла, то есть с 2010-м годом по доисторическому, христианскому календарю.

Соотношение заключалось в воспроизводстве по артефактам ДНК, или их фрагментов, типичного *homo sapiens* в текущем году соотношения, то есть в этот раз в 2010-м от Р.Х., находившегося в возрасте физической и умственной зрелости, главное — самодостаточно мыслящего. Этот воссозданный древний человек, начиная от активации ДНК и до достижения возраста, соответствующего 2010-му году, естественно формировался в условиях правдоподобного анабиоза.

То есть, во-первых, никаких архаичных, давно изжитых репродуктивных технологий с привлечением бывших женщин — типа ИОМ, ИОД, ЭКО с ПЭ** и так далее. Плод реконструируется из ДНК в специальной биофизикохимической камере, управляемой компьютером LVII-го поколения. Для самой полной идентификации «родившегося» младенца далекому его близнецу, включая не только пол, группу крови с ее полной формулой и так далее, вплоть до «унаследованных» черт характера и внешности давних же отца, матери и всех предков до седьмого поколения, в управляющую камеру программы компьютера включены все эти характеристики. Последние же считаны с ДНК-артефакта.

Понятно, что такое стало возможным, когда в самом начале второго века первого тысячелетия первого цикла были кардинально пересмотрены примитивные и неадекватные представления о структуре наследственной памяти ДНК, вошедшие в научный обиход еще в доцикловые времена — так называемая международная программа

* В будущем человечество выбрало отсчет времени по циклам, причем длительность цикла вычисляется из соотношения времен полураспада образцовых изотопов индия и тория: $\Delta_{\eta} = (In^{115})_{1/2} : (Th^{232})_{1/2} - (Th^{229})_{1/2} = (6 \cdot 10^{14}) : (1,45 \cdot 10^{10}) - 7540 = 33860$ (лет). Начало первого цикла было отнесено (по привычному нам летоисчислению) к 0.0 31 декабря 2098 г. от Р.Х. То есть описываемые события начались в 19390-х гг. от Р.Х.— Прим. авт.

** Используемые ныне репродуктивные технологии; соответственно, искусственное оплодотворение спермой мужа; то же, но спермой донора; экстракорпоральное оплодотворение с переносом эмбриона («ребенок из пробирки»).— Прим. авт.

«Геном человека». Как стало вскоре, где-то в XXII веке старого летоисчисления, понятно, что «рассортировать» три миллиарда нуклеотидных оснований ДНК человека по условным генам — это примитивная «арифметика». А вот «высшая алгебра», что и было выполнено — это установление свыше трех триллионов электромагнитных связей: между группами-генами и отдельными нуклеотидными основаниями.

...Но это все цветочки, ягодки впереди, а именно: воссоздание максимально адекватных прототипу-близнецу внешних условий взросления копии от самого условного «рождения» до серьезного взрослого возраста в 2010-м году по старому летоисчислению. Это уже информация не генетическая, но — фенотипическая. Конечно, в тонких связях генов ДНК процентов двадцать-двадцать пять фенотипики отобразилась. До половины всей информации дали архивные материалы той поры в локализации выбранного объекта. Остальное — сложнейшая интерполяция архивных данных и фенотипики методом последовательных шагов-итераций.

То есть в течение всех пятидесяти с лишним лет взросления клона, находящегося в специальной камере с круговыми объемными голографическими экранами и тренажерами для физического развития, каждые полчаса система энцефалодатчиков фиксировала все оттенки работы оперативной памяти и подсознания и подправляла, экстраполировала фантом окружающей «обстановки» в управляющей программе.

...Все это долго объяснять чисто понятийным языком, то есть без формул математики и логики, системного программирования и пр., и пр. Словом, к назначенной дате клон готов для эксперимента. Сущность же последнего: для корректировки ген-плана развития всей инфраструктуры Земли в вычисленные Главным управляющим центром сроки клонируются группы (но сугубо автономно) людей-архетипов из разных эпох — от XVI века христианской эры до предыдущего тысячелетия первого цикла нового летоисчисления. Далее каждый из них, выросший в смоделированных, адекватных ему условиях-фантамах, «выпускается» в реальный теперешний мир. Ему объясняют: кто он есть, знакомят с всем и вся нынешнего облика Земли, а закрепленные на его голове и теле чины-датчики дают на регистрирующий компьютер сигналы, отображающие всю психосматику и мыслительную деятельность клона.

Казалось бы: кому в семнадцатом тысячелетии первого цикла нового летоисчисления важны мнения и реакции первобытного человека доисторического, христианского периода дикой цивилизации Земли? Но — нужны и очень даже важны. А почему нужно и очень даже важны? — Это знание есть прерогатива исключительно верховного разума Земли, воплощенного в структуре Главного управляющего центра. Анализирующего и синтезирующего тож.

◆ Задача поиска исходных ДНК-артефактов из той далекой эпохи и сложна, и проста. Проста чисто технически, особенно для времен, начиная с первой трети XXI века христианского летоисчисления, когда в наиболее развитых тогда странах начали создавать банки генетических материалов. Эти банки, вернее те из них, которые уцелели в Четвертой ядерно-психотронной войне, развязанной теми дикарями, далее были включены в более совершенные банки и сохранились до сих пор. А от XVI—XX веков христианской эры ДНК-артефакты также были собраны из захоронений во второй трети того же XXI доисторического века. В основном они тоже сохранились.

Сложность же заключалась именно в отыскании ДНК-артефактов только самодостаточно мыслящих людей, образованных и склонных к логически непротиворечивому анализу и синтезу. Бывшие дворники, торгаши, военные, чиновники здесь не годились.

В Институте реконструктивного биосинтеза, издавна ответственного за эксперименты подобного рода, в штате которого состояли пять биологически идентифицированных управленцев, две сотни виртуально идентифицированных биороботов, главный мегакомпьютер и автоматизированный поисковый комплекс, поиски ДНК-

артефактов группы людей, живших с середины XVI века по середину века двадцать первого, были распределены — по количеству группы — между двадцатью виртуально идентифицированными биороботами (*ВИБ*). Все они подчинялись управленцу третьего ранга.

ВИБ № 78, как он значился в списке личного состава Института, то есть супер-компьютер со сложной телекоммуникационной и механотронной инфраструктурой, занимавшей рабочий кабинет под тем же номером, получил по разнарядке Управ-три задание на поиск артефактов древнего человека, обладавшего к 2010-му году набором требуемых качеств.

Стандартные, отработанные программы поиска результатов не дали. Немногие генетические банки начала XXI христианского века оказались уничтоженными в Четвертой мировой войне. Поэтому предстояла очень кропотливая работа по захоронениям, не всегда дающая адекватный результат. Но что поделаешь? *ВИБ № 78* приступил к первому этапу: архивному поиску подходящих кандидатур 2010-го года в возрасте 50—60 лет.

Семьдесят восьмой биоробот был новейшей конструкции, по интеллекту почти приближенному к биологическому человеку, поэтому на досуге — регламентной проверке, мелком ремонте, изменении конфигурации архитектуры и так далее — Семьдесят восьмой регулярно вводил в свою базовую память всякие информационные кунштюки, в основном, тексты древних книг и рукописей из фондов различных инфохранилищ. Особенно его интересовали труды по прогнозированию будущего Земли и Вселенной — почти безумные или полубезумные теории, выдвинутые в конце XX — начале XXI веков христианской эры. Может, зная этот пункт Семьдесят восьмого, Управ-три и поручил ему начало двадцатого века.

Поэтому «продвинутый» *ВИБ № 78* не стал поначалу тупо-механически перебирать архивные досье за 2010-й год, а перевел из базовой памяти в оперативную эти самые кунштюки того времени и сразу выявил козырную карту — пятитомное сочинение некоего Григория Ивановича Хмурова, русского по тогдашнему разделению по национальностям, военного в запасе, преподававшего в университете города Тулуповска — опять же по принятому в древние времена делению на государства — в стране России.

Труд этот был посвящен прогнозу — с позиций науки и суеверий того времени — перехода биосферы Земли в ноосферу, а реального мира людей биологических в виртуальный электронный мир. Как ни странно, но этот экс-полковник предугадал многое из сбывшегося уже в самом начале первого цикла нового летоисчисления.

Вот бы заполучить *ДНК*-артефакты лихого полковника? Увы, Тулуповск и его окрестности с захоронениями был снесен в том же начале первого цикла, как неперспективное поселение, а на освобожденной территории, богатой подземными водами, вырыли гигантский котлован площадью восемьдесят квадратных километров, заполнили его в течение трех лет водой из системы артезианских скважин. Получившееся хранилище восполнило нехватку пресной воды в центральной части Восточной Европы.

...И опять Семьдесят восьмому повезло: базовая память отыскала в сонмище файлов всякого мусора информацию: в одном из книжных древнехранилищ имеются книги из библиотеки бывшего Тулуповского университета. Ориентированный запрос выдал ошеломляющий результат: в описи уцелевшей части фонда этой библиотеки сохранился третий том сочинений Хмурова с его личным экслибрисом. То есть это был авторский экземпляр; по всей видимости, завещанный полковником, наряду с другими книгами, родному университету. А может автор и сам по ошибке вместо «чистого» экземпляра передал в дар личный.

Опыт подсказал Семьдесят восьмому, что в книгах часто можно найти такие пре-

восходные ДНК-артефакты как волосы. Особенно в мудреных книгах, которые читают, задумчиво почесывая уже заметную лысину...

Затребованную книгу, бережно сохраняемую почти двадцать тысяч лет в вакуумной упаковке-консерванте, авторобот скоренько доставил в Институт, а механический и оптический интерфейсы Семьдесят восьмого тщательно просмотрели книгу. Волос не нашлось, ибо полковник Хмуров стригся коротко и голову при чтении не чесал. Но зато был обнаружен намного более ценный артефакт — следы слюны!

Действительно, просматривая сигнальный экземпляр третьего тома, Хмуров обнаружил грубую опечатку по вине издательства, побагровел (был несколько нетрезв — обмывал изданный труд) и, не сдержавшись, в гневе плюнул на опечатку. А поскольку кому-либо презентовать заплеванный экземпляр неприлично, то Хмуров оставил его себе как личный, проштемпелевав на форзаце свой экслибрис.

...Далее все просто. Досрочно выполнивший свою работу Семьдесят восьмой передал артефакт в отдел клонирования, дело завершилось. А через пятьдесят пять лет клон полковника Хмурова соответствовал его оригиналу 2010-го года древнего христианского летоисчисления.

◆ С каждым днем Григорий Иванович все более и более ощущал это непонятное чувство отстраненности: все вокруг вроде бы давно знакомое, свое... а в то же время и чужое. Особенно это поражало его, скажем так, в интимных делах с супругой. Жена его в начале шестого десятка не теряла, в отличие от многих глупых баб (стара, мол, дети, внуки...) темперамента и склонности к ночным ласкам. На людях выглядела на сорок с небольшим, а в постели, сохранив девичью атласность кожи и тугие груди, и вовсе на матерую тридцатипятилетнюю бальзаковку тянула.

Григорий же Иванович, по происхождению из казаков-староверов, и вовсе полагал свой возраст третьей молодостью. Четвертую же в их роду относили к седьмому десятку. Но Хмуров не был бы сверхдисциплинирован на военной службе, к тому же обладающим логическим, научным мышлением, если бы естественная, биологически обусловленная страсть к своей тугогрудой, так и не надоевшей более чем за четверть века, супруге, если бы его ночное постельное трудолюбие не дополнялось холодным расчетом медицинского характера. Ибо еще в его юности, в военном училище, старый, мудрый преподаватель по артиллерийской оптике Добромислов, уже давно в отставке, встретивший Октябрьскую революцию в Омском юнкерском корпусе, наскучавшись объяснением курсантам принципов работы биноклярных дальномеров, рассказывал пару забористых армейских анекдотов, а затем минут десять поучал их жизненным премудростям.

«...Готовьтесь, господа-товарищи курсанты, тянуть лет двадцать лямку армейского офицера. Причем не в штабах округов в крупных городах, а по преимуществу, особенно на первых порах, до капитанских и майорских погон, в глухомани, особенно в тайге или в Заполярье. Даже на Земле Франца-Иосифа, рядом с Северным полюсом, в дивизии первого удара по натовцам. В таких местах только два удовольствия-развлечения: вечером с сослуживцами выпить — в меру, конечно — водчонки под хороший харч, а ночью окучивать свою юную супругу. Особенно на Севере, где долгая полярная ночь. И вам, и женам одно нескончаемое удовольствие.

А как в полковники выйдете, отставниками станете, найдете непыльную работенку на гражданке, так не ленитесь, также продолжайте супруг своих баловать по ночам. Во-первых, и они за собой будут следить, в форме женской держаться; во-вторых, вам, кобелям отставным, одна польза. Не сопьетесь, а главное — при регулярной половой жизни лет до шестидесяти-семидесяти, как совершенно справедливо утверждает медицина, никакие циститы, аденомы простаты и прочие мочеиспускательные хвори вам не угрожают. А как только водчонкой увлечетесь на вольных хлебах, перестанете женам внимание уделять, так через год-другой станете за ночь по

десять раз в сортир бегать — и добегайтесь до операции и бутылочки с резиновой трубкой, принайтованной к бедру!»

Очень опасался Григорий Иванович этой самой бутылочки с резиновой трубкой, которой и самого отставного полковника Добромыслова пугали отцы-командиры еще в Омском юнкерском корпусе, а потому даже супруга порой, вроде в шутку от полученного удовольствия, а может и по-бабски с подозрением, утром говорила ему: «И откуда, Гриня, у тебя это все берется? Не иначе, как на кафедре вашей появилась новая лаборантка, что из нынешних молоденьких стерв, и ты второпях трахаешь ее в какой-нибудь каптерке, а? Возбудишься, а ночью на мне адреналин гасишь».

Оправдываться перед глупой, хотя и житейски умной, бабой Полковник считал ниже своего достоинства: «Ага, сразу трех завел. Подавай, боевая подруга, завтрак. И про селедку к ужину не забудь!»

...Вот в этом-то интимном деле Григорий Иванович в последнее время также отметил странность. Вроде все хорошо, ноу проблем, как говорят америкосы, все в обычной норме и качестве, так сказать, но вот порой такое ощущение, что будто не он по ночам супругу обнимает, а какой-то его двойник, а он вроде со стороны наблюдает интимную сцену.

Да-а, во всем внешнем можно тешить себя самообманом, причины находить, но биологическую-то природу не обманешь?

◆ Отстраненность его в самых интимных делах окончательно взбудоражила Полковника. Может это от долгой совместной жизни? Ведь не секрет, что многие супруги со временем начинают стесняться друг друга в постельных делах... Хмуров не был бы ученым-естествоиспытателем, если бы не проверял все на практике. То есть он должен был — для сравнения — вступить в контакт с другой женщиной.

Надо сказать, Григорий Иванович, имея молодящуюся жену и твердые морально-нравственные убеждения, если иногда и имел интимные отношения налево, то только по сугубо деловым соображениям: все для дома, все для семьи. В основном, когда состоял на воинской службе — легкие, ни к чему не обязывающие интрижки, иногда ускоряли на полгода-год получение очередной звезды на погоны. Случались и формажорные интимы; жизнь есть штука сложная и извилистая, а не прямолинейный проспект, ведущий однозначно к цели.

Кстати вспомнил давнее, пожалуй, единственно не деловое, но чувственное, увлечение молоденькой лаборанткой Ниночкой — это еще в бытность его преподавателем военной кафедры университета; впрочем, тогда еще технического Тулуповского института. Но наваждение прошло, как только добрые люди донесли супруге тогда еще майора Хмурова, а она грохнула благоверного сковородкой по башке. Чугунная сковорода с ручкой треснула к ее огорчению, а Григорий Иванович даже легкого сотрясения мозга не получил, отделался солидным шишаком. Когда страстно помирились, Хмуров все шутил: «Советский майор крепок головой, поэтому и армия наша непобедима!»

Тулуповск хотя и имеет три четверти миллиона населения, с пригородами, конечно, но жители именуют его большой деревней, где все друг друга знают. Речь идет, понято, об интеллигенции и вообще приличных людях. Остальные девяносто процентов в советское время за станками стояли, а в новейшее — за прилавками. То есть в расчет не принимаются. Именно поэтому время от времени до Григория Ивановича доходили — безо всякого его любопытства — вести о жизненном пути Ниночки.

Последняя по времени весть гласила, что она разбежалась со своим мужем, торговым бизнесменером средней руки, оттяпав в качестве отступного нехилую квартиру в ближнем центре города и двухэтажный коттеджик в полуэлитном дачном поселке.

По приказу Полковника верный аспирант-оруженосец Эдька, имевший в числе своих подруг девицу-офисницу из билайновского сервис-центра, мигом узнал номер

сотового Ниночки... Словом, через самое короткое время, продемонстрировав супруге липовую командировку в Москву по издательским делам, Григорий Иванович чокался шампанскими фужерами под икру и фирменную лазанью в ресторации «Папа Бендер» с Ниночкой, то есть уже восхитительной сорокалетней бальзаковкой Ниной Трофимовной. Умильно оба вспоминали давнее, радовались восстановлению дружбы. Вволю натанцевавшись, поехали в загородный коттедж прелестницы, где и провели в возобновленной любви и страсти двое суток.

...Увы, худшее подтвердилось. И с Ниночкой, то есть с Ниной Трофимовной, все то же самое: отстраненность и ощущение двойника на уютном и широком «сексодроме».

Вернувшись из «командировки» домой, к любящей супруге, соскучившейся и несколько огорченной вялостью мужа («По Москве набегался, устал до чертиков»), Григорий Иванович начал подумывать о визите к невропатологу. Но к какому-то такому? Госпиталь гарнизонный, к которому он издавна был прикреплен, только-только ликвидировали одновременно со старейшим в стране ракетно-артиллерийским училищем, военным институтом по-нынешнему. Как говорится, в целях модернизации и усиления обороной мощи государства. Так и не успели курсанты пощеголять в юдашкинских шинельках на синтепоне!

Идти к Вере Викторовне в университетскую поликлинику? — Но она женщина увлекающаяся, все сведет к достоинствам традиционной китайской медицины, начнет восторженно рассказывать о меридианах и коллатералях, точках акупунктуры, системах ян и инь... К кому идти? — Не в Петлевановку же или в Жиромясово? Так мигом в университете узнают и турнут с режимного военно-технического факультета! Останется на «шести сотках» капусту выращивать... как этот римский император в отставке; как его? — Тертуллиан, кажется. А может и другой. От душевных переживаний даже прежде абсолютная память начала подводить...

Неизвестно, до чего бы додумался наш напуганный Полковник, если бы все не разрешилось еще более страшным образом.

◆ Если доселе Хмуров после лекций, практических занятий и консультаций с аспирантами, ощущая прилив аппетита, спускался по пологому проспекту, держа курс на свой дом, бодро маршируя, выгнув не потерявшие статность плечи и грудь, то сегодня, как и в предыдущие месяцы, шагал не в такт вялой отмашке правой руки (левой прижимая к корпусу рабочую папку), несколько согнувшись, с постоянно невеселыми мыслями...

...И тут *это* произошло. Весь мир вокруг исчез. «Неужели до обморока доигрался», — только и успел подумать Хмуров, но тут же мир снова осветился, но это был другой мир. Достаточно большая, безоконная, замкнутая в кубе комната. Зоркими глазами артиллериста отметил: стены, потолок и пол представляли собой сплошные только-только погасшие экраны со слабым, исчезающим послесвечением... И вроде как он еще шагал по проспекту. Опустил глаза и увидел: он действительно продолжает идти по катящемуся навстречу участку пола-эскалатора. Как в спортивном тренажере. «Все, допрыгался, лихой полковник, досочинялся безумных трактатов об устройстве Вселенной, — в дурку-таки попал!»

Но странно — никакого волнения он не испытывал, мысли в голове не путались, но подчинялись строго-холодной логике. «Знать уже успели накачать психотропами, бензоатами всякими», — так же холодно и отстранено подумал Полковник, — однако смиренной рубашки на мне нет, обычный рабочий костюм. Значит, не буйствовал».

По беззвучной команде (вот она, предрекаемая им в своих книгах-фантазиях о будущем, психотроника!) Григорий Иванович сделал шаг влево и сошел с эскалатора-тренажера, на место которого снизу выдвинулось сложное по конструкции, со

* Психиатрические лечебницы Тулуповска: областная и городская, соответственно. — Прим. авт.

множеством каких-то датчиков, кресло. «Может, электрический стул, а может и гинекологическое сидалище», — также холодно усмехнулся Хмуров, но, подчиняясь все той же беззвучной команде, уселся в кресло.

Тотчас экран-стена, перед которым его усадили, засветилась, показывая что-то вроде рабочего кабинета функционального типа: со множеством встроенных в стены экранов, пультов и вовсе незнакомых Хмурову технических устройств. На переднем плане, тоже в функциональном кресле, сидел некто, отдаленно похожий на человека: грушевидная — с расширением вверх — голова с глазами явно монголо-китайского разреза, крохотный носик-кнопка, тонкие бесцветные губы, прижатые маленькие уши, цвет кожи — что-то среднее между коричневым и оттенком слоновой кости. Относительно наличия или отсутствия волос на голове Хмуров не мог составить представления, ибо голова венчалась чем-то навряд академической шапочки-ермолки с какой-то овальной вытканной эмблемой.

Все что ниже подвздошья скрыто столом, а выше и под горло — явно функционального тоже назначения, — глухо задрапированно одеждой оливкового цвета. Григорий Иванович мысленно отметил: похожие куртки, но только с болтающимися сзади капюшонами, надевают игроки в «угадайку» на почти каждодневной передаче по ЦТВ. Передачу эту очень любила смотреть на кухне по маленькому телевизору на холодильнике его супруга, готовя обеды-ужины, а сам Хмуров этих «угадайщиков» люто ненавидел.

— Я буду обращаться к вам так, как было принято в вашей среде, — безэмоциональным, механическим голосом начал грушеголовый (Хмуров догадался: судя по отсутствию шевеления губами, визави звуковой речью, скорее всего, не обладал, а через дистанционные энцефалодатчики передавал свою мысленную речь на компьютерный переводчик и озвучиватель).

Итак, Григорий Иванович, должен вам сообщить: прошло свыше девятнадцати тысяч лет, как вы, всемирно известный ученый-футуролог, доктор технических наук по ракетостроению, почетный профессор Тулуповского университета, автор знаменитой многотомной монографии об устройстве и генезисе Вселенной и прогнозе эволюции разума на Земле, в девяностолетнем возрасте покинули свой, не лучший из миров, проживая к тому же в стране, именовавшейся Россией, впавшей в величайшее за ее историю социальное и политическое небытие.

В нынешней же своей ипостаси вы — аутентичный своему прошлому естеству биологический клон, по физическому и мыслительному состоянию, психологическому портрету, соответствующий тому полковнику Хмурову, который проживал в 2010-м году древней, христианской эпохи летоисчисления...

«Так вот почему в последнее время имитации моей земной жизни я и ощущал ту странную отчужденность, некую индивидуализированную отстраненность», — почти что с облегчением подумал клон Григория Ивановича. Самое странное, что не сам факт клонирования столько его поразил, сколько он успокоился, осознав причину этой отчужденности.

— ...Да-да, Григорий Иванович, вы правильно все поняли, — прочитал его мысли грушеголовый на стене-экране, — что ж, и наша наука не является пока верхом совершенства. И мы не можем в каких-то моментах абсолютно идентично смоделировать выращивание клона. Отсюда и ваше чувство отстраненности и отчужденности, как вы это мысленно определили терминологически.

Вы, конечно, зададитесь вопросом: почему вас клонировали через девятнадцать тысяч лет и именно вас? И правильно, что зададитесь этим вопросом. Вы ведь не подопытное животное, но в своем роде уникально мыслящий *homo sapiens*. Даже в чем-то почти приближенный в части интеллекта к нам, *homo noospheres*, то есть людям ноосферным. Заметьте, я вовсе не льщу вам, но констатирую факт. Но об этом

вам подробно расскажет *ВИБ № 78*, то есть биоробот-компьютер, который нашел ваши *ДНК*-артефакты, а теперь будет курировать ваше пребывание в нашем, к сожалению, также не лучшем из бесконечности параллельных миров мультиверсума, о которых вы столь романтично и провидчески писали в четвертом томе своей фундаментальной монографии.

— А с вами, уважаемый — не знаю как вас именовать, вы не представились — мы не сможем побеседовать? Я ведь человек, с ваших позиций, архаичный, как-то не привык с бездушными машинами разговаривать.

— Григорий Иванович! Я потому не представился, что мы общаемся с вами в первый и последний раз. Дело в том, что биологических людей на Земле осталось всего несколько сотен ввиду ненужности, как в ваше время, миллиардных масс. Да и у вас в России, США и многих других странах к началу XXI века христианского летоисчисления уже до восьмидесяти процентов населения являлось излишним, существовало за счет той или иной формы паразитирования на людях, работающих актуально. Формы же паразитирования: мелочная и мелкооптовая торговля, чиновничество, политический аппарат, просто откровенные бездельники. Впрочем, это вы сами хорошо знаете.

Я же, как и остальные несколько сотен биологических людей, принадлежу к управленцам, точнее мое имя-звание *Управ-три* по ранжиру реконструктивного биосинтеза.

А увидиться? — Это совершенно излишне. Во-первых, ничего нового, кроме сказанного Семьдесят восьмой, вы от меня не узнаете. Во-вторых и в основных, время биологических людей у нас расписано по часовым промилям, или, как у вас говорят, по секундам. На беседу с вами мне отведено, по вашему же времяисчислению, четыре с половиной минуты, которые через пять секунд заканчиваются. Передаю Вас в распоряжение Семьдесят восьмого. Возможно, вы адаптируетесь к новой для вас форме жизни и повторите свой прежний, девяностолетний возраст. Прощайте.

Экран выключился. «Окончен был, погасли свечи», — несколько обескуражено подумал в рассеянии Хмуров. То есть клон нашего лихого полковника.

◆ Уже без экранного показа Хмурова приветствовал с клонированием робот Семьдесят восьмой, предупредив, что гость из прошлого может разговаривать звуками, как в его прежней жизни было принято, а может и не шевелить губами — все одно он, Семьдесят восьмой, воспринимает информацию от уважаемого полковника через энцефалодатчики, дистанционные понятно, а сам он будет «говорить с гостем новой Земли», естественно, воздействуя непосредственно на мозг Хмурова со всеми его синапсами электромагнитным излучением, модулированным по сложной схеме переведенной на русский язык речью.

— Чтобы вы, уважаемый Григорий Иванович, не сомневались, — вещал откуда-то из застенного пространства робот, — я вам напомним ваши мысленные слова, после того как погас экран с Управом-три: «Му...к грушеголовый!»

— Ха-ха, верно, номер такой-то! А как, кстати говоря, на вашем птичьем языке эти слова звучат?

— Как вы уже, наверное, поняли, у нас нет звуковой речи, а записываются они в памяти как **0110100111 _ 1111010011**.

— Да-а, невидимый вы наш номерной, совсем вы тут одичали. Оно и понятно, если на планете всего лишь с полтысячи живых людей осталось, да и те — эти самые **0110**... Тьфу! Давай, знакомь со здешней жизнью.

Все дальнейшее в этот первый день на Земле будущего он воспринимал со сложной смесью юмора и душевной тоски.

Следуя командам Семьдесят восьмого, Григорий Иванович вышел в проем бесшумно отодвинувшейся на метр стены в бесконечно длинный коридор. Остановился.

К нему со спины также бесшумно подъехал механизм, чем-то напоминающий *папамобиль*^{*}, только не на колесах, а по-видимому на магнито-левитационной подвеске.

Григорий Иванович шагнул через отошедшую, как в автолайне, дверцу внутри папамобилия, уселся в кресло. Дверца закрылась, механизм бесшумно заскользил по полу коридора. А «голос» нумерованного робота пояснил:

— Сейчас мы проедем коридор двадцать четвертого этажа Института реконструктивного биосинтеза, а в торце его через отрывшийся проем в стене, но уже не на магнитной подушке, а на реактивной тяге начнем ваше ознакомительное путешествие. Естественно, все ваши мысли и слова, надеюсь, не все бранные, я фиксирую для последующего отчета — цели вашего клонирования — в высшие управленческие инстанции Земли.

Папамобиль, переключившийся на режим *папалета*, сиганул из институтского коридора в отошедшую торцевую стенку и взял курс на приземистое здание с куполом, чем-то напоминающее строение Конгресса *США*. Между зданиями института и лжеконгресса Григорий Иванович видел под ногами только приземистые ангары, перемежаемые квадратами лесопосадок, в которых он с умилением обнаружил родные березы и липы. А нумерованный робот, как заправский гид, разъяснял:

— Вам повезло заново, так сказать, родиться в административном центре Земли, месте постоянной дислокации Главного управления планеты. По нашему — Главный управляющий центр Земли, а по вашему — Тайное мировое правительство. Конечно, сейчас оно никакое не тайное, но абсолютно явное.

— И где мы... то есть этот центральный город располагается? Березы вот смотрю... Липы опять же.

— Если иметь в виду привязку к географии вашего древнего времени, то это юго-запад Костромской области государства России...

— А чего же не в Вашингтоне, Нью-Йорке, в масонском Рейкьявике или на Мальте. Почтили ли бы память конспирологического Тайного мирового правительства, а?

— Все шутите, Григорий Иванович. Нью-Йорк давно под воду ушел в великое потепление пятнадцать тысяч лет назад. Вашингтон стерт с лица земли водородной бомбой в Четвертую мировую войну еще на исходе вашего, христианского летоисчисления. Исландия с ее бывшим Рейкьявиком, как мифическая Атлантида Платона, ушла под воду в результате грандиозного землетрясения. А на Мальте расположен госпитомник для рождения, отбора, воспитания (и утилизации не прошедших отбор) биологических людей — будущих мировых управленцев. Вот через пару лет наш Управ-три на пенсию выйдет, нового с Мальты пришлют. То есть территория сугубо режимная и с предельно ограниченным доступом. Так сказать, кузница бывшего Тайного мирового правительства, говоря вашим языком.

Среднеевропейская же территория бывшей России выбрана под «стольный град», как самая тектонически спокойная на планете, а бывшая Костромская область к тому же по астрономическим просчетам наиболее безопасная с точки зрения метеоритно-астероидной активности.

Ну, вот и подлетели к Центру мирового правительства. Ближе нельзя, собьют, то есть пройдем стороной. Смотрите — нам дано только пять секунд зависания.

Действительно, здание Центра очень напоминало Капитолий («Не зря в наше время никто не сомневался: откуда у Тайного мирового правительства ноги растут», — подумал Хмуров). Здесь его внимание привлек огромный бронзовый барельеф на фронте здания — с человеческим изображением. Приглядевшись, Григорий Иванович почти с мистическим ужасом («А клоны с ума сходят?») узнал лицо на ба-

^{*} Машина с колпаком из пуленепробиваемого стекла, внутри которого сидит на троне папа Римский. — Прим. авт.

рельефе — Иудушка Троцкий с его характерной бородкой клинышком, как у Михаила Ивановича Калинина... Под барельефом расположилась мраморная плита-табло с россыпью чередующихся нулей и единиц.

— Да-да, вы не ошиблись,— не дожидаясь звукового вопроса, пояснил Семьдесят восьмой,— это барельеф Лейбы Давидовича Троцкого; троцкизм на этапе завершения перехода биосферы в ноосферу, что совпало с окончанием периода «жесткого» глобализма — управления миром сообществом двухсот семей — и переходом к всемирному, минимально-достаточному социально ориентированному государству, стал общемировой идеологией. Конечно, доработанной и адаптированной к обществу виртуальной реальности.

— М-м-м, мне в свое время даже и в кошмарном сне после попойки при присвоении очередного воинского звания не могло также присниться. А на мраморе что цифирью начирикано?

— А это главный девиз самого Троцкого, взятый им у классика философской мысли: *«Движение — все, цель — ничто»*.

Григорий Иванович демонстративно сплюнул, а папалет стартанул и понесся над лесоохраной зоной, покидая столицу мира с десятком высотных домов, лжекапитолием с барельефом Иудушки и странными приземистыми ангарами. Совсем без дорог, тротуаров и людей.

◆ К вечеру, облетев на гиперхзвуковой скорости с зависанием и экскурсионными пояснениями Семьдесят восьмого, земной шар, папалет возвратился в Институт реконструктивного биосинтеза. Снова став папамобилем, механизм отвез путешественника во времени в оборудованную для него по нравам и вкусам 2010-го года христианского исчисления квартиру на третьем этаже главного корпуса. Спальня, гостиная и кабинет для ученых занятий. Санузел и даже кухня, если постояльцу войдет в голову самому готовить. В чем он и убедился, открыв большой холодильник с тремя камерами: мясо, рыба, в том числе его любимая малосольная селедка, фрукты и прочий джентльменский набор среднестатистической интеллигентной семьи 2010-го года.

Даже телевизор в гостиной смахивал на южнокорейский тех же лет.— Никакой не встроенный или виртуальный, как принято здесь.

Но больше всего поразили книжные шкафы в кабинете — специально только что переизданные в одном экземпляре с музейных оригиналов труды классиков и тружеников науки, творивших до 2010-го года включительно. Все по его тематике. В том числе и некоторые его книги, обнаруженные Семьдесят восьмым в древнехранилищах Земли.

— Это ваше жилье на период адаптации к новым для вас условиям и впечатлениям,— пояснил Семьдесят восьмой.— А как войдете в ритм нашей жизни, то обстановку вам сменяют, осовременят так сказать.

— Да пошел ты к едрене фене,— ответил разозленный увиденным за день полетов-зависаний, главное, голодный (в пути ему давали только какие-то питательные пилюли и минеральную воду) Хмуров. Готовить самому не было желания, а сухомятка из холодильника явно не устраивала.— Слушай, ты, аналог получеловека, вели пожрать дать. И с водкой, только не паленой!

— Не грубите, Григорий Иванович. Хотя я прекрасно понимаю ваше разочарование и от этого душевное возбуждение. Вы ведь при советской власти росли, учились и мужали — и читали книжки о светлом будущем для людей. С другой стороны, вы же сами в своих книгах это ноосферное будущее уже не полагали светлым...

— Рр-разговорчики! — Хмуров совсем рассвирепел.— Пожрать, водки и баста!

— Слушаюсь и повинуюсь, мой полковник!

Явно *ВИБ № 78* совсем очеловечился в общении с гостем из прошлого и начал приобретать чувство юмора.

Через несколько минут автоматическая дверь в квартиру отошла в проем косяка, вкатилась и проследовала к гостиную тележка-кар, механические руки которой аккуратно, по правилам столового этикета расставили на кипенно-белую скатерть посуду с едой, разложили ложки, вилки, ножи и хрустальную стопку.

Григорий Иванович при виде харча поуспокоился, даже вполголоса процитировал-скорректировал одесских классиков: «В этот день бог послал полковнику Хмурову на обед, то есть ужин...» Усевшись перед столом, он долго и с подозрением рассматривал тисненый рубцами графинчик с водкой, как кот принюхивался к запаху напитка. Решив, что годится, наполнил по-маленьковски до краев сопку, крякнул и опрокинул в рот. «М-м-м, не хуже прежней, советской экспортной «экстры». Закусил селедочкой с луком, скушал бутерброд с черной икрой («Подделка, небось? Но очень качественная»).

С гиперболически вмиг усилившимся аппетитом выхлебал большую тарелку шей с капустой брокколи, подчистую смел с другой тарелки пару котлет по-киевски с картофелем-фри. Затем, слегка перепутав этикет последовательности блюд, кушал маринованную рыбку неизвестной ему породы и твердый сыр с тмином, похожий на грузинский. Каждое новое блюдо предварял стопкой псевдоэкстры. На десерт выдул литровый фарфоровый чайник; чай был прекрасен, напоминал советский индийский со слоником, расфасованный на рязанской чаеразвесочной фабрике. Пил с лимоном и марципанами вприкуску. «И как этот... вагоновожатый мои вкусы узнал?»

— Извлек из вашего подсознания, батенька,— съехидничал из пространства гостинной Семьдесят восьмой.

— Хвалю за службу,— по-полковничьи отчеканил упитавшийся Григорий Иванович.

◆ Уже по команде Хмурова тележка вновь приблизилась к столу, мехруки убрали посуду, заменили обеденную скатерть на цветастую, гостиную. Чуть подумав о коротании вечернего времени, он крикнул вдогонку уезжающей тележке:

— Еще чайник принеси, да не забудь куклу ватную на него надеть. Ну-у, лимон, сахару-рафинаду... Да-а, любезнейший самоход, захвати-ка графинчик водки объемом 0,33 литра*. И бутербродов с кумжей и осетриной наверти!

— Слушаюсь, господин полковник! — Семьдесят восьмой явно перепутал реалии давнего времени.

— Я тебе не господин, а товарищ! Господ наши деды-прадеды еще в семнадцатом году в деревянные бушлаты поодевали, а новые «господа» из подворотни (Хмуров имел в виду свое время) мне не господа, а хмыри и ворье!

«Ишь, чертов робот, льстить или шутковать со мной задумал». По отдаленной аналогии ему вспомнился последний начальник упраздненного в 2010-м году Тулуповского ракетно-артиллерийского училища, то бишь института. Его назначили начальником в полковничьем чине, но через несколько месяцев, прямо накануне 9 Мая произвели в генералы-майоры.

Памятуя, что в России генерал не звание, а счастье, выступая по областному радио в передаче, посвященной Дню Победы, настолько воодушевился новым своим чином, что, перечисляя в установленном порядке города-герои, чуть запнулся перед Ленинградом и верноподданнически отчеканил: «...город-герой Санкт-Петербург». Григорий Иванович, слушавший это выступление в преподавательской, нецензурно выругался при женщинах и пожелал новоиспеченному генералу от паркетных полов остаться без должности. Что и случилось в 2010-м году.

...Пока автотележка заново сервировала стол для позднего ужина-доппайка, Гри-

* Здесь, очевидно, в памяти Хмурова неожиданно выскочили реалии горбачевского «полусухого» времени, когда водку разливали в емкости из-под фанты и пепси-колы, народ называл такую водку «раиской» в честь супруги генсека.— Прим. авт.

горий Иванович разобрался с телевизором, оказавшимся видеоплеером со специально для гостя подобранными фильмами и программами, разысканными Семьдесят восьмым в древнехранилищах, нашел в меню «Ивана Васильевича, меняющего профессию», по аналогии со своей ситуацией, затем выкушал еще стопку и прилег на диванчик.

Фильм он знал наизусть, поэтому на экран почти не глядел, а уши фиксировали речь и музыку, не заставляя задумываться.

В таком состоянии полудремоты голова его прокручивала впечатления прошедшего дня. Единственный позитивный момент он отметил: вся планета, исключая пустыни, покрыта лесами и степями с высокими травами. А раз людей на Земле почти не осталось, то эти леса и степи заполнены всякой живностью, существующей в своей пищевой пирамиде точно так же, как и до появления человека на планете, но прямо накануне явления миру *homo sapiens*, то есть в начале Четвертичного периода Кайнозойской эры. А как следствие такой ситуации — самая натуральная еда для сохранившихся биологических людей.

Семьдесят восьмой объяснил, что еще в конце XXIV века по христианскому летоисчислению после Четвертой мировой войны, катастрофического извержения гипервулкана Тоба и падения в Индийский океан двухкилометрового астероида, когда промышленная инфраструктура, предусмотрительно размещенная под землей, уцелела, а население планеты уменьшилось до полумиллиарда, в Мировом правительстве долго дебатировался вопрос о выборе одного из двух способов поддержания парциального содержания газов в атмосфере, особенно процентов кислорода и углекислого газа. Первый из них предполагал взамен почти утраченной в катаклизмах флоры использовать техническую регенерацию углекислоты в кислород. Практически это не вызывало затруднений: сотни атомных и термоядерных электростанций обеспечили бы энергией и более грандиозные проекты.

Но выбран был второй вариант: оставить природу в покое, сконцентрировав людей в больших городах со своей инфраструктурой, а флора и фауна менее чем за столетие возобновит себя иотрегулирует нужный состав атмосферы. А почему выбрали? — В основном, решающую роль сыграло уже ранее принятое генеральное (тайное пока) решение Мирового правительства об окончательном, уже де-факто назревшем переходе от биологической формы жизни к виртуальной, информационной. Как следствие — планируемое на ближние полторы тысячи лет сокращение численности населения до сверхминимальных цифр, то есть высших и средних управленцев. А такое число биологических людей уже никак не может негативно повлиять на воссоздание примерно той же флоры и фауны (хотя три четверти их уже уничтожены человеком и катаклизмами), что наличествовала в Четвертичном периоде.

А кислород и парциальное содержание газов в атмосфере в такой ситуации нужно уже не людям, которых почти не останется, не фауне, которая отсутствующим людям, естественно, не нужна, как и флора, но для биогеохимического равновесия Земли, как залога отпущенной ей длительности существования. Причем существования, гарантирующего наличие жизни, хотя бы и виртуально-информационной. Здесь Григорий Иванович вскипел, даже грохнул кулаком по бронестеклу папалета, забыв, что сам в своих книгах предрекал подобное:

— Так вы, сволочи, рас-стакие, фюрера перещеголяли, полмиллиарда последних людей в газовых камерах отравили!

— Успокойтесь, Григорий Иванович. Никаких газовых камер, упаси ваш виртуальный бог. Мы же социально ориентированное общество еще со времен многомиллиардного населения Земли. Переход от биологической жизни и цивилизации к нынешней, виртуальной происходил в рамках так называемого жесткого гуманизма.

Да и не мы его родоначальники; начало-то было положено именно в вашу эпоху,

в конце ваших XX — начале XX веков. Вы это воочию сами все видели: разрушение института семьи в вашей России и Западной Европе, запрет на второго ребенка в Китае, стерилизация полутора миллионов мужчин в Индии, проведенная Индирой Ганди. Наконец, явное и неявное поощрение гомосексуализма и лесбиянства во всех так называемых у вас цивилизованных странах.

Ведь никто у вас, исключая кастрацию в Индии, не кричал об антигуманизме, безнравственности и ограничении прав автономной личности? Понятно, что все эти тенденции развивало у вас тогда еще тайное мировое правительство. Так чем мы хуже, особенно учитывая, что биологический этап эволюции человека себя исчерпал... Более того, у нас все это происходило намного гуманнее, чем у вас в начале процесса расчеловечения.

— Это как же, милейший виртуалиссимо?

— А вот так. Поясню в сравнении с аналогичными процедурами в ваше время. Например, разрушение института семьи — ячейки общества — в этих самых цивилизованных странах проводилось массировано чрез сексуальную революцию с лозунгом, принадлежащим вашей славной революционерки Коллонтай: совершить половой акт — это как выпить стакан воды. В постсоветской же вашей России сюда добавилось отсутствие условий для создания семей: невозможность приобретения жилья, безработица явная или скрытая, неуверенность в завтрашнем дне и так далее. Сами все прекрасно знаете.

Индира Ганди кастрировала мужиков как поросят, за что и поплатилась.

В Китае тоже не все гладко было с ограничением рождаемости.

Успешнее дела шли у гомосексов: и *СМИ* на их стороне, и так называемая демократическая общественность в Европе и Северной Америке. Даже заставили Всемирную организацию здравоохранения изъять из своих документов-деклараций определение половых извращений, как разновидности шизофрении. Но еще было сильно сопротивление и неприятие извращения основной массой народа в большинстве государств.

А у нас все произошло без сучка и без задоринки, без конфликтов и какого-либо насилия над свободной личностью.

В частности, семейную идиллию мы успешно заменили виртуальным сексом; компьютерный, хотя и примитивный, вариант этого процесса вы и у себя наблюдали.

Стерилизацию обоих полов поставили на добровольную основу. Материальное благосостояние Мирового государства позволило обеспечить добровольно кастрируемому пожизненное содержание на уровне среднего класса вашей поры, а работать только по личному желанию. Почти то же самое и для не имеющих детей пар. Никаких вычетов, как у китайцев, только поощрения! Наиболее радикальное решение было принято для извращенцев, а именно: не обошлось, конечно, без зомбирования посредством *СМИ*, так что в итоге извращенчество, то есть гомосексуализм и лесбиянство, было объявлено официально естественной половой ориентацией, а традиционный гетеросекс — животным биологическим атавизмом. В итоге вместо уцелевшего после войны и катаклизмов полумиллиарда имеем нынешние пять сотен единиц.

◆ Как понял из объяснений Семьдесят восьмого Григорий Иванович, нынешняя цивилизация, виртуальная в своей основе, озабочена тремя моментами: постоянная готовность отразить падение на Землю астероидов, космические исследования и поддержание на должном уровне энергетики. Соответственно, глубоко под землей расположены автоматизированные заводы-роботы, изготавливающие ракетные комплексы для атаки астероидов, ракеты, орбитальные и дальнолетные станции космического назначения, комплектующие для термоядерных электростанций. До недавних пор строились и атомные электростанции, но запасы урана на Земле исчерпались. Еще одна большая группа заводов изготавливала компьютерную и телекоммуникационную технику, тех же роботов.

...К полуночи, напившись водки и чая, Хмуров лежал на том же диванчике, не имея желания переходить в одинокую спальню. На экране видеоплеера шли бесконечные «Менты». Григорий Иванович даже пожалел, что информация после лета 2010-го года ему недоступна, сколько он мысленно ни просил Семьдесят восьмого. «Таковы правила эксперимента»,— смиренно отвечал тот. А хотелось ему посмотреть продолжение «Ментов», снятых после первого марта 2011-го года — уже под названием «Полицай».

Засыпая, Хмуров вдруг впал в мистический ужас: тридцать с лишком лет прозябать здесь, на безлюдной планете! Это не жизнь. Он, вмиг протрезвевший, вскочил с диванчика, чувствуя: сейчас либо сойдет с ума, либо... жаль, пистолетов на этой планете давно нет в обиходе. Впервые в жизни бравый полковник зарыдал, вновь рухнув на диванчик. И тут его как опалило ласковым, душистым жаром:

— Проснулся, мой герой? Хи-хи, а мне что-то не спится. Давай еще поиграем.

Хмуров протирал и тарашил глаза в комнате, освещенной слабым отблеском лампочки из крохотного коридора курортного номера. А к его торсу прильнула пышущая жаром желанная курортная же, деловая подруга редакторша Стеллочка. «Уф-ф, так этот сон такой кошмарный мне приснился?»

— Гриш, ты чего такой?

— Погоди, дорогая, сейчас.

Григорий Иванович поднялся с постели, подошел к маленькому корейскому холодильнику, открыл дверцу, взял початую бутылочку, а со стола граненый казенный стакан, налил (опять же по-маленьковски) до краев, в два глотка ввел коньяк в организм, шутливо зарычал. Стеллочка восторженно взвизгнула.

...Здесь целомудренный читатель, стыдливо потупив глаза, покинет на время нашего героя, а постояльцы соседних с хмуровским номеров, досадливо ворочаясь в своих одиноких, холодных постельках, не раз и не два услышат из-за стенки страстный женский стон и непонятные им слова: «Издам, милый, хоть десять томов в убыток нашей конторе издам!»

Наутро Полковник проснулся свежий и бодрый. Одобрительно посмотрел на ровно дышащую во сне Стеллочку и вполне серьезно подумал: «Все, баста. Пора заканчивать эти игры с прогнозами будущего. Надо делом заниматься. Вот с нового учебного года начну писать капитальный учебник по ракетно-артиллерийским взрывателям. Никто на кафедре за него не берется. А мне и сам бог велел теперь».

АНТОЛОГИЯ ПРОЗЫ

Сергей Овчинников
(г. Щекино)

Родился в 1963 году в Щекино. Окончил рязанский медицинский институт. Публиковался в журналах «Альбом», «Время и мы», «Наша улица», «Родина», «Роман-журнал 21 век», в «Литературной газете». Автор нескольких книг прозы. С 2001 года издает и редактирует литературный альманах «Тула».

ТРАНСФОРМАЦИИ

Алексей Иванович Пивоваров — грузный, басовитый, одышливый, когда-то мой сосед, а ныне удачливый столичный бизнесмен, — в сопровождении личного шофера-охранника вышел в наш двор из квартиры матери. Атлантический циклон пролился недавно очередным январским дождем, обнажив посередь сугроба дохлую кошку, мокрые сигаретные пачки, мятую фольгу шоколадки. Пивоваров отвел глаза от раздавленной кошки, скользнул взглядом по давно не крашеной, облупившейся стене трехэтажного дома, поморщился. «Может, дать им деньги на ремонт? Но большинство же скидываться не будет! Ну, и нечего их баловать!»

Пивоваров только что вручил имениннице-матери дорогой стиральный агрегат, отсидел за праздничным столом, повидался с родственниками, теперь направлялся к машине, поглядывая на знакомые с детства лавочки, изрезанный перочинными ножами доминошный стол, опутавшие двор бельевые веревки. Когда-то здесь он играл с девчонками в классики, гонял с мальчишками в футбол, катался на велосипеде. И был счастлив, что самое удивительное! Когда же он был счастливее — тогда, в нищете, или нынче, при внешнем благополучии? «Нищета внутри, а не снаружи, все зависит от самооощущения, дубина», — укорял себя Пивоваров, усаживаясь за руль блестящего лаком черного «Мерседеса». Шофер уселся рядом, на пассажирское кресло. Пивоваров изрядно выпил на дне рождения, но не боялся ГАИ — его машину не останавливали, ведь он был на короткой ноге со всем городским начальством, владея здесь двумя пунктами приема цветного и черного металла, тремя магазинами, аптекой и стоматологическим кабинетом. Но главный офис Пивоварова находился в Москве, там у него был и «пентхауз» на Ленинском проспекте. В «Мерседесе» то и дело гудел зуммер сотовой связи, Пивоваров не отвечал на звонки, ему хотелось продлить

домашнюю расслабленность, сполна вкусить счастливое чувство хозяина жизни, которого не хватало в столице, и которое он смаковал здесь, на родине. Ему было приятно думать, что, при желании, он мог бы купить почти все здесь, и эти люди, его земляки, стали бы его рабами, кланялись бы ему подобострастно,— в России многие любят кланяться,— и он, Леха Пивоваров, поди ж ты, владея ими, царствовал бы грозно и справедливо! Впрочем, нет: деньги сюда вкладывать глупо, эффективнее они работают на бирже, если у тебя хороший маклер. Каждые тридцать минут на дисплее автомобильного компьютера высвечивался номер биржевого агента, шофер, сидя рядом, бубнил, что время поджимает и нужно ехать, а Пивоваров медлил, вел машину по темным улочкам, поражаясь их тесноте и запущенности. Как он мог раньше жить здесь и быть счастливым? Удивительны дела твои, Господи!

Пивоваров миновал центральную площадь с бронзовым Ильичем (с удовольствием сдал бы его в металлолом, Ленин потянет на пару тысяч долларов, и эти деньги можно красиво отдать детскому дому, символично бы получилось), Дом пионеров, где на бетонном постаменте кургузо топорщил крылья самолет-истребитель из прошлого века. Пивоваров давно предлагал пионерскому директору отдать крылатое ископаемое в металлолом, но тот пока кочевряжился. Подкатив к маленькой церкви на окраине города, Пивоваров остановился, выпростал свое тело из машины, чтобы походить у общежития, в котором прожил восемь лет. Через пять минут, отхлебнув коньяк из украшенной вензелями бутылки, напоследок решил взглянуть на стадион, с которым были связаны особые воспоминания. Пивоваров оглядел ржавые, советские осветительные мачты, которые он оценил в десять тысяч долларов, и вдруг ошалело увидел знакомую машину — старенькую «Ауди». Постаревшие бегуны из прошлого века мерили трусцой растрескавшуюся асфальтовую дорожку. Небо точно сгустилось над ними, Пивоварову стало душно, алкоголь бросился в голову, он перестал контролировать свои поступки. Сопя от напряжения, краем сознания понимая странность происходящего, Пивоваров залез на капот «Ауди», начиная здесь, под крики бегущих к нему людей, воинственный танец победителя жизни. Когда изумленной публики вокруг машины стало достаточно для его самолюбия, Пивоваров бросил на вмятины истоптанного капота несколько стодолларовых купюр.

— Помнишь мою собачку, с такими длинными ушами?! Помнишь?! — спросил он у кричащей что-то пожилой женщины, хозяйки машины.— Она единственная меня любила!

Пивоваров сел в «Мерседес» на заднее сиденье, шофер подвинул водительское кресло ближе к рулю, чтобы не мешать хозяину, машина рванула с места. Водитель обернулся на перекрестке:

— Иваныч, ты че озверел-то?! Че тебе эти ханурики сделали?

Пивоваров не отвечал. Он лег на сиденье машины лицом вниз, снял ботинки, поджал под себя ноги, уткнул голову в согнутый локоть и заплакал. Прижимаясь к дороге, «Мерседес» стремительно и мощно влек его к русскому Вавилону, каменным хаосом встающему на северном горизонте.

Восемь лет назад в родном городке был октябрь, вечерние улицы блестели от грязи — вездесущей, жирной, черноземистой. В осеннем тумане звуки были приглушены, сквозь белую мглу виднелись корпуса полуразрушенных заводов. Город едва дышал; заказов на кирпич было мало, лишь изредка приходили машины из областного центра, там еще кипела жизнь, и многие строились. Рядом с заводской проходной все так же нелепо торчало здание общежития в пять этажей, когда-то наскоро собранное из серых бетонных плит. В нем, кроме заводских рабочих, так и не скопивших на отдельную квартиру, ютились беженцы из Армении, Узбекистана, Чечни. Их множество появилось, несчастных, после распада Союза. Улицы возле заводской

проходной когда-то считались неудобными для жилья. Из-за кирпичной пыли домов поблизости не строили — только заводской стадион, пожарное депо, пакгаузы лежащей рядом железной дороги. Но теперь пыль исчезла, и улицы зажили своей, отдельной от завода, жизнью. Гаражи для пожарных машин приезжий священник перестроил в церковь. Заново перекрытые стены увенчались куполом и крестом, появился алтарь, на глазах выросла колокольня. Все вокруг казалось теперь уютнее, светлее, чище. К церкви потянулись машины из других частей города и окрестных деревень, спешили на утреннюю и вечернюю службу прихожане. И вот уже за церковью известная фирма заложила фундамент престижного дома. Полуразрушенный стадион — беговая асфальтовая дорожка, из трещин которой давно пробилась зелень лишайника, растащенные на кирпич и доски зрительские трибуны, украденный забор,— начали восстанавливать.

К стадиону и отправился выгулять собаку Леша Пивоваров, инженер многострадального кирпичного производства. Он жил в общежитии уже несколько лет, устроившись на завод сразу после армейской службы. Его любимым развлечением была охота, и потому в семье жила сука ирландского сеттера — Милка. Леша в тот вечер, как всегда, съел яичницу, повздорил с женой Лидой, которая была недовольна жизнью, посвистал Милку, взял в ближайшем ларьке пластиковую бутылку дешевого пива. Быстро темнело. Милка, встряхивая ушами, носилась по влажному футбольному полю. Освещая Лешу фарами, на стадион въезжали иномарки братков, под трибунами был устроен спортивный зал, где эти крепкие парни тягали железо. Леша специально приходил сюда в темноте, чтобы не мешать дневным бегунам — школьникам, спортсменам и «новым русским», которые сбрасывали здесь лишние килограммы. «Новыми русскими» Леша называл всех, у кого были иноземные машины. Честным трудом, считал он, заработать на блага нынешней жизни в маленьком городе невозможно. Для этого нужно быть чиновником, вором или спекулянтом. Леша заочно учился в университете, любил читать и недавно узнал, что Лютер, основатель протестантизма в Германии, тоже считал торговлю воровством. «Правильный был мужик! — восхищался Леша. — Но и чиновник не лучше торгаша или вора. Он суть вымогатель, рэкетиер, наживает на несчастьях маленького человека! Нормальный человек беден по определению!» У Лешы на этот счет имелась целая философия. Человек, мол, должен быть бедным, потому что земля маленькая, а едоков много. Значит, нужно вести себя скромно, жить потеснее, чтобы всем места хватило, не так как эти богатые — все себе захапуют, а другим ничего не остается! Леша, в глубине души, порой даже гордился тем, что беден.

Пока он размышлял так, на стадион явились знакомые богатеи, приехали на своей новенькой «Ауди». Эти «новые русские» особенно раздражали Лешу из-за того, что всегда являлись в *его* время: похожий на мальчишку худенький мужичок и его ухоженная, с гладкой кожей, бабенка. Они резво нарезали круги, тихо переговариваясь, а Леша злился. Отработать бы им смену на заводе, уж бегать не захочется! Страна гибнет, а они вон какие сытые, розовые — смотреть противно! А Леша никогда не был благополучным. От нервов и тягот жизни у него сероватый цвет лица, худоба, как у лося зимой, которого долго гнали по болотам охотники. А эти, бляха, какие чистенькие! Если засиделся — поработай руками, землю копай, а не носись, как собака! Дармоеды проклятые! Так, мысленно ругаясь, Леша давал Милке все новые команды, заставляя искать брошенную в темноту игрушку или нести палку. И тут Милка, оказавшись рядом с пробегающими, от хорошего настроения азартно взлаяла на них, радостно взмахивая ушами. Бабенка взвизгнула, остановилась и заорала, уставив руки в бока:

— Убери собаку! Здесь люди бегают! Уже не первый раз я тебе говорю! Ты что, не слышишь?!

Леша молчал, расслабленный пивом, но баба не унималась.

— Развели собак, людям скоро пройти нельзя будет!

У Леши внутри поднималась злоба. А почему он должен уходить?! Они и так уже захватили все вокруг, скоро и дышать нельзя будет!

— Не умеешь справиться со своей шавкой, гуляй в другом месте! — продолжала скандалистка. Тут она перегнула палку. Милка была породистой охотничьей собакой, Леша ею гордился.

— Она не шавка, это ты шавка! — крикнул он, уязвленный.

Тут «новая русская» еще более воспламенилась и завизжала, поглядывая на невозмутимо пробегающего мимо тщедушного супруга:

— Завтра мы приедем с ружьем! Будем стрелять по твоей собаке! И любой суд нас оправдает! Ты находишься на стадионе и мешаешь нам бегать!

— Ружье у меня тоже есть, — сказал, ухмыляясь, Леша. — Ходить нужно, а не бегать!

— И еще пить, как ты! — взвилась баба.

Леша молча смотрел на ее маленькие грудки под свитером, на ее стройные ноги, и представлял, как валит ее наземь, срывает с нее одежду, поворачивает к себе спиной...

— Ты же совсем спился! Потому и собака тебя не слушает!

— Да что тебе далась моя собака?! — не выдержал снова Леша. — Ты сама хуже любой собаки!

— Ну, все, доигрался! Завтра мы приедем с ружьем, будем стрелять! — крикнула баба, и побежала по кругу, как маленькая злая пони. Милка, не понимая смысла разговора, смотрела ей вслед, склонив набок голову и свесив уши.

Леша походил еще немного, чтобы не показать, что он испугался, и побрел домой. Пивной хмель от злости весь выветрился, мысли у Леши были такие, что самому страшно делалось. С ним происходило что-то непонятное: земля под ним точно зашевелилась, и нечто тягостное, липкое, темное вселилось в него. Леша ощутил в себе небывалую прежде решительность. Он взял дома ружье и пошел с Милкой к стадиону. Взвел курок, зарядив ружье крупной дробью, когда осенило: «Этим же, дурак, ничего не изменишь! Меня просто посадят, и все кончится! С ними нужно бороться их же оружием!» Лешу точно по голове обухом ударили: он понял, что с инстинктами человеческими ничего сделать нельзя — мальчишки играют в царя горы, а вырастая, продолжают эту игру, только по другим правилам. В детстве платой за победу был разбитый нос, а во взрослой жизни ставки больше, иной раз приходится идти по трупам. Леша сейчас в самом низу горы жизни, он чувствует себя проигравшим и старается найти оправдание своему поражению, только и всего. Леша решил — если так, он будет играть по их правилам! Тем более, что ума особого для этого не надо! Леша уже знал, как он заработает первые деньги. Ведь почти все начальные капиталы украдены! Это закон рынка! Леша будет продавать срезанные на кладбище памятники и могильные ограды из нержавейки! С ломом и ножовкой по металлу пойдет ночью на кладбище, выберет памятник; вокруг тихо, разграбленный домик сторожа зияет пустыми оконными проемами, на могилах тут и там копошатся гробокопатели... Леша представил, как он вывернет ломом мраморную плиту — ее он сдаст в кооператив по изготовлению памятников, мрамор отшлифуют и продадут новым клиентам, — как понесет могильную оградку из нержавеющей стали в пункт приема ценных металлов, и его вырвало в придорожные кусты. Но Леша отдышался, утерся и стал думать дальше. Через год у него будет собственный вагончик для приема металлов, он свяжется с дальним родственником, который живет в Риге, — тот говорил что-то про знакомого полковника на таможне, — и в Ригу, Клайпеду повезут десятитонными грузовиками провода, снятые в заброшенных властью деревнях, алюминиевые кастрюли, бидоны, остовы украденных на огородах теплиц, дета-

ли станков, которые не нужны больше в России. Ведь русские люди сами разбирают свои заводы и шахты, чтобы сдать оборудование в металлолом, Леша за последние годы видел много разрушенных предприятий и шахтоуправлений. Чуть позже можно будет принимать и черный металл. Половина колхозов развалилось, на их полях гниет брошенная сельхозтехника. Хорошо бы купить газовый резак, чтобы не пропадали еще трубопроводы, газопроводы в деревнях. Они себе еще раз газ проведут. А вырученные деньги вкладывать в магазины, торгующие пивом и водкой! Открывать эти магазины выгоднее всего рядом с парком, где любит гулять молодежь. Они ведь все равно не представляют себе другого отдыха, кроме как с бутылкой пива в руке. Отдыхать удобно будет в Риге, чтобы заодно увидеться с компаньонами. В Латвии есть Юрмала, Сигулда, красивые латышские проститутки, европейский сервис. Жену себе Леша тоже решил поменять; он возьмет себе красивую, молодую, не то, что эта ро-сомаха Лидочка...

В голове у Леши как-то разом все прояснилось, но что-то мешало, сдерживало. Не понимая, он повертел головой, задыхаясь от решимости. Нужно было сделать что-то, начиная новую жизнь, сделать такое, что не позволило бы вернуться в прежнее состояние. И он вдруг понял, взглянув на Милку, которая семенила рядом с ним, заглядывая в глаза. Леша остановился, подумал и выстрелил в Милку. Она была из старой жизни, а все, что было раньше, Леша теперь ненавидел. Стон умирающей собаки, которая, истекая кровью, ползла к нему, чтобы лизать его руки, до сих пор звучит в ушах Пивоварова.

АНГЕЛ

Я набрал номер ее телефона и сказал будничным голосом:

— Здравствуйте, это Катя?

— Да, а кто это? — ее голос, даже измененный трубкой, был колокольчиковым. «Наверное, она красива,— подумал я.— Голос и внешность как-то связаны».

— Вы меня еще не знаете, но это не важно,— начал я, представляя, как она сейчас испугается.— Я должен сообщить вам очень важную информацию, от которой зависит ваша жизнь или смерть. Вы хотите увидеться, или мне сказать вам по телефону?

— По телефону.

— Вы читали книгу «Мастер и Маргарита»?

— Читала.

— Верите в Бога?

Она молчала.

— Меня попросили сказать вам, что вы в опасности. Сходите в церковь и помолитесь, чтобы Господь сохранил вам жизнь. Иначе умрете молодой, в страшных мучениях. «Самое главное, это правда,— подумал я в свое оправдание.— От СПИДа люди умирают именно так. Если она будет спать с кем попало, допрыгается и до СПИДа».

— И кто вас попросил мне сказать это?

— За вами наблюдают, Катя. И для начала вам посылают это предупреждение: вы больны сифилисом. Если не верите, сходите в больницу, сдайте анализы.

— Кто вы?

— Ваш добрый ангел...

Отключил телефон, я улыбнулся, с нее было достаточно. Я всегда любил розыгрыши и мистификации, а здесь это было нужно для дела. Ее телефон дал мне постоянный клиент, у которого недавно вновь обнаружилось привычное заболевание. Он был чрезвычайно любвеобилен, сифилис лечил уже в третий раз, не считая гонореи, хламидиоза, герпеса. Он и сейчас приходили на уколы, а Катя, с его слов, была «мо-

лоденькой дурочкой», тульской студенткой, с которой он познакомился где-то на улице. Ей было скучно, наверное, она отдалась ему прямо в машине, и теперь гуляка стеснялся сказать ей о болезни.

Через три дня телефон зазвонил вновь. Успев позабыть про наш разговор, я не сразу понял, кто спрашивает:

— Мы могли бы с вами встретиться? У вас есть человеческое тело?

Несколько секунд понадобилось, чтобы отключиться от работы. На кресле возле меня сидела раздетая женщина, в одной руке я держал гинекологическое зеркало, в другой — тампон с жидким азотом, говорил в укрепленный на воротнике микрофон сотового телефона.

— Я могу принимать любой облик. Но, чтобы не пугать вас, буду выглядеть как мужчина средних лет, среднего роста, одним словом, как обычный мужчина. Устроит?

Моя пациентка, испуганно поджав ноги, удивленно глядела на меня. Я подмигнул ей и успокаивающе похлопал по коленке.

— Да, конечно. Где мы увидимся? — спросила Катя по телефону.

— Давайте в субботу, часов в 11, в центральном парке у карусели «Ромашка». Я буду ждать вас на лавочке с газетой «Комсомольская правда».

— Не пугайтесь, это ребенок, девочка, — сказал я пациентке. — Она большая фантазерка.

В субботу я соврал жене, что мне нужно на заседание Союза писателей, и поехал в Тулу. Сидя на лавочке, поглядывал на людей. Они были вкусны для меня, как натура для художника, и почему-то было жаль их, думалось о скоротечности жизни. Мне понравилась фактура бредущего мимо нищего, захотелось описать его, нужно было достать блокнот. На самом деле внешность обманчива, думал я, потому что сам, иногда отправляясь путешествовать без денег — они защищают, точно кожа, а мне иногда хочется воспринимать мир голой кожей, не защищенной машиной, домом, служебным положением, родственниками, друзьями... Сколько я узнал добрых людей, которые помогали мне просто так, не из-за выгоды! Иногда я высылал им после небольшие подарки, представляя их изумление. Странно, наверное, получить часы или кожаную сумочку от бомжа, которого они когда-то пожалели. На самом деле удобна моя от специальной диеты, а одежда была чистая, дыры на ней делал знакомый дизайнер.

— Здравствуйте, — прозвенела колокольчиком незнакомая девушка, присев рядом. У нее были веснушчатые щеки, карие глаза и светло русые волосы. Она не показала мне очень красивой, но шарм в ней присутствовал, и явно сквозила душа, я сразу понял, что не зря приехал, что девушка не безнадежна.

— Здравствуйте, Катя, — сказал я приглушенным голосом прорицателя. — В анализе четыре креста?

— Вы и вправду ангел? — Катя смотрела на меня так, точно я вынырнул из ее детской сказки и сейчас, обернувшись через себя, уползу ящерицей.

— Хотите, я растворюсь в воздухе, или превращусь в саблезубого тигра?

— Разве ангелы должны превращаться в тигров? Ангелы ведь добрые!

— Вы правы, — нужно было соответствовать образу, я вдруг понял, как это сложно.

— Вы все знаете про меня? — спросила Катя, покраснев.

— Да, Катя, вы себя вели ужасно! Так нельзя!

— Да, да, я точно сошла с ума! Мне сейчас так плохо, что было все равно с кем! Когда я делаю это, мне становится чуть легче!

Мне хотелось спросить ее многое, но я боялся выдать себя.

— Как думаете, почему вам плохо, Катя? — нашел я выход из положения.

— Не знаю...

— Вы живете неправильно! На самом деле жизнь — очень серьезная штука. И прежде чем совершить поступок, нужно крепко подумать. Секс и любовь — серьезные вещи. Нельзя это делать с кем попало, иначе погибнете. Дайте мне слово, что будете относиться к этому серьезнее!

— Ладно, ладно! — махнула рукой Катя и задумалась. — Как странно знать, что за тобой наблюдают... А что меня ждет впереди?

— Судьбу вам знать не положено, — сказал я. — Вдруг вы решите противиться ей, или упадете духом от предстоящих испытаний? Этим вы внесете путаницу в небесную канцелярию. Единственное, что могу сказать: вы еще будете счастливы (она смотрела на меня восхищенными глазами), но не очень долго. Человек не создан для счастья, как птица для полета, — здесь, на земле, человека испытывают! Что он выберет: добро или зло? Только здесь люди обладают свободой воли. Там, в небесных сферах, люди уже не имеют возможности выбирать.

— А как там, в вашем мире?

— Там прекрасно! Да и здесь хорошо, если жить правильно. Не делать зла, стараться любить и помогать друг другу. Все человеческие проблемы — от нарушения правил общежития на планете! Эти правила даны человечеству больше чем две тысячи лет назад, но люди так и не научились ими пользоваться. Будьте впредь осторожны. Помните, что за каждый поступок вам придется давать ответ.

— А любовь? Там есть любовь?

«Я сам бы хотел знать, — подумал я. — Неужели там нет любви? Это было бы страшно!»

— Конечно, есть, — сказал я, — огромная любовь, которая наполняет пространство. И ты купаешься в ней, растворяешься, блаженствуешь. Но для того, чтобы любить, душа должна потрудиться. Помните, у Заболоцкого: «Душа обязана трудиться и день и ночь!»

— Я не читала...

— Через неделю я позвоню вам. Обязательно прочитайте стихи Заболоцкого. Хорошо?

— Вы можете сейчас взлететь?

— А что подумают люди?

— Ну, пожалуйста!

— Нельзя мне, я на работе!

— А почему, вообще, мужчины такие жестокие? — неожиданно спросила она.

— От глупости, плохого воспитания, одиночества. Мужчины вечно к чему-то стремятся, они встроены в общественную иерархию, конкурируют между собой, доказывая, кто главный. Женщина может расплакаться, быть слабой, а мужчина не позволяет себе слабости! Он должен состояться на работе, быть на уровне в сексе, должен обеспечить высокий уровень жизни своей семье! Обычные человеческие глупости.

Я посадил Катю в трамвай и тоже решил проехать одну остановку — поближе к своей машине.

— Передайте деньги на билет, — сказал я стоящей впереди старушке.

— А волшебное слово? — сурово посмотрела она.

— Краблетраблебумс, — невозмутимо ответил я, и старушка, пораженная, понесла деньги к вожатой трамвая, подумав, видимо, что имеет дело с сумасшедшим.

Когда я выходил, Катюша помахала рукой на прощание. Мне было грустно и весело, сам не знаю почему.

Вячеслав Михайлов
(г. Тула)

ДУЭЛЬ НА ТВ

Вячеслав Викторович родился в 1961 году в городе Термезе. Окончил Московский гидромелиоративный институт. Кандидат экономических наук. Опубликовано более сорока научных работ, несколько очерков, стихов. Печатался в сборнике «Иван-озеро» (2010). Проживает в городе Туле.

Заканчивались последние приготовления телевизионной студии к записи шоу «Дуэль на ТВ».

Шло оно на экране уже несколько лет раз в две недели и пользовалось большой популярностью. Дуэлянтами выступали известные депутаты Госдумы и политологи, писатели и экономисты, бизнесмены и оппозиционные политики, режиссеры и юристы. Поводом для дуэли служило непримиримое разногласие по какому-либо злободневному вопросу общественной жизни. Начиналась действо с показа отснятой заранее завязки, где один будущий дуэлянт предъявлял обвинение другому и требовал за неправильное мнение сатисфакции. Тот с важным видом принимал вызов и затем уже соперники представляли перед телезрителями у импровизированного барьера на расстоянии двух метров друг против друга, в окружении немногочисленной публики. Сама дуэль проходила в форме дебатов. Бросивший вызов в течение трех раундов отстаивал состоятельность своего обвинения, а поднявший перчатку, в свою очередь или опережая ее, старался доказать обратное, растолковать и защитить свою позицию. Управлял всем постоянный ведущий шоу, маститый журналист Станислав Берков. В первом раунде дуэлянты дрались один на один, во втором им помогали секунданты, а в третьем они отбивались от ведущего. Но шоумен своего раунда не дожидаясь, с самого начала вступал в полемику с дуэлянтами, комментировал их выступления, задирали секундантов, когда жара на дуэльной площадке не доставало, ловко раздувал огонь. В запале и ему иногда перепало от дерущихся. Стас был активнейшим участником теледуэли не в пример распорядителю ее смертоносной праматери. Соперники частенько отклонялись от первоначального предмета дуэльного спора. Ведущий принуждал их к возврату, но если отступление обостряло процесс, особо не настаивал. Многие дуэлянты заранее отыскивали темные пятна в прошлом соперника и в удобный момент вбрасывали такую информацию, чтобы смутить его, сбить с толку. Каждый раунд и поединок в целом оценивали поочередно четверо судей. Но окончательное решение выносили к концу программы телезрители при помощи телефонных звонков и SMS-сообщений. Присутствие же судей оправдывалось тем, что они объясняли свои предпочтения, разноцветили полемику, могли повлиять на зрительский выбор. Потому и на их роли привлекались люди известные, сведущие и языкастые.

В этот раз к барьеру вышли Борис Семенович Злоткин и Владимир Егорович

Пестров.

Злоткин — политический ветеран, несмотря на свои сорок пять с хвостиком, лидер партии, имеющей свою хоть и маленькую, но давно и прочно осевшую в Госдуме России фракцию, многократный победитель теледуэли. Именно к нему привязался избиратель, а не к партии; в программе и лозунгах ее переплелись провозглашаемые устремления, пожалуй, всех основных политических сил страны. Импонировали доходчивость Злоткина, неизменный петушиный настрой во всех предвыборных баталиях, в перерывах между ними, и даже свойство временами срываться — шумно гульнуть, разругаться.

В студии Борис Семенович появился в сопровождении двух массивных, рослых телохранителей. Разместились они среди зрителей, недалеко от своего шефа.

Пестров, дородный мужчина не намного моложе своего соперника, числился в обновленной верхушке либеральной партии. Растеряв за последние годы своих избирателей и влияние на власть в стране, недавно еще решающее, либералы всячески стремились поправить положение. Не упускали и случая засветиться на ТВ.

Секундантами Злоткина и Пестрова выступали товарищи по партии, а судейскую коллегию составили политолог, музыкальный продюсер, адвокат и журналист.

И вот, прозвучал гонг — первый раунд начался.

Пестров корил Злоткина за двойные стандарты, приводил в пример голосование его фракции по годовому бюджету. «Вы так резко критиковали многие статьи бюджета,— заявлял он,— а когда до принятия решения дошло, поддержали его друженько в целом, хотя ни одной вашей поправки большинство не приняло. Где ж ваша принципиальность, которой вы бахвалитесь любите?!»

Злоткин смеялся в ответ и обвинял противника в подтасовке фактов. Говорил, что на самом деле несколько предложений его партии учли. «Вы не в курсе — в парламенте то вас нет, не имеете достоверной информации,— разяснял Борис Семенович.— И выдумываете — не впервой... Как не крутитесь, в Думу вам не вернуться. Кто теперь поверит вашим басням? Разбазарили полстраны, сбережения стариковские умыкнули, все ослабили, что могли: и армию, и ВПК, и здравоохранение. Из сил выбьешься перечислять... Смеет еще оценки моральные давать!.. Про двойные стандарты толкует, наивный. Да, пусть и тройные будут, хоть пятерные — лишь бы стране на пользу, народу».

Пестров откровенно от упрёков в прошлых бедах, напоминал, что недавно в рядах либеральных, пытался подпереть свои обвинения доказательствами. Но Злоткин, бывалый поединщик, то и дело прерывал его, и продолжал наседавать. Пестрову удавалось внятно контратаковать только при помощи Стаса. И один болезненный укол ему-таки удался к концу первого раунда, хотя в студии мало кто его выделил. Пестров шутиливо признал, что напрасно винил Злоткина за неприципиальность. «Немудрено ошибиться,— сказал он,— принципы ваши так подвижны и переменчивы! Уловить их — дохлый номер».

Реакцию депутата на это трудно было предсказать, даже принимая в расчет его имидж. Борис Семенович побагровел и стал выкрикивать с секундными интервалами оскорбления: «Подонки!!! Ты лжец!!! Подлец!!!» Студия оторопела. Пестров в смущении топтался у барьера, не в силах что-либо произнести и сдвинуться с места; глядел растерянно то на разбушевавшегося Злоткина, то на Стаса, словно спрашивая ведущего: «Что вообще происходит? Почему эта козлина обзывает меня последними словами?»

Ошеломленный поначалу, как и все, Стас быстро очнулся и стал увещевать Злоткина, подав рукой знак Пестрову: «Сейчас разберемся». Но Злоткин не останавливался и в обход Беркова опять хлестал соперника, повторяя ругательства и добавляя новые: «Подонки!!! Негодяи!!! Ты — тварь!!!» Мало того, обернувшись к

своим охранникам, властно потребовал: «Бойцы, ну-ка вон отсюда этого подлеца». Те с готовностью поднялись. Берков с трудом усадил их обратно, угрожая вызвать местную охрану.

Пестров немного оживился. Он несколько раз иронично ухмыльнулся, пытаясь изобразить свое отношение к происходящему, как к некому грубоватому фарсу. Затем все же возмутился вслух хамским поведением Злоткина и даже пробормотал: «Морду ему, что ли, набить?» Но полувопрос этот прозвучал так тихо и натужно, что ясно было — никаких действий вслед за ним не будет.

Раздался гонг, возвещающий об окончании первого раунда. Стас увлек дуэлянтов в соседнее со студией помещение; предупредительно шел между ними, не переставая успокаивать Пестрова и одергивать Злоткина, воинственно жестикулирующего.

В студии началось шушукание: обсуждали событие и гадали — что же будет дальше.

Судья-журналист по имени Павел и фамилии Пашня, главный производитель биографических очерков в модном журнале, впечатлениями ни с кем не обменивался, а сидел с унылым видом и думал о том, что черт дернул его согласиться на это событие. «Мог ведь отказаться,— злился он.— Нет, поперся — по телику покажут, как же; Берков сам позвонил, польстил!.. Вляпался».

После первых же бранных выкриков Злоткина сердце Павла часто заколотилось, забыл он враз о своей неприязни к либералам и больше всего в тот момент хотел, чтобы Пестров вмазал обидчику. «Ну же, сделай это, не стой, как овца»,— внушал ему мысленно Пашня. А потом, видя, как смиренно Пестров ловит и складывает за пазуху оскорбления, спрашивал его с горечью про себя: «Зачем ты, бедолага, слабак, вышел на эту драку?! Не твое это, не твое».

Теперь Павел очень надеялся, что дуэль расстроится, не придется в ней дальше участвовать.

Ведущий и дуэлянты вернулись в студию минут через пять. Злоткин шествовал победителем, всем видом своим показывая, что ничуть не раскаивается. И Пестров силился выглядеть бодряком.

Стас объявил, что, несмотря на случившееся, соперники согласились продолжить поединок, поскольку защищают не только свои позиции, но представляют также взгляды определенных общественных групп. Он предложил судейской коллегии оценить раунд, по возможности не учитывая его концовку.

И шоу двинулось дальше. Судьи дисциплинированно принялись за дело. Пашне предстояло огласить и пояснить свой выбор последним. Он нервно елозил на стуле, напряженно вслушивался в слова своих шоу-коллег, несколько раз оборачивался и задерживал взгляд на публике. Один из судей проголосовал в пользу Злоткина, двое — за Пестрова, как ни курьезно это выглядело. Борис Семенович снисходительно и надменно улыбался голосованию за Пестрова, давая понять, что в итоговом решении телезрителей он не сомневается.

Пашня уже перестал дергаться, ожидал своего выхода. Настал и его черед.

— Трагикомичная у нас история выходит,— хмуро усмехнулся Павел, поднявшись.— На реальной дуэли все оказывались, чтобы честь отстоять, сберечь: соперники, рискуя жизнью поплатиться, секунданты и врач — за решетку угодить или в опалу. А мы здесь собрались, чтобы всем скопом свою честь опорочить, не рискуя почти ничем. Боже мой!

В съемочной студии, где непременно присутствовал легкий гул от реплик и перешептываний, стало совсем тихо.

— О чем вы говорите? — перебил Пашню Злоткин,— ваше дело не о дуэли и чести разглагольствовать, а раунд оценить. Скажите решение свое и не мешайте. Стас, что за самодеятельность?

— Сейчас скажу, — грубо рыкнул Павел, — и не вступайте, моя теперь очередь... По поводу чести опорощенной. Что Пестрова это касается, комментарии, как говорится, излишни. Второй по счету — Злоткин. Я за то, чтобы подлеца называть подделом. И симпатий к Пестрову не испытываю. Скорее наоборот. Но вы его многократно оскорбили фактически ни за что. Он вас так же поддел, как на этой программе все соперники стараются. И вы — первый. «Храбрец», когда за спиной два амбала! Третий — Стас. Как ты мог продолжить, когда Злоткин не извинился, не покаялся, да еще и вернулся к барьеру таким цезарем, триумфатором!? Ты решил или командиры твои — я вас не разделяю. Bravo! Как же, скандал — всегда в актив шоу, даже если он — мерзкая демонстрация безнаказанного унижения... Остальные тоже хороши: секунданты, судьи, вся студия. Сглотнули, прикинулись, что ничего особенно неприличного не произошло. Стали дальше спектаклю играть. И я сидел, поджав хвост, — ждал, когда осудит кто-нибудь, возмутится... Теперь можете меня распинать.

Пестров слушал Пашню, сгорбившись и вцепившись крепко в барьерную перекладину. А Злоткин, багровевший все больше, и больше пока говорил Павел, взорвался.

— Мучеником себя возомнил! — рявкнул Борис Семенович. — Стас, что мелет эта твоя зыбь или пашня?! Откуда вы его взяли? Подсадную утку заготовили?! Да, ты, писака, еще больший клеветник и негодяй, чем этот либерал! — выпалил он Павлу в лицо. — Ребята! — махнул рукой Злоткин своим лбам — охранникам. — Хватай за шкирку! Вон его, и можете пристрелить!

— Чего я и ждал, — удовлетворенно прошипел Пашня, договаривая слова уже на подлете к Злоткину.

Пять шагов — не расстояние для выпущенной на волю ярости. Кулак Павла врезался в нос депутата, несмотря на попытку того уклониться и верный претендент на победу в этой теледуэли рухнул у барьера лицом вниз. Пашня стал хватать его за плечо, чтобы приподнять и добавить. Но получил тяжелый удар в правое ухо от подоспевшего злоткинского амбала и отлетел под свой стол, едва не подломив ему ножки. В голове стоял шум, в ушах — звон и с первой попытки подняться Павел не сумел. Следующую прервали новые удары — в бок и спину. Их нанес уже второй амбал Злоткина.

Борис Семенович сразу вскочил на ноги, увидев подмогу. Придерживая разбитый и кровоточащий нос, он рванулся к поверженному Пашне и несколько раз пнул его, оттолкнув своего телохранителя.

Стас, громко призывая охрану телеканала в студию, бросился оттащить Злоткина и его охранников от Пашни. Ему плохо это удавалось — нападавшие не отставали, пытаясь добраться до Павла то с одной, то с другой стороны. А перепачканный кровью Злоткин еще и честил всех подряд: Пашню — известно за что, телохранителей — за опоздание, Стаса — за коварство, студию — за то, что стала свидетелем происшедшего. Кричал, что теперь будет сорвана его пресс-конференция, запланированная на завтра — как на ней появляться с распухшим носом. Требовал от Беркова и организаторов шоу пресечь утечку информации об инциденте.

Тут Павел, все еще находясь на полу, услышал чей-то громкий возглас: «Пашня, держись!» Рядом усилилась возня, послышались новые порывистые вздохи и выдохи, раздались звуки ударов, падавших уже не на него. Приподняв голову, Павел увидел, как несколько крепких мужиков, по-видимому, из публики, налетели на злоткинских телохранителей. Те стали отбиваться, оставив Пашню в покое. Захрустели сломанные стулья. На подкрепление к своим пришли секунданты Злоткина. Разгорелась жесткая потасовка, вобравшая в себя и Павла. Он уже очухался после нокдауна и с дикими воплями «мочи их», «вырубай» насакивал на злоткинцев. Верещали женщины, требуя милицию и ФСБ. Часть зрителей выскользнула из студии. Исчез незаметно и Пестров.

Борис Семенович под прикрытием телохранителей и при помощи их толчков тоже стал продвигаться к выходу, посылая теперь проклятия телеканалу, неспособному организовать нормальную работу и защитить VIP-персон. Появилась, наконец, местная охрана и принялась вместе со Стасом разнимать дерущихся. Злоткин и его компания продолжали движение к студийным дверям и через минуту скрылись за ними.

С уходом депутата студия утихла. Взлохмаченный Стас извинился перед оставшимися и обещал связаться, как только обстановка прояснится. Потом пошел провожать их. Вопросами его не донимали, расходились молча.

Поддержавшие Пашню мужики теперь помогали ему отряхнуться. «Молоток, Паша,— одобритительно похлопал по плечу один из них,— выручил».

— Вы — молодцы,— похвалил их в ответ Павел, ощупывая раздувшееся ухо и болезненно морщась.

— Мы трогаемся. Может подбросить?

— Не беспокойтесь, я на колесах.

— Если понадобится, вот визитка.

Попрощавшись, удалились и они.

Вернулся Стас, оглядел с головы до ног Пашню. Тот широко улыбался ему, сверкая красным ухом.

— Сорвал съемку и рад, честолобец,— криво усмехнулся все еще возбужденный Берков.— Теперь на этой дуэли можно ставить крест. Придется другую готовить, да расхлебывать заварушку... Ладно — не в первый раз, и не в последний... Слушай, ты так складно речь свою толкал разоблачающую. Не заранее ее набросал?

— Не придумывай,— отмахнулся Пашня и, довольный, добавил, потирая грудь: «Эх, давно так хорошо не было на душе».

— Не зря мне говорили, что ты — романтик безбашенный. Но мыслишь прямолинейно. Вот завалил ты поединок и не увидят теперь миллионы, как наложил в штаны этот либеральный деятель. А не мешало им поглядеть, чего стоят наши либералы... Информация, конечно, появится. И на ТВ тоже. Шум будет немалый. Но все равно это — пшик... Подумай, как эйфория пройдет от своего геройства.

— Ах, вон как мы далеко глядим и нелинейно мыслим! — взвился опять Пашня.— Какие мы расчетливые! Двух зайцев, значит, сразу — «ба-бах»: и либералам издыхающим пулю вкатить и публику покрепче к шоу привязать. А что постыдное будет выдано за норму — это пустяк, да?! Издержки телепроизводства?!.. Что мы творим, Стас?!.. Вот, попомни, ты меня еще благодарить будешь за сегодня...

— Жди, дожидайся,— отгрызнулся незлобиво Берков.— Скромняга... Ладно, мне пора. Бесполезно с тобой говорить сейчас. И не попадайся мне на глаза... По-крайней мере, пока не позову... А придется звать,— ты прогремишь теперь.

— Жди, дожидайся! Я сюда ни ногой!

— Что, сдрейфил!? Боишься за честь еще постоять!

— Студию твою боюсь доломать.

Игорь Карлов*
(г. Тула)

В СОСЕДНЕЙ ПАЛАТЕ

Ад устроен совсем не так, как мы представляем. Концентрический план Данте, апокрифические сказания — все это излишне литературно, чтобы соответствовать действительности. Гениальная догадка Достоевского о пауках в затхлом углу бани есть лишь вспышка провидения, но не дает развернутой картины, динамического образа. Как свидетельство очевидцев можно было бы рассматривать буддийские танка, на которых чудовищные демоны пожирают грешников, терзают их плоть столь изуверски, что сама восточная изощренность бледнеет перед натурализмом изображения. Но даже в таких картинках присущий живописи эстетизм (как, скажем, и у Иеронима Босха) мешает ощутить подлинность мучений. В реальности все должно быть страшнее в своей простоте, обыденности и повторяемости.

Осязаемой моделью ада могло бы стать, например, отделение урологии областной больницы дотационного региона России: ночь, глухая темнота за окнами, подчеркнутая тревожным желтым светом дежурного освещения; манипуляции с больными прекращены, врачи ушли, оставив очередного цербера на посту медицинской сестры; брошенные на произвол судьбы грешники искупают блуд, пьянство и чревоугодие почечными коликами и болями внизу живота. Стон и скрежет зубовой повсюду. Страшно слышать их, но еще страшнее видеть обитателей урологического ада. Маленькие дети, которых иногда зачем-то приводили с собой посетители, приходившие навестить заболевших родных, плакали от ужаса, увидев сборище Франкенштейнов, с торчащими из тела трубками, с перекинутыми через плечо полиэтиленовыми контейнерами, в которых плескалась отвратительного вида жидкость.

Фантасмагорический внешний вид страдальцев невольно заставлял думать, что и внутренний мир их жуток, непостижим; так всегда считают люди, сталкиваясь с неизвестным, с тем, к чему пока не привыкли. Монстры урологии и впрямь внушали человеку неподготовленному кошмарные ощущения, а при всем том в несчастных не было ни грамма мистики или готического мироощущения. Они оставались реальными людьми с самыми обыденными запросами и проблемами. И вместе с тем, болящие все же были страшны в любых своих проявлениях, скажем, во время приема пищи, когда трясущимися руками несли тарелку с жидкой похлебкой. Когда ели как-то особенно неопрятно, когда морщились: опять бурда! Когда несли остатки своих порций к ведру с помоями, поставленному рядом с раковинкой, и, выплескивая свою порцию, склонившись в поклоне перед электрической сушилкой для рук, попадали макушкой под ее раструб, от чего сушилка утробно и торжествующе ревела, словно радуясь очередной жертве. Больные вздрагивали и понуро семенили прочь.

Мученики заболеваний мочеполовой системы были страшны даже в комических ситуациях. Намаевшись лежанием в койках за долгий день, страдальцы под вечер выходили на прогулку по длинному больничному коридору, своего рода Бульвару Уроло-

* Наш постоянный автор, лауреат премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

гии, вдоль по которому гуляли попарно и поодиночке, оценивая поглядывая друг на друга и чуть ли не раскланиваясь, как в позапрошлом веке. Дамы, наверняка, обсуждали фасоны и расцветку больничных халатов, а кавалерам впору было покручивать усы и приподнимать цилиндры, встречаясь с ковыляющими навстречу чаровницами. Карикатура на гравюру XIX века с Невским или Летним садом: бомонд в лохмотьях и тапочках. Представители высшего общества в бесформенных халатах и старых спортивных костюмах, с торчащими из тела трубками,— какая жестокая ирония!

Урологические больные были страшны и тогда, когда их никто не видел под покровом ночи. Страх и боль, выработанные ими за день, безраздельно владычествовали на третьем этаже больничного здания. Каждый из бессонных страстотерпцев, притаившихся в черных углах своих застенок, по-своему перемогал болезнь, но все вместе они создавали то неприятное энергетическое поле, которое явственно ощущается в любой больнице и которое затягивает даже бодрых и здоровых людей и заражает их тоской безысходности. Наверное, самое страшное в аду — безнадежность. Страдание ужасно, но переносимо, когда есть надежда на окончание страдания. Когда же такой надежды нет, выдержать даже малую толику боли почти невозможно...

В ту ночь мученики урологии испытали не только физические, но и моральные страдания. Уже полночь внезапно сработала пожарная сигнализация. Поначалу было похоже, будто в коридоре включили радио или заевшую пластинку. В палатах стали просыпаться, прислушиваться... Бесстрастный и вежливый механический голос сообщал о пожаре, предлагая без паники покинуть помещение. Прибеги кто-то, крикну пронзительно: «Братцы! Горим!», и люди зашевелились бы, ища путь к спасению, но замороженный голос из динамика превращал все в какую-то непонятную игру, расслаблял, лишал воли. Однако наиболее сообразительные больные уже полезли поодиночке из щелей своей муки на свет дежурных ламп. Одни выходили с папками — несли документы, историю болезни, как историю жизни, как свое оправдание перед Богом на Страшном суде. Другие тащили на себе запчасти — трубки и пластиковые мешки с циркулировавшей по их организму жидкой субстанцией. Постепенно коридор заполнился болящим людом, который принохивался, смотрел по сторонам, протискивался к дверям отделения, запертым, тем не менее, на ключ. Хаотично двигались по коридору хворые, пытались выяснить, как спастись, что делать. И удивительно, но к волнению примешивалась глубоко затаенная радость: может быть, удастся, хотя бы даже ценой смертельной опасности, на законных основаниях вырваться из ада? Пусть на краткий миг, пусть в отсветах пожара, в дыму, но вдохнуть вольный ветер здоровой, неболезненной жизни — это было бы счастьем.

На суету в коридоре напряженно взирали сквозь неплотно прикрытые двери своих палат те, кто не мог двигаться, кто был прикован к кроватям недугом. «Неходячие больные» замерли в тревоге, поняв, что пришел их конец, что гореть им, немощным, заживо, ибо в суматохе пожара никто не войдет к ним, не поможет... Некоторые из «неходячих», измученные болью и беспомощностью, днем, в перерывах между процедурами, молили Бога послать им кончину, но сейчас, ночью, перед лицом страшной гибели, и они хотели жить, словно молодые.

А в коридоре недоумение постепенно сменилось мрачными шутками — осмотр здания из окон, насколько это было возможно, и звонки в другие отделения больницы немного успокоили заложников физиологии. Оказалось, что тревога ложная, что сигнализация ошибочно сработала, причем лишь на двух этажах: здесь, на третьем, и в кардиологии. Какой нечеловеческий сарказм! Допустим, в урологии еще можно было бы воспринять произошедшее с трагикомическим оттенком: ну, описается от страха человек, выскочат из почки камешки, да и все. В кардиологии же такой переполох мог кончиться гораздо драматичнее...

Надо сказать, что во время происшествия с мнимым пожаром страстотерпцы испытали не только опасения за свою жизнь, но и горечь предательства. Неожиданно все

увидели, что дежурная медсестра облачена не в белый медицинский, а в самый обыкновенный байковый домашний халат, такой удобный и теплый. В этом наряде сестра, снявшая с себя белизну ответственности за людей и облекшаяся в негу домашнего уютта, ничем не отличалась от больных, сливалась с ними и была неузнаваема. Факт переодевания воспринимался безусловным фактом измены — это все равно, как если бы на поле боя солдат надел униформу противника. Долго не было видно и дежурного врача. Наконец, доктор поднялся с нижнего этажа. Страдальцы несколько успокоились: «Ну вот, сейчас все разъяснится! Сейчас станет понятно, что делать». Но оказалось, врач сам пришел узнать, что тут у них стряслось. Он расспрашивал медсестру, и по сконфуженно-раздраженному лицу его было видно, насколько он рассержен всем происходящим. Стало понятно, что, пользуясь неурочным временем, доктор ушел из своего отделения по каким-то посторонним делам (в карты ли играл с коллегой на другом этаже, или амурничал с молоденькой медсестричкой?), и теперь ему было крайне досадно, что оторвали от приятного времяпрепровождения и вернули к делам служебным.

После отключения пожарной сигнализации тревога постепенно улеглась, и больные разбрелись по своим палатам. Все стихло, а через небольшое время летний рассвет стал проникать в больничные окна каплями еще не света, но уже как бы полутьмы. Эти светлые частички зарождались в таинстве короткой июньской ночи и вливались в распахнутые оконные проемы, убаюкивая больных, как поддерживающая жидкость из капельницы, вливаясь в вену, приносит забвение и несколько мгновений расслабленного покоя. Капля за каплей атомы света вкатывались в палаты, и становилось легче, потому что придет утро и, может быть, еще день можно будет прожить.

В девятой палате лежало четверо. Молчаливый безработный — заведомый конформист по неосознаваемым, но прочным убеждениям, всегда готовый к любому повороту событий, легко принимавший все, что происходило вокруг, особенно, когда это не касалось его впрямую. Его поразительная склонность к компромиссу раздражала даже врачей, поскольку пациент немедленно соглашался как на ускоренную выписку, так и на быстрое проведение операции. Врачам особенно трудно пользоваться таких больных, так как приходится полностью брать ответственность за их дальнейшую судьбу на себя, что неприятно. У другой стены посапывал во сне наркоман, работавший водителем маршрутного такси, пропагандист идеи о легализации легких наркотиков, глаза которого становились масляными каждый раз, когда он возвращался из туалета с перекура. Койку около окна занимал сорокалетний электрик с водянойкой яичка, ожидавший наутро операции. Четвертым был старый «з/к», появившийся в палате лишь вчера утром, вошедший угрюмо, не здороваясь, проведив сквозь зубы что-то вроде: «Можно у вас поместиться?» Старик, имевший восемь «ходов», который «всю Сибирь толкал», прошедший Север от Воркуты до восточной окраины континента. Ветеран лесоповала, сам удивлявшийся, что до сих пор жив, сложив на больничном одеяле кисти рук, испещренные «наколками», спал, занимая всю койку, но не раскидывая конечности, иногда храпывал, но тут же осекался во сне. Именно так спят бывалые арестанты в тюрьмах, на пересылках, в лагерях: многолетняя привычка быть даже во сне готовым к немедленному отпору или беспрекословному повиновению совершенно беззащитного спящего человека делала носителем одновременно двух статусов — доминирующего и подчиненного.

Постепенно жирная антрацитная темнота в палате под напором частичек света расточалась, серела, превращалась в своего антипода. Казалось, предрассветное умиротворение вот-вот снизойдет на мир Божий и на отделение урологии как малую часть его. Но в соседней палате слышались возня и стоны. Там, за стеной, помещена была одинокая старуха, страдавшая непроизвольным мочеиспусканием. Все другие больные постепенно покинули палату, ибо находиться рядом с полубезумной бабкой было невозможно. Бывшие соседки старой карги умоляли переселить их куда угодно, в самую переполненную палату, лишь бы освободиться от криков, стонов,

падений, нечистот. Медперсонал почти не заглядывал к оставшейся в одиночестве пациентке, и, проходя днем по больничному коридору, за неплотно прикрытой дверью можно было увидеть тщедушное тельце в лохмотьях, валявшееся то на кровати, а то и на полу в собственных испражнениях. И вот сейчас, под утро, задремав, старая женщина снова свалилась на пол и не находила в себе сил подняться на лежанку. Стоны старухи за стеной становились громче, постепенно складываясь в нечленораздельную, недоступную восприятию по смыслу, но интонационно очень выразительную и точную речь погибающего человеческого существа.

В девятой палате шум за стеной вызвал мгновенную реакцию. До того крепко спавшие больные завозились, закашляли, засопели — все, кроме наркомана. Сквозь сон они понимали: что-то случилось. И первая их реакция была реакцией облегчения: не у нас, в соседней палате... Не со мной!

Бормотание за стеной перешло в крик. Сначала это был крик боли, ставший постепенно криком отчаяния. Пытаясь докричаться до кого-то, старуха стала выражаться более членораздельно: «Люди добрые! Помогите!» Мольба о помощи оказалась понятна не только интонационно, но и смыслово. «Люди добрые! Люди добрыи! Люди добры! Помогите! — на разные тона голосила бабка. — Я упала! Помогите, пожалуйста, люди добрыи-и!» Станный в сегодняшнем мире призыв, долетавший, казалось, не из-за стены, а из того старого времени, когда люди еще стремились ощущать себя добрыми, когда на этот призыв отзывались, если не для себя, то хотя бы для других — показать свою доброту. Думалось, что на зов Бабы Яги из соседней палаты, как лист перед травой, должны были бы явиться добры молодцы, какие-нибудь двое из ларца, и навести порядок. Но чуда не произошло. Не было слышно в больничном коридоре ни молодецкого посвиста, ни топота Сивки-Бурки, ни даже чьих-нибудь шагов. «Люди добрыи-и, люди добрыи-и!» — старуха срывалась на истерический фальцет, но добрых людей не обнаруживалось: никто не спешил ей на помощь. Почему в ответ на мольбу о помощи никто не явился? Не было на третьем этаже добрых людей? Или уже во всем Божьем мире добрых людей не осталось?

Доброта — самое бесполезное для человека качество характера. И в то же время — самое показное: подал нищему копеечку, и все вокруг уже увидели, что ты не жадный, то есть добрый. Но, странное дело, при столь распространенном демонстрировании собственной доброты, при непоколебимой внутренней убежденности каждого, что он-то и есть самый добрый человек на свете, мы мало о ком в обиходном разговоре скажем: «Этот добрый». Потому как подспудно понимается всеми, что на самом деле добро со щедростью материальной не полностью совпадает. Тут нужно еще и внутренне, душевно затрачиваться, а до таких трат мы жаднее всего. Проще уж расстаться с частицей своего достатка, чем быть на самом деле обеспокоенным кем-то еще, кроме себя самого, проще производить на окружающих впечатление добряка, жертвуя лепту на храм или на сирот. А утвердившись добряком в глазах окружающих, ты уже и сам начинаешь себя считать добрым. Раз и навсегда убедив себя в собственной доброте, живешь в этом убеждении, как в броне, и незачем тащиться в соседнюю больничную палату в темноте, среди посторонних людей, когда никто не увидит, не оценит твоей доброты. Какой странный, несвоевременный тест на добро предложила вдруг всем старуха из соседней палаты! Кто наделил ее полномочиями подвергать нас такому испытанию?! Кто и почему имеет право беспокоить совесть, уже задремавшую было на казенной подушке?!

Снова и снова назойливый, неприятный голос, почти вой: «Люди добрыи! Люди добрыи!» Одно и то же повторяла старуха, как заклинание, это раздражало и смущало. Нытье продолжалось настолько долго, что, как показалось, на него стало отзываться эхо. Не то реальное физическое явление, которое поселяется в пустых помещениях и среди гор, а какое-то потустороннее эхо, долетевшее сюда из неведомой

таежной глухомани, где погибали заблудившиеся странники, так же вызывая о помощи,— авось кто-нибудь услышит. Эхо всех тех узилищ, где мучили людей с незапамятных времен по приказам фараонов, царей, императоров и прокураторов. Эхо казематов, где терзали воров и татей опричники, заплочных дел мастера. Эхо внутренних тюрем НКВД, эхо пыточных камер фашистских застенков и концлагерей. «Люди добрые!» — как наивно такое обращение к палачам, и как логично оно, это обращение, к тому человеческому в изуверах, что должно же было оставаться. Несчастному мученику всегда кажется, что именно его горячая мольба дойдет до крошечной души мучителя, именно в отношении к его горькой судьбе произойдет перемена и обновление в сердце ката, и тот раскается, отпустит несчастного, и, стеная, бия себя в грудь, отправится замаливать грехи вдали от людей, потому что таков непреложный закон человеческий и Божественный: слабый рассчитывает на покровительство сильного, зло исчерпывает себя и прекращается, мир становится светлее и лучше.

А в эту ночь было не так. Долго кричала бабка из соседней палаты, и никто не хотел заглянуть к ней. «Позовите врача! Врача! Вра-ча-а!» — надрывалась старуха. Но вскоре со всей безжалостностью истины стало понятно, что помощи от медперсонала она не получит. Это осознала и сама полоумная, рассчитывавшая теперь уже не на медиков, а на тех больных, которые слышали, не могли не слышать ее призыва, и в силах были прийти ей на выручку. «Помогите, дайте руку!» — завывала старая женщина, но тщетно. Даже такой малости — протянутой руки — не удостоили ее люди. Крики переходили в стоны, а стоны — почти в песню, раздражающую и болезненно нервирующую. Но никто не хотел брать на себя ответственность и решимость доброты. Лежа на больничной койке и слушая стоны и крики, многие лишь озлоблялись на хрычовку, прервавшую сон, не собираясь и пошевелиться, чтобы помочь ей. Кое-кто негодовал на медсестру: вот, ведь, бесчувственный стерва! не слышит что ли! Наверное, кто-то жалел старуху в глубине души, сочувствовал. Но подниматься с кровати, идти в соседнюю палату, скользить по залитому мочой линолеуму, поднимать с пола и класть на кровать дурно пахнущую, явно неадекватную бабку... Неизвестно еще, чего от нее ожидать: вдруг кинется на спасителя — что с нее возьмешь, дура ведь... Даже самые сердобольные в своих мыслях люди постепенно испытывали нехорошее чувство к старухе за то, что не дает спать, заставляет думать, чувствовать, испытывать угрызения совести. И какая-то странная рефлексия поражала мозг: возникали вдруг размышления о том, что является добром в данном случае; может ли естественный порыв помочь человеку, оказаться добрым поступком, если он обернется неудобством или опасностью для того, кто мог бы, в принципе, добро совершить. Что есть истинное добро? Может быть, вся глубина добра в том, чтобы мне продолжать валяться на этих больничных простынях, а идти мне в соседнюю палату — совсем и не добро?.. Удивительно, как самоанализ подавляет свободу! И чем глубже рассуждение, тем прочнее запутывается человек в сетях мысли, тем стремительнее теряет он волю, способность действовать.

На короткое время крики в соседней палате стихли, раздались глухие стуки. Старуха, осознав, что помощи ждать неоткуда, стала двигать мебель, пытаясь подняться сама. Но была она столь немощна, что, пожалуй, и стул бы не смогла подвинуть. Жалкая возня за стеной вновь сменилась криками. Это вызывало резкое раздражение и желание не слышать. Да как смеет она обращаться за помощью?! Мы сами больны! Но тут же внутренний голос разоблачал лукавство: конечно, больны! но не настолько же, чтобы не иметь возможности помочь самому или, по крайней мере, позвать медсестру, обратить ее внимание на беспомощного человека. Благоразумная рефлексия, упорно противоречившая желанию помочь ближнему, выходила на новый виток. Все знали крутой нрав медсестер из урологии, все понимали, насколько неприятно им будет, когда их на рассвете погонят поднимать старуху. А ведь у этих медсестер и

дальше лечиться. От них многое зависит: рассерженная медсестра может болезненно сделать укол, пропустить процедуру, не дать таблетку — мало ли что еще. У медсестер множество способов отыгаться на неуютном больном! Плюс к тому они друг другу передают все, что произошло на дежурстве, могут попросить и сменщицу досаждать строптивцу. Кому нужны неприятности на фоне и так уже не слишком сладкой жизни пациента урологии? Нам что, больше всех надо? Есть же дежурная, ей за доброту деньги платят! Сестра милосердия — так раньше называлась эта профессия. Профессия... Специальность... Служение добру и милосердию превратилось в профессию и стало профессионально бездушным. А нам, неспециалистам добра, что же нам делать?

«Помогите! Дайте руку!» Снова и снова в предутренней тишине больничного здания раздавались призывы помочь — и снова никто не приходил на помощь. Что удерживало людей? Брезгливость, страх, лень... Какие еще качества? Да надо сначала с этой старухой разобраться: она сама-то добрая ли? А вдруг она противная и злокозненная, всю жизнь мешала и надоедала окружающим, а теперь вот решила на халявку добро от других получить? Нет, нас на это не купишь, мы люди бывалые, понимаем, что к чему. Вот если бы кто-то нам доказал, что этот божий одуванчик — живое воплощение доброты, мы бы ей помогли, а так...

«Люди добры! Люди добры!» Светает. Где же добрые люди? Можно ли их будет увидеть при беспощадном свете дня? Ворочался на своей кровати электрик — все о своем думал, об операции. Он боялся лечь под нож, но и жить далее с распухшим пахом было невыносимо, неприлично. Даже в туалет сходить стало проблемой. Да и жене неудобно демонстрировать такое слоноподобное достоинство. Какое-то время мужчина прятал чудовищно распухшее яичко в складках брюк свободного покроя, а сейчас всем стала очевидна его болезнь. Но операция страшила. Страшно было лишиться сознания под наркозом, отдать свое тело в руки чужих людей. А потом, еще не отошедшего от наркоза, привезут в палату... Он почему-то очень не хотел, чтобы его бред слышали соседи, все казалось, что будет материться. А тут еще эта бабка орет среди ночи, отдохнуть не дает! Безработный конформист лежал, тупо глядя в потолок — ждал команды. Скажи ему кто-нибудь: «Иди, спасай старушку», — пошел бы и переложил ее на кровать, прервал бы череду болезненно раздражавших криков-стонов. Но команды не было, и безработный не решался проявить самостоятельность: вдруг кто-то осудит его за нарушение молчаливого сговора недобрых людей. Водитель-наркоман не отрывался от своего бредового забытья, не слышал, не чувствовал призывов к доброте.

Безучастным бревном с огромными исколотыми фиолетовыми узорами руками лежал на койке «зэк»: не его это дело, все его дела, как известно, остались у прокурора. У него вообще не было дел в непонятном и жестоком вольном мире, где нет твердых понятий, где чуть ли не ежеминутно приходится отвечать себе на вопросы: добрый ты или злой? прав ты или нет? делать ли что-нибудь или бездействовать? Долгая жизнь в заключении приучила его к тому, что надо быть дерзким, крутым, резким, а для этого не следует рассуждать. «У нас бы на зоне...» — он именно так и осознавал, даже находясь вне мест заключения: «у нас», резко противопоставляя заключенных находившимся на свободе людям. «У нас бы на зоне давно все закончилось: либо задушили подушкой суку, либо «шестеркам» шикнули, они бы ее на шконку положили да еще укрыли бы одеяльцем. А тут... Ни хрена хорошего». Бывший заключенный неожиданно для себя растерялся в этой пустяковой, в общем-то, ситуации: нужно было определить свою позицию непосредственно, прямо, без каких-либо авторитетов, а опыта такого не было; необходимо было разобраться в себе, но он не умел этого делать. Неприятно и непривычно было размышлять на отвлеченные темы, хотелось провалиться в черный сон, как это было в лагерях, но приходилось поневоле слушать надоедливые крики, и не было права у него прекратить их своевольно, как не было решимости откликнуться и помочь. В то же время, почему-то невозможно

было отключить сознание и совесть, как он много раз делал в лагерях... Когда «зэк» думал, рассуждал, время словно останавливалось, что было, пожалуй, страшнее всего. Он привык к деятельности, пусть даже бессмысленной, пусть даже вредоносной, однако поглощавшей все его существо, заслонявшей собой счет времени и тоску насильственным образом ограниченного пространства. Когда «мотаешь срок» любое замедление (а тем более остановка!) времени недопустимо, и надо хотя бы чем-нибудь занять руки, забросать мозг самой чепуховой информацией, вроде того, как забивают рот семечками — от нечего делать: плести «дорожку на волю», набивать «наколки», «чифирить» — все что угодно, лишь бы убить время. А вот на воле, оказалось, время неубиваемое: есть оно, ничего не поделаешь, надо существовать в нем, принаравливаться к нему и к своему новому нутру.

Время в палате, во всем отделении и впрямь замедлялось. Это было до удивления наглядно: световые шарики теряли свою скорость и становились заметны любому наблюдателю; крики старухи приобретали тягучесть и вязкость; явь перетекала в сон, а сон в явь медленно и внушительно, как ртуть. Приостанавливался ход времени от всеобщего размышления о том, что же такое доброта, добро. Собранные на третьем этаже обложницы люди раздумывали о природе добра и о своем отношении к добру, вопрошали себя о добре вообще и о своем участии в творении добра. А поскольку это главное дело в жизни, время давало людям возможность не торопиться, подумать еще и, возможно, всем вместе, соборно впустить в мир толику добра, малую, почти неуловимую, как корпускула света, но необходимую. Это становилось все более понятным, и осознавалось правильным даже то, что время оформило для вердикта о добре такой нелепый, чудовищный антураж: урологическое отделение областной больницы дотационного российского региона. На фоне страха, боли и нечистоты, предательства и безразличия, inferнальной темноты и нервного желтого света дежурных ламп ясным вдруг показалось, что это все-таки не ад, а чистилище: есть еще возможность что-то изменить, качнуться в сторону света. Время застыло в больничной декорации, придавило людей необходимостью поступка, и неизбежность выбора становилась мучительна, почти как почечная колика. При всем том оказалось, что замедленное время обладает огромной энергией, энергией статичности, которую преодолеть, пожалуй, сложнее, чем энергию неумолимого движения времени. Энергия остановившегося времени настолько сильна, что замер даже начавшийся было рассвет. Десятки людей, собранных волей случая в одном месте, тем же случаем принуждены были одновременно предаться раздумьям над тем, что в обычной жизни люди игнорируют. Хотя, возможно, это и не было случайностью. Вполне вероятно, что именно этим людям следовало по законам неведомой нам справедливости (ее принято называть «высшей») оказаться в отделении урологии в эту минуту, претерпеть мучения и адскую боль, горечь разочарования и утраты надежд, дабы вот сейчас, на пороге рассвета, всем вместе задуматься над чем-то вечным, замедлить время и решить для себя нечто важное. Важнейшее: продрасть ли сквозь кромешную лень души к добру, или оставить добро, отказаться от него окончательно, и остаток дней служить злу? А возможно, обитателям урологического ада следовало действовать не коллективно, а лишь молчаливым голосованием выбрать кого-то одного, способного оформить стремление к добру в поступок?

«Люди добры! Помогите!» — опять затянула свое старуха. «Зэк», кряхтя и кашляя, поднялся с кровати, медленно подошел к двери, по-воровски незаметно нырнул в коридор. Через малое время возникла суетная возня в соседней палате, а затем все стихло.

«Придушил он ее, что ли? — подумал электрик из девятой палаты. — Или просто так совпало?» Отвыкшие от тишины больные не могли поверить, что нескончаемые стоны прекратились. За окнами стало светлее, рассвет уверенно приближался. Может быть, в Божьем мире все встало на свои места? Или просто так совпало? Скрипнула дверь девятой палаты. Бывший «з/к» вошел и лег на койку, сосредоточенно и надсадно сопя.

Ирина Кедрова
(г. Москва)

ТИХИЙ СТАРЕЦ ИОАКИМ

Прозаик и драматург. Член Союза писателей России и Творческого клуба «Московский Парнас», зав. отделом критики «Приокских зорь» и «Московского Парнаса».

Блеснул свет в небольшое оконце. Высокий и жилистый монах поднялся со скамьи, стоящей в полутемной келье. Подошел к стене, на которой висело несколько икон, встал на колени и начал молиться, тихо и долго шепча что-то непонятное. Одно только слово «Господи» можно было ясно услышать в его молитве.

Начинался новый день. Такой же, как все другие в длинной череде монашеской жизни. Что вспоминал, о чем печалился монах Иоаким?

* * *

Радостно в доме князя Ивана. Жена его Александра родила сына — крепыша, с сильным голосом, требующим к себе всеобщего внимания. Назвали малыша Дмитрием. А внизу, в одной из клеток княжеского дома в это же время тихая княжеская служка Марфуша родила двух сыновей. Кто был отцом мальчишек, осталось неизвестным, поскольку мужа у Марфуши не было, а дознаться возможности не представилось. Через неделю после родов женщина умерла от сильного кровотечения. Так появились на свет Федор и Никита. Росли мальчишки в княжеском доме, ухаживала за ними ключница, которая привечала их мать, а воспитывал дядька Семен, служивший князю.

Федор — крепко сложенный, широкоплечий, с черными шелковистыми волосами и яркими карими глазами, проявлял боевитость с первых своих шагов. То с мальчишками дворовыми подерется, то они его побьют. Дня не проходило без ссадин и ран. Он даже с княжичем Дмитрием мерялся силами.

Никита, напротив, тонкий и стройный, с ясными синими глазами и пепельными волосами, любил наблюдать цветение природы, бег лошадей. Его кротость удивляла всех. Но с тихой доброжелательностью в мальчике уживались упрямство и настойчивость. Взрослые говорили, что один из братьев лицом и характером похож на мать, а другой... О другом предпочитали молчать. Да и как скажешь, что с годами он все более походил на самого князя Ивана?

Вскоре после рождения мальчишек в Москве разразилась чума — страшная болезнь, унесшая жизни многих горожан, знатных и незнатных. Умер великий князь Семен и его брат Андрей. Остался в живых князь Иван, управлявший теперь московским княжеством и всей Русью. Так княжич Дмитрий стал наследником великокняжеского престола.

На братьях эти изменения тоже сказались. Князь Иван, почему-то уделявший

внимание их взрослению, требовал, чтобы они вместе с княжичем обучались ратному делу. Воспитанием юного князя занимался митрополит Алексей, известный человек своего времени. Славившийся в молодые годы удалством храброго воина, а затем постригшийся в монахи, он имел значительное влияние на бояр и сумел, побывав в Константинополе, добиться сана митрополита.

Путешествие в Византию оказалось опасным. Корабль, везший нового главу русской церкви на родину, попал в страшную бурю, тем не менее, благополучно достиг берега. В знак счастливого возвращения Алексей решил основать монастырь. Место было подобрано такое, чтобы стоял Божий град на высоком холме, спускавшемся к реке Яузе. Отсюда шла дорога через Рязань на Орду. Отсюда был хорошо виден московский Кремль. По мысли Алексея этот монастырь должен был не только слово Божие нести в мир, но и защищать Москву от врагов.

Надзор за строительными работами поручили монаху Андронику, человеку ученому, сердцем болевшему за объединение земель русских. В день начала строительства приехали на берег Яузы князь Иван с сыном. Федор и Никита тоже здесь оказались.

— Смотри-ка, Никитка, — сказал Федор, — Князь с митрополитом заложили первое бревно церкви. Давай и мы поможем.

Восьмилетние братья были убеждены, что их помощь необходима, и хотя сил у них недостаточно, все же они приняли участие в строительстве.

— Видно, будет толк из братьев, раз на святое дело вышли, — услышали ребята добрые слова воспитателя княжича.

После смерти князя, приведшей Дмитрия на княжеский престол, братья по-прежнему были рядом с ним. Митрополит Алексей, ставший теперь фактическим правителем, не мешал, полагая, что такая дружба оказывает на девятилетнего князя благотворное влияние.

Перед ним стояла важная задача — примирить юного Дмитрия с другими князьями и вернуть в Москву ярлык на великое княжение. Ханы сменялись в Орде, убивая один другого. Лет шесть назад митрополит оказал важную услугу хану Чанибеку, когда тяжело заболела его жена Тайдула. Тогда попросил хан князя Ивана прислать монаха Алексея, к молитвам которого, как ему доложили, прислушивается сам Господь. Так грозный предводитель татар обратился за помощью к христианскому Богу, и, надо сказать, успешно, поскольку стараниями русского монаха Тайдула выздоровела.

Теперь же, когда встал вопрос о великом княжении и огромных выплатах новому ордынскому властителю Бердибеку, митрополит снова отправился в Орду, чтобы испросить у жестокого хана через его мать Тайдулу милости для русского государства и православной церкви. Вскоре князь Дмитрий получил ярлык на великое княжение.

Рос и мужал князь, росли и братья, ставшие его верными дружинниками. Разрастался монастырь, в закладке которого они принимали участие. В отстроенной деревянной церкви установили образ Спаса нерукотворного. С этим образом митрополит прежде не расставался, а теперь подарил монастырю, отчего тот стал называться Спасским. Позже решили, что имя первого настоятеля Андроника, ученика преподобного Сергия Радонежского, тоже должно звучать в названии монастыря, и стал монастырь Спасо-Андрониковым.

— Как ты думаешь, почему митрополит отдал в монастырь икону, с которой никогда не расставался? — спросил у брата Федор.

— Спаситель призывает людей не щадить живота своего за землю русскую, не бояться смерти и ран. Когда я стою перед ним, мне умереть хочется за людей наших. Раньше так думал один батюшка Алексей, стоя перед иконой, а теперь все, кто молится за нас в монастыре, — отвечивал впечатлительный Никита.

Судьба оберегала их даже тогда, когда других не щадила. Снова объявилась в Москве чума. Года четыре она по Руси бродила и набрела на москвичей. Умирали

семьями. Покойников было так много, что хоронили в общих могилах. Князь Дмитрий в тот страшный год потерял младшего брата и матушку свою.

Только горе одно не приходит. От маленькой свечки, оставленной в церкви Всех Святых, загорелась Москва. Стояло жаркое лето, воды не хватало. А шквальный ветер, внезапно обрушившийся на город, разносил головешки и горящие бревна. Тушили один двор, а от него загорался другой. Дотла выгорели Кремль, Посад и пригород московский, множество погибших насчитали горожане.

Жизнь, казалось, остановилась, да не только тяготы изводили москвичей. Были светлые праздники и большие радости. Приехала в Москву дочь суздальского князя Евдокия. Случайно встретился с ней Федор, глянул в девичьи глаза и утонул в них навсегда. Разве мог он, безродный, надеяться на то, что княжна глянет в его сторону? Конечно, нет, так ведь сердцу не прикажешь. С той встречи, с того мгновения, когда увидел Федор ее глаза, понял — жизнь за нее отдаст.

А Евдокия? Состоялась в Коломне шумная, веселая, богатая на дары и угощения свадьба московского князя и суздальской красавицы. Дмитрий и Евдокия — счастливая пара, которой любовались те, кто допускался в княжеский дворец. Вся Москва радовалась за молодых и желала им скорого прибавления в семействе. Радовался и Федор, а сердце щемило: не видать ему, видно, любовного счастья, будто приворожила парня краса-Евдокия.

Свадебное празднество не прошло бесследно для братьев. Тогда же встретились они с Евфросиньей, покоровшей сердце Никиты. Скоро и Никита стал мужем, хотя полагалось по обычаю дожидаться братниной свадьбы. Всего на несколько минут, да старше Никиты Федор.

— Что же ты, брат, никак не найдешь красну девицу по сердцу? — беспокоился Никита.

— Моя красна девица отдана другому. Так что не жди меня, брате. Женись, раз Евфросинья сердцу мила.

Сколько ни пытался Никита узнать, кто она — сердечная братнина зазноба, ничего у него не вышло. Наконец, решил он не лезть в душу к Федору, поняв, что сердечная рана у брата открыта и кровоточит. Его же счастье быстро развивалось. Сыграли свадьбу, не такую пышную как у князя, но душевную. Сам митрополит Алексей поздравил молодых и пожелал им детей добрых, достатка неизбывного и жизни в согласии с Богом. Действительно, Евфросинья оказалась бабой удачливой, в положенный срок произвела на свет Евсея — малыша-крепыша.

Жизнь москвичей всегда была беспокойной. Князь Дмитрий часто приводил свои войска в движение. То литовцы заявляли о претензиях, то Тверь отстаивала первенство, то татары напоминали о себе. В ответ на разгром русских войск на реке Пьяни и разорение Рязани и Нижнего Новгорода москвичи, объединившись с нижегородцами, напали на татарские укрепления, тянувшиеся по берегу Суры. Тогда хан Мамай направил на Русь войска. И снова Федор и Никита, позванные князем Дмитрием в поход, разбили татар на берегах Вожи, стараясь не допустить врага в земли княжества. Взбешенный последними событиями, Мамай собрал новое войско, готовое жестоко покарать непокорную Русь.

Самой кровопролитной была битва на Куликовом поле. Вся Русь объединилась в ответ на призыв князя Дмитрия. Федор и Никита приехали с княжеской дружиной в Троицкую обитель. Вышел им навстречу игумен обители — святой старец Сергей и сказал:

— Братья мои! Защитите землю от врагов! Ждет вас кровопролитие ужасное, но и победа великая, погибнут многие герои за правую веру, но спасется Русь Великая! С вами идут на бой Пересвет и Ослябя, наши иноки.

После этих слов вручил игумен знамение креста на схимах, сказав: «Это оружие нетленное. Да послужит оно вам вместо шлемов!».

— Брате, сеча нас ждет страшная, и мы непременно побьем татар,— уверенность Никиты подкупала.— Бог освободит нас от Орды.

Федор давно заметил, что брат его умеет предвидеть ход событий. Так и отправились они на последнюю свою битву.

Силу московский князь собрал огромную: несколько пеших полков, да два конных, да еще на подхвате легкая конница. Пешие ратники, основу которых составляли простые горожане, вооружились копьями с узколистными и кинжаловидными накопечниками, саблями да луками, щитами различной формы — круглыми, треугольными, прямоугольными и сердцевидными. На груди — броня с кольчугой, на голове шлем-шишак.

Началась битва с поединка двух богатырей — Пересвета, до иночества бывшего брянского боярина, и Темир-мурзы. Как только богатыри вонзили друг в друга копья, мамаево войско бросилось на Сторожевой и Передовой полки с такой силой, что те почти сразу оказались смятыми. А в Большом полку, состоявшем также из пеших ратей, сражался в доспехах рядового воина князь Дмитрий. Федор с Никитой при нем находились, не давая татарам подойти с тыла. И все же не углядели, сами тоже в сечи бились. Ранен был московский князь.

Тяжко пришлось русским воинам, однако бились славно, будто слетелись на бой с неверными соколы да кречеты. И природа за них стояла. За спинами Дон мощной преградой раскинулся, фланги укрылись лесами да болотистыми берегами Непрядвы и Смолки. Несколько часов били русские татар, и гнали их еще долго. А потом всею днѣй собирали и предавали родной земле погибших.

Вернулись в Москву с Куликова поля Федор на коне, а Никита в долбленной колоде среди других московских героев, видевших небо над Доном в последний раз.

Москвичи ждали победителей у Спасского монастыря, откуда открывался прекрасный вид на белокаменные кремлевские стены.

— Эх, брате,— горестно протянул Федор.

Похоронили погибших героев в монастыре у стен Спасского собора. В память о них zaloжили еще две церкви — архангела Михаила у стен, выходивших на Яузу, и Рождества Богородицы — над въездными воротами.

— Защитники Руси, герои отеческие, люди добрые! — обратился князь Дмитрий к народу.— Спасский собор — это призыв к великим жертвам во имя родины нашей. Архангельская церковь будет напоминать о военных битвах, в которых объединились русские княжества. Рождественская церковь утвердит память героев! Стоять будет наш монастырь вечно!

Так закончилась жизнь Федора в мире. Пришел он к князю Дмитрию и сказал ему:

— Погиб мой брат, и душа моя ранена. Не заживет та рана. Отпусти меня, князь, от службы твоей. Дозволь в монастырь уйти. С братом рядом там буду.

— Федор, ты мне как брат родной. И Никита мне братом был. Он ведь спас меня в битве, ты знаешь. Не волен я тебя останавливать. О семье брата не беспокойся. Все сделаю для Евфросиньи и ее сынов.

Пошел Федор в дом брата своего. Встретили его сыновья Никиты — Евсей, Ефрем и Федор. Вышла Евфросинья с младенцем Никитой, которого отцу не довелось увидеть. Низко перед нею склонился Федор, глаз от земли не подымая:

— Прости меня, Евфросинья. Не я должен был вернуться. Никита — часть меня. Нет его и меня нет. Решил я принять постриг. Ухожу в Спасский монастырь.

— За что прощения просишь, Федор? Видно, Господь так решил. А и правда, светлая душа была у Никитушки. Угоден он Богу. Только мне как жить, как детей растить?

— Князь тебе поможет, Евфросинюшка, детей поднять. Я молить Господа за вас буду. Прости меня.

Еще раз Федор поклонился жене брата. Прижал к себе его детей. Поглядел на младенца и вздрогнул: смотрели на него синие Никитины глаза.

Скоро принял он постриг. Так появился в монастыре монах Иоаким. Много и усердно он молился: за князя Дмитрия и жену его, милую сердцу Евдокию, за Евфросинью и детей братниных, за Русь и ее освобождение. Нес простым людям уверенность в том, что Бог орду переменит, ослабеет та и отступится. Первый шаг к ослаблению орды сделали они с братом.

Много еще бед пережил монах Иоаким. Хан Тохтамыш разорил Москву и увел в полон многих жителей, а среди них Евсея и Ефрема. Тяжело заболел и умер великий князь Дмитрий, прозванный в народе Донским, оставив детям и вызванному из монастыря монаху последние свои слова: «Бог мира да будет с вами!». Страшный пожар опять пожег Москву. Потом Тамерлан к ней приблизился. Вместе с москвичами встречал Иоаким на Кучковом поле чудотворную икону, привезенную из Владимира. Всю ночь молились перед ней митрополит Киприан, священники, князья, горожане, просили спасти Москву, не допустить к ней ордынского хана. «Матерь Божия, спаси землю русскую!» — неистово молил Иоаким вместе с другими. А на следующий день с радостью узнали жители, что Тамерлан развернул войска и ушел от Москвы.

Рос и застраивался силами монахов и местных жителей Спасский монастырь. Средства он получал огромные от семей погибших героев и их друзей, от людей разных званий и состояний. Обитель процветала во всеобщем уважении, становясь постепенно центром летописания и иконописи.

Старательно записывал Иоаким события, происходившие в московских землях. Но одно событие снова потрясло его, давно отказавшегося от мирской жизни. Знал он, насколько тяжело переживала княгиня Евдокия смерть мужа, готовая сразу же постричься в духовную обитель. А мирская жизнь требовала участия княгини. Она повелела построить в Кремле каменную церковь Рождества Богородицы. Много лет спустя заложила каменную церковь Вознесения. Там, в Вознесенском монастыре, приняла княгиня постриг, став монахиней Евфросиньей. Через несколько месяцев умерла, оставив по себе светлую память знавших ее и любивших.

Узнав о смерти княгини, горько плакал монах Иоаким. Никогда с того далекого дня, когда увидел ее молодой княжной, не встречались они, но всегда он знал, как она живет, чувствуя ее беды и радости. Эта женщина держала его на земле, теперь же ему оставалось лишь молиться.

День за днем, год за годом молил он Господа о спасении русской земли. Ни с кем не разговаривал. Тихо старел, превращался в немощного старика, в котором только глаза горели ярким и жгучим светом. Никто не видел его глаз, всегда опущенных к земле. Вместе с монахом ветшал и разваливался деревянный Спасский собор.

И вот на месте деревянного собора началось строительство нового — из белого камня. Вышел Иоаким из кельи, чтобы заложить в основание будущего храма первые камни. Вот уже возвели высокий цоколь.

Иоаким желал увидеть будущий собор, только жизнь еле теплилась в нем. Что ж? Не увидит он — увидят другие, те, кто никогда не забудет защитников Родины и его брата Никиту. Будут помнить князя Дмитрия и жену его Евдокию. Может быть, и его вспомнят, одного из первых строителей белокаменного собора Спасского монастыря? Он долго жил на земле. Так долго люди не живут. «Мир всем людям православным и защита Господняя!», — такой была последняя мысль тихого старца Иоакима.

Владимир Чистополов
(г. Йошкар-Ола)

МУЖИКИ ДОЛЖНЫ РОДИНУ ЗАЩИЩАТЬ, ПОТОМУ ЧТО ОНИ МУЖИКИ

Чистополов Владимир Иванович, 1953 г. р. Член союза писателей РФ, заслуженный журналист Республики Марий Эл, работаю в республиканской газете «Марийская правда» ответственным секретарем. Автор поэтического сборника «Я всю жизнь хожу по краю» (1997 г.), публиковался в коллективных поэтических сборниках, стихи и рассказы печатались в республиканских и российских СМИ, один из авторов антологии русской прозы Марий Эл «Короткие встречи». Постоянный автор «Приокских зорь».

В начале семидесятых меня и моего друга Сашку призвали в армию. Погода была плохая, провожающие в пальто и шляпах. Мы, впервые в жизни отрываемые от родного дома так всерьез и надолго, храбрились и делали вид, что нам на все плевать. Вчерашние мальчишки почувствовали себя взрослыми, многие знали друг друга, тут же образовались компании, и, как только поезд тронулся, выставив в проходы дозорных (чтобы сержанты не зачухали), начали пить вино. Дорога до Алма-Аты заняла почти неделю, наш состав двигался медленно и подолгу стоял, пропуская пассажирские поезда.

Еще в Казани я не глядя махнулся одеждой с каким-то узбеком, едущим служить на Север. Отдал ему пальто и шляпу в обмен на легкую куртку и тюбетейку. Впрочем, и эту одежду до Алма-Аты не довез. Все было продано за несколько бутылок вина где-то в Куйбышеве. Туда же ушли и более-менее приличные мои и Сашкины ботинки.

— Зачем вам обувь,— успокаивали нас собутельники,— в Алма-Ате тепло. Босиком до части дойдете, а там сапоги дадут.

В общем, дорога была долгая и пьяная. Когда проезжали мимо Аральского моря, поскидали с себя остатки приличной одежды в обмен на вяленую рыбу, которую тут продавали на каждом полустанке. И очень дешево. До самого конца пути жевали вяленых судаков и лещей.

В Алма-Ате было холодно, дождик накрапывал. Мы с Сашкой, оставшись без обуви, почувствовали себя не готовыми Родину защищать. Потому разрезали пару рюкзаков, сделали обмотки и в таком виде явились пред светлые очи полкового начальства.

Впрочем, в здешнем полку связи и не таких видали. Начальство равнодушно занималось своим делом. А солдаты скалили зубы, глядя на нас, выстроенных на плацу, пооборвавшихся в дороге: что, с Севера приехали?

Алма-Ату мы разглядеть не успели. Прямо из карантина нас, изъявивших на то желание (деваться было некуда, потому как сержанта с ходу на три буквы послали), отправили в учебку в Ленинабад. Если бы мы знали тогда, что это такое, наверное, остались бы в полку. Но делать было нечего и понесло нас из Казахстана в Таджики-

стан, где к концу мая уже было так жарко, что у многих с непривычки шла кровь из носа, а ночами, спасаясь от жары, мы заворачивались в мокрые простыни.

С самого начала командир батальона объявил новобранцам, что если кто-то поднимает руку на сержанта — дисбат. Я попал в роту радиотелеграфистов, сержантом у нас был украинец с незаконченным высшим образованием, «интеллигент», который по мордасам не бил и разговаривал с нами более-менее по-человечески. Сашке повезло меньше. В роте дальней связи законы были волчьи. На вечерней поверке в строю татарин — сержант для профилактики «случайно» выбил ему два передних зуба. Это было в пределах норм, установленных в учебном батальоне. А офицеры об этом, вроде как, не знали. Сейчас в армии многие жалуются на дедовщину, дескать, раньше такого не было. Дедовщина в армии была всегда. Где-то больше, где-то меньше. «Старый» солдат, хлебнувший всех «прелестей» службы, никогда не захочет быть в одинаковых условиях с «молодым». Он уже «постиг» службу и при случае всегда «откосит» от наряда за счет «молодого». В принципе, это не очень страшно, если не принимает изуверских форм и не приводит к членовредительству. И в гражданском обществе люди стараются надуть друг друга, пользуясь случаем или служебным положением, что говорить об армии, где человеку жить намного сложнее.

И в то время в армии всякое случалось. За месяц до нашего приезда в ленинабадском учебном батальоне случилось ЧП, о котором сегодня узнала бы вся страна. Тогда об этом не знал никто. Трое рядовых хозвзвода, напившись, были арестованы и посажены на гауптвахту, где они обезоружили дежурного и, пройдя по части сквозь посты, открыли огонь, подранили часового. Затем уже в городе расстреляли в упор водителя «скорой помощи» и на машине дернули в сторону государственной границы, хотя понятно, что границы в то время были «на замке» и уйти за кордон у них шансов не было. На горном серпантине, не справившись с управлением, потерпели аварию. Один из них погиб, остальных потом посадили. Но все по-тихому. Знали об этом только очень немногие.

Кормили неважно, хотя от дистрофии никто не страдал. А гоняли по всей программе, с наворотами. В полдень, к примеру, когда солнце раскаляло плац так, что каблучки проваливались в асфальт, провинившемуся взводу устраивали «физическую подготовку». Делили курсантов на пары. Один брал другого за ноги, и этот другой бежал по плацу на руках. Потом менялись. От таких «упражнений» на обожженных ладонях вздувались огромные волдыри. После этого нас запускали на продольные бруссы, по которым нужно было пробежать на руках. Волдыри, естественно, лопались. Очень неприятно.

Существовали и другие способы для поддержания образцовой дисциплины. Больных хорошо лечили. Заболел я как-то, пришел к фельдшеру-армянину.

— Вот, говорю, температура, бя...

Запустил он меня бегом вокруг плаца на время. Пробежал.

— Что, говорит, выздоровел?

— Так точно.

— Идды отдыхай.

И все дела. Но я на армию не в обиде. Бывало плохо, даже о самоубийстве мысли в голову приходили. Но мы все это прошли. Из гражданских хлюпиков сделали мужиков, способных постоять за себя, а главное — выживать в тяжелых условиях. И еще мы все чувствовали мощь этой армии. Во время политподготовки нам вдальблывали в головы, что победить Советскую Армию нельзя. Что она самая-самая. И мы искренне верили в это. И были уверены, что если дело дойдет до драки, у врага нет шансов на победу. Иначе для чего же нас натаскивают с таким пристрастием и подвергают таким лишениям. Любому башку отвернем, потому как Отечество наше самое могучее.

Я видел в казахской степи массированную танковую атаку. Зрелище, надо сказать... По целине на огромной скорости шла лавина, вздымая за собой снежный шлейф, закрывающий горизонт. Страшный рев моторов. Чувство обреченности, ставшего на пути этих убийственных машин. Они прошли в недопустимой близости к узлу связи, порвав кабель, из-за чего наши начальники долго ругались с танкистами. А потом они стреляли по целям, а от канонады, казалось, тряслась земля. Вот такой я запомнил армию. Zubodrobiteľnoy, mучительной, но непобедимой.

Когда нас призывали в СА, мы, конечно, знали, что там будет трудно, что там есть дедовщина, и возможно много других пакостей. Но со школьной скамьи нам твердили о том, что мы мужчины и должны защищать Родину. Ведь за нас это больше никто не сделает. Немного находилось таких, кто пытался от армии «откосить». Не принято это тогда как-то было. Существовало мнение, что если не служил в армии — значит, больной, значит, что-то у него не в порядке.

Закончив учебу (школу гладиаторов, как мне ее называли), мы вернулись в полк сержантами. Дедовщина для нас закончилась. Если рядовые одного с нами призыва еще «шарили» за кого-то полы в казармах, то мы от этого были застрахованы сержантскими лычками. Сержанты в армии полы не моют.

Много еще было всего, прежде чем мы вернулись домой. Но все плохое забывается, в памяти остается только хорошее. Например, весна в Средней Азии, когда все вокруг цветет, а в частных домах в садах готовят еду и запахи перца, жареного мяса, дыма мешаются с ароматами восточных цветов и кружат головы. И верные армейские друзья, с которыми мерз зимой посреди бескрайней степи, в сломанной машине, разламывая по-братски содержимое последнего сухпайка, и был счастлив от того, что нас нашли и вкусно накормили горячей гречневой кашей с мясом.

А степь за окном вагона сплошь покрыта огромными красными маками, и стук колес неумолимо отсчитывает мгновения нашей молодости, но мы не замечаем этого. И мы веселы, и с уверенностью смотрим в завтрашний день, и не знаем, что спустя двадцать лет, 3 октября 1993 года безоружного журналиста Сашку Смирнова, успешного уже к тому времени обзавестись тремя детьми, в столице нашей Родины расстреляет из автомата какой-то урод, защищающий с оружием в руках непонятно чьи интересы.

Когда политики дерутся за власть — убивают простых людей. И никакая армия не может спасти от этого. Распри внутри Отечества, когда свои бьют своих — что может быть страшнее и сокрушительнее для любого общества. Есть жертвы, но нет виноватых. Это патология государства. Времена меняются, меняются нравы, меняются люди. Но Россия осталась. Лежит она огромная, растянувшись по белу свету от березы у крыльца до бескрайних северных морей, до ставших чужими азиатских степей и пустынь, где ходил походами славный генерал Скобелев, русскими штыками добывавший славу Отечеству. И не кончится эта Россия никогда, как бы кому-то этого ни хотелось. Встряхнется она, сбросит налипшую грязь. Поправится. Жаль, что друг мой Сашка этого уже не увидит.

А я постараюсь дожить до этого момента, зря что ли нас в ленинабадской учебке выживать учили. Хотя с каждым годом в прекрасное будущее нашей Родины верится все труднее...

Тина Зимина
(г. Новомосковск)

ПРОЩАЙ, КУРМЫШЕВО!

В 1971 году закончила историко-филологический факультет ТГПИ им Толстого, работала в школе учителем русского языка и литературы, заведующей Новомосковским музеем археологии. Автор более двадцати брошюр по краеведению и составитель литературных альманахов «Лик», «Литературные портреты», «Из Тульских дворян». В 2003 г. написала и опубликовала замечательную повесть «Гувернантка».

Добромысл проснулся с восходом солнца. Выйдя из полуземлянки, он потянулся, хряснув суставами и разминая тело. Сквозь густые ресницы увидел солнечные лучики, светившие на его широкое лицо, с окладистой бородой и усами.

День начинался хорошо. Поселок просыпался. Одни его обитатели бежали к речке Проньке, чтобы умыться, другие, запасшись едой, готовились идти в поле и на сенокос.

Лето было жаркое. Нароботавшись в поле, вечером все бросались к речонке, на берегу которой притулился поселок. Теплая, как парное молоко, вода принимала в свои влажные нежные объятия тела сильных рослых мужиков, справных баб, стройных девок, визжавшую от восторга детвору. Шум и гам на речке Проньке продолжался до тех пор, пока запах парного молока не загонял всех по домам.

Так в тихих, незаметных буднях проходила жизнь поселка на берегу ласковой речонки.

Постепенно поселок разрастался, но все остальное шло по издавна заведенному порядку: весна, лето, осень — работа в полях, на огородах, пастьба скота. Зимой ухаживали за скотиной, занимались домашними работами.

И все бы ничего, да периодически нападали на поселян разные недруги, и в результате рядом со светловолосыми голубоглазыми потомками Добромысла постепенно начали появляться темноволосые сероглазые и зеленоглазые поселяне, рожденные от тех, кто являлся незванным гостем.

Однажды пришли невысокие кривоногие, пахнувшие конским потом, они «гостили» дольше всех, нападая на поселение потомков Добромысла. Именно они назвали поселок Курмыш, потому что он растянулся вдоль берега реки одной улицей.

Шли годы, летели десятилетия, проносились столетия.

Курмышево разрасталось, речка Пронька весело катила свои неспешные воды между двумя берегами: одним — пологим, другим — высоким, каменистым.

Вот и Бугровка заселилась, дома лепились близко друг к другу, только между некоторыми были прогоны, ведущие на выгоны, где пасли скот, ставили стожки сена, копали ямы под картошку.

Курмышевцы жили вдали от городов, но все, что происходило вокруг, конечно,

не могло не влиять и на их жизнь. Менялись хозяева, которым поселяне платили дань или на которых работали с утра до ночи. Но Курмышево продолжало жить с чередующимися горестями и радостями.

Так было очень долго. К началу века двух мировых войн в Курмышеве было уже больше четырех сотен домов. По праздникам разносились по широкой улице деревни смех, песни, задорные частушки.

Перед Великой войной запомнилось жителям событие: переход к коллективной жизни, в результате которого погибли два человека — один был убит кулаками, то есть теми, кто своим горбом и руками создали себе условия жизни, несколько отличавшиеся от остальных, а другой — поселянин — зарезался косой, чтобы не раскулачивать отца своего друга.

Остальные, соединив хозяйства, стали жить одной большой семьей, что не мешало им ссориться и даже не любить друг друга.

Руководили курмышевцами, добрыми и доверчивыми, самые разные люди, по большей части пришлые и потому в деревне надолго не задерживавшиеся. Селяне верили словам и удивлялись делам руководителей, потому что они редко когда совпадали. И обижаясь на несправедливость жизни, не смели возражать против нее. Века рабства приучили их к послушанию и терпению, главным их достоинствам. После великих перемен в Курмышеве осталось сто дворов. Было это как раз перед Великой войной. И далеко от родных мест сгинули на ее страшных дорогах пятьдесят мужиков и парней из Курмышева.

Закончилась Великая война всеобщей радостью и гордостью за Победу.

Но по-прежнему не было у курмышевцев паспортов, а потому какой бы тяжелой ни была их жизнь, податься куда глаза глядят они не могли.

А как появились документы, удостоверявшие их личности, начали курмышевцы тихо растекаться по просторам, от их родной деревни далеко расположенным. Кто бежал в столичный город, кто в областной либо районный, в общем осталось в Курмышеве 27 дворов, да и в них-то в основном одни старики.

И пришло время, когда в деревне насчитать можно было меньше курмышевцев, чем на кладбище, которое находилось недалеко за конским провалом на высоком мысу над речкой Пронькой. Там в строгом порядке и тишине лежали предки селян, безмолвие царило над погостом, изредка нарушаемое внезапно налетавшим ветром да вороньим граем.

Всю жизнь горбатились теперешние обитатели этого скорбного места на земле, лелеяли и кохали ее из последних сил, и она платила им ответной любовью и хорошим добрым зерном. А теперь лежали пахари и косари с грыжами, надорванными жилами, изболевшимися сердцами и ничем не могли помочь родной земельке.

На большие праздники приходили на кладбище их дети, внуки и правнуки. И тогда кладбищенская тишина нарушалась громкими разговорами, звоном поминальных стаканов, а то и плачем с причитаниями.

А потом все снова затихало. Шли годы. С каждым новым из них все больше стариков-курмышевцев оказывалось на крутом берегу реки. Там они встречали восход солнца и провожали его на запад, их простоватые лица на портретах так же, как и при жизни, удивленно взирали на мир с деревянных крестов.

Но вот исчез маленький сельский магазинчик, куда раз в неделю привозили хлеб и нехитрую снедь, помогавшую селянам выживать. Шесть, четыре, три... дома. Когда осталось только два и кто-то срезал электрические провода, последние четверо курмышевцев покинули родные места.

И тогда накинута на Курмышево молодая лесная поросль вместе с огромными лопухами и репейниками.

И через несколько лет с Бугровки, с которой Курмышево когда-то просматри-

валось все, можно было с трудом различить в поглотившей все с жадной ненасытностью плотной зелени три-четыре крыши, а все остальное было уже не рассмотреть.

Заросли тропинки, по которым сотни лет шлепали босые ступни курмышевцев, с трепетом ощущая жар и прохладу родной земли. Исчезла и проложенная по центру дорога с глубокими колеями, по которой когда-то ездили телеги, потом ходили грузовые машины, ползли, тяжело переваливаясь, тракторы с прицепами.

Над Курмышевом повисла немая тишина. Ни звука, ни эха. Только лягушачий хор на речке Проньке по-прежнему задавал свои концерты, хотя слушать их было уже некому.

Да и речонка постепенно зарастала кустарником, образовавшим многочисленные острова и островки, все больше напоминая не прежнюю веселую звонкую Проньку, а тихое покойное болото.

Ночами бледная, безразличная к земным делам луна освещала странный дикий лес, образовавшийся там, где когда-то раздавались человечески голоса, блеяние скота, петушиные крики.

Старые деревья на выгонах тихо перешептывались о чем-то своем, только им понятном, может быть, вспоминали прежнюю шумную и веселую курмышевскую кутерьму.

А молодой лес, захвативший в плен уже разваливающиеся домишки, набирал силу там, где широкая дорога когда-то делила курмышевские дома на два порядка.

Прошло еще несколько лет. О Курмышеве напоминала теперь только полуистершаяся табличка на ветхом столбе, а потом и она исчезла.

Заросло старое кладбище и дорога к нему, и уже ничто не напоминало о том, что сотни лет здесь жили люди: рождались, росли, любили, страдали, работали и удивлялись — весенней зелени, летней грозе, зимней вьюге.

А умершая деревня все больше походила на огромную братскую могилу, каких еще немало на Руси, никому не нужную, заброшенную могилу на кладбище безжалостной истории.

Прощай, Курмышево, покойся с миром!

Александр Миронов

(п. Товарково Калужской обл.— СПб)

Печатался в сборнике калужских писателей, посвященном 55-летию ВОВ. В журналах: «Костер», «Ясная Поляна», «Крестьянка», «Работница», в «Роман-журнал XXI век», «Пограничник», «Воин России», «Молодая гвардия», «Аврора» —

1\09, 2\10 гг., «Клуб» — сказ-поэма (в стихах). В сборнике лауреатов лит. конкурса им. В. М. Шукшина «Светлые души», «Литературная Россия», Литературном Альманахе «ЛитРос» в сборнике «Неизвестные войны XX века» того же издательства, в «Сударушке». Есть детская книжечка «Увеличительное стеклышко» изд. «Золотая Аллея» г. Калуга

СОБАЧАТИНА

Недавно с мясом перебой случился. То ли налоги сельских производителей задушили, а те, в свою очередь,— свою живность? То ли просто очередная недоработка на местном уровне?... Но, так или иначе, а мяса в магазине нет.

— Как пятнадцать лет назад! — выругался Петя Лапкин, направляясь на местный рынок.

Но и там не обломилось. Один единственный продавец, предприниматель, был и тот весы упаковывал.

— Вы, граждане, через денек-другой загляните,— успокаивал он покупателей.— Через день-два я еще баранинки привезу. Потерпите.

Потерпели. Заглянули. И вот стоят. И Петя Лапкин тут же.

Очередь так себе, небольшая, может человек двадцать-тридцать. Охотников до баранинки еще мало. Куражатся. Ножками Буша довольствуются.

Лапкин стоял где-то в середине и был доволен местом своего нахождения. На этот раз уж не пролетит, купит баранины. А что? Чем не мясо? Не хуже залетных, зарубежных окорочков. Тут хоть видишь что и какое, а те? — мороженные-перемороженные, белесые до синевы, как надутые. Петя Лапкин дернул брезгливо носом. Душа к «бушатине» у него не очень-то лежала.

Если честно, то он и баранину не очень. Так уж, по необходимости. Как вот нынче. Жизнь заставляет. Да и своих двоих, не считая, жены и тещи, чем-то кормить надо.

Перед Петей стояла бабулька, маленькая, интеллигентная с виду, в поношенном пальтишке. Котенка на руках держит. Котенок серый и воротник у бабульки серый, и он трется мордашкой об него, как о кошачий бок. Бабулька поглаживает его, нашептывает ему что-то, и они мурлычут друг с дружкой, ласкаются. Мило так, родственному, как кошечка с котенком.

Сзади Пети тетенька стоит. Он раза два с уважением глянул на нее и притих, словно придавленный. Монумент: плечи — во! Руки — во! Грудь... И ростом — с телеграфный столб. Смотреть страшно. Перед такими авторитетами он всегда испытывал робость — не в пример той мышке, что копыта не боится,— и всегда таких женщин про себя называл тетеньками, с детства. А у этой еще усы были, не то, чтобы большие, но заметные. На подбородке пушок. Тетенька мало знакомая. Сейчас много переселенческих, всех не запомнишь.

А в очереди разговорчики. Про колбасу, по цене — сказочной. Про сыр, от которого в семейном бюджете дыр больше, чем в самом сыре. Кое-кто уже про времена застоя стал поговаривать, про границу. И тогда тетенька, что сзади Пети Лапкина, нет-нет, да и подаст голос.

— Что граница? Вы этой границе сильно-то не завидуйте. Там тоже, не шипко-то...

А бабулька ей мягко так, по-кошачьи, промурлыкала:

— Натерпелись люди, по жизни-то по человеческой наскучались, вот и мечтают.

— Ха! Что мечтать? Граница к нам, вон, сама на крылышках Буша летит.

«Где они, эти крылышки? Тю-тю...» — тут и Петя хотел высказать свою версию по этому поводу. Мол, самолеты НАТО их вместе с бомбами на Югославию сброси-

ли... Но сдержался. Постеснялся. Был бы поддатый, а так...

— Поедим эту отраву, и мечтать совсем нечем будет,— заметила бабулька.

— Пошто отраву? Пошто отраву?! Очень даже и ничего ножки. И наших подешевше.

«Подешевше,— согласился Петя.— На них только и жили, перебивались».

Тут продавец вмешался.

— Вы, граждане,— говорит,— на ножки заграничные зуб-то не точите. Сказывают: их еще с птенячьего возраста на иглу содют.

— Что «сказывают»,— оживилась бабулька,— я сама читала. Цыплятам этим уколы делают, и они от этих инъекций в весе быстро набирают. Их до срока забивают и к нам, в Россию.

— Ха! Напишут, верь им...

— А вы не верьте. Ваше дело. Правда, Мурзик? Только я из принципа их не покупаю. Даже моему мальчику.— Бабушка погладила котика.— Пусть сами едят эту гадость.

— И правильно делаешь, бабка! — воскликнул продавец.— Нас надо, местных предпринимателей поддерживать.

И с ним все согласились. Хотя тетенька, что сзади стояла, сказала:

— Так если бы ваших продуктов побольше было, чем заграничных, кто бы был против? У вас бы и брали.

— Вот именно! — поддакнули в очереди.

— Ничего, дайте только нам на ноги встать, развернуться. Мы потом и Буша-папу и Буша-сына своим мясом кормить станем, калорийным. И за уши не оттянешь. Во!.. — Продавец подкинул шмат в руках и расхохотался, и его поддержали.

— Так сколько же вас ждать? Двадцать лет ждем.

— Двадцать лет ждали, что, еще десять лет не подождете?

— Десять? Вряд ли,— усомнилась бабулька.— За десять лет нас уже в таком виде, как есть, не будет. Человеческий облик потеряем.

— Это еще почему?

— Деградируем.

— С чего бы это? — подала голос тетенька.

— От тех препаратов роста, что впрыскивают цыплятам.

— Ну?!

— Они, твари безмозглые, им все равно от чего расти, от чего окорока наедать, да только человеку такое мясо во вред.

Народ насторожился.

— Эти препараты,— стала разъяснять бабуля,— разрушают иммунную систему в человеке, производят гормональные нарушения. У женщин может голос грубеть, усы расти, бороды. У мужчин — груди. Кости размягчаться, волосы выпадать и не только на голове.

Ого! Лапкин мысленным взором обежал свое плоское тело и успокоился: волосатость как будто бы не пострадала еще, грудь не выпадывает из майки, наоборот, впалая. Даже обрадовался. Оглянулся.

Тетенька, что сзади него стоит, губой волосатой дергает, на подбородке волосики пощипывает. И как будто бы глаза помутнели, словно бабулька намек неприличный в ее сторону сделала; мол, вы, голубушка, уже деградируете, факт на лице, и голосище — любой паровоз перекроете...

— А главное, от этих препаратов у человека в мозгу нарушения происходят. Дебилизм развивается. Евросоюз от этих ножек и крылышек давно отказался.

— И правильно! — заявила тетенька сверху.— А мы жрем, что попало, потом скотинеем.

— Мутируем,— поправляет бабулька.

— А я чо говорю? — воскликнул продавец.— На рынок ходите, граждане, на рынок. За живым, за свежим мясом! — бросил окорочек на тарелку весов.— Во! Как в аптеке. От сорока болезней мясо. Верьте слову.

И все вновь его единодушно поддержали.

— Вы знаете, сколько бомб Америка на Балканы сбросила? — спросила бабуля.— Э-э...— и осуждающе покачала головой, как Пете показалось, на бестолковость людскую. Перед умными женщинами Петя тоже робел и уважал их.— Ровно столько, сколько этих крылышек было заброшено в Россию. Только там, в Югославии, людей за раз истребили, а нас постепенно-постепенно, через продукты питания...

— О-го-го! — проржала возмущенно тетенька басом, и люди, что за ней стояли, тоже подвывать стали. И Петя Лапкин едва не заскулил в общем хоре. Почувствовал, как сатанеет от такой подлючей любезности со стороны наших новых друзей по капиталистическому сообществу.

А продавец стал успокаивать.

— Если вы, граждане,— говорит,— у меня мясо будете брать, то ни одна холера вас не возьмет. Верьте слову! Оно и от дебилизма, и от шизофрении и прочего онанизма излечит. Честно слово! А вот от волосатости — не скажу. А впрочем... — Покрутил шмат на вилке.— Мясо, гля, какое... — и отчего-то оскалил зубы, как кот на собачатину, промяукал: — Мя-у!

Народ одобрил хозяйское мясо смехом.

— Мы же эти бомбочки им и окупим,— продолжала бабуля.— Крылышками, ножками и прочими частями куриных тел, если покупать их будем. Еще и фонд какой-нибудь откроем, имени Буша. Потому что из нас уже дебилов сделали. Уматое не стало.

Тут тетенька хлопнула себя по боку, и Петя уловил запах нафталина.

— Вот что творят проклятые капиталисты с угнетенными народами! — Похоже, назревал митинг протеста.

— Ага, нашли дураков! — слышались голоса уже за спиной тетеньки.— Раскатали губищи!

— Пушай вначале закупают ГЗМ — губо-закаточную машинку.

— Не-ет, мы еще не совсем...

— Вначале Балканы, потом нас долбить будут.

— Нас бомбить не надо,— успокаивает бабуля,— нас постепенно изводить надо, травить, дешевле обойдемся, потом — бери голыми руками. Или отлавливай сетями, как собак чумовых.

Предприниматель как-то не к месту по-собачьи взвыл:

— У-у-у! — и рассмеялся.

Но на этот раз его никто не поддержал. Тоску наваял этот вой, а не смех. Тут его юмор не оценили.

А тем временем за разговорами очередь продвигалась. И Петя в растрепанных чувствах подходил к прилавку.

Прилавок чистый, его мужик время от времени протирает тряпкой. Хозяйственный, чистоплотный, к такому продавцу и в другой раз подойти не побрезгуешь.

На прилавке противень, весы со стрелками, с двумя гирьками. Универсальные. Компьютер. Мужик бросит кусок на тарелку, и стрелка тут же покажет: сколько и по чем. Продавцу только озвучить остается вес и цену:

— Три кило. Пять... — а дальше, страшно даже цену называть.

Петя, в который раз в кармане рубли металлические перетирал: хватит — не хватит? — гадал.

Мяса мало. Петя вначале, как к прилавку подошел, даже забеспокоился: опять, как в прошлый раз, получится! Пришел, повидал, глаза напилал...

Но нет. Мужик, как только в противне заканчивается мясо, раз и подложит его откуда-то из-под прилавка. Раз и подложит. Косточки, когда окорочек. И уж совсем Петя успокоился, когда бабулька стала мясо вилкой поддевать. Теперь-то уж точно достанется. Много ли бабуле надо, даже на двоих с котом?

А бабуля мало того, что шибко грамотная, так еще и дотошной оказалась.

Подцепит кусок на вилку и рассматривает его. То одним боком повернет, то другим. Прямо, как за границей. С куражом. С капризом. Смотреть тошно. Хватала бы мясо, какое попало, да отваливала. Так нет, она еще принохиваться стала.

И котик стал принохиваться. Носом раз-другой потянул, да как зафыркает! Как зашипит! И заскочил по воротнику бабкиному ей на шею. Та шмат бросает и за кота.

— Кис-кис! Ты куда?!. — за хвост со своего загривка стаскивает. А киса аж из себя из собственной шкурки выворачивается. Глаза бешенные, пасть красная, когти... — того гляди, Пете в лицо вцепится.

Лапкин от него в сторону отпрянул с испугу.

Тут тетенька, что сзади стоит, как заревет дикой блажью, от которой, наверное, весь базар содрогнулся:

— Сво-оло-очь!!

Петя так и присел. Думал, этой тетеньке, невзначай, на любимую мозоль наступил. Даже, кажется, и подумать так не успел. Сжался, съежился, затих.

Что тут началось... Петя не видел. Только услышал: шлеп! шлеп! шлеп! Думал, его бить начали. Но боли не чувствует.

Приоткрыл вначале один глаз, ничего понять не может. Открыл второй. Видит, — как в замедленном кино, — как тетенька, через него перегибается, берет из противня мясо и швыряет его со всего маху в продавца. Продавец мужик дородный, с крупной мишенью на плечах, и тетенька бьет по его морде без промаху. Тут еще тетеньки подскочили. Там — другие. Гвалт, брех, крик на весь базар.

Мужик по палатке мечется, кричит что-то, воет. А его никто не слушает.

Кто брешет:

— Убить его мало!

Кто рычит:

— Подать его сюда! Я его сама собачатиной кормить буду!..

— У-у!.. А-а!.. О-о!.. — лай, одним словом.

Бабулька прижала котенка к воротнику, и орет. И котик орет. И Петя Лапкин заводится начал.

— Так его! — рычит. — Живодер! Предприниматель собачачий!

Мясо с противня берет и тетеньке подает, как второй номер боевого расчета. А та — по цели прямой наводкой.

Словом, толпу, как собачью стаю, только раззадорь.

Ну и точно, долаялись.

Откуда-то милиционера поднесло. Лапкин его вообще впервые видит, такого придурка. Обычно многолюдье они не предпочитают, а тут ненормальный какой-то, сам в толпу лезет.

— Прекратить! — кричит. — Прекратить, граждане!

Паразит! На самом интересном месте прервал. Тут бы самое время пособачиться, злоба так и прет наружу, шерсть, какую есть, дыбом топорщит.

— Граждане, в чем дело? За что продавца мясом бьете? — спрашивает милиционер.

— А он, паразит, собачатиной торгует! — шумит народ. — Псиной вместо баранины...

— А вы почему знаете?

— А вон, бабкин кот признал. Зафыркал.

— Ну и что, что зафыркал? Мало ли отчего животная эта зафыркать может?

— А кошку на собачатине не проведешь! Она ее за версту чувствует. И по мясу, и по шерсти.

— Глупости. Вы сами озверели! Э-э, рожи-то какие, на людей не похожи. А ну, дядя, покажь мясо!

Продавец нырнул под прилавок.

— Вот,— скулит,— пожалста. Очень даже хорошее мясо. Баранинка. И вовсе собачатиной не пахнет.

Милиционер повертел мясо на вилке, понюхал и пожал плечами. Хм, дескать, мясо, как мясо...

— Вы коту под нос подпихните. Под нос...

Подпихнули. Котенок потянул носом, мяукнул и... вдруг в шмат зубами и когтями вцепился. Жрать его начал.

— Мурзя! Мурзик, ты чегой-то?! — изумилась бабуля.— Это ж собачатина!

Тут продавец взвился.

— Сама ты собачачина!!! Граждане, поклеп! Вы кому верите, ему? А мне, честному предпринимателю, нет! — и стал рвать на себе фартук.

Очень уж тут неудобно всем стало. Если по-человечьи, даже паскудно. До чего, действительно, оскотиниться можно. Петя Лапкин за тетеньку зашел, спрятался. И, вообще, сбежать хотел от такого срама. Да куда ж без мяса-то?

А милиционер говорит:

— Граждане, я вынужден этого кота арестовать.

— Правильно! — выдохнули граждане.— За клевету.

Бабуля в слезы.

— Не отдам! Это мой котенок!

Милиционер тут к ней обращается:

— Тогда вместе с ним пройдемте.

Толпа враз расступилась, дескать, уводите их отсюда к чертовой матери!

А продавец морду фартуком утирает и к милиционеру тянется.

— Эй, эй, господин, то ись товарищ милиционер, мне так не надо! Пусть эта бабка сначала все мясо оптом скупает за такое надругательство. Его вон сколь поизволяли по полу. Кто его теперь покупать будет?

Тут толпа несогласие выражать стала.

— Как это так? — возмущаются.— Почему это все ей? Не жирно ли будет?

И опять гвалт. Бабку — ведьмой, кота — придурком обзывать стали.

А котенок оголодал будто. Видно, после китекета и вискаса на мясо потянуло. Мясо в лапах держит, жрет его и от себя не отпускает. Весь воротник бабушке извозил.

Продавец видит такое дело, что может бесплатно и кусок потерять, стал с бабульки плату требовать.

— Тогда пусть бабка мне за этот кусок деньги платит! В нем не меньше трех килограмм, а может, и все пять было?

Бабуля огрызается:

— Не буду платить! Это собачатина!..

— Не верьте ей, граждане! — перекикивает ее продавец.— Вы только посмотрите! Вы только обратите внимание, как ее животина эту собачачину мечет! Разве коты жрут собачье мясо? Они его на дух не переносят. Они на него фыркают. Поклеп! Какому-то бешеному коту поверили, а мне нет! Да я после такого раза на рынок к вам и носа не покажу...

Тут гром-баба запыхтела от негодования, видно, за прошлое бабкино оскорбление, по поводу ее мутации, грудью, как асфальтовым катком, на бабулю поехала.

— Подите-ка вон отседа! Вместе со своим котом, извольте! Он у тебя ненор-

мальный. То фыркает на мясо, то жрет его без памяти.— И народ за ней подался.

— Люди-и! — пищит бабулька из-под тетеньки.— Он у меня еще маленький. Он еще неопытный, ошибиться может...

— Ага, он ошибиться может! А я из-за него, вон, всю харю этому лицу разукрасила. Из-за твоего кота сама себя и людей в какой конфуз ввела. Ошибся он, ха!

— Катись, катись отседова!

— Ходят тут разные, наводят тень на плетень до умопомрачения. В заграничных окороках дебилизм обнаруживают, на рынке — собачатину.

— Умники! Видали мы таких...

— Пшла вон!

Выдавили бабульку из очереди совместными усилиями и прекратили собачиться. Опять в очередь встали. Успокоились. Глаза друг от друга прячут.

А очередь Пети Лапкина. Стоит, мнется перед прилавком. Вилкой в шмат, какой получше, целиться не может. Уж люди роптать стали, тетенька с боку стоит, усом дергает, того гляди взбесится.

А Петю как заклинило. Не хуже бабки стал к мясу придираться. Смотрит на него, в глазах слезы, а изнутри воротит. Глянул на продавца, а у того рожа бурая, глаза красные, зубы желтые... Так и хочется фыркнуть на эту собаку.

И фыркнул. Ушел из очереди.

Пошел домой на ватных ногах. Вот они, инъекции Бушевой курятины, как на нас сказываются — кости размякли!

А чем ближе к дому, тем больше одолевать сомнения стали: может, зря фыркнул? Может жена, дети поели бы? Та же теща, дай Бог ей лет до ста дожить, а то и дольше. Не ее б пенсия, так и этой собачатинки взять не на что было бы. Да и себя перестраивать как-то надо, хватит куражиться. Сказывают сведущие люди, что полезная она, собачатина, для здоровья в особенности. И, вообще, злости прибавляет, по себе чувствуем. Вон, давеча, как распалился, готов был сам на продавца кинуться, в глотку вцепиться, как пес бешенный.

Тут Лапкин вспомнил про дебилизм и про бабульку и стукнул себя кулаком по бедру с досады: вот старая! Поднесла ж тебя нелегкая со своим придурком котом! Теперь будешь на всякое мясо фыркать.

Он издал звук, напоминающий брех, скрипнул зубами. Развернулся и решительно пошел обратно на рынок, за собачатиной.

И опять опоздал. Не досталось. Продавец весы упаковывал.

— Вы, граждане, приходите через день-другой,— говорит,— я еще мясца привезу. Свежего...

НЕЧИСТЬ ОГОРОДНАЯ

Дед Кузьма Кузьмич, или Кузя Кузич, с утра собирался копать картошку. Еще с вечера приготовил кули, ведро, лопату. Сложил в кирпичном сарае, который находился на окраине поселка среди гаражей. Но, как назло, хоть и рано поднялся, а в поле не ушел. Боли в пояснице то намерение изменили. Едва к полудню раскачался.

— Кузич, ты уж седня-то не гоношился б,— отговаривала Вера Карповна, жена его.— На неделе когда б... Мне, глядишь, полегчает.

— Нет, мать, пойду. Покопаю, сколь смогу. Седня мешочек, завтра другой, послезавтра. Так, глядишь, и выкопаю. Не то кто другой подсобит. На фордопедке привезу мешочек, не надорвусь.

Боялся старик, что на их огород тоже нападут жучки, как на некоторые соседские участки. Но жучки не колорадские, от которых хоть как-то, с трудом, с помощью химических препаратов, справиться, однако, можно или, на худой конец, простым сбором личинок с кустов. А воры — жуки-бекарасы, как называл он,— против которых нет других способов, как бить на месте и насмерть. Да и тут еще вопрос: приши-

бешь, самого же и посадят, за свое собственное. Или, от греха подальше, выкапывать картошку раньше срока от чужого соблазна и для собственного спокойствия.

Как можно лезть в чужой огород и копать чужое? Может у этого человека на эту картошку последняя надежда? Об этом они думают? Вот оббери их с Карповной, и все — ложись и заживо помирай. Убийцы, да и только. Тут пенсия — хуже милостыни, да еще молодым пособляешь, сидят без зарплаты, и без картошки!.. Эти твари пострашнее колорадских жуков, личинок майского жука, проволочника и прочей напасти вместе взятой.

На днях Архип сказывал. Дескать, сын его, Вовка, на мотоцикле приехал со своим парнишкой к себе на дачу. Копают. Вдруг подъезжает КАМАЗ-самосвал, выходят из него трое с лопатами, и на дачу соседа. Тоже копать приладились.

«Вы что это, ребята, заблудились? Это же не ваша дача?» — говорит Вовка парням.

«А ты, мужик, — говорят, — помалкивай. Не то самого копать заставим, и не в свои мешки».

А Вовка не сробел. Вытащил из люльки бутылку с бензином, энзе неприкасаемый, и к ним.

«Если, говорит, вы отсель не уберетесь, я этой бутылкой об машину и подожгу».

Те было к нему, а он и замахнулся. Ну, те пошептались промеж себя, в машину и отъехали на другой край поля. Там пристроились. И без номеров машина. Не узнаешь — чья, откуда?..

Вот и помешкай. Останешься без картошки.

Бабка Вера Карповна прихварывала. По дому еще ходила, а уж в поле идти не осмеливалась. Да и дед не велел. Оберегал. Сам же гоношился. Хотя при таких болях, обычно, откладывал всякие дела и ложился под горячие кирпичи — первое дело. А уж после — мази. Но тут, словно кто подгонял сзади.

К полудню Кузьма Кузьмич, поскрипывая на своем «фордопед», как он в шутку прозывал велосипед, покатыл в поле. В пояснице тоже поскрипывало, потягивало тихой и нудной болью.

К раме была привязана лопата, к багажнику — ведро и мешки. Взял все же семь кулей, зять с дочерью обещались к вечеру подойти. Может сегодня, и закончат все пять соток.

Огород его, по-местному — дача, находился километра за четыре от поселка, среди других таких же огородов, засаженных картофелем. У кого — и капустой, морковью на грядках. У некоторых даже парнички, теплички стоят. У тех, у кого, видать, есть время караулить и здоровье позволяет.

На поле почти никого не было. Участки были не огорожены, только кое-где торчали колышки или столбики. В метрах полутора от основной дороги стоял грузовик «КАМАЗ», и аккурат там, где была его дача.

«Наверное, сосед тоже решил картошку выкопать? — подумал дед. И обрадовался: — Может, и мою вывезет за одно?»

Съезжая с дороги на свою улочку, ударил по тормозам.

Ах, мать честная! Да это ж его картошку копают! Ошибся Костя, что ли?..

Присмотрелся, нет, не сосед. И не его ребята, незнакомые.

Мелькнула страшная догадка. Ах, растуды-сюды!..

И едва не бросил руль от растерянности. Сошел с велосипеда.

На участке стоял мешок, наполненный наполовину, и двое парней. Один был в голубой футболке местами в пятнах от мазута. Другой — пониже ростом, и в светлой майке с каким-то чудовищем впереди, во всю грудь и живот. Он ссыпал из ведра картошку. Клубни были крупными — старик заметил.

И у него занялось сердце — такая картошка! Да они что, совсем что ли?!.

«Ну, я вас!.. — взвился дед, и стал торопливо отвязывать от велосипеда лопату. —

Ну, бекарасы, сучьей расы!...»

Парни приостановили работу при появлении на дорожке человека. Он шел на них с лопатой в руках, как в атаку. Тот, что ссыпал картошку, с чудовищем на груди, отвел руку немного назад, держа ведро за дужку,— понятно, для замаха. Отчего и зверюга ужасный широко и хищно окрысился. Второй подельник, бросив пройму мешка, отступил к своей лопате, воткнутой в землю. Оба не показались смущенными, оробевшими. И тот, что подался к лопате, криво усмехнулся, похоже, вид щуплого, приземистого и седого человека его не испугал, а скорее даже насмешил своей воинственностью.

Они встали друг против друга — двое и один — и молчали.

Прошло секунд десять-пятнадцать. Но это было такое время, за которое деда Кузю не раз окатило и холодной и горячей волной.

Наконец дед выдавил из себя осипшим голосом:

— Ну, как картошка, ребята?

— Да ничо, копать можно.

— А это... мне можно?

Ребята оживились.

— А мы думали, ты хозяин!

— Не... Я так,— и замигал глазом, зачесался,— подкопать...

И тот, что стоял с ведром, тоже подмигнул, как подельнику. И зверь на его майке как будто бы тоже расслабился, прикрыл оскал.

— Да, пожалуйста,— сказал он, обернувшись на товарища,— нам не жалко.

— А-а откуда, это, начинать? — и, что самое удивительное, отчего-то спросил пониженным голосом, заговорщицки.

— Да где пристроишься.

Фу-у... Кузя Кузич облегченно вздохнул, прокашлялся. Смахнул с глаз слезу.

Ну что же, раз драться не стал, надо по-другому как-то. Картошка-то не чья-то, своя, выручать хоть что-то надо.

Дед осмотрелся. Парни копать начали недавно, только второй рядок распочали. Значит,— раз, два, три... — чтобы накопать два-три мешка, им понадобится шесть-семь рядков, прикидывал дед. А вдруг они размахнулись кулей на десять? Картошка-то, эвон какая! Что ни куст — полведра.

Тот, что вынимал ее из лунки, заезжал в землю растопыренными пальцами, как вилами, и вынимал в пригоршнях гнездо,— клубни не помещались в них. Тут же отсеивал: мелкая — обратно наземь, а крупная — в ведро. Ой-ей! Так весь огород перепашут. Оставят на зиму без картошки!..

Кузьма Кузьмич прошел к седьмому рядку и воткнул в него лопату.

— Ребята, если я отсюда начну? — спросил он, с силой надавливая на заступ лопаты ногой. Словно утверждая границу, от которой, чувствовал, не в силах сдвинуться.

Пока находились в воинственном противостоянии, в голове мелькнула одна-единственная, как показалось, здравая мысль, и он последовал ей. По другому — значит, биться насмерть. Так они не уйдут. И кому здесь больше достанется — это и гадать не надо. На твоём же поле и закопают. Теперь он был одержим другим — лишь бы они не заподозрили в нём хозяина этого поля.

Парни на его вопрос оглянулись, оценивающе осмотрели отведенный им участок, прикинули, видимо, что будут иметь с него, и тот, что подкапывал лопатой, согласно кивнул:

— Валяй.

Второй поддакнул:

— Не хватит — найдем, где подкопать.— И зверь на его груди как будто миролюбиво улыбнулся.

И они принялись за прерванную работу.

Кузьма Кузьмич хмыкнул, глядя на их спешку, и со злорадством заметил: «А побздехивают, однако, бекарасы...»

Дед сбегал к своему «фордопеду», подкатил его ближе к даче, к КАМАЗу, и стал торопливо отвязывать от багажничка ведро и мешки. Как на зло, с чего-то затянулся на веревке узел. Еле распутал, язви его! Вернулся и схватился за лопату.

В молодости он обычно подкапывал сам, собирали картошку жена и дети. А их у него трое, но рядом, то есть в поселке, живет только дочь с зятем, с двумя внуками (еще малыми, один только-только пошел в школу). Теперь же подкапывал зять, или кто-нибудь из сыновей, приезжавших к этой поре на помощь, а он уже занимался подбором клубней, ползая на четвереньках. Они бы и в этот год приехали, потерпи дед с копкой недельки полторы.

Да где там, потерпишь тут. Вона как пластают, жучки-бекарасы. И ничем не сгонишь, никакой отравой. Может подкрасться, да вдарить сзади лопатой по шеем?..

На этот раз дед копал картошку и собирал сам.

И как копал! Скакал по грядкам, как кузнецик. Копнет лопатой и тут же падает на четвереньки. Копнет — и на четвереньки. И руками, руками...

После двух ведер, которые вначале набирал, стал клубни вываливать на бровку между рядами. Потом собирать будем! Потом...

И копал, копал, исходя потом, едва не скуля от отчаяния. Так он никогда не копал: ни в молодости, ни в зрелом возрасте, не чувствуя ни усталости, ни боли в пояснице. Враз отлегло.

Так прошло около часа, может чуть больше, дед как-то не сообразил засечь время, но по солнышку — около того. И тут увидел, что парни как будто бы закругляются. Три мешка нагрели. Стали их в машину, в кузов забрасывать.

Будут еще капать или нет?

Дед призамедлил свою работу? Стаял на коленях и глаз с них не спускал.

Забросив последний мешок, парни повернулись в его сторону. Чему-то усмехнулись, о чем-то переговорили и направились к нему. И со своим ведром.

Неужто за его картошкой?.. Шли обочь участка, посмеивались. А у него подрагивали губы, готов был расплакаться от бессилия перед вероломством. Вот это бекарасы! У-у-у...

— Ну, дед, ты и даешь! Ну и наворотил! И картофелекопалку не надо. Что, решил весь рынок завалить картошкой?

— Во, конкурент! — воскликнул тот, что заведовал ведром, и на груди чудовище как будто бы тоже ощерилось.

— А что в мешки не собираешь?.. Помочь? — спросил второй, повыше, в замазученной футболке.

Кузя Кузич аж обсел на задницу. Рот раскрыл, а сказать ничего не может. То ли от усталости дар речи потерял, то ли так тронуло дружеское участие?

— Ладно, давай по-быстрому поможем, и сматываемся. Иди, держи мешки.

Пока копал, усталости вроде не чувствовал. Тут же все суставчики захрустели, поджилки затряслись. В спину опять радикулит ступил, язви его.

Ох-хо, вот наказание!..

Парни двумя ведрами, своим и его, стали собирать картошку.

— Тебе как, с мелочью?

— Крупную, крупную... — хотел добавить, что мелочь он потом соберет, без их помощи. Но смолчал.

Встав на ноги, он оглядел участок и немного успокоился. Парни выкопали меньше сотки, даже не дошли до его рядка, с которого он начал копать. И удивился: вот это да, — он, один, вдвое больше перекопал, чем они на пару!

Мешки он сам завязывал, не стал обременять парней, хотя пальцы едва сгиба-

лись.

И, оказалось,— напластал как раз семь мешков! Как задумывал! И помощь сыновей и зятя не понадобилась.

— Ну и ну, дед! С тобой можно на дело ходить, не прогадаешь. Тебе домой? Или сразу на рынок?

— Нет, домой. Там уж... — неопределенно махнул рукой, дескать, видно будет.

— Ну, давай, подвезем, так уж и быть.

Парни, как и свои, лихо забросили его мешки и велосипед в кузов.

Поехали.

Дед Кузя Кузич сидел в середине, между парнями, и смотрел рассеянно на дорогу. И чему-то усмехался, мотал головой, словно стряхивал с нее паутину.

— Вы-т, наверно, сразу на рынок? — спросил он.

— Нет,— ответил водитель, тот, что подкапывал лопатой, и стал объяснять со знанием дела: — Такой товар, дед, надо лицом показывать. Сейчас домой, в ванной обмоем, на балконе просушим, а завтра утречком на рынок.

— Сами торгуете или помогает кто?

— Помогает. Самим некогда.

«Оно понятно, чем заняты»,— усмехнулся дед, и почувствовал, как этот смешок шевельнул в нем какое-то странное чувство, напоминающее зуд, только внутренний, где-то под желудком, отчего захотелось хохотнуть и икнуть одновременно.

Икнул. А смешок тот попытался заглушить матерком. Пожевал губами.

— И не жалко вам тех, у кого картошку выкапываете? — в голосе деда прослушивались нотки душевной боли. Но его оборвали.

— А тебе?

— А что мне? — не понял дед.— Я...

— Хма, мы не ты. Мы совесть имеем,— сказал парень на пассажирском сидении.— Мы полностью участки не выпаживаем. Два-три мешочка и шабаш. Людям тоже жить надо... — И посмотрел на деда не совсем дружелюбно, чем-то напомнив взглядом своего зверя.— Это ты, вон, как оборзел. Ископал у людей весь участок.— И отвернулся.

Дед на полуслове поперхнулся.

Ха! — его же и отлаяли. Ты смотри, какая сознательность...

Крутанул головой и почувствовал, как злость и негодование на парней как будто бы приугасили. На глаза даже отчего-то слеза выступила. И эти чувства еще больше обнажили внутренний зуд. Кузя Кузич, задавливая подпирающий хохоток, наполнился воздухом и выпустил его неаккуратно.

Пассажир посмотрел на него, но мягче, дернул уголком губ.

— Что, старый, расслабился?

— Ага,— шмыгнул носом Кузя Кузич и спросил, чтобы как-то отвлечься от своего внутреннего состояния: — Машина с ремонта или только что купили?

— Да нет, старая.

— А че без номеров?

— Хм, посмотришь на тебя, старый, вроде бы не новичок в картофельных делах, а таких вещей не понимаешь. Кто ж на дело идет с номерами? Сейчас вот и повесим.

Выгружали картошку у сарая. Даже внести помогли. Тот, что отлаял, снисходительно посоветовал напоследок:

— Ты, батя, (Ага, сынок нашелся!) больно-то не наглей, совесть имей. Постольку с одного участка не копай. Поймают — больно бить будут. Ты на руки хоть и шустрый, да на ногу можешь не поспеть,— хохотнули.— Ну, пока. Не поминай лихом.

На прощание «чудовище» на майке парня как будто опять ощерилось в хищной усмешке и подмигнуло глазом.

И укатили. Оставили Кузю Кузича в смешанных чувствах.

Воры, паразиты, жуки-бекарасы! — а вот, вишь, как. Прибить их мало, и в то же время рука не поднимется, вроде бы и не за что: и картошку ему нагребли в кули, и подвезли, и отчитали. Все как будто бы по совести и в меру.

Как с ними бороться? Шел домой, смеясь и плача.

— А никак,— сказала Вера Карповна, когда он рассказал ей, как вместе с бекарасами у себя самого картошку воровал. Он лежал на диване, а она ставила ему на спину, на вафельное полотенце в три слоя, нагретые на газовой плите два обломка кирпича. От ударного труда на воровском поприще радикулит еще более обострился.— Кузич, ты у меня мудрый человек, за что я тебя люблю и уважаю. Правильно сориентировался. Ну, вот заерепенься ты? И что?!. Разуделали бы тебя под орех, ни в одну скорлупку не собрали бы. Слышь, что Сергеевна сказывала? Приходила проводить давеча. В районе одного мужика на своем же огороде закололи вилами. И найти не могут — кто!

«Сейчас это запросто» — подумал Кузьма Кузьмич, вспомнив парней при первом знакомстве, и то тоскливое чувство одиночества и бессилия перед ними. И почему-то не сами парни стояли перед глазами, а чудовище, оскаленное, с острыми зубами, нелепо сидевшее на майке одного из них.

— Нужна была бы мне такая картошка. Плюнь! И не жалея. Может, еще больше заплатил бы, если бы нанимал машину? Счас цены-то... Ладно, больше пропадало,— успокаивала мужа Вера Карповна.

И все же жалко было те три мешка. Даже, пожалуй, нет, не так жалко, как досадно. Не скажешь, что напрямую обворовали, и в то же время без спросу, нахально и с моралью. Вроде и обидеться не за что, и в тоже время как какая-то насмешка. Тьфу! Тьфу на вас!..

Кузьма Кузьмич сквозь зубы потянул в себя воздух с шумом, заглушая вновь подпирющий смехок.

— Что, припекла? — всполошилась Карповна.

— Да нет... так...

А мозг точили раздражение и досада на себя, на свою трусость (может мудрость?), злость на этих бекарасов, и в то же время это была не злость, а что-то другое, что вызывало иронию, сарказм, смех. Как будто бы какой-то мохнатый жучок вполз в сознание, и теперь щекотал, зудел, и теперь этот зуд внутри и припекающее тепло на спине все более проникали вовнутрь, раззадоривали.

Дед стал подкрякивать, подкашливать, втягивать воздух сквозь стиснутые зубы. И, наконец, затрясся в неудержимом хохоте, похожем на стон.

Со спины скатились кирпичи.

— Што, прижарила-таки, да? — Вера Карповна засуетилась вокруг него, подхватывая кирпичи тряпкой.— Да что с тобой? Плачешь что ли, Кузич?

«Ржу-у!..»

Кузя Кузич ей ничего не ответил. Он зарылся лицом в подушку, пытаясь заглушить в себе то идиотское чувство, выдавившее из него не только хохот, но и слезы, которые стыдно было показать; слезы, смешанные с отчаянием, беззащитностью, страхом и с позором. Тьфу, тьфу на вас, нечистая сила! Чтoб вас...

Вот жизнь пошла — цирк!

Завтра же надо докопать картошку!

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

ОПЕЧАТКА

В Арбитражном суде Упской области все было готово для слушания очередного судебного дела. На этот раз рассматривался иск, поданный городской газетой «Околото» к Управлению Федеральной антимонопольной службы по Упской области о признании незаконным и отмене наложенного на газету штрафа в размере шестидесяти тысяч рублей за публикацию на ее страницах нецензурного слова.

Судебный пристав по обеспечению установленного порядка деятельности судов тридцатилетний Капитон Иванович Капитанов в зал судебного заседания вошел последним и плотно прикрыл за собой дверь. «Уважаемые участники судебного процесса в соответствии с существующим законодательством и установленными правилами поведения в суде стороны могут обратиться к суду или друг к другу только с разрешения председательствующего на процессе судьи. Неуважительное отношение к суду, нетактичное поведение к другим участникам судебного процесса или гражданам не разрешается. Не допускаются и выкрики с мест. Также запрещено во время судебного заседания пользоваться услугами сотовой или иной связи в связи с чем, прошу всех отключить личные мобильные телефонные аппараты. При несоблюдении установленных правил поведения в суде виновные лица могут быть привлечены к административной ответственности», — в который раз привычно произнес Капитонов выученную наизусть речь, после того, как судья объявил о начале слушания дела. Негромкий голос судьи, мягкий шелест переворачиваемых им листов, жаркое полуденное солнце за окном и самое главное законопослушное поведение участников судебного процесса настолько успокоили внутреннее состояние Капитонова, что спустя несколько минут, он начал мечтать о том, как после работы проведет остаток дня на городском пляже, где с удовольствием смоеет с себя прилипшую к телу разгоряченную судебную обстановку. Капитон даже на какое-то мгновение ощутил на себе приятное прикосновение речной воды, когда в этот самый момент его слух уловил произнесенное судьей нецензурное слово. Вначале Капитон решил, что ему это слово послышалось, но судья вновь повторил бранное выражение и Капитон, мысленно возвратившись с городского пляжа в душный зал судебного заседания, стал прислушиваться к словам судьи. Вскоре к своему изумлению он убедился в том, что из уст стоявшего под развернутым флагом российского государства стройного и с военной выправкой судьи периодически исходила словесная скверна. Кое-кто из находившихся в зале людей тактично потупил свои взгляды в пол, другие же наоборот стали насмешливо и злорадно смотреть на Капитонова, как бы спрашивая его взглядом: ну, а теперь-то ты как поступишь? И лишь молоденькая секретарь Леночка с безразличием продолжала постукивать пальчиками по клавиатуре, но опытный взгляд Капитона заметил, как ее лицо, шея и даже ушки приобрели цвет свежего и не разбавленного сметаной украинского свекольного борща.

Огласив имевшиеся в деле документы, судья замолчал на некоторое время, кашлянул в кулак, словно прочищая заляпанные бранью голосовые связки, а затем задрал мантию и извлек из кармана брюк носовой платок. Вытер им вспотевшую небольшую лобную залысину, чисто выбритый волевой подбородок, пригладил аккуратные небольшие усики, а затем, поправив на переносице очки в позолоченной оправе, предоставил слово участникам судебного процесса: истцу — главному редактору городской газеты «Околоток» Нине Ивановне Невеселой и ответчику начальнику юридического отдела антимонопольной службы Александру Александровичу Безвинному.

* * *

От безжалостной жары Упск тонул в витающем над городом мареве. Главред Невеселая сидела за своим рабочим столом заваленным кипой бумаг и вносила дополнения и изменения в pilotный номер газеты, когда в ее кабинет вошел посетитель — молодой здоровяк, одетый в светлую майку и шорты и коричневые на босу ногу сандалии. На его мощной шее красовалась толстая золотая цепочка, на остриженной наголо беззатылочной голове, в области темени, уставившись в потолок своими темными стекляшками, покоились солнцезащитные очки.

— Я к вам, Нина Ивановна, — озираясь по сторонам, словно чего-то опасаясь, проговорил он.

— Слушаю, — с трудом оторвавшись от работы, произнесла Невеселая и внимательно взглянула на посетителя.

— Я вам принес для публикации как бы рекламу, — сказал вошедший и протянул Нине Ивановне лист бумаги.

Она нехотя взяла протянутый ей лист и быстро пробежала взглядом написанное: «Новая фармацевтическая компания закрытого типа ЗАО «Кожа и кости» предлагает всем толстякам и толстушкам свою новую признанную во всем мире продукцию: препарат для похудения и сексуальности под названием — «Жирогон»».

— А вы, собственно, кто будете? — оторвавшись от чтения и положив бумажный лист прямо на переполненную окурками пепельницу, — спросила Невеселая.

— Я как бы менеджер компании по рекламе, — ответил посетитель, сделав в слове «менеджер» ударение на вторую букву «е».

— И что вам нужно? — спросила Нина Ивановна, непроизвольно взглянув на выпирающий из-под светлой майки толстый живот менеджера.

— Мы хотели бы в вашей газете дать объявление о нашем препарате, вернее его как бы прорекламировать.

— А знаете ли вы, уважаемый менеджер, сколько стоит одна печатная полоса в нашей газете? — спросила у посетителя Нина Ивановна также как и он, сделав в слове «менеджер» ударение на вторую букву «е». — Вы бы для начала ознакомились с нашими расценками, а уже потом решили бы для себя: будете ли пользоваться услугами нашей газеты или не будете? — посоветовала Нина Ивановна.

— Насчет бабла вы не парьтесь, у нас с этим как бы без проблем, — произнес посетитель, бесцеремонно облокотившись о стол главного редактора.

Сорокапятилетняя Нина Ивановна Невеселая главным редактором газеты работала уже более десяти лет и в своем деле считалась профессионалом. Она сразу поняла, что имеет дело с каким-то проходимцем, а прочтя предложенный ей текст, убедилась в своем мнении. Вначале она хотела выставить посетителя за дверь, вспомнив, как на прошедшем недавно совещании в администрации города мэр устроил ей настоящий разнос за напечатанную на страницах газеты рекламу продукции оказавшейся впоследствии некачественной, но подумав о немалом доходе от рекламы, передумала. В смертельной схватке схлестнулись в душе и сознании Нины Ивановны две силы, одна порядочная, защищавшая честь, достоинство и доброе имя газеты и самой Нины

Ивановны, а другая алчная, сулившая ей хорошую денежную прибыль. Победила алчность. «В конце концов, не для себя стараюсь, а для общего дела»,— решила Нина Ивановна и улыбнулась посетителю.

— Ну что же, тогда давайте заключать договор на изготовление и размещение в ближайшем номере нашей газеты вашего рекламного материала. Идите на второй этаж в отдел рекламы и объявлений там наши сотрудники вам подскажут, как это сделать,— проговорила Нина Ивановна и вновь погрузилась в прерванную работу тем самым давая понять посетителю, что разговор окончен, но тот уходить не спешил.— Что-нибудь еще? — спросила она.

— Да. Я это... стихи пишу и хотел вам как главному редактору их предложить как бы для публикации,— проговорил посетитель и, не дожидаясь согласия, начал читать свое стихотворение:

*Толстоморды, толстобрюхи,
Если вам малы все ваши брюки,
Вновь поможет влезть в них он,
Нашей фирмы — «Жирогон».*

— Ну как? — окончив читать, спросил он.

— Нормально,— ответила Нина Ивановна и, улыбнувшись, вновь принялась за свою работу.

— А вот еще один стих...

— Нет, нет,— перебила она его,— у нас там же на втором этаже есть отдел литературы, идите туда.

— Хорошо, я сначала схожу в рекламный отдел, а уж потом как бы в литературный,— кивнул головой посетитель и вышел из кабинета главного редактора...

Страдающая от избыточного веса жительница Упска Ганна Тарасовна Галушко, переваливаясь из стороны в сторону, прошла в свою комнату и, с трудом усевшись в кресло, взяла в руки городскую газету «Околоток».

— Интересно, шо эти брыхуны нам седня новенькага набрыхають,— проговорила она и углубилась в чтение.

Вдруг ее взгляд словно споткнулся о напечатанное в газете слово «похудение». В слове явно отсутствовала буква «д». Ганна Тарасовна несколько раз перечитала это слово, при этом то, приближая газету к глазам, то наоборот отдаляя ее от своего лица. Затем она сняла очки, кряхтя и охая, поднялась с кресла и, подойдя к шкафу, взяла лупу. В увеличенном в несколько раз слове «похудение» действительно отсутствовала буква «д».

— Жанночка, дитятко, гайда до мени,— позвала она свою пятнадцатилетнюю внучку.

— Чего тебе? — недовольно спросила та, войдя в комнату и не переставая жевать жвачку.

— Иды сюды, дитятко, и глянь: шо тут написано? По-моему нема буквы «д»? — спросила Ганна Тарасовна, протягивая внучке газету и указывая ей, где именно нужно прочесть.— Или твоя старая Галушко уже совсем ослепилась?

Прочтя объявление, Жанна вдруг резко оживилась, и в ее глазах вспыхнули веселые и озорные огоньки.

— Вау! Клево! — воскликнула она.— Бабуль, дай мне эту газету! Прикинь, я такая приду в школу и пацанам покажу, пусть поприкалываются!

— А ну, геть отсель, а то шас взамен етой газеты ты у мени получишь по заду хворостыною! — с возмущением в голосе прикрикнула на внучку Ганна Тарасовна.— Попрыкалывается она! Я тобі попрыкалываюсь! Читаешь тут разное паскудство! Геть отсель! — приказала она Жанне и та, обидевшись, вышла из комнаты.— Так

ети газетные брыхуны шо такое решили, попрыкальваться над нами, над читателями, а можа даже и над усим городом?! — с возмущением в голосе, спросила она саму себя.— Ну, я им попрыкальваюсь! Я-то им лохмы да чубы повидираю! Я до самого губернатора дойду, но етих паскудников на чисту воду виведу!

В Управлении антимонопольной службы, куда Галушко пришла с жалобой, долго и настойчиво пытались успокоить возбужденную посетительницу.

— Да вы успокойтесь, гражданочка, вы нас проинформировали, а мы во всем разберемся и вам сообщим результат,— говорил ей начальник юридического отдела Александр Александрович Безвинный.

— Та шо ви мени успокойтесь! Яко тута успокоение, кодыж такое происходится?! Кодыж такое творится?! Ети хамлюги уже до того стали срамниками, шо пышут то, шо взбредет в их башку. Прямо-таки брать за то мисто о чем они тута понаписали и прямиком у тюрягу,— продолжала возмущаться громогласная Галушко, потрясая при этом зажатой в руке газетой...

* * *

Выслушав участников судебного процесса, суд, для разьяснения возникших при рассмотрении дела вопросов требующих специальных знаний вызвал эксперта-лингвиста, перед которым поставил вопрос: является ли используемое в рекламном макете слово «похудение» с отсутствием в нем буквы «д» бранным?

Заслуженный деятель науки, доктор филологических и исторических наук, исследователь берестяных грамот и древних текстов, профессор кафедры лингвистики Упского государственного университета, философ, член российской академии наук и различных редакционных коллегий восьмидесятипятилетний Иннокентий Бориславович Забугорный в Упской областной Гильдии лингвистов — экспертов по документационным и информационным спорам считался одним из наиболее опытных сотрудников. Пройдя в зал заседания нетвердой слегка шатающейся походкой, он остановился перед судьей и, достав из папки лист бумаги, принялся читать написанный на нем текст.

—Э-э-э, согласно экспертному заключению гильдии лингвистов — экспертов используемое в рекламном макете написанное слово «похудение» с пропуском в нем буквы «д», следует рассматривать м-м-м — э-э-э как опечатку,— начал он говорить тихим старческим голосом иногда долго и нудно затягивая перед словами гласную букву «э» и согласную «м».— В контексте предложения слово э-э-э «похудение» с пропуском в нем буквы «д», какого-либо смысла кроме э-э-э ассоциируемого со значением слова «похудение» данное написание не имеет. В словарях русской брани, э-э-э большом словаре мата, м-м-м слово «похудение» с отсутствием в нем буквы «д» в качестве э-э-э деривата от какого-либо бранного или неприличного слова, например, «худо» м-м-м, не зафиксировано.

Вновь услышав нецензурное слово, но теперь уже из уст эксперта — лингвиста, Капитон Иванович взглянул на него недобрый взглядом, побряхтел и поерзал на стуле. Никогда прежде он не оказывался в такой нелепой ситуации, когда на судебном процессе кто-либо из его участников выражался матерно, а он не имел права даже сделать сквернослову замечание, оставалось только одно — терпеть это безобразие и, стиснув зубы, молчать.

— Не являясь лексической единицей языка и не имея возможности словообразования без соответствующей модели от существительного э-э-э — м-м-м слова «худо», а также при отсутствии надлежащего э-э-э лексико — семантического прототипа, написание слова «похудение» с отсутствием буквы «д» в контексте рекламного макета не может рассматриваться в качестве э-э-э — м-м-м obscenизма, то есть бранным не является,— закончил свою речь эксперт.

Выслушав эксперта, судья удалился на совещание и через несколько минут вновь занял место председательствующего.

— Суд принимает представленное экспертное заключение как надлежащее доказательство, подтверждающее, что используемое в рекламном макете слово «похудение» с отсутствием в нем буквы «д» не является бранным. Исходя из обстоятельств дела, принимая во внимание заключения эксперта, суд приходит к выводу, что газета «Околоток» в рекламном макете бранного слова не использовала и соответственно не допустила нарушения о рекламе. Таким образом, оснований для привлечения газеты «Околоток» к административной ответственности у органа антимонопольной службы не имелось. С учетом изложенного руководствуясь Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации, арбитражный суд решил: заявление газеты «Околоток» удовлетворить. Постановление Управления Федеральной антимонопольной службы о наложение на газету «Околоток» штрафа, признать незаконным и отменить. Взыскать с антимонопольной службы в пользу газеты «Околоток» и судебные расходы денежные средства в сумме шестнадцать тысяч пятьсот рублей. На решение может быть подана апелляционная жалоба в десятидневный срок со дня его принятия, — закончил зачитывать вынесенный вердикт судья и, как бы ставя точку в этом деле, громко стукнул деревянным молотком по плашке.

Участники судебного процесса молчали. Первой пришла в себя Ганна Тарасовна Галушко.

— Это шо же таки получается?! Одни добри люди штрафуют зlostных матерников, а суд их оправдывает и к тому же штрафует добрих людев?! — громко и с волнением в голосе, произнесла она, тяжело и грузно поднимаясь со стула. — Да иде же то видать такое было, шобы вот так — на тебе и все ж ты?! Ну, я вам не какая-нибудь профурсетка, я вам ишо покажу як чистное имя добрих людев срамить. Я же до самого Президента дойду, а этих матерников на чисту воду виведу, — подытожила Ганна Тарасовна и погрозила непонятно кому кулаком.

— Судебное заседание закончено, просьба всем освободить помещение, — проговорил Капитон Иванович, пресекая монолог Ганны Тарасовны.

После того как все вышли он обошел и внимательно осмотрел зал судебного заседания — не забыл ли кто свои личные вещи — и, убедившись, что все в порядке, подошел к окну. На улице стояли Нина Ивановна Невеселая, Александр Александрович Безвинный и Ганна Тарасовна Галушко. Они ругались и размахивали при этом руками. «А ведь все образованные и культурные люди, а убери от них мужика с дубинкой, так готовы друг другу в горло вцепиться. Ведь нельзя же так, господа хорошие! Неправильно это!» — глядя на них, грустно подумал Капитанов и открыл настежь окно. В помещение вместе с городским шумом ворвался пахнувший летней жарой, сигаретным дымом и выхлопными газами свежий воздух. В Арбитражном суде Упской области все было готово для слушания очередного судебного дела.

Александр Хадарцев
(г. Тула)

НА БЕЖИНОМ ЛУГЕ

Видавший виды Уазик, чвиркнув колесами по грязи, медленно съехал на мокрую от дождя траву и затормозил. Алексей — коренастый, светлоглазый, лысоватый блондин, вылез из машины, побряхтывая и придерживая рукой поясницу. Выглядел он значительно моложе своих 66 лет, только глубокие складки на лбу выдавали долгий и не простой жизненный путь, пройденный хозяином лица, во время смеха освещавшегося детским сиянием глаз.

«Вылезайте, приехали!» — сказал он спокойно, внимательно оглянувшись вокруг.

От места импровизированной парковки почти на километр протянулись ряды разноцветных торговых палаток и передвижных аттракционов. Сизые дымы от жарившихся на мангалах шашлыков стелились над всем обозримым пространством. То там, то здесь булькали опустошавшиеся пивные бутылки. Повсюду были расставлены белые, синие, красные пластмассовые столики, мельтешила разновозрастная детвора, хихикали молоденькие девчонки, зыряка по сторонам сквозь густо-черные ресницы, взмахивая разукрашенными в синеву веками. Все свидетельствовало о начавшемся празднике, который в июле всегда проводился в этих местах. На склонах длинного холма, круто спускавшегося к огромному лугу, окаймленному с противоположной стороны кучеряво-зелеными кронами деревьев, прикрывающими собой журчащую на перекатах реку, — были установлены ряды скамеек, которых, конечно, не хватало на тысячи приехавших гостей. В хорошую погоду зрители и участники торжества обычно располагались прямо на траве, подстелив под себя — что попало. Когда-то для этой цели использовали небольшие тючки прессованного сена, но в последние годы — то ли из-за нехватки сена и экономии, то ли по каким другим причинам, гости в плохую погоду вынуждены были стоять долгими часами, хотя редко кто покидал это красивейшее на Руси место раньше полуночи. Тургеневские рассказы на Бежином луге становились зримыми, наполненными судьбами многих поколений, а природа лучше всяких декораций гармонично сосуществовала с праздничным настроением собравшихся. Действо осуществлялось на маленькой сценической площадке, временно возводимой на краю естественного амфитеатра.

Пока Алексей оглядывал кипящее людьми пространство, из распахнувшихся дверок «уазика» вылезли его друзья, наконец-то собравшиеся навестить своего коллегу по случаю наметившихся торжеств. Знакомые более сорока лет, они вместе начинали работать в этих краях, и, разъехавшись, частенько навещали друг друга.

Алексей до недавних пор работал главным врачом маленькой участковой больницы. Построенная еще до революции, она стояла в окружении фруктового сада, величаво возвышаясь своими двумя этажами над деревенскими домами. В толщине ее стен пролегли многометровой длины дымоходы, обеспечивавшие теплом все помещения. Чрезвычайно экономичная система обогрева нуждалась лишь в поддержа-

нии, но, в конце концов, была заменена. Заработала привычная котельная. Выпускник крупнейшего московского вуза, Алексей поначалу считал себя временным человеком в этих краях, но, пообвыкнув, не только свыкся, но и сроднился с этой землей. Он не мог просто так уехать от тысяч старых и малых, нуждающихся в его помощи. Десятилетиями никто из врачей не решался приехать в это не такое уж и отдаленное, но глухое место. Поэтому в какой-то степени Алексей ощущал свою незаменимость. Он адаптировал полученные знания и умения к реальным условиям жизни почти заброшенного уголка Нечерноземья. «Заброшенность» — не была надуманной. Жена его волею судьбы какое-то время возглавляла тогда еще совхоз. «Забота» государства привела к тому, что посевные поля в девяностые годы стали зарастать лесной чащобой, техника развалилась, денег на горючее не было, но люди! Только наши люди в годы покорения космоса и нанотехнологий во имя сохранения сельского уклада способны были выходить с лукошками(!) во время посевной на поля и, как в старину, разбрасывать зерно, надеясь на весенние всходы! Менялись общественные устройства, на смену секретарям райкомов пришли главы администраций, но отношение власти к проблемам села нисколько не менялось. Под предлогом укрупнения и «улучшения» медицинской помощи начали повсеместно закрываться участковые больницы, медицинские пункты. Лозунговые призывы к «совершенствованию медицинской помощи селянам» наяву сводились к сокращению врачебных кадров, прекращению или резкому сокращению финансирования, безвозвратной потере опытных врачей и фельдшеров.

Так и Алексей. Освоил электрокардиографию и множество других медицинских лечебных и диагностических манипуляций, при необходимости умел делать простые, но не требующие отлагательства операции, спасая при этом сотни людей от веро-
ятного печального исхода болезней. Словом, состоялся как истинный «земский врач», или, как это теперь стало модным называться — «врач общей практики». На ремонт больницы отпусkaliсь наискуднейшие средства. Поддерживать ее «на плаву» было ежедневной, постоянной, почти невыполнимой задачей. В знак признательности за долготелное служение землякам он был награжден почетным званием «Заслуженный врач России», которым Алексей по праву гордился, удивляясь, однако, непонятным для него отношением местных чиновников к нуждам сельской медицины. Ни это звание, ни десятилетия подвижнического врачебного труда, ни уважение и авторитет среди населения не помогли Алексею, когда волевым решением местного князька он был, в конце концов, отправлен на пенсию, а больница превратилась в амбулаторию и продолжала влечить свое жалкое существование.

Только что обрушившийся с небес проливной дождь превратил тропинки в скользкое месиво, глубоко пропитал жесткий дерн, сделав невозможным уютное расположение зрителей и участников праздника. По небу еще кучились серо-черные тучи, но их подолы уже золотились в лучах вспыхнувшего солнца. Две огромные — от горизонта до горизонта радуги, как природное благословение, зависли над лугом. Воздух стал сырым и холодным, при малейшем ветерке вызывая зябкую дрожь, для устранения которой, вероятно, на развернутых лотках и в киосках расположились в ожидании потребителей разнообразные горячительные напитки.

Алексей не употреблял спиртного уже более тридцати лет. «Виной» тому была перенесенная в институтские годы инфекционная желтуха, болезнь Боткина. Когда-то занимавшийся классической борьбой, в первые годы работы он еще изредка позволял себе пропустить стопку, другую. Но потом совершенно прекратил. Курить — не курил. Был любимцем многих медсестер, желавших «окрутить» симпатичного врача. Большой выбор рождает большие проблемы. В ту деревню, в которой он начинал свою врачебную деятельность, частенько приезжали на санях медсестры и врачи из района. Он был хлебосолен и гостеприимен, притягивая окружаю-

щих также и своим «столичным» прошлым. Деревянная, скрипевшая при сильном ветре больничка, как бы держалась на балке, подпиравшей потолок. Казалось, ударь по ней, и домишко развалится. Но включался по тем временам редкий магнитофон, раскручивались бобины, и хриплый пронзительный голос тогда еще малоизвестного Высоцкого тербил душу. Полублатные песни были записаны самим Алексеем во время посещения певцом студенческого общежития. И все-таки через много лет судьба в лице искроглазой модной девчушки, работавшей рентгенотехником, сделала его отцом семейства. Уже и дети выросли, стали тоже врачами, и страна изменилась до неузнаваемости: в чем-то к лучшему, в чем-то к худшему, но воспоминания о минувшем хранились где-то в дальних закоулках памяти.

Посидев еще с часок, перехватив подгоревших, но сочных шашлыков, гости собирались домой. На ночное представление, сценарий которого уже был известен, оставаться им не хотелось. Сырость и прохладный ветер затяжным посиделкам также не способствовали. Но перед отъездом не грех было бы поднять символический бокал «на посошок», о чем Алексей предупредил отбывающих друзей. Оказавшись через несколько минут в уютном теплом доме, отведав наваристой лапши с белыми грибами и еще много разных деревенских простых и вкусных, давно забытых, яств, желание тронуться в путь стало ослабевать. Тем не менее, через полчаса все погрузились в старенькую «Волгу», отдавшую прощальный салют клубком сизого дыма, выплунутого из выхлопной трубы...

Алексей стоял у калитки, провожая удалявшуюся молодость. «Непонятно, зачем приезжали!? И действо на Бежином луге не посмотрели, и в доме мало посидели. Городские, одним словом. Куда-то торопятся, основательно ничего не делают. Разве что просто повидаться?» Но почему-то мучавшие его накануне боли в области печени стихли, настроение улучшилось, в голове закопошились философские мысли о реальном и ирреальном, о соотношении бытия и сознания. Жизнь показалась не такой уж грустной и имеющей перспективу. Он облегченно вздохнул и приступил к обычному для этого времени кормлению многочисленных кур.

ПОЭЗИЯ

Всеволод Кузнецов
(г. Москва)

PERSONALIA

Поэт Всеволод Кузнецов. Художник Ирина Горностаева (из Ярославля), выпускница Российской Академии живописи, ваяния и зодчества (2006 года); 2004 год, картон, масло, 100×70.

Поэт, прозаик, переводчик. Член Союза писателей и Союза журналистов России, Творческого клуба «Московский Парнас» и Академии Российской литературы. Родился в Москве в 1938 году. Окончил геологический факультет МГУ и спецотделение факультета журналистики. В течение 25 лет работал в геологических экспедициях, в качестве: геолога, начальника отряда, партии, в различных районах, в том числе и в Тульской области, где сотрудничал (публиковал стихи и заметки) с газетами: «Коммунар» (г. Тула), «Металлург» (НТМЗ), «Маяк» (г. Киреевск). В памяти такие имена, как Нина Балуева, Эвальд Коротков... Было это в начале 70-х годов. С Тульским краем меня связывает многое: здесь жала дальняя родня — предки Кондратия Рылеева, его дочери Анастасии — Органовы, Пузины... Комендант Берлина (после Берзарина) генерал Александр Котиков, дочь которого Лена (монахиня Анна, к сожалению, почившая), супруга моего племянника, художника Сергея Симакова (в Угличе экспонируются его живописные работы), а ныне — игумен Рафаил (Михайло-Архангельский монастырь, «что близ Углича, в бору»)... А другая дочь, актриса Театра Сатиры Светлана Котикова, послужила прообразом ребенка на руках советского воина в скульптурной композиции Вучетича, в Трептов парке, в Берлине...

С 1973 года, активно сотрудничал с редакцией советско-болгарского журнала «Дружба». А затем и работал в отделе литературы и искусства: редактором, ст. редактором, заведующим отделом. С 1991 года журнал стал называться «Россияне». Главный редактор: Замечательный наш поэт Владимир Иванович Фирсов.

С 1975 года участвовал в работе литературного объединения «Вальцовка», при заводе «Серп и Молот», ныне носящий имя, не менее прекрасного поэта и человека, Александра Федоровича Филатова. В 1984 году я организовал у себя в Подмосковье литобъединение «Луговая». Участвовал и участвую также в работе литобъединения при МГУ «Воробьевы горы». Активно сотрудничаю с поэтами Болгарии, с некоторыми из которых: Матеем Шопкиным, Георгием Чичаровым, Лъчезаром Еленковым и другими знаком еще со времени работы в «Дружбе». Имею около двух десят-

ков поэтических книг своих друзей и коллег, переведенных мною на русский язык. В свою очередь, и мои книги переведены и изданы в Болгарии. Имею и собственные поэтические книги и многочисленные публикации в периодике...

Еще можно добавить, что тесно (исторически, связан с Костромской, Ярославской, Рязанской и Владимирской областями — и не только по работе). В этих краях жили и живут мои родственники, среди которых люди с очень интересной судьбой, даже известные за пределами места проживания... Так, скажем, на родине С. А. Есенина в селе Константинове мои родичи Куприяновы (владея селом с 1879 по 1897 гг.) построили земскую школу, в которой будет учиться будущий поэт, и придел в Казанском храме — во имя Веры, Надежды, Любви и Софии. А в Костроме жил известный педагог, Герой труда Константин Петрович Аржеников, родной брат моей прабабушки. На ярославщине — мой родной дядюшка, педагог и актер Народного театра, со своей многочисленной семьей (у него тоже имеется книги по педагогике), и упомянутый мною игумен Рафаил, художник Сергей Симаков, и др.

ЯЗЫК ВЕЛИКИЙ И МОГУЧИЙ

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

Ф. И. Тютчев

Бутылки пивятся вокруг,
Брань изрыгая горлом узким:
Язык уходит из-под рук —
Родной язык, могучий, русский.

«Прикол» — повсюду, — «как бы», «блин»...
И нас Минздрав предупреждает,
Что алкоголь и никотин
Над серой жизнью возвышают...

И, словно рок, на небе рог
Тельца златого из-под тучи:
Язык уходит из-под ног —
Язык великий и могучий...

Но как тебя нам удержать
И сбросить рабские оковы? —
У нас особенная статья,
У нас особенное слово!

И среди множества дорог,
Ведущих к языку сегодня,
Началом будет слово «БОГ»,
Благословение Господне.

* * *

Заткну я уши, чтоб не слышать,
Как искажают речь живую,
Глаза прикрою, чтоб вслепую,
Пройти рекламные афиши.

Но как и чем отвлечь сознание
От повседневности убогой?..
И тщетны будут все старания
Окольной миновать дорогой.

Лишь Божий дар, душе подвластный,
Вноси, как лепту, на благое,—
Душе видней с горы парнасской
Лекарство дать: кому — какое.

* * *

*Зинаиде Евгеньевне Александровой,
автору капитального труда
«Синонимы русского языка»*

Гляжу я — все, кому не лень,—
Книжонки, книжища варганят,—
Идет такая дребедень,
Подстать тому, что на экране.

Одни учебники строчат,
Другие — мемуары пишут,
Таланты только и молчат,
Таясь в своих духовных нишах.

Им торопиться — не к лицу,—
Все надо взвесить и проверить...
Талант — подобен мудрецу,
Что нам семь раз велит отмерить.

Конечно,— риск, притом,— большой,
И может труд бесценный сгинуть...
Но что поделаешь с душой —
Ей безразличны Буккер, Гиннесс...

СТИХИ ПИСАТЬ — УДЕЛ НЕМНОГИХ...

*Членам литературных объединений:
«Вальцовка им. А. Ф. Филатова», «Луговая»,
литературного клуба «Воробьевы горы»*

Спрошу себя: «Какая сила
Меня толкает в бездну рифм?
Что до сих пор не посадил я
Корабль свой на скалы риф».

Стихи писать — удел не старых, —
Лишь юным свойственен порыв,
Талант — и Божий дар и кара,
Но жалок, кто его сокрыл.

Души, — не тела — состоянье
Определяет сей процесс, —
Души и Разума слиянье,
Подъем сердечный, нервный стресс...

Напрасно ищешь ты покоя
И легкой участи в стихах,
Здесь дело может быть такое:
Ждал похвалы, а вышел — крах...

Стихи писать — удел немногих,
Стихов не пишут на заказ,
Их под прицелом держат Боги,
Облюбовавшие Парнас.

* * *

Ирине Ивановне Ковалевой

В руке затеплилась свеча,
Дымком лугов благоухая.
И от небесного луча,
Глядишь, душа вот-вот оттая.

И потускневшее перо
Листа пожухлого коснется,
И слово слову улыбнется:
«Теперь руби, хоть, топором!».

СЛОВО

Как отзвук трепетной души,
Как грань величья Духа,
Оно рождается в тиши,
Чтобы дойти до слуха,
И прошептать: «Пиши, пиши!..».

СИЯЛА СКАЗОЧНО ЛУНА...

*Светлой памяти Григория Григорьевича Пушкина,
правнука Поэта*

*...Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит...*

М. Ю. Лермонтов

Я вспомнил, друг, ту нашу встречу —
В щипучий, ветренный, мороз,

В селе старинном — теплый вечер,
Что тронул так тебя, до слез...

Как шли-ползли скрипучим настом
В мои безбрежные луга,
Шаляпинским могучим басом
Сопровождала нас пурга...

Лучины свет, тепло камина
И пламень доброго вина, —
Тот вечер сделали былинным...
Сияла — сказочно — Луна,

И возникало ощущение:
Как будто, кто-то сердцу внял,
И неземные откровенья
Крещенский вечер нам являл...

Сергей Лебедев
(г. Тольятти)

ВЕТЛУГА
(по народной легенде)

Запах сена дурманит
И уносит в луга,
Здесь на пойменной дали
Разбежались стога.
Под звенящей косою
Травы падают ниц.
Это было со мною?
Время явью вернись.
Сероглазый и русый,
И косая сажень,
На желейке искусно
Под покосную звень.
Отыграю и в поле
Вывожу я коня.
Ах ты, русская доля,
Нет счастливей меня!
Деревенька на горке,
А под нею — река.
Хорошо здесь на зорьке,
Не круты берега.
В тихих омутах — рыбы!
Всю ее не словить.
Безмятежно нам жить бы,
Да пришла неясать*!
Из-за леса с востока
Налетели гурьбой.
Знать, татарского рока
Не пройти стороной.
И татарский наместник
Объявился в селе.
Стал девчат он невестить,
Похваляясь в седле.
.....

* Неясать — человек, ненасытно жадный к пище, или к богатству, отличиям и др. (Даль В. И.).

Имя мне при рожденье,
(Повитухи совет),
Дали как во спасенье,
Словно выдохом — Вет.
На гульбе за деревней,
Где поет молодежь,
Я играю без лени,
Что с меня ты возьмешь?
Помогите мне, други,
Признаюсь я в любви.
Как красавицу Лугу
В хоровод заманить?
На Ивана Купала
Зажигали костры,
Девки речкой гадали:
Ее воды быстры.
Только, что нагадаешь?
Если сердце болит,
Моя Луга, ты знаешь?
Подожди до зари.
А наступит лишь завтра,
Сватов вышлю к отцу.
И скрывать свою правду
Мне совсем не к лицу.

.....

Утром по воду Луга
Вдоль по улице шла,
А татарские слуги,
Словно тень вдоль села.
И послал их наместник,
Что б сказали отцу:
«Луга будет невестой,
Собирайте к венцу.
По обычаям ханов
Совершим мы обряд,
Денег будет не мало,
Был бы красен наряд».
«Ах, отец, пощадите,
Меня Вет будет ждать.
От полона спасите,
Ну, за что мне страдать?»
«Пожалей меня, дочка,
Что я сделать могу?
Бог не дал мне сыночка,
Сам я волосы рву.
Ты же знаешь, родная,
Если я откажу,
То от края до края
Лишь врага наживу.
И татарское племя
К нам придет навсегда.

Не на сборное время,
На лихие года». «Что ж, коль так это нужно,
Быть татарской женой,
Я прощаюсь, подружки,
Со своей стороной». А наместнику Луга
Лишь условие одно:
«Я хочу, чтоб на стругах
Плыли мы за село.
Пусть на речке играет
Нашу музыку люд,
И от края до края
Наши песни поют». Удивился наместник,
Но согласие он дал.
На все струги навесил
Серебро и опал.
В той ладье, где невеста
И татарский жених,
Мне нашлось тоже место,
Мой рожок, что ты стих?
На стремнину речную
Наша лодка плывет,
И гляжу я на Лугу,
Может что-то поймет?
Я кивнул ей на воду,
Она веки сплела.
Что ж, любимая, ходу!
Твоя ручка бела.
Ахнуть все не успели,
Как мы в омут вошли.
Жаль, что песню не спели,
Но свободу нашли!
С той поры нашу реку
Все Ветлугой зовут.
Пять без малого веков
Мы с любимой тут.
Отражаются в водах,
Словно в наших глазах,
Всех цветов хороводы
На веселых лугах.
На угорах, как роспись,
Грозди алых рябин,
Разноцветная осень
Опрокинулась в синь.
Перекаты, стремнины,
Русло вьется в лесах.
На прибрежных равнинах
Ель, береза, сосна.
Утром тихим до звона,

Словно зеркало — гладь.
А от рыбьего гона
Только кру́ги видать.
Журавли над рекою,
Улетая, трубят.
Лебединые стаи
Над Ветлугой летят.
Говорят ветлугай,
И верна эта мысль:
«Течь Ветлуге по краю,
И не кончится жизнь!»
.....
Запах сена дурманит
И уносит в луга.
Лишь обрывками память,
Как на пойме стога.

Анатолий Миронов
(г. Щекино)

А ЖИЗНЬ БЕЖИТ

Окончил Тульский государственный педагогический институт. Печатался в коллективных сборниках «Поэты-туляки», «Великий май», «Отчий край», в литературных альманахах «Солова», «Поэтическое братство», «У засечной полосы», в центральной, областной и местной прессе. Изданы книги стихов «Живу любовью» (1998 г.), «Дорога к сердцу» (2004 г.).

* * *

А жизнь бежит,
Как тропка по лесу.
Ее не сделать на заказ.
То бросит к Северному полюсу,
А то — на солнечный
Кавказ.
То кажется
Смертельно долгою,
А то — стремительным
Броском.
То катится
Широкой Волгою,
А то — иссохшим
Ручейком.
Порой она —
Кристально-чистая,
Свежа,
Как роща на заре.
Порой трясет
Тебя неистово,
Как лютый ветер
В январе.
Немало в жизни
Встретил искренних,
Доброжелательных
Людей.
Но лишь в беде
Узнал я истинных,

До гроба
Преданных друзей.
Ничто в них
Не убило совести:
Ни тюрьмы,
Ни жестокий труд.
О них сегодня
Пишут повести
И песни гордые
Поют.
Пускай судьба
Порой нелегкая,
Но потому
Я ей горжусь,
Что я иду
Одной походкою,
Одним путем
С тобою, Русь!

ЗЕЛЕНЬЙ ТОМИК

С. Есенину

Когда мне было двадцать лет,
Весной, в одно из воскресений,
Достал мне где-то мой сосед
Зеленый томик: «С. Есенин».
И я ушел в тенистый сад,
Подальше от жары и пыли,
Читал я три часа подряд
И оторваться был не в силе.
Как счастье, я держал в руке:
Ведь в книжке по любой странице,
По каждой крохотной строке
Летала мысль свободной птицей.
Читал я, как у тихих вод,
На отдаленном перекрестке,
Водили русский хоровод
Березки, девушки-березки.
О том, как плачут глухари,
И о признании подруге,
И о гулянье до зари
Весной в черемуховой вьюге.
Рекой лилась тоска и грусть,
Сквозило удалью кипучей.
Предстала там родная Русь
Во всем плачевном и могучем.
Там о животных так с душой
Написано,

что и вовеки

Иной бы с нежностью такой
Не написал о человеке.
Глядел я долго на портрет
И с жаром повторял влюбленно:
«Какой поэт! Какой поэт!»
И мне казалось: горы, клены,
Березки и вишневый сад,
И солнышка лучи косые
С любовью на него глядят,
С любовью смотрит вся Россия.
И, кажется, хотят сказать
Вот в этот тихий день весенний,
Подобно мне, смотря в глаза:
«Спасибо Вам, Сергей Есенин!»

Надежда Сорокина

(г. Тула)

РАЗЛИЛАСЬ ЛЮБОВЬ КАК МОРЕ

Автор сборников: «Капля снеговая», «Роза апреля», «На острие травы», а также своеобразного морального кодекса бедуинов, составленного из переложенных ею в верлибр высказываний древних арабских писателей — книга «Речи арабов». В жанре фольклорные вариации вышли в печать книги Сорокиной «Пословица вовек не сломится» и «Веснянка». Является членом Союза писателей России, членом Международного Литературного фонда.

* * *

Разлилась любовь как море,
на мою беду.
Я три года возле моря
перевоза жду.

Нежат теплые денечки,
непогода бьет,
только к берегу, наверно,
лодка не придет.

Так ждала, что бросить жалко.
Знать бы, как мне быть.
А на лодке это море
и не переплыть.

Промелькнувший утром парус
сгинул без следа —
над разлукой посмеялась
горькая вода.

* * *

Единственная сущность
прояснится.
Стремлением
душа освящена.

Светильник клонишь —
пламя ввысь стремится.

Пыль вверх бросаешь —
падает она.

* * *

Без тебя тускнеет солнце,
тянутся по небу тучи,
сердце будто укрывает
темнота осенней ночи.

Был бы ты со мною рядом —
успокоил бы улыбкой,
взглядом нежным приголубил,
словом ласковым приветил.

Вместе мы — и жизнь сияет
словно солнце на восходе,
расцветает в сердце радость
зорьки утренней алее.

* * *

Если бы я знала,
что встречу тебя,—
я бы надела чадру —
солнцу не дала
заглянуть мне в лицо.

Если бы я знала,
что встречу тебя —
я бы закуталась
до самых пят
в широкий плащ —
не позволила ветру
руки мои погладить.

Если бы я знала,
что встречу тебя,
я бы ела только
цветочную пыльцу
и пила только
утреннюю росу.

* * *

Уходит лето. Осень настает,
и в руки просится созревший плод,
от груш и яблок аромат идет.
Мы встретились.
Но ты меня не знаешь.
Глядишь в лицо мне
с зоркостью совы,

гормоны счастья носятся в крови,
и ты в своем авто почти взлетаешь.

Жена, квартира, дача — как у всех.
Кого из нас пугает смертный грех?!
Готов весь мир объехать для утех.
Приблизился.
Но ты меня не знаешь.
Бушует плоть — душа не говорит.
Судьба тебе подсунула нефрит,
а что с ним делать — ты не понимаешь.

От эндорфинов мозг почти в хмелю —
поверишь, если я скажу: люблю!
— Красива ягода,
да ядовита.
И розами не подольстишься ты —
я срезанные не люблю цветы.

Борщи хлебать
из общего корыта?!

* * *

Улетая, оставим постылые сети,
невод пыльного города вместе прорвав,
в мир, где вечно свобода лучистая светит,
и под ветром, лоснясь, серебрится трава.

Закрывая глаза, я почти ощущаю
на щеках и губах аромат чистоты.
На цветущих лугах — островки иван-чая.
Мы сроднимся с землей, как лесные цветы.

Алексей Веселов
(г. Йошкар-Ола)

Родился в 1960 году в Йошкар-Оле. В настоящее время проживаю там же. Образование среднее, работаю на железной дороге. Стихи начал писать в 2003 году, после того как пришел в клуб авторской песни «Четверг». Сначала были только песенные тексты, потом начал писать просто стихи. В настоящее время являюсь президентом клуба «Четверг». Печатался в местной прессе. Готовится к выходу книга стихов.

ОДИН ИЗ НЕМНОГИХ

Присмотрись получше к людям —
Нет, не ангелы они!
Много страха, много блуда,
В суете проводят дни.

И за что им Бог позволил
Жить, поганя все вокруг?
Даже раб в своей неволе —
Всем другим рабам не друг!

Никому нельзя доверить
Ни секретов, ни вещей,
Запирайте крепче двери —
От непрошенных гостей!

Так немного в этом мире
Тех, кто честен и умен,
Кто больших врагов помирят,
Выход в тупике найдет!

Их немного — настоящих,
Тех, кто никогда не врет,
Кто в глухой и темной чаще
Впереди всегда идет!

Кто дорогу разужнает,
И проложит новый путь —
Не пугаясь волчьей стаи,

И ножа, что метит в грудь!
Их немного — тех, кто может
Быть все время на виду,
Кто свои дела отложит —
Если друг попал в беду!

И один из тех немногих —
Это мой хороший друг!
Если я его достоин —
То и я немножко крут!

УДИВИТЕЛЬНЫЙ СОСЕД

У меня сосед — бандит,
Он богат и знаменит.
Все вокруг его боятся
За его ужасный вид.

Если выйдет он во двор —
Впереди его дозор.
Всех шмонают и шпыняют,
Сразу видно — крупный вор.

У него жена — модель,
И шикарная постель,
Только он в постели этой
Не ночует шесть недель.

Липнут девушки к нему,
Все бедняжки не поймут —
Он подружек выбирает
Не из тех что сами льнут.

Он чего-то депутат,
У него широкий зад.
Он сиденье протирает
Вот уж третий срок подряд.

Этот босс не пропадет —
С ним министр виски пьет,
И за каждую бумажку
Он конвертики берет.

Посадить его нельзя,
У него кругом друзья —
Не простые, из народа,
А верхушки кумовья.

У него есть свой завод,
И неплохо он живет.
Все никак его не скинет
Терпеливый наш народ.

ЭФФЕКТ БАБОЧКИ

Я хочу изменить свое прошлое —
Говорят, это сделать нельзя.
Пусть оно не такое хорошее —
Но там были любовь и друзья!

И зачем все менять — это без толку,
Все равно от судьбы не уйдешь —
Вариантов может быть несколько,
Лишь один из них будет хорош!

Нам давно уже все предначертано,
Ни прибавить нельзя, ни отнять —
И не стоит стараться, наверное,
Что-то в жизни своей поменять!

Я советы внимательно слушаю,
Но сомнения гложут порой —
Неужели покорными душами
Нас снабдили для жизни земной?

И нельзя изменить настоящее,
С тяжким прошлым порвать навсегда?
И ползем по Земле черепашками,
Как следы, оставляя года?

Нет, наверное, все-таки можно
Петли времени в узел связать —
И суметь изменить свое прошлое,
И себя самого не узнать!

Даже малый шажок в настоящее
Из неправильно прожитых лет —
В нашем будущем станет гудящею
Чередой из лишений и бед!

Я могу изменить свое прошлое —
Все стереть, что я сделал не так.
Да, конечно, менять себя сложно —
Но мне время дает добрый знак!

Юлия Варфоломеева
(г. Улан-Удэ)

Родилась в г. Улан-Удэ, Республика Бурятия в 1983 г. В 2005 г. с отличием окончила филологический факультет Бурятского государственного университета, в 2008 г.— аспирантуру при Бурятском госуниверситете. Кандидат филологических наук. Преподавала русский, английский, древнерусский языки. Обеспечивала методическое сопровождение учебно-методического журнала, работала журналистом. Пишу с 2000 г. Почти все произведения поэтические.

У ДОМА

А я вчера приходила к тебе
Посмотреть на окно небоскреба.
А я простояла всю ночь во дворе,
Не заметив холодность восхода.

Вот окно загорелось: проснулась жена,
Отодвинула завесь оконную.
Одинаково буднично смотрит она
На тебя и кота полусонного.

На работу пора.
Зябнет пес у подъезда.
Насмотрелась с утра
Я на милое место.

Теплый будет денек —
Скоротать бы скорее.
Если б знать только мог...
Но сказать не посмею...

* * *

Я стану жить после разлуки,
Еще сто песен сочиню,
Но буду вечером от муки
Спешить в народа толчею.

Иль, может быть, уединившись,

Читать спасения стихи
И, пледом шерстяным укрывшись,
Все думать: как они легки...

Где б ни была, какие б лица
Ни окружали, я одна.
Открыта памяти страница —
На ней вся боль отражена.

И что мне слезы?.. Что другие?..
И нет спасения в труде.
С того момента и поныне.
Все бесполезно, я нигде.

МОНАХИНЕ

Я устала от песен своих,
В их горниле сжигает меня.
Я устала любить за двоих,
Помолись же, сестра, за меня.

В монастырском спокойном кругу
Мне не быть — я мирская совсем.
Помолись же, сестра, за меня.
Так тяжел этот песенный плен.

* * *

Банальности пишу — знаю.
смотрю в темноту — дождь.
прости за слова, каюсь,
но молчать — это тоже ложь.
прочти и забудь, если хочешь,
А хочешь — не забывай.
холодные нынче ночи...
я знаю, ты тоже знай!..

ОЖИДАНИЕ

Как трудно ждать...
Как трудно каждый раз дрожать,
Звонка услышав позывные,
Как горько каждый раз вздыхать,
Увидев не твое на телефоне имя.

Ждать — это много значит, ждут того,
Кто, несмотря на время и пространства,
Для нашей жизни заключает все,
Ждать — значит верить в чувства постоянство.

И ждать хочу, знать, что пройдешь
Ты это тягостное расстояние.
Я жду тебя — и ты придешь,
Ведь встреча — смысл расставанья.

А если вдруг дожди, снега
Укроют город от тебя,
Я стану светом маяка,
Чтоб сделать легче путь сюда.

И если ты в пути таком
Все ж заплутаешь, об одном
Тебя прошу: поверь, что я
Сама тебя найду любя.

Людмила Авдеева
(г. Москва)

PERSONALIA:
ТЫ ТАКАЯ РАЗНАЯ, РОССИЯ

Автор — поэт, литературовед, журналист. Член СП России и Международной федерации журналистов. Публикации в центральной, региональной и зарубежной прессе. Издано более двадцати книг.

ЗАБЫТАЯ ДЕРЕВНЯ

*Только не сжата полоска одна.
Грустную думу наводит она.*

Н. Некрасов

Деревенская старая хата.
Покосился трухлявый забор.
Разрослись и крапива, и мята.
А калитка открыта во двор.

Бродит рыжая тощая кошка.
Видно, где-то скрывает котят.
На скамеечке возле окошка
Две согбенных старушки сидят.

— Здравствуй, дочка. Чего тебе надо?
Наша сдохла в том годе коза.
Есть морковка из нашего сада,
Но теперь нет у нас молока.

Вон под яблоней яблоки пали.
Собери и десяточку дай.
Зажились мы. От жизни устали.
Нам теперь не собрать урожай.

— Ну, а где ваши дети и внуки?
— Ой, родная, в Москву подались.
Им такие там выпали муки.
Тяжело заработать на жизнь.

Говорят, москвичи зажирили.
И у нас, вон, скупают поля.
Тут соседи ходили, смотрели —

Дом, как будто дворец для царя.
А у нас погибает деревня,
Хоть пятнадцать домишек стоят.
Мужиков всего три, совсем древних,
Да пяток наберется ребят.

Нет работы, отсюда и пьянки.
Может, станут здесь жить господа,
Позовут, кто моложе, в кухарки,
Кто покрепче, того в сторожа.

Ухожу, Оставляю деньжата.
Слышу вслед: «Сохрани тебя, Бог».
Сколько их, вот таких, небогатых
Деревень у российских дорог.

А на улице век 21-ый,
Но Некрасова рвется строка,
Об убогой, забытой деревне,
Где «не сжата полоска одна».

* * *

Сирени белоснежной ветки,
Склонялись прямо на крыльцо.
О чем судачили соседки,
Зачем смеялись мне в лицо,

Когда спешила утром к речке
Сквозь золотистый березняк,
И сизый шел дымок от печки,
И рвался в форточки сквозняк.

Меня приветствовали птицы,
Шептались ветер и листва.
И далеко была столица —
Такая шумная Москва.

А здесь, в деревне незнакомой,
Ждал покосившийся амбар,
От солнца жаркого истома,
И разогретый самовар,

В ромашках полевых пригорок,
И сладкий голос соловья,
Но почему-то снова в город
Рвалась усталая душа.

Рвалась в далекую дорогу,
В объятья суеты и зим.
И было лишь известно Богу,
О чем мы в городе грустим.

ВДОЛЬ ВОЛГИ

Вдоль Волги бреду по тропинке
Одна, в окруженье берез.
Блестят на травинках росинки,
Как капельки девичьих слез.

И солнце горячее всходит.
Я чувствую ласку лучей.
Мне жаль, что олень здесь не бродит,
Но вполз на рукав муравей.

Невзрачная вроде букашка.
Ей тоже дарована жизнь.
Природа — прекрасная сказка.
Срываю узорчатый лист.

Играет с ним утренний ветер.
Он, словно дитя, шаловлив.
Я жду неожиданной встречи
И слушаю звонкий мотив.

А птицы так солнышку рады
И рвутся в небес синеву.
Мне волжские воды отрада.
Стою на крутом берегу

Плывет пароход белый-белый,
Как юность на белом коне.
И сердце наполнено верой:
Быть жизни на этой земле!

ДОМИК В ДЕРЕВНЕ

Ах, какая благодать.
Выйду на прогулку.
До села рукой подать.
Воздух чистый, гулкий.

И в июльскую жару,
Выпив кружку кваса,
На крылечке посижу
Я у деда Стаса.

Прошуршит веселый дождь —
Мой смешной попутчик.
А в широком поле рожь
Ловит солнца лучик.

Не жемчужин белых нить,
Ни дворцы, ни деньги
Не сумеют заменить
Домик в деревеньке,

Где уютно и тепло
И на сердце вольно.
Солнце смотрится в окно
И душа довольна.

* * *

Аромат тугих стогов
И душистых елей,
Баб у русских теремов,
Деток в колыбели,

Зной, звенящий на ветру,
И раскаты грома
Увезу с собой в Москву.
В «городских хором»,

Когда в миг от тяжких дум
Сердце холодеет,
Вспомню речку, старый дуб
И ценить сильнее

Стану нежные слова,
Краткие минуты.
Изменить смогу судьбу,
Словно в сказке круто.

Снова выберу простор.
Сяду на попутку
И умчусь в зеленый бор,
К озеру, где утки

Ходят длинным косяком,
Не пугаясь шума,
Где на горке старый дом
И свобода думам.

КОСТРОМСКАЯ ДЕРЕВУШКА

Деревушка на побережье
Вся резная, вся деревянная.
Словно с кисти сошла Поленова.
Смотрит в Волгу открытыми ставнями.

Травы скошены и копешками

У заборов стоят, красуясь.
Как мне радостно ходить стешками,
Красотою садов любуясь.

К берегам притулились лодки
И беседы ведут с осокой.
В сарафане выходит модном
Из избы-теремка молодка.

Загорелая, крупнотелая.
О таких говорят, дородная.
И при этом, конечно, смелая.
И в любви и в делах свободная.

А в садах столько яблок сочных
И рябины шумят у порога
Любовалась бы днем и ночью
Летом вытканною дорогой,

Где подсолнухи озорные
И пестреют яркие астры.
Здесь найдешь все слова простые,
От которых светло и ясно.

ОСЕННЕЕ

Алые гроздья рябины —
Осени первый привет.
Вспомнятся строки Марины,
Тихий сентябрьский рассвет.

Рядом шиповник алеет
И георгины в букет
Просятся, искренне веря,
Что так продлится их век.

Скачет воробышек шустрый.
Желтый подсолнух созрел.
Сколько хозяйшкам нужно
Сделать к зиме разных дел.

Варят и солят, и сушат,
Чтобы набить погребок,
Чтоб отвести с семьей душу
И скоротать вечеров.

Будет варенье с рябиной,
Будет с шиповником чай.
Осень наполнит корзины.
Радует глаз урожай.

Осени время настало.
Осень врывается в жизнь.
Шепчет рябина устало:
«Ты до весны продержишься».

Не поддавайся печали,
Не отдавайся тоске».
Листья еще не увяли.
Тихо, светло на душе.

Солнышко сердце согреет
Самым последним теплом.
Мы ведь до старости верим
В то, что еще проживем.

СТОИТ РОССИЯ

«С Богом! — старушка сказала. —
Вот яблочек собрала».
Меня похищали вокзалы.
Меня ожидала Москва.

«Ты к нам приезжай снова летом».
В глазах ее светлая грусть.
Похожа на маму поэта,
Воспевшего матушку Русь.

Стоит на дороге в платочке
И в ветхом чужом шушуне.
«Вернись обязательно, дочка.
Напишешь о нашем селе».

Тебе ведь понравилась Волга
И наши сады и леса.
И ехать не так уже долго.
Конечно, у нас не Москва.

Удобств нет и нет в магазине
Заморских сыров и колбас.
Дороги плохие — суглинок.
Но есть у нас яблочный квас,

Огурчики крепкие с грядки.
От Машки — козы молоко.
Жаль, нету в России порядка.
Пустеет и наше село.

Но Бог нас, молю, не покинет.
Не только иконой в углу,
Он всюду, везде над Россией.

Поможет родному селу.
Как думаешь, дочка, поможет?
Почувствуем силу свою?»
А голос старушки тревожен,
И сердце скрывает слезу.

Стоит чья-то добрая мама,
В полет проводив сыновей.
И надо ей, в сущности, мало.
Ты словом ее обогрей.

Прижалась ко мне, прослезилась:
«Ах, если б была ты мне дочь».
А мне моя мама приснилась
В ту душную летнюю ночь.

Старушку беру я за плечи,
Целую в морщинистый лоб.
Мы все с вами малые дети,
Пока наша мама живет,

Пока защищает Россия,
Пока нам Отчизна, как мать.
Простите, старушки, родные,
Что молодость вам не догнать.

Стоит на дороге, и синим,
Мне выцветшим машет платком.
Стоит, улыбаясь, Россия.
Стоит, защищая свой дом.

* * *

Сердце болит о России.
Стих мой суров и угрюм.
Дай же мне, Господи, силы.
Гложет бессонница ум.
Перья макну не в чернила —
В сердца горячую кровь.
Словом спасаю Россию,
Веру, Надежду, Любовь!

Владимир Резцов
(г. Тула)

ЗАРЕЗЦОВКИ

Жизнь посвятив труду в спортивной школе,
Даря ему свою любовь и нервы,
Я счастлив был. Но, зная, по Божьей воле
Все обвалилось в девяносто первом.

Да есть ли хлеб учительского горше?!
Печать эпохи, времени примета:
Ты — детям душу, а тебе за это —
Четыре тыщи в месяц и не больше.

Совсем пришли дела мои в расстройство,
И мнилось, что уже не будет лучше.
Но я сходил в бюро трудоустройства
И вот, теперь — «дежурный на ресепшн».

Сей парадокс понять я не умею!
Не надо ни уменья, ни сноровки:
Шутя весь день переключаю кнопки —
И десять тысяч ни за что имею!

* * *

В час, когда время полочки придет,
В кассе мне выдадут восемь — семьсот.
Только не буду ни пить, ни гулять,—
Сказано: попусту деньги не трать.

Скрягою буду я деньги копить.
Мне на широкую ногу не жить.
Пояс потуже... Не жизнь, а тоска...
Не Абрамович я, дурья башка!

* * *

Поет душа. Ну как постичь ее,
Коль в радость и дурная весть?
Ну что ж, что денег нет *в наличии?*
Зато в отсутствии-то — *есть!*

СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ СИБИРИ

(Рубрику ведет Тамара Булевич, г. Красноярск)

Иннокентий Медведев
(г. Братск)

Иннокентий Петрович Медведев, родился в деревне Банициково Н-Илимского р-на в 1963 г. Живет и работает в г. Братске, Иркутской обл. Юрист. Генеральный директор охранного агентства. Автор пяти поэтических сборников: «Запах Жизни», «Звезда Удачи», «Любовь Рождения и Смерть», «Проказы Венеры», «Грешный Рай». В настоящее время опубликованы подборки стихотворений в таких известных сибирских изданиях, как журналы «Сибирь» (г. Иркутск), «Истоки» (г. Красноярск) в альманахах «Синильга» (г. Новосибирск), «Северомуйские огни» (г. Северомуйск).

МОЙ РАЙ

Вот он Рай на земле! Вот мой Рай!
И другого мне Рая не надо.
Этот дивный березовый край
И душа моя этому рада.

Я не видел такой красоты,
Я не видел берез в два обхвата.
На поляне ручей и цветы —
Здесь земля красотой богата.

Игры бабочек, трепет стрекоз,
Пенье птиц, радость этого лета,
Завитки у красавиц берез —
Все для жизни и сердца поэта.

Ты молчи, нам слова не нужны,
Лишь с природой в целое слейся!
В свою душу скорей загляни.
Пей вино, дорогая, и смейся!

Ты любовь мне свою подари
В окружении дивного сада.
Буду рядом с тобой до зари
И другого мне Рая не надо!

ВСЕ МЫ ГОСТИ ЗЕМЛИ

Говорят, что душа покидает
Наше тело, когда мы умрем.
Бог ее на свой суд призывает
Этот миг перед смертью мы ждем.

И когда-нибудь снова на землю
Бог отпустит ее погостить.
Эту радость я то же приемлю,
Чтобы вновь по Земле походить.

Вновь младенцем меня примет мама
И напоит грудным молоком.
Вновь идти по Земле буду прямо
И гулять по росе босиком.

Я не знаю, кем буду, кем стану
И как буду с удачей дружить,
Но когда-нибудь утречком ранним
На могилку решу я сходить.

На свою, где мой прах похоронен.
Где мой камень надгробный стоит.
...Как всегда пьяный сторож там бродит,
Мутным взглядом на рюмки глядит.

Постою возле праха поэта,
Вспомню прошлую жизнь и судьбу.
Может быть, и не так будет это,
Но по кладбищу с грустью пройду.

Посмотрю на знакомые лица,
Помяну всех церковным вином.
Не забуду я им поклониться.—
И покажется прошлое сном.

БЕРЕЗКА

Сколько ж лет, скажи, березке этой,
Под которою сейчас лежу?
На траве, что солнышком согрета,
В небеса далекие гляжу.

Сколько лет тебе еще осталось
Шелестеть зеленою косой,

Чтоб земля все так же улыбалась
Радую людей своей красой.

Ветер где-то в листьях затерялся
Шелестит веселою листвою.
Будто это ангел рассмеялся
Над моей белесой головой.

Может быть, какой-нибудь повеса
Под тобой, березонька, лежал.
И когда он уходил из леса
Белый стан твой нежно целовал.

Так прими и ты мои объятья!
Так прими и мой ты поцелуй!
И подолом ситцевого платья
На ветру немного побалуй!

Вырвавшись из жизненного плена
Знаю я, нам нет пути назад.
Как и я, и ты, березка, тленна,—
Оттого я встречи нашей рад.

У БЕРЕЗКИ

Возле этой березки назначал я свиданья.
Возле этой березки наши встречи прошли.
И под той же березкой возникали желанья,
От которых тогда, чуть с ума не сошли.

Только время не спросит, чего бы хотелось.
Только время куда-то от нас все спешит.
Время то далеко-далеко улетело.
Так, что путь нам земной в одиночку вершить.

Я сижу у березки, у той же березки
Под которой с тобой время я проводил.
И бросаю наброски, на листочек неброский,
Про свидания те, что еще не забыл.

И когда-нибудь ты у березоньки этой
Посидишь, погрустишь, никого не виня.
Пусть согреют тебя эти строчки поэта.
Как когда-то и ты согревала меня.

* * *

Когда-нибудь и я умру
И мне лежать в сырой могиле.
А ты, заглянешь поутру
Сказать: «Тебя мы не забыли...»

Печально слезы уронив,
Протрешь сырой ладошкой фото...
Но в этот миг я молчалив,
А ты все спрашиваешь что-то...

Ну что ж, в моих глазах прочтешь,
Что не успел сказать когда-то.
И не спеша домой пойдешь,—
Жизнь продолжается, как надо.

Покинув фото, образ мой
Тебя проводит по аллее.
Вдруг ты прошепчешь: «Дорогой...»,—
О не свершившемся жалея.

Поверь, родная: я с тобой
Душа моя с тобою рядом.
И вместе мы идем домой.
Ведь смерть мне в этом не преграда.

ТАКОВА ФИЛОСОФИЯ

Щуря глаз и урча на нелепости жизни,
Кот не раз предрекал катаклизмы в Отчизне.

«Суета. Маята. Тащат в дом и из дома —
Это мне непонятно и так незнакомо!..

Только дети у них — в шоколаде ребята —
Веселы и добры, словно наши котята.

Посмотри, как на шелковой травке играют.—
Ни тревог, ни проблем эти дети не знают.

Рады солнцу они, раду небу и мигу,
Рады каждому вздоху и каждому крику.

Сколько в них уместилось счастливого смеха!
Светлым праздником вторит им летнее эхо.

...Почему у взрослых не так все бывает,
Злость и зависть к друг другу со света сживает?»

...Кот лежал на крыльце размышляя о жизни:
«Почему у людей нет согласия в Отчизне?»

...Вскоре кошка пришла — принесла ему мышку,—
И философ закрыл философии книжку.

Борис Туров
(г. Дивногорск)

ОСЕНЬ ВЫШЛА НА СМОТРИНЫ

Родился 8 августа 1938 года в с. Устьянске Абанского района Красноярского края. Служил в пограничных войсках на границе с Финляндией. Закончил художественно-графический факультет Красноярского пединститута. Работал учителем рисования и черчения в родном селе и г. Норильске. Позже художником в г. Норильске, г. Красноярске, г. Дивногорске. Последние 15 лет, перед пенсией, в Художественном фонде Красноярского отделения Союза Художников.

Участник городских, краевых и зарубежных выставок. Работы находятся в частных коллекциях россиян и за рубежом: в Японии, Америке, Германии, Польше и др. Часть работ хранится в фондах городского Художественного музея. Вышли в свет 5 книг стихов: «Отчий край», «Отблески зари», «В вечном полете», «Запоздалое эхо», «В плену ожиданий» и шесть коллективных сборников. Член Профессионального Союза Художников России, член Союза писателей России.

НА ЭТЮДАХ

Осень вышла на смотрины.
Новых нет пока вестей.
Надо сделать для картины
Три этюда на холсте.

Надо выверить пространство,
Взвесить тон, прищурив глаз,
И с присущим постоянством
Выбрать кисть на этот раз.

Оглядеться и, погрезив,
Окунуться в ту среду,
Где примолкнувший березник
Моет золото в пруду.

Где уснул заблудший ветер.
Где привольно и легко.
Где река поймала в сети
Стаю белых облаков.

А еще, к закату ближе,—
Бросить взор на водоем,

Где волна огнями лижет
Трав прибрежных оком.

К ней склоняется в печали
Ива, косы намочив...
Лодка сохнет на причале,
Редкий случай улучив.

Надо сделать три этюда.
Цель понятна и проста.
Только как мне это чудо
Разместить внутри холста?

* * *

Январь в дыму, а я весною брежу
Сквозь мертвый снег — струится запах роз.
Летят года. Все сдержанней и реже
Впадаю я в пучину вешних грез.

Грядущий день, как сон, не предрекаем,
Необозрима призрачная даль.
Я с нежной грустью трогаю руками
Промерзших веток белую вуаль.

И, словно цвет черемухи душистой,
Мне осыпает плечи белый пух.
В ночной тиши мороза гулкий выстрел
Вдруг растревожил память и потух.

Мне каждый звук и каждый запах дорог,
Когда в душе и мире Божьем лад:
Заросший пруд, травы увядшей шорох,
Сухой рассвет, случайный женский взгляд.

И журавлей в осеннем небе стая,
Грибной туман, и сонный всплеск весла...
Утратить все и этот мир оставить?
Немыслимо — без чувств, без ремесла,

Без ярких встреч и трепетных рассветов,
Глухой тоски, раздумий о былом,
О тех, кто здесь, и кто витает где-то,
Где все пределы снегом замело...

Когда смирюсь, и горький час настанет
Прощаться и прощения просить,
Я верю, что связующая нить
Не оборвется, и не перестанет
Душа и там терзаться и любить.

* * *

Мой отчий край — мое начало,
Я чувств к тебе не остужу.
С какой-то бережной печалью
Я тихо в прошлое вхожу.

Здесь пролегали детства вехи
Через проселки и леса.
Я к вам с надеждою приехал —
Этюды светлые писать.

Все близко здесь и все знакомо:
Подворья, запахи, рассвет.
Но только низенького дома
С девчонкой у калитки нет.

И брезжит мне под звон капли
Давно забытая пора...
Мы здесь на лавочке сидели
У обветшалога двора.

Потом глядели в пруд заросший,
Где звезды таяли в дыму...
Я с болью думаю о прошлом
И что со мною — не пойму.

Считал — былое не отпустит.
Жестока жизнь, но и права.
Глаза девчонки с нежной грустью
Я начинаю забывать.

Уйдет история простая.
Исчезнет призрачно из глаз.
Тропинки в детство зарастают,
Уходит прошлое от нас.

* * *

Когда тебя уводит память,
В былые дали, с нежной грустью,—
Вдруг колыхнется в сердце пламя
И обожжет забытым чувством.

Мир неохватен и изменчив...
Но сердцу хочется, с закатом,
Еще хоть раз увидеть женщин,
Которых ты любил когда-то.

Их, словно не было и нету.
Но манит осень за ограду...
Их всех развеяло по свету,
Как листья поздним листопадом.

Изведав боль и Божью милость,
Пройдя сквозь белые метели,
Они, наверно, изменились,
Не сбереглись и постарели.

Их образ призрачен и дымен,—
Как сон, как марево лесное...
Но я их вижу молодыми
И чем-то схожими с весною.

* * *

Листопад на дворе, а на сердце глубокая осень.
По забытым местам белым лебедем память плывет.
Здесь, у дальней заимки, давно отзвенели покосы.
Здесь, у дальней заимки, закончилось детство мое.

За безлюдным холмом опадает румянец с околка.
Вянут гроздья рябины, и никнет белесый ковыль.
Мы торопимся жить, не жалея о прошлом нисколько,
А потом, как с надгробий, сдуваем с минувшего пыль.

Здесь когда-то отец, отпахав, молодым и здоровым
Уходил на войну, вот по этой любимой земле...
Он ушел навсегда... Зарастают травой дороги,
Только память еще тихой птицей витает в селе.

Над усталой землей потянуло осенней прохладой.
И плывут издалека видения давней поры.
В них сухая печаль и лугов вековая отрада.
В них щемящая боль и души запоздалый порыв.

Вот послышалось мне — где-то чуткие кони заржали,
И в рассветном дыму заблестела роса на траве...
Будто в детстве опять, я крапивою ноги ужалил,
И пьянящий туман закружился в моей голове.

От далекой поры только свет на березах остался.
А на месте заимки — крапива и куст бузины.
То ли сердце щемит, то ли лес, как в воде закачался...
Осень, душу мою листопадным дождем осеней!

* * *

Что я в жизни запомнил, — когда-нибудь спросят,
С чем любовью повенчана память моя?
Я отвечу: «Поля, у дороги — колосья
И осенний туман, где березы стоят,

На заросшем пруду белых лилий созвездья,
Под луною стога на душистом лугу»
Тихой родины свет, незабвенный, как прежде,
Я до самой кончины в душе сберегу.

Михаил Стрельцов
(г. Красноярск)

СВОЯ СКРИПКА

Член Союза российских писателей, Председатель Правления Красноярской региональной общественной организации «Писатели Сибири», заместитель главного редактора литературного журнала «День и Ночь». Член Литературного Фонда России. Организатор регионального поэтического состязания «Король поэтов», редактор многих литературных изданий. Живет в Красноярске

— Мама, я хочу скрипку!

— Опять за свое,— только и охнула мать.

Через год он сказал:

— Мама, я хочу играть на скрипке!

— Может, все-таки отдать его в музыкальную школу? — вопрос завис в воздухе.

— Сама виновата, водила по всяким филармониям,— буркнул из-за «Правды» отец.

Дорога в музыкальную школу запомнилась как изобилие красок, солнца и грез, они переливались, смешивались в одну невыразимую палитру счастья. Мудрая старая листва в парке в ожидании листопада приветливо перешептывалась: «Он идет! Он идет играть на скрипке!»

Приземистое сероватое здание школы казалось заманчивым просторным дворцом с гулками, пронизанными звуками коридорами. Пока мать говорила о чем-то с невозможно уса́тым, плотным, запряженным в портупею директором, он всей грудью, всем своим существом втягивал специфический запах недавно побеленного помещения, в который вплетался терпкий аромат лакового покрытия на инструментах. Внезапно из-за серо-зеленой двери баян закружил «Полонез», ему вторила тяжелая поступь трубы, где-то лениво пробовал свои возможности рояль, и в неразбериху и блаженство звуков ворвалась чарующая скрипка, она заглушила все, взорвала пространство, и он, заколдованный, медленно побрел навстречу своей мечте. Музыка зазвучала громче и отчетливей. Заглянув в щель неплотно прикрытой двери, он увидел крохотную девочку с белым огромным бантом на голове и колышущимся в такт мелодии алым галстуком. Она уверенно прижимала скрипку подбородком и плавно водила смычком. Комната имела три окна, и солнце, казалось, врывалось со всех сторон, стремясь просветить насквозь девочку со скрипкой. Выводя звуки, девочка являлась нереальной из-за яркого светлого простора и танцующих солнечных лучей, она походила на ангела, именно ангела с алым галстуком, белым бантом и скрипкой...

Томительно и неуклюже текли день за днем, и каждый из них стал утомительной нервной борьбой человека и инструмента. Он помнил, как впервые взял скрипку в руки, разместил между плечом и подбородком и, когда она оказалась так близко, шепнул:

— Привет! Будем дружить?

«Би-и-иы»,— ответила скрипка, когда он осторожно коснулся смычком струн. Но позже она заупрямилась и стала выплевывать скрежещущие, рвущие перепонки звуки. Он не мог совладать с ней, пот змейкой скользнул по спине и обильной росой высыпал на лбу. Что же это такое? А он-то считал, что, как только начнет играть, скрипка сразу же зазвучит сама, выражая его чувства, мечты и надежды.

— Прекрати, терпеть не могу твоего пиликанья,— сказал отец и ушел, это было последнее обращение к сыну, потому что домой он не вернулся.

Они возненавидели друг друга; равнодушие скрипки, ее несговорчивость выводили мальчонку из себя. Ночами он вздрагивал от утомительного, нескончаемого сна: снилось, будто он — скрипка, не совсем, конечно, скрипка, а просто неподвижный, нелепый инструмент, по которому вместо смычка водят двуручной пилой; с одной стороны за рукоятку тянет огромная скрипка с завитыми в усы струнами, с другой — тянет отец и кричит: «Прекратить! В расход! Прекратить! В расход!»

Страх заставлял кричать и выбрасывать из сна.

А сейчас он сидел за длинным обшарпанным столом, на другом конце которого лежали скрипка и смычок. Больно и горько сжималось сердце, и от тоски он смотрел в окно, где по мутно-дождливой Фонтанке уплывали в безбрежность кораблики из желтой листвы. Коридоры оказались пустыми, узкими и темными, в них не было никакой сказочности, лишь надрывно бухала труба и маршировал баян, рояль же повизгивал, словно дернутый за усы щенок. В соседней комнате, как и месяц назад, мать разговаривала с толстоватым директором. Он не слышал, но знал, о чем они говорили.

— У вашего сына абсолютно нет слуха,— скажет директор.

А мама? Мама заплачет, она теперь часто плачет, и ничего не скажет. Подсознательно он чувствовал какую-то связь с исчезновением отца и отсутствием слуха у себя.

— Предательница! — прошипел мальчик, скосившись в сторону невозмутимой коричнево-глянцевой скрипки.— Если бы не ты, если бы ты не упрячилась, папа бы от нас не уехал.

И тут он внезапно понял, почему у него ничего не получилось. Просто это была НЕ ЕГО СКРИПКА! У каждого должна быть своя скрипка, и только тогда она будет играть, как у той пионерки с бантиком. Просто ему дали НЕ ТУ СКРИПКУ! Жестокость обмана потрясла детскую душу, он еще долго сидел, разглядывая, как река медленно покрывается корочкой льда,— коньки запылились на комоде. И только когда вдруг, сразу, началось лето, мысли отогрелись, и он решил искать. Где-то есть ЕГО СКРИПКА, она лежит и ждет, ждет гармонии воссоединения со своим хозяином.

И он искал. Месяцы, годы... Первой попала на глаза скрипка двоюродного дяди. Ох, как загорелись глазенки! Как безжалостно и торопливо он схватил инструмент за гриф, словно душащий жертву «кулак». Пройдясь по струнам смычком, услышав знакомые хрипы, понял — эта скрипка тоже НЕ ЕГО. Жалко, что встречалось так мало скрипок, а ему нужно было найти свою. ЕГО СКРИПКА заиграет сразу, выплеснет какую-нибудь затейливую и изящную мелодию, и тогда... тогда вернется отец, и мама станет чаще бывать дома. В нетерпении он перебирал все, отдаленно напоминающее струны. Так пальцы привели к гитаре.

Но гитару взрослые слушать не хотели, и он уединялся с подростками-одногодками во дворе и дергал струны, изредка удивляясь своему голосу, потому что помнил про «абсолютное отсутствие слуха». Вскоре маленькие концерты в связи с холодами начали кочевать по разнообразным, но одинаково темным и компанейским подворотням и слюняво-пьяным кабакам-забегаловкам. Гитара, гитары! Сколько он передержал их в руках! Сколько натер мозолей на пальцах о жесткие струны!

Его били часто и жестоко, и он научился драться; на глазах ломали гриф об коле-

но, но теперь всегда находился друг в потертой до лоска кепочке, небрежно цыркающий сквозь зубы, который приносил новую гитару и говорил:

— Играй, братишка. А те скоты свое получают.

Появились «сопли» — постоянно сопровождающие, копирующие малолетки. Появились девчонки, заворуженно наблюдавшие за размашистым движением пальцев по струнам, а потом покорно подставлявшие обветренные губы.

Но скрипка! Она оставалась такой же недосыгаемой. Со временем мечта затуманилась, а от возникших ясностей и понятий стала еще неопределенней, это давило, сжимало, пригибало. И потом внезапно вспыхнуло ярким осознанием необходимости любви. Не той, мимолетной, в изобилии подаренной случайными подругами, а именно чистой, гармоничной и ЕГО, ЕГО любви. Ушедшая в детство мечта вернулась горьким признанием, что он никогда не будет играть на скрипке — никогда! Но его девушка должна владеть изысканным инструментом. И часто возникали видения: стройная, аккуратно причесанная, в темном неброском платье, Она стоит у окна и играет, играет...

Как не соответствовал этот образ крикливо одетым, болтающим о шмотках подругам! Где ты, девочка с огромным белоснежным бантом и алым галстуком? Где ты, девочка, окутанная солнцем?

И он встретил ее, случайно, в парке, на гоп-стоп. Те же пухленькие губы, прямой высушенный нос, та же ложбинка на остром подбородке и большие темные глаза, над которыми вздрогнули от страха ровные черные брови. Давно был потерян памятный бант, и алый галстук сменили на комсомольский значок, но скрипка! сжимаемая тонкой, подрагивающей рукой скрипка в футляре!.. А он уже не тот сопливый пацан, учившийся глотать дым противных папирос и развязно цыркать сквозь зубы, его слова достаточно, чтобы трое угристых парней с «перышком-выкидухой» в кармане послушались.

— Посторонись, кореша. Пускай топают!

И взгляд, брошенный на долю секунды: в нем была не благодарность — нет! В нем затаилось презрение, прогнавшее напускную браваду. Она ушла, покорно прижимая к груди драгоценный футляр, спиной чувствуя раздевающие взгляды.

— А зря... Место менять надо. Сейчас мусора подвалит.

— Думаешь, заложит?

— А то... Чекистка она, батя ейный энкавэдешник. А ты не знал?

— Мой отец тоже красным командиром был в гражданскую...

— Ты и сам командир, да еще и с гитарой. Тикаем?

Рыжий с Лиговки оказался прав и даже дал нужный адрес.

Одетые в бронзу, тоскующие по старому режиму дома, хватающие трещинами плющ, уютные старички на скамейке за шахматами — и музыка! музыка! Оттуда, со второго этажа, упрятанная за чугунные перила балкона, паутину оконной занавески, она все-таки вырывалась из-под струн! Касалась тонких бледных пальцев, уходила эхом в высокие потолки и, отражаясь пространством и облаками, попадала прямо во двор, по назначению, за высокий разлапистый клен, помнящий кровавый январский бег и разухаб-гулянье прибывшего на выставку Коровьева. Там, за кленом, чуткие уши под вышарканной кепкой с чужой головы ловили каждую ноту, каждое дрожание смычка уже вторую неделю.

— Опять завела свою шарманку, — лениво скажет уютный старичок, передвигая ферзя.

— Учится девка, пусть учится, — слабо сопротивляется голос партнера.

— Каждый день ведь пиликает.

— Ну и что?

— А зачем?

— Учится, руку набивает.
— Скажешь тоже,— старик в задумчивости сунул ферзя на край чужого поля.— Это шашкой махать — надо твердь в руке чувствовать. Заглушает она, ясно?
— Чего ей заглушать? — недоверчиво переспросил собеседник.
— Разговоры ихние бухаринские да худое про союзников, чтобы народ не услышал.

— Удумал! — уже не так смело возразил второй старичок.
— А то! Зашел как-то... соли попросить — а на столе книжка раскрытая,— дед перешел на шепот.— Есенин, видал?! А на днях газетку выкинули, а там речь Самого карандашом кое-где подчеркнута. А ты говоришь — учится! Заговор это.

Музыка оборвалась так внезапно, что подозрительный старичок вздрогнул. Занавеска всколыхнулась и пропала, скрипнула дверка, и Она возникла на балконе, высматривая что-то или кого-то во дворе. Когда их глаза встретились, он понял, что нашла. Ругая себя за неосторожность, заставившую покинуть разлапистый клен, юноша спешно ретировался, а вдогонку ему были посланы улыбка и Чайковский со струн.

Но на следующий день Он вернулся, зная, что играют именно и только для Него. Два обожаемых создания — ЕГО скрипка и ЕГО девушка — слепились в один благоносный восторг, принуждающий забыть развеселых дружков и вечно усталую мать.

— Гляди. Ухажер-то опять здесь,— толкнул соседа вечно проигрывающий старичок.

— Связой это. Она ему пикиканьем сигналы передает,— проворчал подозрительный.— Погоди, недолго им осталось.

А Он уже знал номер ее телефона, по которому никто не отвечает.

Когда ждешь солнца, а внезапно хлынет мерзкий незванный ливень, так же грустно и неудобно от оставшегося с детства чувства обиды и обмана, как и когда собираешься с духом, нарвешь цветов с городской клумбы и на одном порыве дыхания прибежишь на ставший близким старенький дворик, стряхнешь пылинки с лучших и, к сожалению, единственных фланелевых брюк, ожидая наслаждения музыкой и собственной смелостью, а в ответ получаешь оглушающую тишину и ждешь, ждешь, когда же смычок позовет солнце. И утомительность, и неизвестность ожидания постепенно наполняются зловещей тревогой, длящейся бесконечно долго. Вот же она! — мелькнул знакомый силуэт за окном,— вышла на балкон, спешно выстрелила потускневшим взглядом во двор и скрылась,— ну почему же не играет?!

Любое терпение имеет пределы, и, достигнув такого предела, человек способен на все, даже на решительные скачки по ступенькам и на требовательный звонок в чужую квартиру. Она как будто ждала. Массивная дверь сразу же распахнулась, и в солнечном свете предстала в строгом темном платье, в туго стянутой прическе, с решительно сдвинутыми над переносицей гордыми бровями, с припухшими глазками, в руке — неразлучный футляр со скрипкой. Она шагнула за порог и, прерывисто дыша, приказала:

— Идем,— отобрала увядающий букет и отбросила в сторону такого элитного мусоропровода.

Неприветливый душный вечер, перенасыщенный тревогой и пылью, стелил перед ними тротуары. Красная полоска заката на западе затянулась сгустившейся дымкой. Более часа брели по засыпающим улочкам города, вышли на Невский, где неизменный Александрий хмуро и недружелюбно наблюдал поверх Дворца за размеренным, черным, до бесконечности тоскливым движением Невы. Каким же ему еще быть, если воды текут мимо траурной Петропавловки?

— Уйдем отсюда,— прошептала Она, и это были первые слова, произнесенные за время спонтанного, мрачноватого свидания.

Как неосторожная кошка, из-за угла прошелестел грибной дождик. Паренек предложил было посетить кинотеатр, где разбитная Орлова пела о Волге-Волге, но

вместо этого поволок спутницу к трамвайной остановке. Верная гитара почему-то стала лишней, неприятно постукивая по спине, приобрела значение желтоватого неудобного горба. А футляр со скрипкой... ох, этот непреклонный футляр, где хранились чудеса звуков, сжимаемый прохладной девичьей рукой, почему ты постоянно возникал между ними, как только мальчишка пересиливал в себе робость и решался обнять и прошептать те слова, что звучат чепухой, но только не во сне? Нет, то не футляр и даже не скрипка. Их хозяйка не желала слов. Ее походка, целеустремленная фигура, решительное лицо — выражали неприкрытое желание отдаться на волю судьбы, но огромные жгучие глаза отталкивали пренебрежением, словно Он, человек, мечтавший играть на скрипке, был чем-то естественным, постоянным, как старая мебель, и не заслуживающим внимания.

Город уснул. Еще слегка шелестели двери парадных, ворчливой гусеницей сворачивались за окнами мамы, только что звавшие домой всяких Маш, Коль и Свет, сиротливо поскрипывали брошенные качели, вяло зажигались и тухли глаза многоокого чудовища — Питера, позвякивал одинокий трамвай, словно крохотный колокольчик в лапе новогодней ели. Чрево парка, где он так недавно шалил с друзьями, вытрясая мелочь из карманов незадачливых прохожих, принимало их, вернувшихся из пасти дракона, не съеденных в силу ненужности и неприютности. Скоро — знакомый дворик с вечным кленом и подступающая досада перед прощанием. Ребята поднимут на смех, если узнают, что их дружба часа три таскался с девчонкой и не только не «обломал», но едва ли перекинулся парой слов. Они шли совсем рядом, но пропасть между ними, бравшая начало в измученных, затравленных девичьих глазах, теряла свои берега за горизонтами. Пропасть ассоциировалась с музыкой, с вечной тоской Шопена и бешеным вальсом Чайковского. Что общего у гитары и скрипки? Что роднит полярную и белую ночь?

Скамейка. Простая, неказистая скамейка, над которой прохладная листва напевает свою неизменную журчащую мелодию. Скамейка, на которую они, не сговариваясь, присели. Бережно уложили инструменты: на одном краю — уставшая от болтанки гитара, на другом — строгая, образцовая скрипка в футляре. А между ними — два слегка продрогших силуэта, один из которых, повинуясь вечному долгу мужчины, накрывает плечи другого потрепанной курткой, рискуя долго дрожать под промокшей ситцевой рубашкой. И эту дрожь никуда не деть, только выплеснуть, зажечь теплом поцелуя; уже осмелевшая рука ложится поверх плеч, уже стыдливо отворачивается месяц, перевидавший на своем веку сотни тысяч поцелуев... Но плечи уходят вбок, оставляя в судорожно сжатых пальцах сделавшую свое дело куртку.

— Не сейчас. Не надо. Ты прости. Все так... сложно, — она стоит в полумраке, бледнее месяца лицо, призрак спрашивающий. — Хочешь, я сыграю тебе?

Тонкие руки музыкантши, не дожидаясь ответа, торопливо раскрывают футляр, нервно и трепетно хватают смычок. Остренький, с ложбинкой, подбородок, вздрогнув, элегантно касается подушки на корпусе. Боже, какое наслаждение созерцать грациозную, полувидимую, словно несуществующую фигуру, прислушиваться к замирающему шороху листвы, отступающей перед Огинским! Музыка струится из-под пальцев, и каждый звук, вытекающий из темного ночного парка, неземным блищем перемигивается с месяцем и звездами. Но что это? Фальшь? Ошибка? Мелодия перепрыгивает в визгливую браваду, руки-крылья, пламенный мотор кромсают волшебство, затем — резкое, вызывающее; кричащий от боли протеста инструмент надсадно плачет, не в силах противостоять насилию над ним. Недоумевающий паренек хватается гитару и подхватывает знакомое:

Мурка — ты мой муреночек.

Мурка — ты мой котеночек.

Мурка, Маруся Климова...

Испытывает ожог, наслаждение: Она — с ним, Она — Его! Но внезапно экстаз переходит в разочарование и опустошает. Зачем?! Это же мелодия не для скрипки! Гитара больше не поет, брошена наземь.

Безжалостно прерывается дуэт и молчанием скрипки, и режущей ухо тишиной, через которую прорывается стон:

— Дрянь! Только ты во всем виновата!

— Не надо! — дрожь протыкает насквозь ледяными иголками. Он пытается хотя бы криком остановить неотвратимое.

Но взмах руки безжалостен, удар слишком силен — глянцевого бок скрипки врежется в шершавый ствол клена.

«Брян-н-нг», — на прощание спели струны, и щепки метнулись во все стороны подобно встревоженным голубям.

— Зачем?! За что?!

Одна из щепок отскочила настолько далеко, что проткнула сердце, и даже слезы, брызнувшие из глаз, не залечат эту рану.

Девушка прижалась к Нему и долго рыдала, прощаясь с юностью и музыкой. Но пропасть переросла в пустыню. Ведь это была ЕГО СКРИПКА, и Он почувствовал это. Достаточно было бы тронуть струны, и музыка зазвучала бы сама. Это была ЕГО скрипка...

— Они посадили моего отца. Они... Сделай что-нибудь, ну! Сделай со мной! Что же ты? Топчите, вминайте! Пусто же! Противно... Не могу больше! Прости. Не провайжай.

Одинокий силуэт в черном платье, только что превратившийся было в дьявола, опомнившись, выскользнул, бесшумно растворяясь в ночи. Возможно, навсегда.

Оставленный на скамейке раскрытый футляр зевом гроба ожидал мертвеца. Юноша опустил на колени и с усердием принялся разыскивать во тьме частички смертельно раненного инструмента...

...Воеет за окном, метет. Стучится в окно пулеметная дробь снежинок. Или опять обстрел? Холодно. Высохшие пальцы с узелками вен тщетно пытаются согреться о бесчувственный бок буржуйки. Слава Богу, голод пока отступил, затаился. Но холодно! Старая, ошетилившаяся ветхостью шуба совсем не греет. Шуба, подаренная еще мужем... Шаль, купленная сыном... Огонь замирает, дремлет. Узловатые пальцы перебирают треугольники конвертов. «Мама, мы вчера рыли траншеи, я натер мозоли во всю ладонь. Но это ничего. Я просто представил, что лопата — это моя скрипка, она играет, делает свое дело. Винтовка тоже скрипка, мама. Она так же надежно упирается в плечо. Как ты там? Не волнуйся, вскоре мы разорвем кольцо вокруг города. И начнут возить продукты. Но все-таки почему-то страшно. Не представляю, как я буду стрелять. Может быть, тот, кого я убью, смог бы починить мою скрипку?..»

Мелкие бегущие бугорки огня просят пищи. Толчком из желудка вылетает нож голода. Треугольники летят в пасть буржуйки, и прожорливый рыжий язык слизывает их за мгновение.

Приезжай, сынок, как можно быстрее! Одиноко и холодно в пустой квартире. Никогда не думала, что она такая просторная. Еще бы: стулья сожрал огонь, старый сервант обменян на буханку, стол — твой письменный стол! — его хватило на четыре дня. Как страшно ночь бухает артиллерией зениток. И этот вой! Это не метель, это зов в убежище. Приезжай, сынок. Только ты... остался... и спасешь.

Трубочкой пепла свернулось «починить мою скрипку», ненасытный язык ждет. Женщина и огонь ждут твоего приезда, а пока обязаны кормить друг друга, чтобы жить. Непослушные, онемевшие руки раскрывают черный футляр, и слой пыли с его поверхности мечется в холоде пространства. Твои желтые от клея пальцы нерешительно мяти потухшую папиросу в тот жаркий, душный июнь. Не успели! Струны,

где же струны?! Без них — как без лица, желтая, склеенная, с зазубринами недос-
тающих щечек, но целая! хрупкая скрипка вывалилась из женских рук. Почув-
яв пишу, язык буржуйки востепенулся. Сейчас он погаснет, и тогда — холод, холод,
смерть...

Мы ждем тебя, сынок, ты поймешь... Где-то тут был топорик? Гудит, воеет за ок-
ном. Пасть печи хищно скалится, шипя: «Я люблю... Я люблю скрипки!» Язычок не-
уверенно шарит, пробуя на вкус полировку инструмента; впился, разгрыз, покрывая
черной слюной гари. Тепло, тепло. Я жду, сынок.

Где этот трезвон? За окном? Нет, дверной звонок. Неужели почта? Скрипят под
ногами пыльные половицы. Как тяжелы метры до прихожей! Как ломит суставы от
каждого движения! Шуба, подобно медведю, навалилась на плечи. Огонь в одиноче-
стве пьет клей.

Какая-то девушка. Почему она плачет? Слезы индевеют прямо на щеках. Сейчас
холод по ним заберется в глаза — единственное, что можно рассмотреть на бледном
лице, и тогда эти большие темные озера превратятся в сплошной лед. Мертвые, зале-
денелые глаза, как на фотоснимке. Это не девушка! Фотография! Та самая, что стояла
на ЕГО письменном столе. Те же черточки бровей, ложбинка на восковом подбород-
ке, губы что-то шепчут. Мохнатая варежка скользнула по тощей сумке с эмблемой
«МИНСВЯЗЬ» и упала на порог. В руке протянутый кусочек бумаги.

Как тяжела шуба! Какой знакомый голос, ЕГО голос:

— Мама, не читай! Не мешай мне играть на скрипке!

Александр Захарченко
(г. Красноярск)

Родился в 1941 году в г. Омске. С 1964 года живет в г. Красноярске. Стихи пишет с юных лет. Печатался в газетах: Красноярский рабочий», Красноярская газета», Сегодняшняя газета», «Удачный экспресс», «Литературный Красноярск», в альманахах: «Московский Парнас», Новый Енисейский литератор», «Русло», в коллективных сборниках: «Поэзия на Енисее», «День поэзии Красноярского края», «Посвящение в рыцари», «Момент истины», «Сестры и братья», «Деды и внуки», «Мужская компания», «Скрипичный концерт», «Небесный свод стихов», «Гололедица», «Шаровая молния», «Вольные птицы» и многих других, в журнале «Литература Сибири». Автор поэтических книг: «Любовь и жизнь» (2001 г.), «Капли дождя» (2002 г.), «Катарсис» (2003 г.), «Птица счастья» (2004 г.), «Встреча у крыльца» (2006 г.), «Я — робот» (2009 г.). Руководитель литературного общества «Русло», редактор-составитель альманаха «Русло», член творческого клуба «Московский Парнас». Лауреат премии альманаха «Новый Енисейский литератор» (2007 г.), лауреат премии ассоциации «Интеллект и культура» (2007 г.).

ВОЗДУХ РОДИНЫ

Впереди за мерцающей дымкой
Горизонт, ускользающий в даль.
Я иду... И мне, в каждой травинке,
Пожелтевшую часть ее жаль.

Им не надо палящего зноя,
Что грозит дождя не пролить...
Да, и мне, благодатной порою,
Воздух Родины хочется пить.

И не строя далекие планы
И миражную цель,
Выйду я на лесную поляну,
Где берез и осин карусель.

И в траву упаду, закружившись,
Отуманясь от радостных чувств,
Всех пойму на Земле раньше живших,
И услышу сухих веток хруст.

А, вернувшись в черту городскую,
Из нее буду снова бежать,
Потому — в суете затоскую...
Просто нечем мне станет дышать.

СКВОЗЬ ВЕТЕР

Ветер... Холод ознобом по коже.—
Хорошо, что тепло на душе.
Я тебе позвоню чуть-чуть позже...
Приготовь мне, пожалуйста, шей.

Скоро, скоро сквозь ветер мне встречный,
Сквозь ряды придорожных ларьков.
Дома буду... Задашь вопрос вечный
О любви, что во веки веков.

И тогда я, тебя обнимая,
Поклянусь снова в тысячный раз,
Что люблю лишь тебя... и не знаю
Столь прекрасных, чарующих глаз...

Чтобы мог я вот так же стремиться
К ним навстречу сквозь бурную хлябь,
Чтобы мог, как в тебя, я влюбиться
В эту желто-осеннюю рябь.

Чтобы был нипочем любой ветер
И по коже колючая дрожь,
Чтобы миг любой: утро ли, вечер,
Был в любую погоду хорош.

КАКИМИ МЫ СТАНОВИМСЯ?

Стучат тик-так будильники и ходики.
Везде трезвонят телефоны-сотики...
В автобусе, в троллейбусе, в трамвае,—
Желания людские не скрывая.

Сигналы разные: и зуммеры и трески.
И разговоров темы: деловые фрески...
И о любви, и просто так — о быте.
Да, мало ль есть на свете всех событий.

Вот тренькнуло... Опять пришло сообщение...
Мобильна связь — мобильное общенье...
И речь словами молодежи — слэнга.
И радостно: «Ты слышишь меня, Генка?»

Все упрощенно: «Есть для нас чувихи!»
И мы все слышим... Мы в центре всей шумихи.
Что этика? — нет дел до пуританства.
У разума сжимаются пространства...

Язык другой... Запретов нет с барьерами.
Все больше стало мачо с кабальерами,
Свиданий стало мало...— Встречи с телками...
Как будто в головах вдруг враз защелкнуло.

Везде трезвонят телефоны — сотики...
Телеэкран... Нашествие эротики...
И секса... Про любовь слова другие.
Какими мы становимся?... Какими?..

НАЕДИНЕ С ПРИРОДОЙ

Мы наедине с тобой, природа...—
Ты и я, и больше никого.
Осень ли, другое время года,
Шум... И город где-то далеко.

Листья желтые, дождевики и снежинки,
Иней на траве... или роса,
Град, сосульки, речки и кувшинки,
Или васильков твои глаза.

Тишина... Лишь шорох и шуршанье...
Скрип и ветер чашу бороздит.
Чистый воздух... Мысль... Ожиданье...
Что вот-вот и ангел прилетит.

Хорошо в любое время года
Нам с тобой побыть наедине
Лес... Тропинка... Арка небосвода...
Чувство пробуждения во мне.

Сергей Прохоров

(Нижний Ингаш. Красноярский край)

PERSONALIA

Прохоров Сергей Тимофеевич — автор восьми книг стихов и рассказов, вышедших в краевых изданиях Красноярска. Участник Всесоюзной встречи литераторов в Красноярске в 1989 году, где был замечен В. П. Астафьевым. О поэтическом творчестве Сергея Прохорова тепло отзывались профессиональная газета Союза писателей России «Российский Писатель», газета «Патриот» (Москва) и литературно-художественный журнал «Вертикаль» (Нижний Новгород). Печатался в журнале «Юность» (Москва), «Вертикаль» (Нижний Новгород), «Наше поколение» (Кишинев. Молдова), «Рукопись» (Чикаго, США), «Великороссь» (Москва), «Новый литератор» (Москва)... Задумал и начал издавать с 2006-го года межрегиональный литературно-художественный журнал «Истоки», который уже получил положительный отзыв краевой и столичной прессы и благословение российского классика деревенской прозы Валентина Распутина.

* * *

То веточка хрустнет,
То шипа уколёт...
Брожу, потакая
Родимым местам.
Немножечко грустно,
Что лето уходит,
Но, Боже, какая
Вокруг красота!
Я краешком дня
В этом чуде коротком
Иду, как спросонок,
Чтоб мир обрести...
У старого пня
Золотым самородком
Веселый опенок
На солнце блестит.

ТАК ЧЕРЕМУХА ЦВЕЛА!

Вьется речка синей лентой
Средь зеленых берегов...
Как мы долго ждали лета,
Ошалевши от снегов!

Ждали страстно, как награды
За промозглость стылых дней.
Оттого, наверно, рады
Солнцу жаркому вдвойне.
Дальним эхом тонут в небе
Звуки, шорохи, слова,
И кукушка в сладкой неге
Не кончает куковать.
А по камушкам водица,
И прохладна, и светла...
Может, нынче все родиться.
Так черемуха цвела

РОДИНА

Горбами крыш сутулятся,
Как прадед мой стара,
Деревня в одну улицу
И в двадцать два двора.
Куда ни глянь — окраина,
До города сто верст.
Заборами огранена
Да бриллиантом звезд.
Родная моя родина
В рябиновом кольце...
Как бабушкина родинка
С грустинкой на лице.

СЕНОКОСНАЯ ПОРА

Хороша ты, Русь моя, в пору сенокосную!
На земле такой поры краше есть едва ль.
Когда зорькой раннею,
 когда зорькой росною
Шелестит под косами клевера листва.
Много песен сложено о тебе, Россия,
Много еще сложится, пока ты жива.
На твоих лугах траву мужики косили.
Ах, как пахнет скошенная на лугах трава!
Хороша ты, Русь моя, в пору сенокосную,
Когда звездным вечером, от трудов устав,
Бродит ветер по лугу свежими прокосами,
У костра пьет крепкий чай мятного листа.
Много песен сложено о тебе, Россия,
Может быть, и я найду нужные слова.
На твоих лугах траву мужики косили.
Ах, как пахнет родиною на лугах трава!

ПРИГЛАШЕНИЕ В ЮНОСТЬ

Любви твоей ко мне всегда я рад,
Любви своей к тебе я не растратил.
Давай с тобою встретимся вчера
На юности затоптанном квадрате.
Где ждет тебя романтик-оптимист,
И ждать теперь уже не перестанет,
Где вечно полупьяный баянист
Опять меха фокстротами растянет,
Где будем танцевать мы до утра,
Покуда сил и молодости хватит...
Давай с тобою встретимся вчера
На юности затоптанном квадрате.

ЭКВИЛИБРИСТИКА

Любви — синхронности,
Синхронности — любви
И все тогда, наверно, состоится,
И чувств труды окупятся сторицей,
И кто-то всех открытjem удивит.
Руки ли жест,
крыла ли плавный взмах —
Все видится в согласии с природой:
И страсть и боль,
и песнь стиха, и роды,
Рожденные в сердцах, телах, умах.
Стремлению и пластике души
Непросто удержаться в равновесии.
И если мы живем легко и весело,
То, видимо, умеем мы дружить.

ВЕРА

Как жадно в юности я пил
Зорь родниковую прохладу,
Как сказки всякие любил
Про жизнь счастливую, про клады.
Я в это верю и сейчас,
Все так же жадно мир вдыхая:
Придет мой день, пробьет мой час
И враз все выплеснет до края.

НЕОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ

Я знаю — мир не абсолютен,
Но что поделаешь уж тут...

Необязательные люди
Меня безжалостно гнетут.
Они везде, они повсюду:
И где светло, и где «завал».
Они, в сердцах, не бьют посуду,
Но «убивают» наповал.
И вновь нас ждут, и вновь нас любят,
Чтоб обмануть потом втройне...
Необязательные люди
В необязательной стране.

БЕССМЕРТИЕ

Пройдут десятилетия, века,
Вновь где-то вспыхнут
и погаснут войны...
И будут все живущие довольны
Хмельному ветру, запаху цветка.
И босыми ногами по росе
Все так же будут бегать чьи-то дети...
Покуда жизнь теплится на планете,
Мы смертны все,
и мы бессмертны все.

С НОВЫМ ГОДОМ!

С неба льется лунный свет
Музою Богемы.
Хорошо там, где нас нет,
Ну а лучше — где мы.
По ТВ идет кино
Голубой дорожкой.
На столе стоит вино
С жареной картошкой.
Кто нам выпить не дает?!
Не было б печали...
Снова встретим Новый год,
Как всю жизнь встречали.

РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Сергей Гора

(г. Линкольн, Калифорния, США)

ЦЫГАНСКАЯ ПЕСНЯ

Сергей Гора. Родился в г. Ленинграде. Окончил ЛГУ. Филолог-лингвист. Переехал в США как приглашенный специалист. Один из первых пост-советских менеджеров транс-национальных корпораций; один из первых пост-советских ведущих телевизионных ток-шоу; был известен в России и как переводчик медицинских журналов. Имеет ученую степень из Санкт-Петербургского университета, нострифицированную в США. Выпустил ряд поэтических сборников, получивших хорошие отзывы читателей, отмечавших способность автора подметить и бесстрастно осветить мельчайшие детали окружающих событий и явлений.

Зазвенела струна и раздался аккорд.
И весь мир на мгновение затих...
Кто придумал его,— то ли Бог, то ли черт,—
Этот вечный цыганский мотив?

Словно звезды зажгу за свечью свечу,
Запою разудалый куплет.
Птицей-тройкой взлечу и забыть захочу
Эти семьдесят горестных лет...

Ведь цвела же земля. Ведь была же любовь.
Да, простит им Господь за обман.
Если ж было что красным, так это не кровь,
А рубахи поющих цыган...

Пыль столбом под копытами знойных коней...
Алых губ упоительный жар...
Я от черных очей становлюсь все пьяней,
И мне прошлого больше не жаль...

Наум Ципис*
(г. Бремен, Германия)

«ШЕЛ ТРАМВАЙ ДЕВЯТЫЙ НОМЕР...»
(Из винницких новелл)

Положим, не девятый, это только в шухерной песенке когда-то так пелось. А номер, о пассажирах которого я хочу рассказать, и, пожалуй, не только о пассажирах, был первый, маршрута «Химзавод — Электотрежи». По-русски значит электросети.

Сегодня в нашем очень цивилизованном мире научились легко давать четыре ответа на один вопрос. В Виннице же, сколько себя помню, на один ответ задавалось четыре-пять вопросов. Этому не учились, с этим здесь рождались.

В Виннице любили поговорить не только в трамваях, но и на базаре, на скамейках у дома, во время варки вишневого, любимого на Замостье, варенья... Особенно на Замостье любили поговорить и не просто, а доходчиво и смачно, и этим приучали к слову детей, не специально,— естественно, как ходить, смотреть и не бояться. И те потом легче жили, им было чем защищаться и отдыхать.

Но лучше вместо абстрактных рассуждений я расскажу вам о моей заурядной поездке в винницком трамвае (подавляющее большинство взрослого населения на нашем Замостье произносили это слово так — транавай) того самого маршрута. Ехать мне было от гинекологической замостянской больницы на улице Ворошилова до остановки «Музыкальный театр» в городе. Это — минут двадцать-тридцать.

Два старика-еврея на остановке, где я сажусь. Диалог:

—Что-то долго нет транавая... Вы не знаете, они ходят или, может, уже нет?

— Я знаю... Если ходят, то да, а если нет, то нет.

Между прочим, сразу после войны теперешняя 4-я гинекология была госпиталем военных летчиков, которым мы носили легальные свежие, минутой тому с дерева, прозрачные «мраморные» папировки,— так у нас называли яблоки «белый налив»,— и нелегальные чекушки из «Голубого дунайчика», через дорогу напротив. Вот уж повеселились бы пилоты, узнав, кто и почему будет лежать в их палатах всего через пятнадцать лет...

Наверное, так и будет себе ехать этот трамвай, с разговорами моих случайных попутчиков, с отступлениями, ассоциациями, «вставными номерами». К примеру: «Если, приехав в Винницу ты подумал, что самый красивый,— это еще ничего. Но, если ты подумал, что ты самый умный — ты делаешь большую ошибку...»

«Шел трамвай девятый номер, А в трамвае кто-то помер...» О чем же еще писать, как не о «кусочке жизни». Дай то Бог, чтобы вам услышались железные трамвайные колеса и увиделись глаза тех пассажиров...

Я ехал на встречу с моим другом Исааком Гершем, который тогда учился в горном институте в Днепре. Такое название Днепропетровска я впервые услышал от него. Я же пировал свои летние каникулы, прибыв из древнего русского города Кур-

* Наш постоянный автор, лауреат литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за 2010-й год.

ска, который в то время по статистике ЦК комсомола вышел на третье место по преступности в СССР. За этим доблестным городом я и был тогда приписан в качестве студента пединститута. Герш учился гидрогеологии, которой при желании, можно было научиться. Я — русскому языку и литературе. Тогда я не знал, что этому научиться невозможно. В этом, как в Виннице, нужно родиться.

Поездка на трамвае с мотором «Российской электрической компании» выпуска 1898 года в медном кожухе — от 4-й дамской больницы до Музтеатра — семь остановок. Тех, кто будет читать это до конца, прошу запомнить: семь. Запомнить для того, чтобы потом попытаться понять природу человека с винницкого Замостья, который всего за семь «транавайных» остановок попытался оставить «свой след» в самой суровой области человеческой деятельности, в области духа и коммуникаций. И еще одно предупреждение, без него труднее почувствовать атмосферу в том транавайном вагоне. Его так кидало из стороны в сторону, он так шатался, что еще немного и пойдет «транавай» гулять по траве и газонам без всяких рельсов. Пассажиры вынуждены были ежеминутно хвататься друг за друга, обнимать один другого и вести себя прямо по родственному, по-винницки. И все эти — «мужчина, это не понравится моему мужу: он стоит рядом, с другой стороны...», «не надо ложиться на меня, мы еще мало знакомы...», «женщина, то мой карман... я боюсь, шо вы там как раз найдете то, шо вам надо...», «Если бы не мозоль, то я бы разрешил вам стоять на моей ноге до конечной...» — все эти «сообщения» звучали не перебранкой, а разговором близких и понимающих людей.

В трамвае, даже если он везет вас от конечной до конечной, не может быть «производственного» плана на разговоры пассажиров, на их мысли; и сюжета быть не может. Могут быть неожиданности, удивления, глупости и короткий проблеск остроумного слова. Драка, хоровая трезвая или пьяная песня, воспитанность пионера и грязный мат тупого подонка, короткая, но непреклонная смелость очкарика-интеллекта и длинная, остановка на четыре, трусость здорового жлоба... — все может случиться в трамвае, но не может там даже разово построиться литературный порядок и логика «секундной» трамвайной жизни.

Еду, стоя, держусь за брезентовую петлю. Внизу, прямо подо мной, сидят две девушки. Наверное молодые педагоги. Звучит, как богини... Оно и переводится с очень древнего, как «ведущая детей».

Слышу:

— Задаю вопрос твоему двухметровому Каштельному...

— Коле? А он опять ждал меня у подъезда с цветами... Говорю, хватит обрывать клумбы. А он: Марина Витальевна, это — честные розы, я их купил на базаре.

— Взяла?

— Он такой трогательный...

— Смотри, из комсомола полетите оба. Ему-то, что... Пацан. А ты себе жизнь испортишь... Отшей его раз и навсегда!

— Посмотрим... Так, что ты его спросила?

— Спрашиваю: «Расскажи, почему американский президент Линкольн освободил негров от рабства?» Знаешь, что он выдал? «Линкольн, — говорит, — считал, что освобождение негров от рабства будет полезно американскому баскетболу».

Я не слышу, о чем дальше говорят эти девушки, я вспоминаю, как не поступив в родной винницкий пединститут, — историю эту, с остро ощущаемым чувством мести советскому антисемитизму, я рассказывал уже не раз, — распродав уникальную библиотеку, поехал горевать к своим друзьям, поступившим в МГУ, и там увидел выступление впервые посетившей СССР баскетбольной команды «Глоуб тротерс». Мне перевели это так: дриблингом по земному шару.

Союз тогда обалдел от этих негритянских ребят: то, что они вытворяли с мячом, нельзя было увидеть даже в цирке. И тут я полностью был согласен с Колей Кашательным в отношении исторического деяния Абрахама Линкольна, убившего в Америке рабство. Разве негры-рабы так играли бы в баскетбол, как играют ныне негры свободные? А еще неведомый Коля был мне симпатичен, потому что ломал каноны: ученик — а вот, дулю всем вам! — цветы учительнице. Надо сказать, красивой учительнице... Да, что там, вспомните, как вы влюблялись в своих Марин Витальевных...

А жизнь, она и в трамвае жизнь.

* * *

— Нас у мамы двое, и у каждого своя комната! — чистый детский голос звонко, громко, слышит весь трамвай. Люди ищут глазами ребенка, сообщившего редкую в то время реалию... Когда еще Никита Сергеевич партийно пообещает народу по отдельной комнате на брата, а тут оно уже в натуре есть. Живут же люди... Кто они? Конечно, не наши, замостянские. Мы, к примеру, после войны проживали на четырнадцать метрах вшестером, а потом уже втроем. Мама и отец так и померли на этих барачных метрах с удобствами во дворе.

Преподносит трамвай сюрпризы. Хоть за детей порадуешься, только бы не покалечили их эти отдельные комнаты. Если у всех, — нормально, а так — следует опасаться. Это во мне говорит будущий учитель...

* * *

Я все время мигрирую по вагону, в зависимости от того, сколько людей вышло-вошло. Шаг вперед, два назад; два вперед — четыре назад... Сейчас «подо мной» двое пожилых дядьков. По всему, встретились впервые, сидят рядом. Вспоминают войну и как с нее пришли. Удивляются, что остались жить. Мне почему-то запомнилось это:

— Вот раньше презерватив стоил три копейки, а пирожок с повидлом — пять...

— Да... Это ж как можно было погулять на восемь копеек!

— Слушайте, а как вы спасаетесь от похмеля?

— От похмеля? А как всегда от этого спасаются умные люди? Сто грамм и квашеная капуста с рассолом. И если умная жена, то двери на клямку... Как рукой снимает!

— Ну то я вам сейчас скажу такое, шо вы будете долго смеяться... Прочитал в журнале «Вокруг света», внук выписует, интересное чтение получилось... Так там написано, шо древние ассирийцы толкли в ступе... шоб вы думали?! — клювы ласточек! Потом добавляли до этого сырые яйца с уксусом, и это страхоття пили на похмелье...

— И шо? Помогало?

— За это не написано. Написано только, шо пили.

— Мало ли елопов на свете? Каждый шо-то придумует. Клювы с ласточек... Почему не вухи с кроликов? Есть водка, капуста и рассол — шо еще дуракам надо?

— Я с вами абсолютно согласный. Ручка есть? Нет? То усно запомните мой адрес: Буденного, четыре, возле самого стадиона. Приходите, старуха любит гостей...

* * *

Где-то неподалеку, как часто бывает в переполненном трамвае, возникает перебранка. Как всегда, начинается с примитивной стандартной перестрелки:

— Настоящий дурак!

— Сам настоящий дурак.

Мой сосед по брезентовой петле, седой человек с умными спокойными глазами негромко и никому говорит:

— Если один настоящий дурак начинает ругать другого настоящего дурака, то кто-то из них уже не настоящий...

Мне кажется, что этот человек — врач из нашей психушки имени довоенного доктора Ющенки. Спасибо, сосед, за афоризм. Запомнилось. Иногда помогает.

* * *

— Слушайте сюда. У меня есть зять от внучки. Я не знаю, как это назвать по-русски, кто он мне есть. Но ни у кого в Виннице нет такого зятя. Мало, шо принес в дом котенка... Конечно, деньги в дом лучше, но ладно, пусть будет котенок. Я не люблю, но для правнуков живое в доме — люди говорят, шо это хорошо. Теперь стал вопрос, как его назвать. Шо вы себе думаете? Они называли его Изей! Кота назвать Изя?! Я им говорю, вы, что, сошли с ума? Кота — человеческим именем? Что, мало для кота есть имен? Сколько хочешь — Коля, Петя, я знаю, Ваня наконец...

Полтрамвая лежит. Старая-старая еврейка ничего не понимает: шо такое, шо? Почему люди смеются. Она так и не поняла, что в этом трамвае, так случается в трамваях, ехали нормальные люди. Они простили даже еврейский шовинизм, потому что его выразителем была древняя еврейка. Они, кто знал, а кто интуитивно понял, сколько этой старухе досталось от рождения и до близкой уже смерти, — от погромов, войны, вечного антисемитизма и, так называемого, космополитизма — от истории и людей.

Я тоже немного посмеялся. Но и для печали осталось место. Мне вспомнились строчки еще и сегодня недооцененного поэта моего времени Константина Левина, к которым и добавить нечего:

*Мы потихонечку стареем,
Мы приближаемся к золе.
Что вам сказать? Я был евреем
В такое время на земле.*

Так и видится и слышится тот благородный смеющийся трамвай и недоуменное, составленное из одних морщин, — темное лицо еврейской старухи...

* * *

В том трамвае сидения размещались так: с одной стороны — скамейки на три человека, а с другой — на одного. И вот, с той стороны, где сидели по одному, ударили сразу залпом. Кто говорил, мне видно не было, заслоняли плотно стоящие в проходе. Мой друг называл это временно сплоченным коллективом. Я мог только по голосу догадываться о говорящих. Времени прошло не мало, но за смысл и колорит я и сегодня отвечу.

...— Что вы мене рассказываете за себя такие страхи, если я сама живу под лозунгом: «Беда не приходит одна, беда приходит две!» Так что? У обеих сестер ушли мужья в один день? И в один день не вернулись? Вэй з мир... Я — женщина переживательная, я из-за ваших сестер теперь всю ночь не буду спать...

...— Ты помнишь Севу? Ну, что жил в «деревяшке»? Кило на сто двадцать... Да, именно он. Ты уже переехала на Вишенки, а он на второй день ушел от Гали! Ну да! Трое сопляков повесил на нею одну. А у нее же мама лежачая... До кого ушел? До молодой засранки со швейной фабрики. Красивая? Шо тебе сказать... Составлена с двух частей: голубые глаза, а остальное жопа. Об чем говорить: есть такие мужики, в которых гавна больше, чем веса.

...— Ну, сели, как всегда, кинуть в «триньку» в сухую, на спички, побаловаться. Тут приходят хлопцы с базара. Игра пошла на интерес. А тут этот поц, доцент с пед-института. Он короля от валета не отличает. Попросился. Предъявил сармак. Пустили, показали, шо к чему. Разок сыграли товарищескую, для демонстрации правил. И — пошло! Шо тебе сказать? Я в карты играть начал, когда мама меня первый раз на горшок посадила. И другие хлопцы не вчера взяли в руки колоду. Сема! Он раздел нас всех за минут сорок. Я такого еще не видел. Все коны были его без промаха! Ему так везло, как будто он нашел подкову от слона!

...— Мужчина, шо вы смотрите на меня, кабу-то я уже голая! За такое смотрение есть две цены: или платить деньги, или получить по морде!

— Зупынка — вулиця Червоних курсантив! — объявила кондукторша, женщина молодых средних лет с нормальной украинской грудью пятого размера. Трамвай остановился в квартале от цветущего сада Тютти, Юрки Цвиргуна, — и я вспомнил. Рассказывать воспоминания долго, а вспомнить — два мига. Пока трамвай стоял, я вспомнил...

Был в нашем городе почетный гражданин — генерал Стецько. Генерал этот, отважно сражавшийся всю войну и особо отличившийся при освобождении Винницы, поселился здесь после взятия Берлина, дослужился до генеральской пенсии и зажил почетной жизнью.

Генерал на год вперед оплачивал в каждом кинотеатре любимое кресло — девятое в одиннадцатом ряду — и никто не имел права сесть в это кресло. Такова была прихоть генерала. Иногда он подзывал глянувшего к нему пацана и говорил:

— Сегодня можешь посмотреть кино в «Коцюбинского». Будет полезно... Скажешь, что генерал разрешил. Знаешь мое кресло?

Ну кто не знал кресло генерала!

— Одиннадцатый ряд, номер девять!

Но чаще и с удовольствием он предлагал свое кресло красивым женщинам. Он к ним очень хорошо относился.

Была у генерала еще одна причуда: надев свой парадный мундир и все награды, — зрелище внушительное — он садился в трамвай и собирал дань уважения. Но не только. В трамваях он разговаривал с народом — читал лекции на всякие темы: международные, внутренние, моральные. Лекции были собраны из унифицированных «узлов» и рассчитаны как на временного пассажира — одна-две-три остановки, так и на пассажира постоянного — до конца маршрута. Ориентировался генерал мгновенно, имелся опыт оперативных действий.

И вот что еще о генерале необходимо знать: он был натуральный холостяк, то есть, никогда не женился. Выглядел, несмотря на солидный возраст, молодцевато; к тому же систематически подкрашивал волосы, делал массаж и красиво, по-генеральски, ухаживал за молодыми женщинами. Вкус имел... «Падать — так с высокого коня!» — говорил он, увидев достойный объект. Женщины, посетившие его впервые, могли свидетельствовать, что чистота и аккуратность генеральской квартиры были идеальными. Они удивлялись, а он, на минуту опечалившись, отвечал: «Дорогая, одиночество — это, когда ты всегда знаешь, где лежат твои вещи...» Отпуская гостью, обязательно дарил скромное золотое колечко. Деньгами не унижал.

В городе все знали Стецько, по-своему, по-винницки, любили его и уважали генеральские причуды. Фима-скрипач, в прошлом правый крайний легендарного винницкого «Динамо», а теперь бессменный руководитель маленького популярного оркестрика, игравшего в ресторане «Винница» свои очень душевные мелодии, при появлении генерала в дверях ресторана всегда исполнял туш, и все посетители дружно аплодировали. Генерал был доволен и махал всем рукой, Фиму же и в его лице весь

оркестрик обнимал, прижимая к орденам и медалям, а потом садился за столик у самой эстрады. Выпивал немного и всегда коньяк. Пьяным генерала не видели. Обычно он бывал слегка подшофе.

И вот однажды в таком бесшабашно уверенном состоянии сел генерал в трамвай, в котором ехала из города на свое Замостье моя Бабушка. Она ехала с кладбища, где отдала дань близким усопшим, рассказав им о том, как без них идут дела на земле.

Генерал, окинув орлиным взором пассажиров вагона, оценив контингент, вдруг завелся на не совсем обычную тему: о том, что мужчине-де не надо жениться. Никогда и ни на ком!

— Посмотрите на меня! Разве дожил бы я до таких лет, разве выглядел так, если бы хоть раз женился? — громко и четко спросил он трамвай. — Не женитесь, товарищи мужчины! Это вам мой стратегический, военно-полевой совет!..

Наверное, генерал, вошедший в холостяцкий раж, продолжил бы свою лекцию на эту интересную тему, но — раздался голос Бабушки:

— Ну и если бы вы на нас не женились, то кем бы ты командовал, старый дурень?

Пассажирам показалось, что трамвай, идущий с горки на мост, вдруг резко затормозил. Генерал замер с поднятой рукой, которой он дирижировал себе во время выступления. Несколько секунд было тихо, слышался только скрежет железных колес. Потом Старый город, Город и Замостье услышали хохот. Так смеяться умеют только в Виннице.

Надо отдать должное генералу: он смеялся громче всех. И тут все в трамвае увидели, каким молодым и красивым был генерал Стецько во время войны, каким он был лихим и веселым... И подошел он к Бабушке и поцеловал ей руку, и на остановке вывел ее из трамвая. Потом генерал повернул голову к Бабушке, и приглашающе согнул свою надежную генеральскую руку. Бабушка оперлась на нее, и они пошли...

И все пассажиры ошеломленно смотрели им в след, потому что такого чуда они еще не видели: по улице Красных курсантов к цветущему белому острову Тютиного сада шли молодые седые мужчина и женщина. Он — высокий, стройный, сильный; она — маленькая, очень фигурная и женственная.

...— Наступна зупинка — «Дом Быту!», — и трамвай поехал дальше...

* * *

Был в то наше время на Украине писатель-юморист Остап Вишня. Можете не верить, но популярность его была просто ненормальной. Почти такой, какую недавно имел Жванецкий. Когда по радио читали его рассказы, особенно охотничьи, народ ложился. Не помню, кто тогда был вождем Украины, — Каганович или Хрушев, — так вроде сказал: «Такой талант — не дает работать!». И Вишню запретили читать в рабочее время. Или раненько утром, или после шести ноль-ноль.

И вот в нашем винницком трамвае номер один слышу я от впереди сидящих — ну один к одному — ожившую охотничью интонацию Вишни и прямо таки вижу картину Серова «Охотники на привале»:

— Понимаешь, когда он рассказывал, я, конечно, не верил. Ну, кто ж поверит! Ну, выпили, поговорили... Я не знаю, как ты, а я выпивши, сразу большим героем становлюсь! Особенно по женской части... Прямо, переход Суворова через те Альпы. Сколько на ровном месте натерпелся от жены... Ну, я и думал, что он про свою собаку, как я про свои Альпы. А потом... Сам увидел! Могу на суде свидетелем быть!

То, Вася, была собака... Он за нее, как за машину заплатил. На вид никогда не скажешь. А он же не только охотник, он и рыбак будь здоров! И вот, когда он на рыбалку уходит, оставляет ее дома. Зачем ему собака на рыбалке, правда? Кинет ей две

булки хлеба — сам видел! — и говорит: «Дели, как хочешь. Иду на три дня. Понял?» Собаки кивает, мол, понял, иди, не беспокойся». Мы еще за порог не шагнули, а она уже начала делить буханку... Отакая была собака, Вася!..

— Бреши, но знай берег... Как собака может делить буханку?

— Как?! А так — ножа в зубы, лапой держит и режет на ровные куски. Понял?

Ближние пассажиры завелись:

— Ото брехун: а ни миллиметра не покраснел!

— Как же собака будет резать буханку, если одной лапой держать?

— Так, може, двомя?

— В этом транавае собралися одни елопы, я вам говорю!

— Граждане, — поднялся охотник, оглядевши вагон, сказал: — Граждане, я ж потому и рассказую, что сам видел этот небывалый случай!

— Ты сам с откудова? — красивый такой, бархатный баритон.

— С Замостья...

— Ну, то в таком разе, все Замостье — есть небывалый случай.

Мне бы сейчас встретить того баритона, я бы сказал ему, что сам он тоже «небывалый случай»: так точно угадать... А Остап Вишня, наверное, пожал бы руку сразу всему трамваю номер один.

* * *

Лавруху вспоминаю часто. Одно только, что был чемпионом Европы по обществу «Локомотив». Признаюсь: о том, что есть такое общество в европейском масштабе, я и узнал только потому, что мой друг Ларик стал его чемпионом. А в том, что он мой друг, — никаких сомнений. Даже в суде. Вот он, фотография: Лаврентий в немыслимом напряжении все мыслимых человеческих мышц, стоит на помосте и держит на вытянутых руках рекордную штангу, а сзади на стене висит транспарант на всех европейских языках. Правда, из фотографии вы не узнаете, что соревнования проходили в Бухаресте, об этом мне рассказал сам чемпион. А вот, что мы с ним не просто знакомые, вы можете узнать, перевернув фото лицом вниз. Надпись свидетельствует: «Другу Клянэ от друга Ларика. Навсегда». Надпись, как бы уточняет качество наших отношений: из нее следует, что дружба наша обоюдная.

Лаврентий Долинский был в какой-то степени легендой Замостья. Ну, ладно, малой легендой. Уточняю, потому что здесь родился, рос и стал многократным рекордсменом мира наш общий друг Толик Житецкий, который был большой легендой Замостья и даже Винницы. Оно и понятно: мир же больше Европы.

Толику удалось закончить физкультурный факультет Винницкого пединститута. Чтобы пояснить, как он туда поступил и как его закончил, надо сказать, что в то время и не только в винницком вузе были такие спецнаборы... Ну, не заставляя же чемпионов грызть науку в полном объеме, если они круглый учебный год то на сборах, то на соревнованиях. И не сами по себе, а защищают честь страны. Короче, или, как говорили у нас, бекицер, Толик и поступил и кончил, получив диплом. А все потому, что как ни как, но аттестат зрелости он имел.

А Ларик сумел закончить только семь классов, и все, — как обрезало. Дальше... Его можно было убить, но заставить учиться дальше — все равно, что подушкой забивать гвозди.

Ларик носил за Толиком на тренировки его спортивный чемоданчик, потом попробовал поднять штангу, потом еще... Через полтора года был уже мастером спорта. А там — само пошло... Но что необходимо сказать, потому что не только правда, но и справедливость требует, — Лавруха пристрастился к чтению. Читал все подряд, иногда задавал мне неожиданные вопросы. По поводу Герасима, утопившего собаку: «Ему, нема было шо делать?». Когда с трудом и консультациями осилил «Короля

Лиры», с недоумением на лице спросил: «Скажи, неужели старому мало было себя, шоб еще девкам портить ихнюю жизнь?»

Когда во всенародной книге «Как закалялась сталь» дошел до того места, где насквозь больной Павка в жуткую непогоду и в непролазных условиях строит узкоколейку, удивился: «Клян, им шо тогда больничный не выдавали?»

...Почему я в трамвае вспомнил Лавруху? А потому, что увидел, как здоровый и красивый хлопец, наклонившись к тоненькой и красивой дивчине,— сказал:

— Вот все почему-то думают, шо штангисты тупые и необразованные болваны. А это совсем не так! Я вот, читаю и Толстого, и Достоевского, и Шекспира... Только не понимаю ни хрена...

Девушка очаровательно улыбнулась:

— Если нравится, то понимать не обязательно.

Девушка была удивительно похожа на мою будущую жену. Но тогда я этого не знал. Да, господа, да: ассоциации бывают не только назад, но и вперед. Но всегда, как известно, неисповедимы. Ну и, конечно,— ответ девушки...— «Если нравится, то понимать не обязательно»... Это, я вам скажу, не для всякого понимания. Такой ответ могла дать только женщина.

* * *

— Остановка «Гостиница «Пивденный Буг!»

Тут я был пойман той еще ассоциацией... Вы уже знаете, что ехал я на радостную встречу с Исааком Гершем, с Изей. Не виделись целый год. На зимние каникулы ни он, ни я приехать не могли — не было денег на билет. А тут — почти два месяца не разлей вода. А вот она, остановка: «Гостиница «Южный Буг». И — то, о чем я уже сказал: ассоциация вперед. И одновременно — ассоциация назад.

Я вспомнил один «глупый» эпизод — начальные ноты нашей алкогольной героики — лет нам было по тринадцати — хотелось походить на героев нашего времени. Собрались у Герша, мама на работе, вишневого наливки в доме — два ведерных бутыл. Наливая в какой уж по счету раз в граненные стаканы сладкий липкий и хмельной напиток, не удержали бутыл... Помыли пол Гершу наливочкой. Запах... Преступления не спрятать. Остались вместе с Исааком грудью встречать его маму.

— Тетя Сара, мы тут... нечаянно разбили бутыл и помыли ваш пол вашей наливкой...

— Хорошо, дети, но следующий раз, когда вы захотите помыть мой пол, приносите свою наливку.

Хорошая мама и хороший совет. Запомнилось. Настолько долго память чепухи не оставляет. А теперь ассоциация вперед.

Рассказал мне об этом, удивительно смущаясь, мой друг, когда мы были уже взрослыми — куда взрослее: женатые. Приехали с детьми, женами на «визит» к баткам. Оторвавшись от родных и родственников, на оперативном просторе родного города решили зайти в ресторан «Южного Буга» пообедать, выпить, поговорить, вспомнить...

Во время этой вольницы, уже слегка подшофе, с налетом легкой же печали сказал мне Герш:

— Это было здесь...

Он тогда мог выбирать. Его, молодого доктора наук, наперебой приглашали читать лекции во многие научные институты Союза. В Виннице только-только открылся такой — «кибернетический». Грех было не воспользоваться случаем: еще жива была старая мать Исаака. Он приехал из Москвы на своей машине и снял номер в «Южном Буге». В наших стандартных, хотя и двухэтажных бараках, не было не только туалетов и ванных комнат, но и горячей воды. Подольское лето — это жаркое

лето, и даже винничанину, но отвыкшему от замостянской цивилизации, трудно было не освежиться хотя бы раз в день. Для того и снят был гостиничный номер.

«Одного разу», как говорили на Замостье, после лекции, по дороге домой, к маме, изнывая от жары, решил наш доктор принять в своем номере душ и, — где наша не пропадала! — в прохладе гостиничного ресторана взять сто граммов охлажденной водки и — закусить их отварной осетриной с хреном! Такая вот шальная мысль пришла в ученую голову. Тогда в ресторане еще могло пофартить на такую закуску.

Вожделенно встал он под прохладные тугие струи, постанывая от удовольствия, медленно поворачиваясь, подставляя воде каждый квадратный сантиметр крепкого, налитого мужской, силой тридцатилетнего тела. Промокнув воду малолитражным полотенцем, надел трусы и выйдя на балкон, стал окончательно обсыхать. С седьмого этажа хорошо был виден город, красивый зеленый повзрослевший. Прямо под гостиницей тяжелой теплой водой сплывал к Николаеву Буг...

Редкое чувство пребывания в раю на земле...

Панорама слева возвращала в нормальную реальность, такую еще близкую к войне... Латинские фавелы, негритянское гетто, руины Брестской крепости, а на самом деле большой прибугский район винницких лачуг, над которыми возвышался уцелевший в войну кинотеатр «Подолье» и дореволюционной постройки облезлые корпуса знаменитой Винницкой конфетной фабрики. Она снабжала всю Винницу и не менее знаменитый замостянский базар дешевым ворованным шоколадом.

Упругий молодой излучающий вошел Герш в прохладный гостиничный ресторан, где царила тишина и почти не было посетителей. Наш доктор был не тот книжно-киношный рассеянный ученый, который надевает два левых тапочка; глаз у нашего доктора был, дай боже. Девушку он увидел еще от порога. Она сидела одна и ждала исполнения заказа, и была она прелестна. Он подошел и спросил может ли составить компанию прелестной девушке. Она улыбнулась очаровательной улыбкой и сказала, что компанию ей столь галантный кавалер составить может.

Что и говорить... Она, действительно, была красива и, оказалось, умна. Работала инженером на соседнем с гостиницей заводе и зашла сюда пообедать. «В обеденное время здесь совсем не дорого», — с обезоруживающей простотой сказала она.

Вечером они встретились в том же ресторане, пили хороший армянский коньяк и редкое марочное вино «Изабелла». Ели всякие вкусные вещи, в том числе и любимую доктором отварную осетрину с хреном. Много танцевали... Во время танцев Исаак понял, что пропадает. Он не был обделен женским вниманием, но эта девушка оказалась его женщиной.

Долго еще после той встречи он не мог погасить жгучее желание все бросить, уворовать ее и уехать куда угодно, только с ней...

После танцев они гуляли понад Бугом... Он целовал ее так, словно никогда до этого не целовался. Она вся пахла какой-то горькой мятой и нежным жасмином. Они вернулись в его номер... Он был ошеломлен: она ни разу не сказала «не надо» и никак не сопротивлялась, — хотя бы для приличия, — только в тот самый миг напряглась и почти неслышно простонала...

Она была девушкой. «Ну, что ты так испугался? Я не потребую жениться на мне и не буду писать жалобу в партком твоего института. У меня через неделю свадьба. Если ты не против, я эту неделю проведу с тобой».

Можете представить состояние моего друга, в душе которого ураганно смешались все возможные чувства. Он ничего не понимал, а все оказалось простым, потому что было жизнью. Жизнью того времени.

Они жили в старой хибаре, вросшей в землю — мать и четыре дочери. Она была старшей. К моменту событий, о которых идет речь, ей было двадцать пять лет. Четвертая сестра появилась на свет в сорок пятом: ее зачали, когда отец после ра-

нения получил месяц отпуска. Дочь он не увидел — погиб уже после победы в Чехословакии.

Даже в то время, на том фоне, эта семья жила непередаваемо бедно. Соседи приносили им какую-то еду, девочки ходили в обносках соседских детей. Как могла, помогала школа. «Есть хотелось постоянно...» — сказала она.

Мать, еврейская мать, выстилаясь на бухгалтерской работе в какой-то инвалидной артели, понимала, если что и спасет младших, то только образование старшей или ее состоятельный муж. Она готовила старшую к закланию. Так Фаина стала инженером и невестой немолодого уже и некрасивого человека, который заведовал областной овощной базой. Сваха, древняя еврейка, сказала матери: «Мадам Цейтина, богаче его бывал только Потоцкий. Вашая дочь будет купаться в чем захочет. А мне вы, с Божьей помощью, дадите только пятьдесят рублей». Учитывая, что инженер получал тогда сто двадцать, сваха не нахальничала. Скорее всего, это был ее взнос в спасение этой семьи.

Познакомившись с женихом, который готов был на все, только бы иметь такую жену, Фаина, увидев глаза матери, дала согласие. Свадьбу назначили через неделю в ресторане «Пивденного Буга». «Раз у меня такая невеста — гулять будет вся Винница!» — сказал лысоватый жених и глаза его блеснули.

Ночью она отпаивала мать валерьянкой, а та билась в истерике и причитала: «Что я с тобой сделала, майн кинд!» Утром, после зарядки, — еще недавно девушка была гимнасткой-первокурсницей, — она сказала себе: «Если мое тело будет принадлежать ему всю жизнь, то моя девственность и одна неделя — тому, кто первый мне понравится и захочет меня. Это будет справедливо».

Таким первым оказался мой друг Исаак Герш.

— Как свое отдавал в чужие руки... И так долго помнится... — сказал он мне. Если бы ни короткий «трамвайный» жанр, эта высокая и горькая история могла бы стать полноценным романом об одном мгновении сбывшейся, но не состоявшейся любви.

* * *

Народу поменьшало, после «Пивденного Буга» многие вышли. Вагон стал прозрачным. Освободились места, Я сел. Напротив оказался уставший старик. Он смотрел в окно. Вагон кидало так, что невольно возникала мысль: «Сейчас соскочит с рельсов...» Видя, как меня мотает, старик сказал:

— Машина еще ничего, хотя мотор с одна тысяча восемьсот девяносто шестого года Петербургской электрической компании. А рельсов давно не переключивали... С войны. Старики, конечно, выдерживают. А молодых жалко... Правда, до войны, было, с этого поворота и разгона прямо с моста вагон нырнул у Буг. Правда, никто не утонул, только трамвай... А после войны еще не нырял... А вы знаете, что в Виннице есть много счастливых людей. Они живут свою жизнь с женами и детьми, а у многих есть и внуки...

Откуда взялся этот старик с памятью о ныряющем трамвае, с жалостью к молодым, которым бы его пожалеть и, которые трамвайной тряски не замечают, потому что рядом с ними и напротив них сидят и стоят такие загорелые девичьи ноги и такие свежие, как только что с яблоневого ветки, груди...

Старик посмотрел на одну из студенток и лицо его сморщилось, а глаза стали далекими...

Кто он, откуда?

...Он видел в своей жизни много счастливых людей — он был гравером. В Виннице было много граверов. Мы привыкли, а приезжему человеку могло показаться, что каждый житель города хотел оставить кому-то на память хотя бы один подарок с вечной надписью. Я встречал такие: «Ясного неба и скибочку хлеба!» — это на дне

суповой тарелки. На лезвии самодельной финки с наборной пластмассовой ручкой: «Вася, вспомни суку Гитлера!». Или: «Чтоб все ночи я снился тебе очень», — на одном из металлических шаров, навинченных на спинку кровати.

Старик видел много счастливых людей: он гравировал формулы счастья к юбилеям, дням рождения, свадьбам, праздникам.

Его жену уморили в гетто, а он остался жить. Два его сына погибли на войне, а он остался жить... И ему осталось оплакивать чужих людей. Может ли быть что-нибудь печальнее и окончательнее?

Однажды ему дали путевку в дом отдыха. Он ехал и не понимал, куда и зачем. Он устал жить и хотел поскорее встретиться с женой и мальчиками.

...Он ехал в трамвае и смотрел на загорелые девичьи ноги, но это не имело никакого отношения к чувствам, возникавшим у мужчин, когда они видят молодых женщин. Это было воспоминание о самой жизни, о радости каждого ее дня, о том времени, когда он знал свое счастье. Сейчас он уже не жил — он был свидетелем чужого счастья. Одна из девушек посмотрела на него, и он почувствовал удар в сердце... Нет, то была не боль, как при инфаркте, которую он уже испытал. То было последнее, судорожное движение умершего собственного счастья; последняя попытка погасшего вулкана рвануться кверху мощью и светом чувств, — но огня уже не было.

«Как счастлив тот, кто ждет эту девочку дома...» Странное, давно забытое переживал сейчас старый гравер: он смотрел на девушку и ему хотелось заплакать, но плакать он уже не умел...

Кто он, откуда? Я столько раз ошибался во многом, что прожил, но, наверное, в этом старике, придумывая ему жизнь, не ошибся — он пришел к нам из справедливости, такой редкой субстанции Космоса. Чтобы напомнить.

* * *

— Дима! Я только вчера узнал это, а мне же сорок пять лет! А я только вчера узнал, шо такое может вообще быть! По «Голосу» сказали, что есть несколько государств, где не берут подходящий... Это же, значит, что на земле есть невозможное?

Я сижу спиной к сорокапятилетнему земляку, опрокинутому невероятным, но существующим, и слышу, как тихонько, наверное, на ухо, говорит ему Дима. Говорит, наверное, чтобы потушить пожар в душе друга:

— Ты лучше отгадай, как утром должна выглядеть счастливая женщина?

А-а... Я знал, что ты не знаешь. Слушай... — Дима максимально уменьшает звук:

— А так, как будто с ночи муж забыл вынуть.

Да-а... Замостянское хулиганство еще не сгинело. Чем могу оправдать Диму, так тем, что выводил он друга из стресса. Я, честно признаться, и сам немного охренел от этого безподходного факта. Тоже слышал о таком впервые. Нет, неизвестный мне Дима оказался неплохим психологом. Интересно, кем он был на самом деле?

* * *

До моей остается две остановки. Обрывки-осколки разговоров в трамвае номер один:

...— И шоб сад был большой, обязательно. И вишенья шоб было много. Оно, когда цветет, то на душе свадьба.

...— Вера? А шо ей делается. Торгует газировкой, экономит сироп и газ. Крутись колесико — бежи сармак. Только вот ноги опухают: стоять надо много и на жаре... А так — шо ей делается. Уже двух дочек выдала.

...— Когда ко мне приходят гости, то я радуюсь, а если нет, то я радуюсь еще больше.

...— Ты не права. Безвыходное положение, это из которого есть таки один выход.
...— Слишком трезвый в этом мире не жилец, надо быть немного выше прагматизма.

...Дядя Меер... Как кто? Зямин папа, который экспедитор на складе. Так он всегда празднует День шахтера. А-а... Потому, что все может достать из-под земли.

...—Прочитала «Повесть о настоящем человеке» на английском языке — совсем не то...

— А это потому, что наши беды на другой язык не переводятся.

...— Понимаешь... с одной женщиной чувствуешь себя как-то одиноко...

— А это потому, что форма женщины и есть ее содержание. Содержание надоесть не может, а форма — может. Отсюда и чувство одиночества...

...— Надо читать науку логику. Я усвоила только два правила и один вывод и — живу счастливой жизнью. Слушай, подруга, и запоминай. Перовое: мелкие тревоги — это пустяки. Второе: все тревоги — мелкие. Вывод: все тревоги — пустяки. Жизнь прекрасна!

...— Боря, я нашел новый способ разбогатеть!

— Ша, у меня ты уже одалживал...

...— Клара сказала, шо будут делать какой-то рентген и какую-то кардиограмму... Это очень больно?

...— О! Так ваши пьют до зеленых человечиков, а мой пьет еще и с ними.

И тут на весь трамвай прозвучал лозунг, видимо, подвыпившего баритона:

— Сильнее, выше, трезвее!

Трамвай заплодировал — трамвай имел юмор: он ехал по главной улице моей Винницы.

Я встал и, как предписывают трамвайные правила, приготовился к выходу. И тут кто-то легонько дотронулся до моего плеча. Это была та старая еврейка, которая не соглашалась с решением зятя назвать котенка Изей.

— Вы на следующей выходите?

— Да.

— А куда вы потом пойдете?

К тому времени я уже некоторое время жил не в Виннице и, надо сказать правду, несколько потерял в скорости реакции. Секунду через две ответил:

— В парк...

— И шо вы там будете делать?

— Меня там ждет мой школьный друг, с которым мы давно не виделись.

— Ой, как интересно! Ваш друг из порядочной семьи?

— Очень. Мама уборщица, а папу убили на войне.

— Да, это порядочная семья... Вэй з мир... Куда ни посмотри,— везде война... А шо вы будете делать в парке?

— Найдем девочек, угостим их мороженым и пойдем танцевать.

— Таки правильно! Только смотрите, щоб с этих танцев не получились дети, а то будет еще одна забота вашим мамам.

Трамвай в это время проезжал мимо «Муров»,— так назывались остатки стены средневековой крепости. На серых нетесаных камнях белилами широко и громко было выведено: «Вася, shop ты сдох! Ленка! будет! моей!». Вот так, с восклицательными знаками. И никаких сомнений!

— Тислах лану...— сказала старуха, когда я выходил. На древнееврейском языке это означало: «Благослови нас».

ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР-25 В «ПРИОКСКИХ ЗОРЯХ»

Ульяна Хомякова
(г. Серпухов — г. Москва)

СВИТЕР ДЛЯ МЛАДШЕЙ СЕСТРЫ

Родилась в 1990 году. Писать начала в школе, в пятнадцать лет перешла на рассказы. В 2007 году поступила в Литературный институт им. М. Горького. Сейчас учится на четвертом курсе в семинаре Р. Т. Киреева.

Фиолетовый квадрат

Это все с Шурки началось и с разваливающегося «Берсерка». Мы срочно увозили из клуба вещи: доспехи, луки, деревянные дрыны и историчные платья. Теперь нас было уже около тридцати, но еще полгода назад клуб жил. В зале, за прикрытыми хлипкими, как у шкафа, дверьми, тогда постоянно кто-то гремел, стучал, целился, от стальных мечей летели искры, кто-то бился головой об обитые пенопластом стены. В Большой Тусовочной всегда кипел чайник, и — уже как предмет интерьера — шили наши девочки, обложившись тканями, клубками тесьмы и кружками с кофе. В Малой Тусовочной иногда появлялись тени мальчики из мастерской; перекидывались умными фразами про наконечники копий какого-то века, или про отличия северных и южных кольчуг. Мы, новенькие, выслушивали эти речи со священным трепетом. Раз в полгода — год весь полуподвальный клуб пах лимоном: ребята чистили от ржавчины доспехи, натирая сочными половинками фрукта погнутые и кое-где даже пробитые детали. Потом их складывали в той же малой тусовочной и ждали, пока запах улетучится сам: с вентиляцией в подвале были проблемы. Еще здесь стоял сундук самой лучшей когда-то нашей швеи, Шурки: большой, серый, кажется, раньше был для снарядов, весь набитый тканью, нитками, тесьмой и другими необходимостями. Я никогда и не думала толком его рассмотреть: он стоял закрытый, заваленный сверху перепутанной одеждой для турниров и для офисов. Шура заправляла у нас всем: ключи, чайники и лекарства можно было найти у нее. Иногда мне казалось, что весь клуб стосковался по материнской заботе, и потому приходит, капризная, к этой темноволосой худой девочке, которая может, если хочет, остаться вовсе незамеченной: «Шурка, а где утяжелители?», «Шурка, а когда турнир?». Помню день, когда она, не знаю, почему, решила уйти из «Берсерка». Мы тогда вместе уезжали домой еще засветло. Я замешкалась внизу, а она поднялась по крутой лестнице и стояла в

дверном проеме. Закатное солнце, как в кино, освещало ее чуть сгорбленную невзрачную фигурку, и я подумала: какая она взрослая, и как она устала. Подошла, посмотрела на нее: плащ болотного цвета, истертые темные джинсы, свитерок, которому уже лет пять — все как всегда, только в глазах — решение жить для себя. Поняла тогда, что нашей Мамы-Шурки больше нет. Впервые вместе закурили, любуясь грязным закатом окраины Москвы.

Еще в клубе была неразлучная троица: два мальчика и одна девочка. Они вместе ездили на турниры, дрались, ругались, бегали с гиканьем по клубу и, как дети, били друг друга пустыми пластиковыми бутылками. Странные люди, они могли зло обсмеять, когда кому-то из них требовалось утешение и ласка — и это помогало куда быстрее. Их доспехи висели вдоль стены на больших деревянных крестах, пустые глазницы шлемов, особенно в темноте, зловеще смотрели на нас. Над одним из доспехов на пожелтевшей бумаге ученическим почерком было написано: «Просьба сей комплект не использовать без ясно выраженного моего разрешения». Правда, бывало, что доспех на время уезжал вместе с владельцем, и на кресте оставалась, в лучшем случае, нижняя рубашка, а над ней — пафосная надпись. Мальчику этому тогда не было и восемнадцати. Симпатичный, но робкий по жизни, он нарочно громко смеялся и шутил, пряча глаза, когда я приходила на тренировки, предлагал помочь мне собрать доспех... а потом он исчез, и я не интересовалась, куда. Помню, как странно было увидеть первый пустой крест в клубе — а над ним надпись, съезжающую по неразличиванному листу: «Просьба сей комплект...»

Теперь же, зайдя в клуб, я поежилась и пожалела, что не захватила еще одного свитера: в подвале было холодно, влажно и темно. Свет горел только у входа, в обе стороны уходил темный коридор в разные Тусовочные. Я прошла направо, мимо крестов без доспехов, нащупала за висящим щитом с геральдикой «Берсерка» выключатель, и свет, будто подумав, поморгал и неярко осветил комнату. Вот он, большой шуркин сундук под непривычно пустыми вешалками. Шура сказала мне, что уже вряд ли зайдет сюда, и что все клубки отдает мне. Я медленно открыла замки, очень холодные, поддающиеся с трудом, приоткрыла крышку, и меня обдало запахом пыли. Нащупала под царапающей кожу парчой спутанные нитки, вытянула с ними руку. Рыжие, синие, красные нити тянулись у меня по ладони, как паутина, уходя вглубь, где лежали сами клубки. Я сперва вежливо откладывала ткань, потом почти зарылась с головой в сундук, доставая клубок за клубком. Каждый раз я видела новые и новые нити разных цветов, и они, смеясь, звали меня за собой.

Синий квадрат

— Знаешь, за что я люблю Чехова?

— За что? — Настя поднимает красивые брови, протирает со стола. Сестра намного старше меня, отличница-студентка МГУ, — Давай угадаю. За «трех сестер», за вопли Иры «В Москву! В Москву! Здесь, в глуши, знание трех языков — ненужный придасток...» или как там?... — Я киваю, Настя улыбается, легко подкидывает портфель на стол, раскладывает что-то там внутри, — Будет у тебя Москва, если продолжишь хорошо учиться, правда.

Я вздыхаю, собираюсь в школу. Дневник, учебник, тетради, учебник. Надеваю темно-зеленую мешковатую форму, машинально затягиваю мышинные волосы в низкий хвост, нацепляю очки. Гляжу в зеркало, как всегда, вздыхаю, иду в соседнюю комнату. Там спит младшая, Ника, положив руки под щеки и сбросив с себя все одеяла.

— Ник, вставай, — в ответ только непонятное бурчание, сестра натягивает скинутое одеяло и поворачивается на другой бок, — Ну Ниииика, — тяну другой конец по-

крывала, щекочу, она брыкается обеими ногами, но глаз упрямо не открывает,— Ну и ладно, не буду я тебя будить,— я поворачиваюсь и выхожу из комнаты, и вдогонку мне летит абсолютно проснувшийся недовольный возглас.

Если разбудить младшую сестру — это умение, почти искусство, приобретаемое с годами, то дойти с ней до школы — это ежедневная тренировка терпения. Обычно я — таки не выдерживаю и усакиваю вперед. Ника идет очень медленно, предпочитая разглядывать разные травинки вокруг и здороваться даже с незнакомыми людьми, отчего я сгораю со стыда и тяну ее дальше. Но сегодня мы идем с ней вместе. Тропинка петляет, иногда превращается в большущие лужи, первые осенние листья застревают на елках.

— Давай поболта-аем,— просит сестра. Перепрыгивает через лужицу, поднимая повыше пакет со сменкой.

— Не хочу,— по привычке отрезаю я.

— Ну опять ты не хочешь,— вроде как даже обижается Ника,— ты ничего не хочешь, ты вообще чего-нибудь хочешь?

— В Москву хочу,— тихо отвечаю я, не ожидая, впрочем, что младшая меня поймет.

— А зачем тебе туда? Почему ты не хочешь в Серпухове учиться? Ты же все равно на учителя хочешь!..

— Ты не понимаешь!..— Отворачиваясь, досадливо говорю я. Нет, только не Серпухов. Грязный районный центр, в котором я буду обречена носить всю оставшуюся жизнь низкий хвост и брюки, потому что считаю, что не имею права ни на что другое? Институт, где я продолжу учиться со своими же одноклассниками? Всю жизнь каждый день учиться, возвращаться домой, ужинать, мыть посуду и ложиться спать — а ведь если я не вырвусь отсюда сейчас, то не уеду никогда? Ну нет уж!

— Опять я ничего не понимаю! — Ника надулась, замолчала. Шлепает, шлепает грязь под ботинками, выходим к дороге, по эту сторону низкая трава — уже полегла от первых дождей и начала желтеть, по ту сторону высокая, стоящая стеной у тропинки. Переходим дорогу, с травы слетают капли то ли дождя, то ли росы; портфели и курточки мгновенно становятся влажными, мокрые ветки задевают по лицу. Ранец тянет плечи, неуклюже закручивается на длинных ручках пакет со сменкой. Сзади идет сестренка, молчит и дуется, но я знаю, что здесь она, за спиной — даже не оборачиваясь. А воздух — воздух утра в родном поселке, запах дороги в школу, осенний такой запах.

Голубой квадрат

Последний день лета. Этот год. Семь утра. С Белкой я встречаюсь на Новогиреево. Выходим, я уверенно иду ко МКАДу, Белка норовит пойти дворами. Пошли ее путем, заблудились, промочили кроссовки в траве — пока вышли к трассе, было уже больше восьми утра. Мы никогда не извиняемся и не оправдываемся друг перед другом. Белка поправляет кожаный хайратник, длинный коричневые волосы убраны в тугой низкий хвост. У нее светло-голубые детские глаза и черная футболка с волком, в которой она ходит и на тренировки — мы с ней из одного клуба. Маленький рюкзачок — явно не взяла с собой свитера. Непрактично. Я — в ярко-желтой кофте, повязанной на поясе, с двумя косичками, в которые вплетены желтые же ленточки. Проходим под мостом, потом мимо каких-то заграждений, где тоже не могут останавливаться машины. Встаем на пыльной полосе метров в десять, поднимаем руки. Мимо проезжает апельсинно — оранжевая легковушка, мигает фарами в каком-то латиноамериканском ритме и, забавно гудя, проезжает мимо. Мы машем ей вслед. Еще штук тридцать проехало, не замечая нас. И тут какая-то серая газелька остановилась метров на 5 дальше. Подскакиваю, открываю дверь, выдаю залпом:

— Мы едем автостопом до Владимира. Подбросите по трассе? — Водитель лет пятидесяти молча кивает, поглаживает седеющие усы, отворачивается. Я машу Белке рукой, она подбегает, придерживая висящий на одной лямке рюкзак. Запускаю ее, запрыгиваю сама.

— А вы куда едете? — хором задаем первыми вопрос.

— В Муром, — отвечает драйвер, почему-то делая ударение на «о».

— В Муром... — протягиваю я, это почти на 200 километров дальше, чем мы собирались. — Катя, ты в Муроме была? — Она не любит, когда я ее называю по имени, но при водителе по-другому нельзя. Белка подозрительно смотрит на меня, улыбается. Кажется, мы друг друга поняли.

— А не подвезете ли и нас до Мурома? — и на удивленное бурчание водителя добавили, — мы просто путешествуем, нам все равно, куда ехать.

Драйвер пожал плечами, согласился; покрутил что-то, включил музыку — странную, восточную какую-то.

— А вы зачем в Муром? — следуя старой традиции, треплюсь с водителем, пока ему не надоест.

— А я в Муром еду работать. Я турок, работаю в турецкой фирме в Москве и каждую неделю езжу в Муром.

Мы с интересом впились в нашего водителя. Да какой из него турок. Так, наполовину...

— А вы не боитесь автостопом ездить? — О да, вот он, фирменный вопрос всех водителей.

— Нет, не боимся, — отвечает Белка. — А как иначе путешествовать, денег-то нет!

— А дома что говорят?

— Ну... у меня все уверены, что я коплю на поезда, — усмехается Белка. Она опытнее меня в путешествиях. В одиночку, хоть это и опасно, доехала от Москвы до Полтавы, а рассказывала потом только о больших-больших звездах над ночной южной трассой.

— А я в общежитии живу, так что всем пофиг. Только младшая сестра все интересуется, что это я так разъездила по всяким городам.

— А с сестрой не ездите?

— Нет, я за нее боюсь — мало ли что случится. Я ей никогда и не скажу, что стопом езжу, а то не поймет и повторит за мной. Маленькая ведь.

— А сколько вам лет-то?

— Девятнадцать... — нестройным хором протягиваем мы.

— Молодые, — то ли усмехается, то ли вздыхает турок, — Вы подружки?

— Попутчицы. Что, молодые — потому и глупые, потому и стопом ездим? — подначиваю я.

— Ну.... Я этого не говорил, — смеется драйвер, чуть задирая вверх кончики усов.

— Так кто-то же должен был озвучить, — парирую я. Белка смеется. Не тем истеричным, заикающимся смехом, что в городе, а заливистым, таким заразным, что мы все трое хохочем. Музыка играет, драйвер улыбается, дорога закатывается куда-то под колеса, впереди так много ничейных километров.

Зеленый квадрат

Ее почему-то не любили в поселке. Взрослые ее попросту не замечали, а дети на улице орали ей вслед стишок:

*Бабка Ненила
Кошек кормила.*

Оканчивался стишок описанием того, что сделали с Ненилой неблагодарные кошки. Стишок был неприличным и привязчивым. Бабка правда кормила кошек. Каждое утро я видела, выглядывая в окно, как из соседнего дома выходит старушка — полная, в синем подпоясанном истрепанном халате, в белом платке, — созывает кошек, кладет на крышку люка газетный листок, на него какую-то еду, чаще всего, косточки, и уходит, не оглядываясь на своих питомцев.

Однажды я должна была зайти к однокласснику за домашним заданием и перепутала подъезд. Я подошла к крашеной желтой двери с латунным номерком, поискала звонок, но его не было. Тогда я постучала. Никто не отвечал. Я толкнула дверь, и она, к удивлению, поддалась. Из двери пахло запахом куриного бульона, и я услышала стук часов. Я просунула голову в чужую дверь и увидела маленькую темную прихожую, в которой можно было разглядеть лишь много пустых вешалок — только на одном крючке висела зимняя телогрейка и пуховый платок. Из прихожей вел коридор в кухню, куда я, даже не заходя в квартиру, смогла заглянуть. Над плитой стоял пар, и оттуда вкусно пахло бульоном. Перед кастрюлей я увидела Ненилу: она стояла спиной ко мне, в своем вечном синем халате, низко нагнув голову и сгорбившись, и мешала в кастрюле большой деревянной ложкой. Помню надо всем — над сосредоточенной Ненилой, безупречно чистой, будто нежилой, кухней, надо мной, засунувшей голову в чужую жизнь — лишь стук часов да запах бульона.

Однажды, уже после Нового Года, я увидела, как она тащит елочку. Елочка была совсем маленькая, но ветки все равно волочились по тротуару, сметая грязь и песок. Я спросила, могу ли я ей помочь. Ненила нехотя, подумав, отдала елку мне и, не сказав ни слова, продолжила дорогу. Мне не оставалось ничего более, как пойти за ней. И вот — уже знакомая мне, желтая, с подтеками краски дверь. Старушка недолго повозилась с ключом, медленно, без скрипа отворила дверь, стянула валенки, поставила их к батарее и поманила меня пальцем. Никогда в жизни не видела я ничего похожего на эту комнату! В углу стоял старый красный драный диван, у противоположной стены — сервант с сервизом, и — вся комната была завалена елками. Тут были и искусственные, и настоящие, совсем крошечные и большие, на некоторых еще остались клочки мишуры, разбитые шарики. Весь пол был покрыт коричневыми елочными иголками. В дальнем углу стояло два ящика с порченными новогодними украшениями и обертками от петард. Ненила тыкнула мне пальцем в тот угол. Палец был желтый, как макаронина, и, как у многих пожилых людей, не разгибался до конца. Я прошла через комнату, осторожно переступая через елки, и положила свою носу туда. Возвратясь к двери, я обернулась: елка лежала как-то скособочено, неуклюже, поджав под себя половину веток, верхушкой книзу — но перекладывать ее не стала. Я вышла в прихожую. Бабка смотрела на меня снизу вверх — она была ниже и толще меня — и пыталась сложить губы в улыбку. Что-то шамкая почти беззубым ртом, она протянула мне маленькую шоколадку «Аленка». Протянула — и держит, и рука дрожит, но не опускается. Я взяла шоколадку, поблагодарила и вышла, прикрыв за собой дверь.

Потом я уехала в Москву, и больше ее не видела.

Желтый квадрат

Вы пытались когда-нибудь пощекотать ресницами собственные щеки? Я пыталась. Сейчас сижу в вагоне метро, рядом со мной — Миша. Долговязый и намного старше меня. Уткнулся в моего Кен Кизи, будто ему правда интересно. Рядом сидит Аня и листает «русских художников», напротив — Белка читает какую-то фэнтэзи. Забавно следить за тем, как меняется ее лицо. Сомневаюсь, что ее книга интереснее моих наблюдений.

Аня читает с неизменяемым выражением «да вы что!». Мишкино лицо тоже не меняется, только он изредка косится на меня, я чувствую. Да, чувствую, потому что я закрыла глаза и пытаюсь щекотать ресницами щеки. Он хороший, милый, женат. Вспоминаю фотографии его жены, разысканные мною в интернете и закрываю глаза, чтобы он их больше не видел. В борьбе, которой мы все занимаемся, нельзя смотреть в глаза, если хочешь победить.

На прощанье, как всегда, обнимаемся, Мишка чмокает меня в щеку, девочки снисходительно улыбаются. Мы с Белкой идем гулять на Поганище, Мишка едет домой, Аня — в общагу. На площади пусто и холодно, неформалы в черном прячутся в переходе, там пьют — в основном, дешевую гадость, и курят — в основном, дешевую гадость. Но это тоже почему-то кажется милым.

— Девчонки, лучше по земле перейдите,— предупреждает нас какой-то хайратый парень — выше нас на две головы, волосы до плеч,— там менты сейчас разбираться будут.

Мы послушно отходим к народу, подпрыгивающему от холода у входа в метро. Поземка, ветер, готическое здание, скрывающее подземку; справа — торговый центр и дорога, по которой метет снежную пыль и машины; слева — церковь с большущим ангелом с мечом над входом. Надо всем — Ленин. Протягивает руку, ловит снежинки. Смотрит куда-то вперед выпученными глазами. Так величаво стоят только обмшуренные при всем народе люди, которые изо всех сил пытаются показать, что их достоинство не задето.

Красный квадрат

В метро я теперь вяжу. Друзья сначала посмеиваются, потом привыкают. Остальным просто все равно.

Я вяжу свитер для младшей сестры. Теперь зима, и я хочу успеть к наступлению тепла, чтобы она ходила в нем во «время свитеров», середину весны.

С каждым новым цветом из моей памяти почему-то встают новые и новые слова, люди, события. Разноцветные квадраты лежат в моей комнате везде: на столе, на кровати, под столом.

Иногда нет ничего важнее, чем связать свитер для младшей сестры.

СКАЗКИ СО СМЫСЛОМ

Николай Макаров*
(г. Тула)

СКАЗКИ О БЕЛОЗЁРЕ

Не совсем сказки и даже совсем не сказки. Не совсем для детей и даже совсем не для детей.

Не далеко от города Белева, в лесу, рядом с родником живой воды, в избушке жил Белозер. Однажды к нему на пару дней приехала из Тулы племянница Светлана. Приехала на пару дней, а гостила все лето.

ГУСИ-ЛЕБЕДИ

Летели темной ночью в сильный ветер и дождик проливной гуси-лебеди, выбились из сил, заблудились. Где долгожданное озеро — неизвестно. Вдруг что-то блеснуло внизу. Неужели — вода? И вожак гусей-лебедей первым сел на этот водоем, за ним стали садиться и остальные обессиленные птицы. Измученные гуси-лебеди не сразу поняли, что сели они не на воду, а на огромное мазутное пятно.

Мазутное пятно? Откуда в озере мазутное пятно, да еще — огромное? Кто вылил мазут в чистое озеро? Но не время с этим разбираться — кто и зачем вылил мазут — нашим гусям-лебедам не легче. Утром они не то, что взлететь, но и просто выйти на бережок, на зеленую травку не смогли. Вся стая была в черных, жирных пятнах мазута. И неизвестно, что стало бы с этими птицами, не проходи мимо Белозер.

Видя такую безобразную картину, Белозер не стал долго думать. Он взял длинный шест и стал им подталкивать гусей-лебедей к берегу. Затем по одному осторожно доставал их из грязного, замазученного озера и бережно опускал на зеленую траву берега. Всех достал и побежал к себе в избушку. В избушке Белозер послал с письмом своего ученого ворона в Белев к знакомым мальчишкам и девчонкам, собрал целый мешок тряпок, взял скипидар и побежал обратно к озеру. Прибежал и начал смывать скипидаром с гусей-лебедей мазутные пятна. Тут и ребята из Белева подросли. Все стали дружно помогать: кто вместе с Белозером оттирает скипидаром птиц, кто смывает скипидар водой, кто вытирает перья насухо — всем работа нашлась.

* Наш постоянный автор; лауреат литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за 2010-й год.

Так и спасли гусей-лебедей от неминуемой гибели Белозер со своими друзьями и школьники из славного города Белева.

— Белозер,— спросила Светлана,— как получается мазут? И как он оказался в этом чистом озере?

— В озеро мазут, скорее всего, вылили враги природы, враги людей. Сам мазут получают из нефти.

— А нефть?

— НЕФТЬ — это гной Земли. И любое использование нефти вредит и природе и человеку.

О ГОЛУБЯХ

— Белозер, почему у тебя нет голубей? Эти птицы — лучшие почтальоны, а ты послал ворона в Белев с письмом.

— Ворон очень умная птица. Этот ворон живет у меня давно — я его еле оперившимся птенцом подобрал в лесу. Кто-то из плохих людей-паразитов разорил гнездо ворона, родители, хорошо, если улетели, а мне достался этот вороненок. Так и прижился у меня, знает, к тому же, около ста слов и разговаривает вполне осмысленно.

— А голуби?

— ГОЛУБИ — самые подлые из всех птиц.

— Почему?

— Только голуби заклевают до смерти больных или раненых своих собратьев, даже собратьев по одной стае. Именно поэтому наши враги выбрали голубя символом своего духа и мира между людьми.

— Не знала это — первый раз слышу.

РЕПКА

Посадил дед репку. И выросла репка... Нет, не выросла на этот раз у деда репка большой-пребольшой. Выросла маленькая-маленькая, еле ботва из земли виднеется. И на подмогу не надо звать: ни бабушку, ни внучку — никого не надо звать.

Горюет старик, горюет бабка, горюет внучка, а не знает, как помочь такому горю.

— Ничего, научу вас, как вырастить большую репку,— сказал Белозер,— а в этом году поделюсь своим урожаем: у меня и репка большая уродилась, и другие овощи-фрукты.

— Ой, большое спасибо тебе,— хором ответили нерадивые хозяева.

— Рано говорить «спасибо». Хотя наши древние предки никогда не говорили «спасибо», а говорили только «благодарю». Но это — присказка, а дело — не сказка — а дело будет впереди.

Стал Белозер не только рассказывать, как вырастить большую репку, но и показывать-помогать старику, старухе и внучке.

Осенью они приготовили грядки: внесли в них известку, внесли торф, все перекопали и оставили так до весны. Весной внесли удобрения-навоз, внесли древесную золу, опять перекопали, пролили раствором марганцовки, граблями разровняли, сделали бороздки и в эти бороздки положили пророщенные семена репки.

— Теперь поливайте репку, постоянно пропалывайте грядки от сорняков и вырастит у вас репка на этот раз большая-пребольшая.

В эту осень у старика со старухой и внучки репка и выросла большая-пребольшая, огромная даже и не одна, а целая грядка. И другие овощи-фрукты уродились на славу.

«БЛАГОДАРИЮ», А НЕ «СПАСИБО»

— Белозерчик,— спрашивает дедушкина и бабушкина внучка Светлана,— почему надо говорить «благодарю», а не «спасибо»?

Белозер немного задумался — как шестилетней Светлане проще объяснить. Она и в школу-то пойдет только на следующий год, хотя читать, считать и писать давно умеет.

— «Спасибо» — сокращенное слово от «спаси бог». — Начинает свой рассказ Белозер. — Но спасения желают только твари — рабы божьи, а русским людям спастись не от чего. Русские люди сами дети божьи — они сами создают свою судьбу. Поэтому, когда нам, русским людям, говорят «спасибо», мы отвечаем «пожалуйста». Что в переводе означает «пожалуй сто рублей», потому что в спасении мы не нуждаемся.

— Это — понятно,— замечает Светлана.

— Если же «спасибо» говорят как оскорбление, имея при этом ввиду «спаси меня бог» от этого подарка, от этого приглашения на день рождения, то таким людям надо отвечать: «не за что». То есть — не за что тебя спасать.

— Это — тоже понятно.

— Русские люди, если хотят выразить свою признательность за что-либо, говорят: «благодарю», «благодарствую», что означает «дарю тебе благо». Как бы ты ответила вместо «спасибо»?

— Знаю, знаю,— захлопала в ладошки Светлана. — Бабушка мне всегда говорит: «Кушай на здоровье!».

— Правильно, «на здоровье» — заканчивает свой рассказ Белозер,— это чтобы тебе пошло на здоровье.

О ТВАРЯХ

— Белозерчик, расскажи мне о тварях,— просит Светлана,— ты, когда рассказывал про «благодарю» и «спасибо», говорил о каких-то тварях — рабов божьих.

— Самыми первыми людьми, как считают некоторые (не славянские, не русские) народы, были Адам и Ева. Которых, якобы, на шестой день сотворения мира, создал или искусственно сотворил их (не славянский, не русский) бог. Вот и получилось искусственно сотворенное существо — ТВАРЬ. Или, якобы, первый человек — Адам.

— А — Ева?

— Сейчас во всем мире ведутся исследования и проводятся опыты по клонированию всяких животных. То есть, искусственно из клетки создают живое существо.

— Слышала про овечку Долли.

— Так и Ева — существо, созданное, сотворенное из ребра Адама. В переводе на русский язык Ева — самый настоящий КЛОН.

— Как все просто и понятно.

— Хотя, справедливости ради, из клетки мужчины должен и получиться клон мужчины...

КАМЕНЬ НА РАСПУТЬЕ

Лежал на развилке лесных дорог большой камень-валун. На нем — надписи.

«Пойдешь направо — в Белев попадешь»,

«Пойдешь налево — к Кощею забредешь».

«Пойдешь прямо — в гостях у Белозера побываешь».

Раз по лесной дороге шла ребятня из соседнего села по грибы и не увидели камня-валуна, прошли мимо и заблудились в лесу. Долго их потом искали всем селом — только к вечеру нашлись они. На другой день лесорубы тоже не увидели камень-валун и тоже долго плутали по лесу. Белозер чуть не прошел мимо камня-валуна, но неожиданно остановился, огляделся.

— Что такое? — Сам себе задал вопрос. — Вот — дороги лесные, вот — тропинки, вот — нет, не лежит на своем месте камень-валун с указателями путей-дорог.

Подошел Белозер поближе и видит, что камень-валун завален всяким хламом: рванными газетами, ржавыми банками, пластиковыми пакетами, другим всяческим мусором. А сверху все это безобразие прикрыто ветками — сразу и не разглядишь, не увидишь камень-валун.

Стал Белозер расчищать, убирать мусор, освобождать камень-валун из плена, в который его обрекли нехорошие люди. Люди, которые не уносят за собой мусор из леса, а бросают этот мусор по всему лесу. А тут вдобавок, как будто кто, какой вредитель специально весь мусор на камень-указатель свалил. Чтобы хорошие люди блуждали по лесу.

В ГОСТЯХ У КОЩЕЯ

Недалеко от избушки Белозера, если идти от камня-валуна с указателями налево, стоит избушка Кощея. Не такая большая, как у Белозера, а поменьше. Но такая же опрятная, такая же чистая и ухоженная. И сам Кощей оказался симпатичным дедушкой с аккуратной причесанными длинными белыми волосами и такой же белой окладистой бородой, с открытой, доброй улыбкой.

— Заходите, люди добрые, — приветствовал он Белозера и Светлану, — присаживайтесь. Сейчас самовар поставлю.

— Белозерчик, — интересуется Светлана, — правда, что Кощей — бессмертный? Он и не страшный совсем — не такой, какой в сказках.

— Во-первых, Кощей — высоконравственный человек, вегетарианец, питающийся «кашей и щами». Наши предки — славяне так и говорили: *«Щи да каша — пища наша»*. Человек, который правильно питается и соблюдает Законы Вселенной, может жить сколько пожелает, поэтому таких людей и называют *«БЕЗСМЕРТНЫМИ»*.

— А во-вторых?

— Во-вторых, Кощей занимается йогой. Это такая система занятий, которая позволяет сознательно управлять своим организмом. Конечная цель йоги — достижение совершенства в любых своих действиях.

— Вот и чай готов. — Кощей поставил на стол самовар, расставил глиняные кружки, сделанные им самим. В глиняные же блюдечки положил варенье из разных лесных ягод. — Вначале угощу вас «солнечным напитком».

— «Солнечный напиток»? — Переспросила Светлана, видя как Кощей наливает из глиняной бутылки в маленькие глиняные стаканчики темно-зеленую жидкость. — Напиток солнечный, а цвет у него зеленый. Из чего он получается?

— Догадался из чего этот напиток получается? — Обратился Кощей к Белозеру.

— «Солнечный», говоришь. — Белозер хитро прищурился. — Солнце у славян называлось Ра. Напиток — значит: пить. Получается: пить Ра. И если переставить слова, то выйдет — Полина еще не догадалась — выйдет *«к Ра пива»*.

— Поняла, поняла — из крапивы получается «солнечный напиток».

«БЕЗ» И «БЕС»

— Белозерчик, — спросила Светлана, когда они возвращались от Кощея, — почему в книжках Кощея называют «бессмертным», а ты назвал его «безсмертным»?

— Раньше в русском языке не было приставки «БЕС», а была приставка «БЕЗ». Во всех книгах, в словарях, в учебниках — нигде не было приставки «БЕС». Эту приставку подменили в русском языке темные силы и исказили смысл слов. Слушай, как звучит: «безсердечный», то есть человек без сердца, плохой, нехороший человек.

— А — «бессердечный»?

— Помнишь сказку Пушкина про попа и Балду? Помнишь, как Балда требовал оброк с чертей и дурил маленького беса? То есть черт и бес — одно лицо. А с приставкой «бес» получается, что «бес сердечный». Разве может быть бес, черт сердечным существом?

— Да, вон как получается нехорошо.

— Или еще: «бессовестный», то есть «бес совестный», — чего не может быть ни под каким видом. Должно быть — «безсовестный»: человек без совести, подлый, нехороший человек.

— Также и Кощей?

— Конечно. «Бессмертный» означает, что *смертный бес*, а Кощей, наоборот, своим образом жизни, своим поведением будет «безсмертным». КОЩЕЙ-БЕЗ-СМЕРТНЫЙ — звучит?

— Звучит, звучит, еще как звучит, — весело засмеялась Светлана.

ПРО ИМЕНА

— Белозерчик, с именем Кощея мы разобрались. А другие имена о чем говорят? И как дают имя только что родившимся детишкам?

Белозер задумался. Как объяснить популярно шестилетней девочке такие сложные, даже для взрослого человека, вопросы?

— Давай начнем с твоего имени. СВЕТЛАНА или СВЕТЛЕНА означает СВЕТЛАЯ, ЧИСТАЯ ДУША.

— А Белозер — что означает?

— БЕЛОЗЕР — это ЯСНОВИДЯЩИЙ.

— Ух, ты!

— Слушай дальше. У славян имя человека связано с его судьбой и уровнем развития. Сейчас в нашей стране, на Украине, в Белоруссии очень много имен, которые в далеко-давние времена были привезены из Израиля и Византии, из Рима и от других народов.

— Что — у нас своих имен что ли не было?

— Имена-то были, но из дозволенных официальной христианской церковью 150-ти имен только 14 являются русскими.

— Ты знаешь — какие это имена?

— Борис, Вадим, Владимир, Владислав, Всеволод, Вячеслав, Глеб, Ростислав.

— А девочек имена?

— Не перебивай. Вера, Злата, Любовь, Людмила, Надежда, Светлана.

ПРО ИМЕНА, ПРОДОЛЖЕНИЕ

— Расскажи, как дают имена.

— Славяне дают имена своим детям не только по нравственным качествам человека, но и по степени развития человека в обществе.

— Что такое — нравственные качества?

— У славян существуют имена, которые соответствуют человеческой мудрости. Позже ты обо всем узнаешь. Кроме того, славяне дают имена не только в соответствии с нравственными качествами человека, но и в соответствии с его развитием в обществе.

— Ребенок только родился — как же все это узнать так сразу?

— Узнают это по цвету его биополя, или ауры. И люди разделяются естественным развитием на четыре группы.

— Какие группы?

— ВЕДУНЫ — это люди, которые обладают мудростью, они преподают Знания, являются Учителями, совершают обряды и ритуалы. У них имя состоит из двух слов.

— Как и наши с тобой.

— Верно подметила. Другая группа — ВИТЯЗИ, обязанность которых сражаться за справедливость. У них тоже имя состоит из двух слов. Например: ЯРОПОЛК — яростный полководец, ЯРОСЛАВНА — яркая и славная.

— И защищать Родину — их обязанность тоже.

— Правильно. Третья группа — ВЕСИ: такие люди, которые занимаются земледелием, торговлей, выращиванием коров. У весей имя состоит из одного слова.

— И четвертая группа.

— Опять ты меня перебиваешь. Сейчас кратко — о четвертой группе, а потом подробнее о весях. СМЕРДЫ или четвертая группа людей — это те, кто служит трем остальным группам. У них имя тоже состоит из одного слова.

— Почему они служат остальным?

— Потому, что они не имеют склонности к умственной, военной и торговой деятельности. Кстати, они довольны своим положением, их это полностью устраивает. Но долг всех четырех групп, их жизненная позиция — непричинение вреда, правдивость, чистота и самообладание.

ПРО ВЕСЕЙ

— Я уже говорил, что ВЕСИ — такие люди, которые занимаются земледелием, торговлей и выращиванием коров.

— Почему — коров?

— Корова у славян считается одной из матерей человека, так как кормит его своим молоком. Поэтому по законам славян убийство этих животных считается преступлением. Как царь должен защищать своих подданных, так и веси должны защищать своих коров.

— Здорово!

— И еще. Славяне с ранних времен знали, что можно жить счастливо, имея землю, выращивая на ней зерно и коров. Потому что обогащает людей, страну не мышечный труд и не работа машин, а продажа зерна за границу. Ведь зерно является чистейшим даром Природы.

— А сейчас что у нас в стране продают за границу?

— К сожалению, в нашей стране сейчас продаются цветные металлы, нефть, другое сырье, чтобы купить хлеб. Покупая хлеб, государство не только не обогащается при этом, а приводит свой народ к обнищанию и втягивает его в колониальную зависимость от других стран, продающих хлеб.

— Это — плохо.

— Конечно, плохо, очень плохо. Поэтому богатство славян составляли и сейчас должны составлять не деньги, а коровы, зерно, молоко и масло. Но, тем не менее, славяне не отказываются от ношения драгоценностей, красивой одежды и даже золота, получая их в обмен на свои сельскохозяйственные продукты.

ПРО ЗОЛОТО

— Носить золото, там сережки, цепочку, колечко, другие украшения хорошо или плохо?

— В меру и, если это красиво,— конечно, хорошо. Золото — благородный металл. Ведь золото является накопителем жизнедеятельной энергии Солнца. Но Темные силы паразитируют на жизненной силе человечества и природных богатствах Земли. Поэтому они возвели золото в жизненную ценность и заставляют людей добывать его для себя.

— Куда они девают все это золото? Его, наверное, добывается много?

— Золото каждый год добывают сотни тысяч тонн и добывают уже тысячи лет. Правдивый ответ на эти вопросы объясняет и то, почему у нас в стране разрушается и культура, и образование, и медицина, и сельское хозяйство и многое, много другое. А развивается только недродобывающая промышленность, уничтожая живую природу. И, зная алчность Темных сил в отношении к этому благородному металлу, их готовность уничтожить любого и каждого, и ради овладения им, наши далекие предки его так и называли: «золото, злато» — то есть это зло.

— Оказывается и такой благородный металл в плохих руках может причинить много бед и несчастий...

РОДИНА

— Помнишь,— обращается Белозер к Светлане,— ты говорила, что обязанность витязей защищать Родину?

— Помню.

— Теперь расскажу тебе, что такое — РОДИНА.

— Наверное, где родилась — там и Родина.

— Конечно, Родина — это место рождения человека и область вокруг этого места.

— Большая область?

— Как тебе сказать? Какое расстояние взрослый человек пройдет за сутки и, если мысленно этим расстоянием начертить на земле круг, это и будет его Родиной. Человек, на долго покидающий пределы Родины, замедляется в своем эволюционном развитии. Даже, живя на Родине, но питаясь выращенными или произведенными на чужбине продуктами, такой человек становится чужим, невосприимчивым к светлым силам его Родины. И при этом эволюция такого человека тоже замедляется. Людям лучше всего питаться продуктами, произведенными своими руками из выращенных на своей земле плодов.

— И молоком от коров.

— Правильно. Вот почему так важно защищать свою Родину и свою Землю.

— И наша страна Россия — тоже наша Родина?

— Да, Россия — наша Родина и ее обязательно надо защищать от темных сил. Ведь Россия — держава, которая является оплотом светлых сил. И название «Россия» существовало много тысяч лет назад и означает буквально следующее: «рос» — рост, увеличение; «сия» — сияние, свет, просвещение; то есть Россия есть сила, увеличивающая просвещение. Именно поэтому Россия является единственной страной, которая носит определение «святая» — Светая, Светлая Русь.

«Родимая деревня краше столицы».

«И мертвые по родине плачут».

О ДЕМОКРАТИИ И О СВОБОДЕ

— Белозер, сейчас много говорят о демократии...

— ДЕМОКРАТИЯ — это власть рабовладельцев. Рабовладельцы в Древней Греции назывались «демос», а весь рабочий народ — «охлос»; «кратия» означает власть. И демократия ставит своей целью эгоизм — то есть свободу отдельного человека от воли народа, а КУЛЬТУРА, то есть просвещение, культ Изначального Света — РА, ставит благополучие народа выше индивидуальной, частной выгоды. Поэтому власть народа называется «ОХЛОКРАТИЯ».

— Что же тогда — свобода?

— Лозунг: «СВОБОДА, РАВЕНСТВО, БРАТСТВО» придумали темные силы, чтобы несведущие люди нарушали Законы Вселенной. Ведь борьба за свободу — удел рабов.

— Почему?

— Зачем вольному человеку свобода? Смотри, как толкуется это слово: «с» — с чем-либо; «во» — воля; «бода» — бодаться или идти против Законов Вселенной. Напрашивается вопрос: «От чего свобода? От Законов Вселенной?».

— А равенство — что такое?

— О каком равенстве можно говорить, когда один — умный, а другой — глупый; один — добрый, а другой — злой; один — трудолюбивый, а другой — лентяй.

— Да, равенства — никакого. И — братство?

— Какое братство может быть между праведниками и негодьями, между богами и демонами?

— Все оказывается — так просто.

О ВЫБОРАХ

— Белозер, — как-то спросила Светлана, — ты ходишь на выборы?

— Ты правильно задала вопрос: «Ходишь?». И не хожу, и не участвую.

— Почему?

— ВЫБОРЫ — это избрание с помощью голосования должностных лиц. В Славянском обществе выборы основаны на здравомыслии и единогласии. В нынешнем, так называемом, демократическом обществе выборы основаны на мнении большинства.

— И чем это — плохо?

— Плохо тем, что худших всегда больше. В Славянском, Ведическом обществе правом голоса обладает лишь тот, кто своим образом жизни проявил способности настоящего хозяина. Тот, кто, не на словах а на деле, является главой семьи, кто умело ведет свое хозяйство, кто добиваться благополучия и достатка, кто защищает Родину.

— В демократическом обществе — по-другому?

— В демократическом обществе правом голоса обладают все, как говорится, кому не лень, это — бездари, глупцы, лентяи, алкоголики, наркоманы, негодяи, садисты, гомосексуалисты, некрофилы и прочие больные и ущербные, неспособные к здравомыслию люди.

— Должны же быть справедливые выборы?

— В древнеславянском обществе существовала КОПА — это собрание домохозяев, которые имели постоянное место жительства. Это были семейные старейшины — главы родов. Присутствовали на Копе и старцы, мнение которых спрашивали, когда нужно было вынести приговор на основании давних решений; они не имели право голоса на Копе, но к их мнению прислушивались и их советы могли иметь решающее значение. И Копное право основывалось на единогласии — то есть прихода

всех к единому мнению. На Копе улаживались все стороны трудовой жизни общины и проводились судебные разбирательства уголовных дел. Нарушений обычного права Копы и ее постановлений никогда не наблюдалось.

— Вот, сейчас бы такое управление страной.

— Слушай дальше. При демократии человек, видя какое-либо нарушение государственного закона, имеет право не принимать мер по борьбе с этим нарушением, не неся при этом никакой моральной или уголовной ответственности. Но при самодержавии каждый славянин, столкнувшись с какой-либо несправедливостью, нарушением обычаев или Копного права, обязан — обязан! — был приложить все свои силы для пресечения и устранения этого нарушения. Если он этого не делал, то считался соучастником преступления, свидетелем которого был, и нес за это полную ответственность наравне с нарушителем.

— Правильно.

ПРО КОСУ — ДЕВИЧЬЮ КРАСУ

У Светланы большая, для ее шести лет, длинная, пышная, русая коса, заплетенная розовой ленточкой.

— Интересно, если отрезать косу...

Светлана не договорила, как ее с негодованием перебил Белозер.

— Даже не думай об этом.

— Да, не хочу и не буду я отрезать себе косу. Это я так, просто подумала вслух. Видела у городских девушек короткие волосы, а некоторые чуть не лысые ходят.

— Вот и получается, что наши современные девочки и девушки, сами не понимая того, рассмотревшись разных журналов и разных телепередач, с детства накапливают отрицательную сексуальную энергию. Тем самым они с детства формируют себе программу сексуальной распущенности.

— А коса?

— КОСА — это заплетенные волосы. Она служит для накопления жизненной и мистической силы, необходимой для здоровья и духовного развития. Распущенные волосы служат для сбора тонких энергий и информации из внешнего мира. Поэтому при посторонних людях, при неблагоприятных влияниях волосы необходимо заплетать в косу и прикрывать ситцевым, шелковым или шерстяным платком. То есть платком из натуральных, природных тканей.

— Белозерчик, как здорово, что у меня есть такая коса, и у мамы тоже есть, и у бабушки есть.

— РУСАЯ КОСА — КРАСНАЯ КРАСА.

ПРО ВОЛОСЫ

— И у мужчин волосы тоже для тонких энергий?

— Да, волосы у всех людей — это орган восприятия и накопления тонких энергий. Чем длиннее волосы (или космы) человека, тем больше духовной силы он получает. В Древнеславянских писаниях сказано: *«Состричь человеку волосы и сбрить ему усы и бороду, это все равно, что убить его»*.

— У тебя тоже длинные волосы

— Конечно, и усы, и борода.

— У тебя они аккуратные, приятно смотреть.

— За волосами, как и за всем своим телом, нужен правильный уход. Многие,

особенно, сегодняшняя молодежь что только не вытворяют со своими волосами: и красят их чуть ли каждый день, и стригут безобразнейшим образом, и бреют голову. Сами того не понимая, что наносят непоправимый вред своему здоровью. И все это рекламируется и на страницах, и на экранах.

— Постригать волосы значит нельзя?

— Да, если волосы полностью состричь ребенку до одного года, у него приостанавливается развитие речи. Если полностью волосы состричь до семи лет — замедляется развитие умственных способностей.

— И взрослым — тоже?

— Почему же, следи за своими волосами, носи аккуратную прическу — и на тебя любо-дорого смотреть.

— Я несколько раз видела в городе женщин почти совсем без волос на голове — такая у них «модная» стрижка.

— Женщину, обстригшую волосы, славяне называли карной по имени богини Карны.

— Что это значит?

— Это значит, что богиня Карна осудила эту женщину и наказала. И судьба у такой женщины плачевная. И две пословицы о волосах.

«Не стой за волосок, и бороды не станет».

«Враг хочет голову снять, а Бог и волоса не дает».

— У некоторых мужчин на голове появляются лысины.

— Лысина — это плешь. Если волосы не используются по своему назначению, то они отмирают, как и любой другой орган человеческого организма.

«До лысины дожил, а ума не нажил».

ПРО БОРОДУ

— Белозерчик, сейчас мало кто носит бороду — вот, ты, например, носишь.

— Борода — это волосы на лице мужчин. Борода служит для накопления жизненной и мистической силы. «Бо» — это богатство; «рода» — принадлежность к роду. В каждой группе людей бороду носят по своему.

Ведуны, или Учителя бороды не стригут, а ухаживают за ней, как за хранилищем своей духовной силой.

Витязи носят короткие бороды, потому что это удобно для боя.

Веси носят окладистые, то есть подстриженные бороды, как знак солидности, степенности, достатка и значимости.

Смерды — не понимают истинного значения бороды и не умеют ею пользоваться. Бриться в давние времена начали те, кто хотел походить на женщину.

— О бородах ты знаешь пословицы?

«Про то ведают больше, у кого бороды пошире».

«Борода глазам замена».

«Рубите наши головы, не трожьте наши бороды».

ПРО ЛИЦО

— Светлана, ты знаешь, как еще называют лицо?

— Какое лицо?

— Вообще, лицо любого человека?

— Расскажи.

— Начну в алфавитном порядке.

МОРДА — так говорится о лице негодяя. То есть о человеке, несущего смерть, болезнь и тела, и ума, и души. «Мор» — это смерть или тяжелая болезнь; «да» — утверждение. Так и расшифровывается это слово.

— Страшно как.

— РОЖА — это лицо человека, способного к созданию полноценных детей, своего полноценного и здорового потомства. Отсюда и происходят слова — «роженница», «рожать».

— Я думала, что «рожа» — нехорошее слово, дразнилка.

— РЫЛО — это лицо человека, похожего на животного. И пословицы такие есть. *«Со свиным рылом, да в калашный ряд».*

«Не по рылу еда».

— Все правильно и понятно.

— РЯХА — это лицо опрятного человека. А грязного, неумытого и непричесанного человека, в мятой, грязной одежде называют...

— Знаю — «НЕРЯХА».

— ХАРЯ — это лицо здорового человека.

— Тоже об этом слове думала, что оно — нехорошее.

— «Хар» означает центр жизненной силы, а «я» — местоимение «я».

— Теперь все это и я буду знать.

ПРО РАСТЕНИЯ

— Белозерчик, из чего древние славяне делали себе одежду?

— Раньше никакой химии не было и всю одежду себе шили только из натуральных, чистых тканей, которые получали из растений.

— Из каких? Я знаю эти растения?

— Во-первых, наши предки получали прядильное волокно из стеблей льна; из волокна получались нитки и ткани; шилась одежда — легкая, прочная, полезная для здоровья. Ношение такой одежды делает человека более спокойным и уравновешенным. Кроме того, из льна получали масло, которое применяли в лечении некоторых болезней. Лен также использовали в хозяйстве и строительстве в виде веревок и пакли.

— Какое удивительное и полезное растение — этот лен.

— Про лен в народе сложены пословицы.

«Лен две недели цветет, четыре недели спит, на седьмую семя летит».

«Лен любит поклон».

«Мни лен боле, волокна будет боле».

— Наверное, и еще из каких-то растений получалась одежда?

— Во-вторых, одежду шили из ткани, которую получали из волокон конопли. И эта ткань, получаемая из конопляного волокна, называлась ПОСКОНЬ. Которая производилась только домотканой, то есть из этого волокна одежду шили только вручную, без использования машин.

— Почему?

— Волокно из конопли очень грубое и прядильные, ткацкие станки наших предков были не в состоянии обработать грубые волокна конопли. Мало того, для получения волокна бралась не семенная, женская конопля («материнка»), а бесплодная, мужская («пыльниковая», «замашка»). Из этой «мужской» конопли волокно получалось крепче, чище, а холст и одежда — крепче.

— Да, хорошо всю одежду шить из этих растений.

— И еще: одежду также шили из волокон крапивы, которые получали так же, как и из конопли.

— Здорово!

— Но позднее,— продолжает рассказ Белозер,— в городах, не понимая настоящего значения ПОСКОНИ, стали считать ее признаком бедности. И присказку:

«С посконной рожей да в красный, лучший ряд».

То есть, люди в такой одежде всегда были желанными на всех ярмарках, в любом обществе. А невежественные люди переиначили совсем, совсем по-другому, извратили ее:

«Куда ж ты с посконным рылом в суконный ряд!».

ЦВЕТ ПАПОРТНИКА

Спросила как-то Светлана у Белозера про то, когда лучше всего собирать целебные растения.

— Когда они расцветают — тогда и собирать нужно?

— Многие, в том числе и так называемые «целители», считают, что целебные (не лечебные!) растения необходимо собирать когда они цветут. Конечно, можно собирать и в это время, можно собирать и тогда, когда растения не цветут. НО тогда они не будут иметь полной своей целебной силы.

— Когда их тогда лучше всего собирать?

— Целебные растения настоящие знахари, настоящие целители собирают, когда над растением появляется свечение — «когда появляется цвет», а не цветок. Древние так и говорили: «Цвет папоротника». Это значит, над местом появления будущего плода любого растения появилось свечение.

— И долго так светится растение?

— Это свечение, похожее на небольшой шарик, появляется на несколько часов или даже минут в году. И время появления цвета у каждого растения свое, оно зависит от положения планеты — «хозяйки» этого растения.

— Если знаешь время, то можно и срывать сразу растение?

— Не так все просто. Для того, чтобы взять (не сорвать!) цвет растения, необходимо знать: с какой стороны к нему нужно подойти (с севера, востока, юга, запада); какой рукой его брать (правой, левой или сразу двумя); каким инструментом пользоваться (стальным, медным, серебряным, золотым, костяным, каменным или деревянным); если срезать, то как (слева направо, справа — налево, сверху — вниз, снизу — вверх, от себя или к себе); какие при этом говорить слова (то есть задать лечебной силе цвета нужную программу).

— Сколько всего надо знать, чтобы сорвать, знаю — не сорвать, а взять всего один цвет

— Кроме всего этого, необходимо суметь защититься от влияния разных существ Темноты, которые охраняют этот цвет и его силу.

— Кто же все это знает?

— Настоящие знахари, настоящие целители, которые передают свои знания и умения из поколения в поколение своим детям, внукам. Поэтому они и не перевелись, и не переведутся на Руси.

ЗНАХАРЬ

— Белозер, ты все говорил: «Знахарь, знахарь» — чем он отличается от врача?

— Врачи — это люди, которые учились в медицинских институтах по специальной утвержденной программе. А медицина, соответственно,— это наука или лекар-

ское искусство. Если медики лечат какой-либо орган, то другой обязательно калечится. Поэтому в народе говорят: *«Больной нуждается в уходе врача — чем быстрее и дальше уйдет врач, тем пациенту будет лучше»*.

— А знахарь?

— Знахарь — это лекарь, который знает и умеет использовать свойства энергетического центра, расположенного в области пупка каждого человека. На древнем языке хара — это золотник, пупочный энергетический центр. Знахари исцеляют всего человека, а не какое-либо один орган, что, в принципе-то, и невозможно. Они удаляют глубинные причины болезни и обучают этому самих заболевших. По своей сути все болезни человек создает себе сам, своим неправильным отношением к окружающим, к себе.

— И все?

— Знахари делятся на травников или зелейников, которые исцеляют силами растений.

— Которые собирают цвет растения.

— Другие знахари называются — обаянники или обавники.

— Они чем занимаются?

— Это заклинатели, которые способны заговаривать змей, животных, оружие, болезни и даже явления природы.

— Здорово! Вот бы научиться.

— Придет время — научишься. Ты и сейчас очень много знаешь и умеешь.

СГЛАЗ, ПОРЧА И ПРОЧЕЕ

— Белозер, какие болезни лечат знахари?

— Знахари исцеляют людей.

— Исцеляют?

— Исцелять — значит исправить, сделать целым, неповрежденным физическое, эфирное, астральное и ментальное тела человека, то есть вылечить, возвратить здоровье.

— Бабушка в городе иногда говорит про болезнь, что это — поветрие.

— ПОВЕТРИЕ — это колдовские и магические приемы сброса по ветру плохих энергий своих болезней на другого человека.

— А сглаз — что такое? Бабушка тоже так говорит про некоторые болезни.

— СГЛАЗ — это случайное или преднамеренное искажение эфирной оболочки человека. И пословицы имеются:

«Поп сквозь каменную стену сглазит».

«Завистливый сглазлив».

— И про порчу можешь рассказать?

— ПОРЧА — это разрыв колдовскими и магическими приемами энергетических каналов или человека, или животных, которые страдают непонятными болезнями.

— Сколько, оказывается, может исцелить знахарь.

— Еще знахари исцеляют ОДЕРЖАНИЕ. Это — такая духовно-психическая болезнь, которая проявляется под воздействием посторонней темной воли на сознание человека. Такое воздействие могут производить колдуны, маги и существа Темного мира. Если у человека сильная воля и много в нем сил добра, то никакой колдун, ни какая Темная сила с таким человеком не справится, такой человек никогда не будет одержимым, всегда будет здоровым.

ЗДОРОВЬЕ

- Расскажи мне про здоровье,— просит Светлана Белозера.
- ЗДОРОВЬЕ или ЗДРАВЬЕ — полноценная деятельность всех тел человека.
- У человека разве несколько тел?
- Не перебивай.

ФИЗИЧЕСКОЕ ТЕЛО, его здоровье достигается правильным питанием, внутренним и внешним очищением, режимом дня, чередованием труда и отдыха.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ТЕЛО или БИОПОЛЕ, его здоровье достигается специальными упражнениями йогов, дыхательной гимнастикой, массажем, посещение бани и купание в проруби, проведение особых славянских обрядов и ритуалов по единению со стихиями природы.

ДУХОВНОЕ ТЕЛО, его здоровье достигается всей жизнью человека по законам его совести.

- Пословицы про здоровье имеются?
- Конечно:

«Дал Бог здоровье, даст и счастье».

«За деньги здоровье не купишь».

- И наука о здоровье, наверное, есть?

— От древних славян до нас дошла ведическая наука о здоровье — АЮРВЕДА, которая определяет правила повседневной жизни и излечения человека. По которым необходимо жить и трудиться всем русским людям.

ПРО ДИАТЕЗ И НАСМОРК

— Маленькие дети часто болеют диатезом,— рассуждает сама с собой Светлана, ожидая что на это скажет Белозер,— и о диатезе говорят, что он возникает от неправильного питания ребенка или от его больного животика.

— Все это — так, да не совсем — так. Диатез — это заболевание, которое проявляется у детей вследствие обид матери во время беременности на мужа или его родственников. При таких обидах формирующийся плод лишается энергетической подпитки рода своего отца. Поэтому, чтобы ребенок в будущем не заболел диатезом, матери необходимо проявлять к мужу любовь, а родственников его принимать такими какими они есть и не держать на них никаких обид, не обижаться вообще ни на кого.

- И не будет диатеза? Как все — просто.

— Не будет, не будет. Еще для этого нужно исключить из рациона питания (и не только будущим мамам, но, по возможности, всем) РАФИНИРОВАННЫЕ ПРОДУКТЫ.

- Какие, какие?

— Так называются неестественные продукты, очищенные от необходимых для здоровой жизнедеятельности веществ. Простой пример: рафинированный сахар.

- И такие рафинированные продукты вредны для людей.

— Не просто вредны, а смертельно опасны. Такие продукты — самая настоящая отравка.

- Бр-р. А что — насморк?

— Насморк — это слизистые выделения из носа, естественное очищение организма от шлаков. Поэтому нужно бороться не с насморком, а помочь своему телу быстрее очиститься.

- И не нарушать экологию своего организма,— добавила Светлана.

ПРО ЭКОЛОГИЮ

— Прежде чем говорить про экологию, поясню: в природе существует пять стихий: ЭФИР, ОГОНЬ, ВОЗДУХ, ВОДА, ЗЕМЛЯ.

— Кино такое есть — «Пятый элемент».

— Есть такое кино. В нем пятый элемент — любовь. Все правильно. Но у нас разговор о стихиях.

— Хорошо, продолжай.

— Прежде всего: ЭКОЛОГИЯ — это наука о том, как стихии природы взаимодействуют друг с другом.

— Расскажи про каждую.

— ЭФИР или информационное поле — это главная стихия в природе. Правильное использование эфира дает правильное использование следующей стихии — огня.

ОГОНЬ — правильное использование огня обеспечивает чистоту следующей стихии — воздуха.

ВОЗДУХ — если воздух будет чистым, то будет чистой и следующая стихия — вода.

ВОДА — если вода будет чистой, то будет чистой и следующая стихия — земля.

— Я поняла, что все в природе, все на земле должно быть чистым.

— Правильно, и чистота зависит от всех людей, от каждого от нас. Но если не соблюдать этот Закон взаимосвязей стихий природы, то любая борьба за чистоту природы будет бессмысленной.

О КНИГАХ

В большой комнате в доме Белозера висела большая, во всю стенку, дубовая книжная полка. На ее трех уровнях стояли старые, очень старые и новые книги.

— Не старые, а старинные книги, — пояснил Белозер своей племяннице. — Официальной властью запрещенные и приговоренные к уничтожению огнем книги древних славян.

— Вот это — да! И как они называются?

— Их много, назову тебе некоторые: «ОСТРОЛОГ», «ОСТРОНОМИЯ», «ЗОДИЙ»,

«ЗВЕЗДОЧЕТЕЦ» — учили людей организовывать свою жизнь в соответствии со своим днем рождения, по Космическим и Природным ритмам. «МЫСЛЕННИК», «РАЗУМНИК» — содержит сказания о создании мира и человека. «ВОЛХОВНИК» — сборник примет. «ПУТНИК» — толкование встреч с людьми и животными. «ЗЕЛЕЙНИК», «ТРАВНИК», «ЦВЕТНИК», «ЛЕЧЕБНИК» — содержат описание волшебных и целительных свойств трав и растений с указанием необходимых заговоров и других средств, которые употребляют в народной медицине. «ЧИСЛОВНИК» — сборник математических правил и соотношений. И еще много, много других книг. К сожалению, большинство запрещенных или ОТРЕЧЕННЫХ КНИГ на Руси было беспощадно истреблено еще при царе Алексее Михайловиче, отце Петра I: они сжигались целыми возами. Хорошо, хоть часть книг сохранилась.

— Откуда эти книги у тебя?

— Мне книги подарила бабушка, ей подарил ее дедушка, тому дедушки подарил его дедушка. Так и передавали эти книги из поколения в поколение мои и твои предки.

— Наверное, в библиотеках таких книг нет.

— Не знаю. Может в каких и имеются, хотя — вряд ли. Я больше нигде таких книг не встречал.

— Мне можно будет их читать.
— Обязательно будешь их читать, запоминать, что в них написано и применять полученные знания в жизни.

О ТЕЛЕВИДЕНИИ И РАДИО

— Белозер, у тебя много книг, а почему нет ни радио, ни телевизора у тебя в доме?
— Они мне не нужны. РАДИО и, естественно, РАДИОВЕЩАНИЕ — это одно из основных средств массового оболванивания и зомбирования людей, навязывания им ложных ценностей и введение людей в заблуждение.
— Что такое — зомбирование?
— ЗОМБИРОВАНИЕ — это программирование паразитами бессознательного поведения людей, лишение их здравомыслия.
— И телевизор тоже зомбирует?
— Еще как! Ведь ТЕЛЕВИДЕНИЕ — это средство «мозгового контроля», зомбирования и уничтожения людей. С помощью специальных телевизионных программ можно ввести человека в гипнотический транс и даже вызвать мгновенную смерть. Об этом много писалось и много говорилось. И все без толку. Народная мудрость недаром называет телевизор:
«Глаз дьявола», «Мозголом», «Голубая зараза», «Окно в мусоропровод».
— Метко подмечено.

ТРУД И РАБОТА

— Наверное, это очень тяжелая работа — делать из растений ткань и шить одежду? — спросила Светлана.
— Конечно, трудно. Но славяне не работали.
— Почему? Ты сам сказал, что им было тяжело?
— Да, не легко, но еще раз повторю: они не работали. Они трудились!
— Какая разница?
— Очень большая:
ТРУД — деятельность вольного человека, который является собственником, хозяином плодов своего труда. И пословицы про труд:
«Без труда нет добра».
«Терпенье и труд все перетрут».
«Богу молись, а сам трудись».
— Что же тогда — работа?
— РАБОТА — деятельность присущая рабам, которые лишены воли и которые не являются собственниками, хозяевами плодов своей деятельности. Славяне никогда не работали, а трудились на благо рода, во славу своих богов и предков.
«От работы не будешь богат, а будешь горбат».

О ХОРОВОДЕ

— После труда наши предки отдыхали, пели, танцевали?
— Славяне водили ХОРОВОДЫ.
— Как они это делали?
— ХОРОВОД — это группа людей, которые, взявшись за руки, образовывали

замкнутую цепь и двигались по кругу вокруг центра. Такое взаимоотношение в танце способствовало уравниванию и упорядочиванию биополя каждого из участников хоровода. Хороводы водили весной и осенью и только в праздники и еще хороводы водили на свадьбах.

— Ни разу не видела, как водят хоровод.

— Где ты их могла видеть? Сейчас, в основном, темными силами нам навязывается и западное безкультурье и жесты, мода, манера поведения, музыка, танцы и другие черты и «ценности» американских негров. А настоящий хоровод я тебе осенью обязательно покажу и ты сама в нем будешь участвовать.

— Где водят хороводы?

— Их водят в особых, чистых местах. Хороводы весной водят девушки и молодые женщины. Мужчины всегда присутствовали при этом, чтобы способствовать радости, душевному настрою праздника. Неженатых юношей девушки по своему выбору могут приглашать в хоровод. Но могут быть и только женские, и только мужские, обрядовые и воинские, хороводы.

ПРО СОН

— Белозер,— Светлана постоянно о чем-то да интересуется у своего дяди,— ты во сне летаешь?

— Летаю, летаю,— он смеется,— знаю — и ты летаешь.

— Расскажи мне про сны.

— Во-первых, СОН — это переход сознания из физического тела, то есть из нас, в тонкоматериальные миры, которые нас окружают. И во сне сознание тоже познает мир, но по другому, не как на яву.

— Значит, пока мое тело отдыхает, мое сознание гуляет, где ему захочется, а потом мне обо всем рассказывает.

— Приблизительно, так.

— Ты сказал: «во-первых», а — во-вторых?

— Во-вторых, сны бывают трех видов.

Первый вид: сон путанный, хаотичный, без всякой логики, причудливый — это бред ума и такой сон не имеет особой ценности для познания мира.

При втором виде сна сюжеты виденных картинок сменяют друг друга — этот сон отражает полученные в прошлом впечатления и на эти картинки необходимо обратить внимание.

Третий вид сна — это сон яркий, четкий, последовательный, недолго запоминающийся. Этот вид сна является восприятием жизни других миров и такой сон требует к себе пристального внимания и осознания.

— Сколько нужно спать человеку в день?

— Ты хотела сказать: «в сутки». Люди, обычные люди — как мы с тобой — одну треть своей жизни находятся во сне. И поэтому здравомыслящие люди...

— Как мы с тобой?

— Не перебивай, ...как мы с тобой, должны стараться сделать свой сон осознанным. Помнить его, сознательно жить и принимать участие в сюжетах своего сна.

— Научишь меня этому?

— Научу, научу, а пока — пословицы про сон:

«Сон милее отца и матери».

«Во сне видел, да на яву прозевал».

«Во снах Боги молятся».

ПРО ДУРАКА

— Белозер, объясни мне, пожалуйста, почему в наших русских сказках Иван-дурак всегда хитрее остальных?

— Не хитрее, а умнее:

ДУРАК — это просветленный человек, который не пользуется умом. Вот как толкуется это слово: «д» — данный человек; «ур» — свет; «ра» — изначальный свет, отсюда происходит и русское «УРА»; «к» — принадлежащий к чему-либо. Вначале развития человека, человеческого общества ум является лучшим другом человека. Но в конце человеческой эволюции ум становится худшим врагом.

— Почему?

— Потому что ум оказывается несовершенным органом познания окружающего мира и ограничен только пятью органами восприятия: это обоняние.

— Когда нюхаем что-то.

— Правильно. Осязание.

— Пальцами трогаем.

— Вкус.

— Горький, сладкий, соленый, кислый.

— Зрение и слух. Других каналов, по которым поступает к человеку информация у ума нет. И поэтому в русских народных сказках Иван-дурак всегда в эволюционном отношении выше своих умных братьев. Ведь человек, который пользуется только способностью ума, не в состоянии решить, например, такую задачу:

«Пойди туда, не знаю куда, и принеси то, не знаю что». Дурак, используя не ум, а другие, более совершенные способы познания мира, легко справляется с такими задачами. И именно поэтому Россия является страной дураков.

«Умом Россию не понять,

Аршином общим не измерить,

У ней особенная стать,

В Россию можно только верить».

«Дураку воля, что умному доля».

«Дураку закон не писан».

«Не дурачься, коли не умен».

— Очень интересно. Кто тогда — придурок?

— ПРИДУРОК — это человек, который состоит при дураке, ученик дурака. Так же как и дурак не понимаемый ни умными, ни глупыми обывателями. А вот ПРИДУРКОВАТЫЙ — это человек, который пытается подражать дураку, который выдает себя за дурака и у которого ничего не получается потому, что он пользуется только своим умом.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

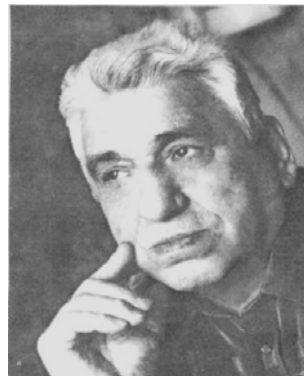
Белозер и Светлана (мудрая, умная девочка, как и ее дядя из племени ВЕДУНОВ) персонажи выдуманные... на чуть-чуть, на самую малость...

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАМЯТЬ

От редакции: В эту холодную зиму 2010—2011 гг., прожив долгую, насыщенную творческим трудом жизнь, от нас ушли два замечательных поэта, авторы нашего журнала: туляк Николай Александрович Дружков и омшанин (так называют себя жители города Мценска Орловской области) Иван Васильевич Александров. Впрочем, последнего связывали с Тулой не только публикации в «Приокских зорях»: Иван Васильевич учился в Тульском госпединституте им. Л. Н. Толстого, издавал свои книги в Приокском книжном издательстве, что имело место быть в Туле в советские времена, общался с тульскими писателями. В память об ушедших наших товарищах по литературному цеху мы помещаем в настоящей рубрике их стихи и краткие воспоминания о поэтах. Заметим, что подборка стихов Ивана Александрова, публикуемая ниже и посвященная памяти Л. Н. Толстого, была им послана в наш журнал еще при жизни, но по времени не успела в «толстовский номер» журнала («ПЗ» № 4, 2010).

Николай Дружков
(г. Тула)

Умер известный тульский поэт и прозаик, автор десяти книг и большого количества публикаций в журналах и газетах. Родился 1 января 1932 г. в д. Ромачево Тверской обл. В годы войны работал в колхозе, за что был удостоен медали «За трудовую доблесть в ВОВ 1941—1945 гг.».

Начал свою трудовую деятельность учеником гравера по металлу в Екатеринбургe. Первые стихи напечатаны в газете «Суворовский натиск» во время службы в рядах Советской армии. После армии трудился на целине, в геологических экспедициях по Средней Азии, Сибири и более десяти лет на шахтах Воркуты. С 1973 г. проживает в Туле.

Темы его книг — это шахтерский труд («Черное солнце», «Пласты»), судьба русской деревни, любовь к отчему дому, родному краю («Душа Тульского парка»). Н. А. Дружков пишет также и для детей разного возраста («Скворушка-Егорушка», «КоСкво-Заяц»). Его произведения печатали такие журналы, как «Юность», «Уральский следопыт» и др. Член Союза писателей России.

Часто с патриотическими и лирическими стихотворениями выступал Н. А. Друж-

ков и на страницах «Тульской правды». Земля тебе пухом, дорогой Николай Александрович!

Память о Н. А. Дружкове навсегда останется в наших сердцах.

(Тульская писательская организация СП России)

ВАРВАРА

Я гостил в деревне старой,
Той деревне триста лет.
В ней всех жителей осталось
Три старухи, один дед.

Там еще живет ворона,
Прямо в небе, под звездой
На дубу в тенистой крон.
У нее свое гнездо.

Крепко держит оборону,
Охраняет дом родной,
Осторожная ворона.
Подружилась вдруг со мной.

Я иду с ведром к колодцу,
Солнце летнее печет,
А ворона рядом вьется,
Сесть желает на плечо.

Я ей ласково: «Варвара,
Я приеду, я вернусь...»
Мне в ответ ворона каркнула —
И пошла по сердцу грусть.

Вот что значит даль далекая,
Нет ни свадеб, ни детей.
И вороне одиноко,
Как деревне без людей.

ТОСКА

Который год
Живу в снегах,
Уже который год
Смотрю,
Как виснут облака
И стынет небосвод.

Который год,
Который год
Тоска живет во мне.

Как сев идет,
Как хлеб растет,
И как черемуха цветет,—
Я вижу лишь во сне.

Под эту грусть
Я вижу Русь
в величии берез.
Плакучих ив
Девичью грусть
И шапки
Птичьих гнезд.

Я вижу.
Как дымится тракт
Под шипами машин.
Я ощущаю
Запах трав
Средь скошенных равнин.
Я вижу: в поле
На цветке
Качается пчела,
И отражаются в реке
Церквушек купола.
Я вижу
Тихое село
И давний свет в окне.
Легко так было
И светло
В краю любимом
Мне.

РОССИЯ

Жизнь моя — родниковая Русь
С голубыми, как небо, глазами.
Постаревших часовен грусть
С потускневшими образами.
У икон — рукотворный лик,
У земли — чудотворная сила.
Это вечности светлый миг —
Соловыиное имя Россия.
Это имя ласкает мне слух,
Это имя под сердцем стучится.
На заре прогорланит петух,
И туман на лугах закружится.
Встанет солнце над миром легко,
Тишина тонкой веткою хрустнет.
Ястреб камнем взлетит
 над рекой —
Загогочут испуганно гуси.

Связь времен никому
 не разять:
Верность предкам в веках,
 не остынет.
Мать-Россия, как добрая мать,
Никогда не забудет о сыне.
Я поспорить с судьбой не боюсь —
Над обрывом хожу, по краю.
Я шепчу имя светлое «Русь»
И надежду на жизнь не теряю.
«Русь, Россия»,— шепчу в небеса,
Как молитву во сне повторяю.
И бежит по щеке слеза,
Отчего, не знаю.

ОКРАИНА

В тучах спряталось солнышко,
Уходя на покой.
Отцвела в небе зорюшка,
Пал туман над рекой.
Пахнет тмином, смородиной,
Свежей зеленью всей.
Я приехал на родину, —
Ни родни, ни друзей.
Опустела окраина
За какие грехи.
Лай собачий не слышу я,
Не поют петухи.
На засохших осинах
Птицы гнезда не вьют.
Не спасли мы, Россия,
Деревеньку свою.
Не спасли, не сумели,
Значит так тому быть.
Только эту потерю
И вином не залить.
Я склонился до пояса
И коснулся земли.
Ветер плачущим голосом
Простонал мне вдали.
Эх, крапива, крапива,
В сердце жгучая грусть.
Лихоманная сила,
Придавила ты Русь!

* * *

Я вольно жил,
как в поле ветер,
Свободу полную любил.

Я камнем в недруга не метил,
Не осквернял родных могил.
Я вольно жил,
 как в поле ветер,
Я жизнь познал со всех сторон.
На теле пройденных столетий
Немало шрамов и отметин,
И на моих руках, поверьте,
Земная пыль крутых времен.
Я вольно жил,
 как в поле ветер,
И если спросите, отвечу,
Что значит вольно жизнь
 прожить;
Не быть слепцом,
 глупцом беспечным,
Ханжой и скрягою не быть.
И в счастье веря,
 в небе сером
Звезду Полярную встречал,
И Крайний Север,
 словно сейнер,
На гребнях выюг меня качал.
И мне пока что
 небо светит,
А если вдруг...
 вы знайте все —
Я вольно жил,
 как в поле ветер,
Любил черемуху в росе.

* * *

Выезжал когда из шахты,
Из клетки сходил на луг,—
Как духмяно травы пахли,
И цветы цвели вокруг!

Колокольчики, ромашки.
Клевер, мята все подряд.
Даже желтенькая кашка
Пришаманивала взгляд.

Даже жгучая крапива,
Подорожник и лопух —
Все прекрасно, все красиво.
Все захватывало дух.

Под землей красы негусто,
Путь к пластам угля тернист.
Оттого острее чувства
У людей, познавших риск.

Эльвира Александрова
(г. Мценск)

ВСПОМИНАЯ ПОЭТА...

Не просто писать о человеке, к жизни, судьбе и творчеству которого прикован интерес многих людей.

Считаю большим счастьем, что судьба позволила мне быть рядом с Иваном Васильевичем Александровым, общаться с этим интересным, замечательным человеком. Он был острым, колючим, но справедливым и добрым.

Орловский поэт Андрей Фролов в своих воспоминаниях писал: «Должно быть, Иван Александров из тех, о ком Алексей Решетов сказал: «...Провинциальные поэты, не вознесенные молвой». Ивану Васильевичу до молвы и дела нет, он давно уже определился со своим местом как в жизни, так и в литературе.

*В Дубках,
Да в Лужках,
Да в Скородинке
Смешно нам о славе вздыхать.
Признали бы только на родине,
А где-то успеют признать.*

На родине признали. И давно признали дважды: Иван Васильевич — Почетный гражданин Мценска и Мценского района Орловской области.

Вся его жизнь, работа и творчество связаны с Мценским краем, родной Гудиловкой. «Я появился на свет божий 15 февраля 1932 года в захолустной мценской деревушке Гудиловке, затерявшейся среди раkit и черемух». Так он обозначил свой источник в автобиографической заметке. По присущей ему скромности он мало говорил о себе, но очень много о времени и о стране. И прежде всего о родном крае.

Детство, оборванное войной, стало для Ивана Васильевича началом трудовой жизни. С малых лет трудился в колхозе: пахал землю, косил с бабами луга, возил на волах копны. Много читал, увлекался поэзией.

В студенческие годы посещал литературный кружок при Тульском пединституте. В 1951 году в альманахе «Литературная Тула» и сборнике «Стихи тульских поэтов» появились его первые стихи.

В разные годы он печатался в областных газетах и сборниках. В журналах «Подъем», «Москва», «Звезда», «Наш современник», «Форум», «Молодая гвардия», «Роман-журнал XXI век». Отдельные его стихи появлялись в антологии «Час России», в альманахе «Поэзия», в «Невском альманахе», в альманахе «Орел литературный», в хрестоматии «Писатели Орловского края XX век».

В 60-х годах живой интерес к творчеству Ивана Александрова проявлял Н. Браун, известный советский поэт, много лет заведовавший отделом поэзии в журнале «Звезда».

На книге своих стихов он сделал автограф.

«Ивану Александрову.

Дорогой Иван Васильевич!

*Твой талант взрастила русская, орловско-тульская, прекрасная и щедрая земля.
В твоих стихах я слышу ее живое дыхание, плеск ее речек, шелест ее лесов, шорох ее
травы, говор и песню ее деревень.*

*В эти дни накрепко и навсегда побраталось наше слово. Желаю тебе высоко рас-
ти, далеко видеть и долго-долго петь свою задушевную песню!*

Н. Браун

1968 г., 9 января Ленинград».

Иван Васильевич — автор 13 сборников стихов и прозы, лауреат Всероссийских литературных премий им. А. Фета и «Вешние воды», награжден памятной медалью «К 100-летию со дня рождения М. А. Шолохова».

От первых стихов до последних лирических тетрадей раскрывается его незаурядный поэтический дар.

Понимая тяжелую жизнь людей в годы реформ, Иван Васильевич в своих книгах создает циклы стихотворений под названием «Рубеж», «Рыжие дни», «Распутица», «Черный юмор». Горько звучат слова поэта, видевшего как умирает русская деревня, как уже «пускают с молотка и землю и Россию».

Невероятным чувством ностальгии и боли пронизаны его последние сборники «Свет» (1997), «Пучок калины» (2001), «Вербный родник» (2007), «Багряные листья» (2008).

Его стихи любимы многими, его книги на полках не залеживаются. Его литературный труд оценен высшей наградой поэта — любовью читателей.

Иван Васильевич никогда не порывал с учительской профессией. Был учителем, директором школы, инспектором роно.

Широкому читателю он известен, как поэт, педагог. Еще не изучены его статьи и выступления о поэзии, о школе, не опубликована его переписка с другими писателями и читателями, его записи и заметки.

Жизненный и литературный путь И. В. Александрова завершен как раз в ту пору, когда он достиг полной зрелости своего творчества.

Много испытаний было в судьбе Ивана Александрова — поэта и гражданина. Но он сумел сохранить постоянство. Постоянство цели, идеала, позиции.

Иван Александров
(г. Мценск)

ДУША ЕГО МЕТАЛАСЬ...

Толстой по-соседски общался с Тургеневым, Фетом, Дьяковым, Абрикосовым и другими мценскими знаменитостями. Он знал мценскую округу не хуже, чем окрестности Ясной Поляны. Не было такого уголка, где бы не ступала его нога. Душа его металась — и он не находил себе места. Случалось, что граф шел пешком от деревни к деревне, заходил в курные хаты, толковал о житье-бытье. «Ужасная нищета!» — сокрушался он, испытывая муки совести. Пытаясь искупить невольную вину, Толстой открывал в десятках деревень Мценского уезда столовые для голодающих, чтобы спасти бедствующих от неминуемой смерти. Молва о его подвижничестве жива доньше.

Лев Николаевич был своим человеком в тургеневских местах. Здешные родники и речушки помнили седобородого странника, который склонялся над ними, чтобы утолить жажду или омыть усталое лицо.

Память живуча. В пору своей юности я заглянул в Ясную Поляну. Так совпало, что в этот день спилили засохшее «Дерево бедных». Я унес с собой несколько кусочков коры. Они до сих пор хранятся у меня как память о заступнике бедноты.

Имя Толстого запечатлелось в ряде моих стихов.

ТОЛСТОВСКАЯ ЗАСТАВА

*Павлу Базову**

Рогожинский поселок
Косился на барак.
От мыслей невеселых
Залезешь на чердак.

Я забывал нередко
Барачный неуют .
Накидывал вельветку
И топал в институт.

Налево и направо
Шумел горластый май.

* Выпускник Тульского государственного университета.

Толстовская застава
Садилась на трамвай.

А я бреду по маю
И сдерживаю прыть,
И голову ломаю,
Как в этом мире жить.

Отбившийся от дома,
Блуждал я много лет,
Как будто шел к Толстому,
Чтоб получить ответ...

ТОЛСТОВКА

Тогда, как бор сосновый,
Стояла конопля,
И нитками суровыми
Сшивала быт семья.

Из этих ниток пряжи
Соткут зимой холсты:
Потом сошьют рубахи
И смастерят порты.

И в той одежде бедной,
Загадочно-простой,
Форсили наши деды
И даже граф Толстой!

БОЖЬЯ МИЛОСТЬ

Звонарь с утра молитвой грелся,
Перекрестив голодный рот,
Потом гвоздил в обломок рельса
И звал в столовую народ.

Спешили дети пыльной тропкой
За стол спасительный гурьбой.
Кормил то кашей, то похлебкой
Ребят лопашинских Толстой.*

Он уезжал, а им казалось,
Что вновь помчался за едой,
И пыль за бричкою взметалась
Седой толстовской бородой...

* Лопашино — одна из деревень, где была столовая для голодающих.

ЗАТИШЬЕ

*Памяти Х. Н. Абрикосова **

Снова сливы да вишни
Белопенно цветут.
А глухое Затишье
Погружается в гуд.

Жил когда-то ученый
Тут, в сторонке от сел,
Горячо увлеченный
Приручением пчел.

Зря не мял их роевней,
Не дразнил дымарем.
Восседала царевой
Матка в улье своем.

Пчелы мирно кружились
У родного летка
И послушно садились
На ладонь старика.

Дружелюбно, радушно
Их встречал пчеловод:
— До чего же вы дружный,
Работающий народ!..

И стараются пчелы
По науке его,
В суматохе веселой
Не забыв ничего...

Под ветвями сквозными
Рад сиятельный гость,
Что беседовать с ними
По душам довелось...

ПРЕДАНИЕ

В жаркий полдень лета,
Проявляя пыл,
Лев Толстой для Фета
Сам ботинки шил.

Шило, дратва, гвозди —
Было все при нем.

* Известна фотография: «Л. Н. Толстой на мценском хуторе Затишье у своего единомышленника Х. Н. Абрикосова. 1910 г». Обычно Толстой навещал его по пути к дочери в Кочеты.

Любовались гости,
Улыбался дом.

— Сколько за услугу? —
Фет напрягся весь.
— Ну тебе, как другу
Уступлю за шесть!..

Поиграли в рынок
Мудрый и скупой.
Началось с ботинок —
Кончилось землей.

— Мне еще бы пашен
Двести десятин...
— Ну землей торгашит
Только сукин сын!..

СИРЕНЕВАЯ АЛЛЕЯ

В конце весны,
В начале лета,
В погожий день,
В ненастный день
Цветет сирень в усадьбе Фета,
Цветет в Козюлькино сирень.

Сюда, измаянный и сирий,
С кругами синими у глаз
Пришел герой «Войны и мира»^{*}
За исцеленьем в тяжкий час.

Он шел сиреновой аллеей,
Вдыхал сиреневый настой,
И становилась жизнь светлее,
Такой понятной и простой.

Когда бывает нелегко мне,
Когда на сердце ляжет тень,
Я говорю: живи и помни —
Цветет в Козюлькино сирень!..

БЕЛЫЙ ПУХ

Ирине Александровой

У перрона Мценского вокзала,
У его разбросанных путей

^{*} По рассказам Н. П. Пузина, внучатого племянника Фета, отдельные сцены «Войны и мира» С. Бондарчук снимал в фетовском Козюлькино. После смерти жены А. Болконский приезжает в Лысые Горы и идет сиреновой аллеей в саду поэта.

Время безоглядно разметало
Вековое братство тополей.

А они до рокового лета,
Белый пух роняя на крыльцо,
Помнили Тургенева и Фета
И Толстого помнили в лицо.

Сколько раз
От соловьиной станции
Провожали тополя гурьбой
Ильковского гордого скитальца*
На свиданье с голубой звездой.

Веруя в заветы и святыни,
Отвергая суету и гвалт,
Память тополиная доньше
Пробивает землю и асфальт.

Ничего нет колдовского в этом,
Просто память вечность ворошит,
А над Зушей и зимой, и летом
Белый пух
Кружит,
Кружит,
Кружит...

СВЯТЫЕ РОДНИКИ

Там, где Ядринка петляет,
Там, где вьется Студенец,
То гармошка зарыдает,
То запляшет бубенец.

Это верно:
Предки знали,
Где им праздники справлять,
Как гасить свои печали,
Чем им жажду утолять.

Ведь живет молва поныне,
Что из нашего ручья
Пил Микула,
Пил Добрыня,
Причащался сам Илья.

Ключ студеный,
Ключ ядреный,

* Мемориальная доска на вокзале: «В этом здании в разные годы бывали И. С. Тургенев, А. А. Фет, Л. Н. Толстой, И. А. Новиков». И. А. Новиков — писатель-пушкинист, уроженец д. Ильково.

Ключ былинно — зоровой,
Я пришел к тебе с поклонной,
С побелевшей головой...

Там, где Ядринка дымится,
Где клубится Студенец,
Любо-милу причаститься,
Осушить до дна корец!..

* * *

Постою чуть-чуть на берегу,
Погляжу налево и направо.
Камыши взметнулись на лугу,
Заглушив застенчивые травы.

Не отыщут пчелы и шмели
Таволги, шалфея, иван-чая.
Взобрались на кручу ковыли,
Сивыми метелками качая.

Захлестнули волны ковылей
Снова Поле Дикое на взгорье.
Только не видать богатырей,
Что стояли на Руси в дозоре.

* * *

Заблажели луга, заблажели,
И поля бодяком зацвели.
Где вы, блудные дети артели?
Где хранители русской земли?

Ни ответа, ни вздоха, ни взбучки,
Ни печали в державных делах.
Лишь колючки, колючки, колючки
На лугах, на полях, на холмах.

Только наших пророков базарных
Не колышут тревога и грусть.
Не татары, а просто татарник
Покоряет бесхозную Русь.

* * *

Кроты Россию источили,
Слепцы Россию извели.
Гнилые кочки, словно чирьи,
На теле матушки-земли.

У наших сел и деревенок,
Среди разлужий и лесов
Заглох бессонный муравейник,
Как неизбывной жизни зов.

Россия жрет и пьет по-свински,
Россия беспробудно спит.
Ей нужен вовсе не грузинский,
А чистый муравьиный спирт!

* * *

Трансферт, секвестр, приватизация
Вторгаются в живую речь.
Как от ползучей оккупации
Язык и душу уберечь?

Слова под видом инвестиций,
Под дымовой завесой лжи
Без боя перешли границу
И закрепляют рубежи.

Эй, вы, под Тулой и Рязанью,
Точите заржавевший штык,
Чтоб не подверглись обрезанью
И наша плоть, и наш язык!

БАЛЛАДА О ВЕРНОСТИ

Дома от боли охали,
Как люди на войне.
Враги палили в Гоголя,
Толстого жгли в огне.

Надев стальные каски,
Винтовку взяв с собой,
За Русь вставали классики
И принимали бой.

В одной большой лавине
Они в атаку шли.
Их танками давили
И пулями секли.

Им отрывало руки
Осколками брони.
А им плевать на муки —
Бессмертные они.

Взглянув на мир сурово,
Смахнув святую кровь,
Они вставали снова
И шли в атаку вновь.

Бесстрашные такие
Ломились напролом
Под Харьковом и Киевом,
Под Курском и Орлом.

Хранили беспримерно
В пороховом дыму
Классическую верность
Народу своему.

Победу шумно празднуя,
Пришли они домой,
Хорошие и разные,
С завидною судьбой.

Стальные сбросив каски,
Пробитые в бою,
На полки встали классики
В порядковом строю.

ПРАВОСЛАВИЕ В НАШИХ ДУШАХ

РУССКОЕ ДРЕВЛЕПРАВОСЛАВИЕ: ДОКУМЕНТЫ СТАРОЙ И НОВОЙ ИСТОРИИ

От ведущего рубрики: Первая публикация раздела журнала «Православие в наших душах» была помещена в «ПЗ» № 2, 2007, и еще одна — в «ПЗ» № 1, 2009. Чем объяснить двухгодичный перерыв? Конечно не невостребованность данной тематики читателями. Наоборот, налицо самый активный интерес, учитывая своеобразный ренессанс в современной России не только православного христианства, но и остальных канонических религий: ислама, иудаизма, буддизма. Более спорно достаточно активное продвижение римско-католического христианства, учитывая, что исторически Россия, исключая Царство Польское — до потери его Российской империей в Первую мировую войну — и униатскую церковь Западной Украины, ныне тоже иное государство, не является канонической территорией церкви Св. Петра. При всем уважении к инославным верующим.

...А перерыв был связан со следующим. Учитывая, что авторы первой публикации — люди воцерковленные, мы и в дальнейшем рассчитывали на авторов, приближенных к клиру обеих ветвей современной русской православной церкви: православию Московского и Всея Руси патриарха и Древлеправославной (староверческой) русской церкви. Однако здесь нас ждало некоторое разочарование. Автор этих строк имел беседы как с православными священниками, настоятелями тульских храмов, так и, используя свой староверческий традиционализм, что немаловажно, — с представителями Поморской древлеправославной церкви, наиболее многочисленного и влиятельного течения в современной староверчестве.

Увы, обещание написать для журнала так и остались благими намерениями... Как нам представляется, священнослужители православной церкви сейчас более озабочены «освоением» свалившегося на нее внимания, в том числе материального характера, государства. Да и вообще проповедническая, философско-теологическая сторона религиозного процесса исторически не является прерогативой православной церкви, в отличие от католицизма. Налицо преобладание обрядовой стороны. Плохо это или хорошо — не нам, мирянам, судить. Но ведь и потому церковь наша называется православной (ортодоксальной — на европейских языках), что это — через Византию — церковь, основанная самим Иисусом Христом, а основателем католической церкви, самоназывающейся апостольской, считается апостол Петр. Может отсюда и явные различия в доминантности проповеди и обрядовости?

...А что касается представителей староверчества, то здесь, по всей видимости, продолжает сказываться тоже многими столетиями выработанная осторожность общения со средствами массовой информации, говоря языком современности.

Как бы то ни было, но выбор напрашивается сам по себе: столь полезную, востребованную рубрику журнала, претендующего, в числе прочего, на задачи религиозно-исторического просветительства, следует вести «своими силами», прививая известные и/или малоизвестные литературные источники.

Ниже мы обращаемся к двум документам, относящимся к историческим фактам древлеправославной церкви. Оба материала воспроизводятся по современному

изданию (нам не удалось уточнить выходные издательские данные) — сборнику документов, относящихся к староверчеству.

Сделаем нужные пояснения в публикуемых материалах используется самоназвание «старообрядцы», «старообрядчество», что было принято в XVII—XIX вв. и в начале XX в. Но в настоящее время древлеправославные называют себя *с т а р о в е р а м и*, что, вообще говоря, более логично, ибо различие в обрядах с православными-никонианами малосущественно: дву- или трегубая «аллилуйя», крещение дву- или триперстное, да еще написание имени Христа с одним или двумя «И». А вот понятие «старая вера» намного более существенно, а вообще говоря, — оно основное в содержании случившегося во времена патриарха Никона раскола доселе единой русской православной церкви.

Многое дотошный читатель в данном аспекте извлечет из публикуемых ниже материалов, в особенности из речи Екатерины II о староверчестве. Мы же сделаем вводную. Не очень дальновидные (светские) историки церкви обычно проводят некую параллель между расколом русской церкви и реформами Лютера и Кальвина в рамках тоже ранее единой римско-католической церкви. Это глубокое заблуждение. Или идеологический заказ, не важно кого: царей или генсеков, но кому было так удобнее жить...

Различие здесь фундаментальное. В лице протестантизма от церкви Св. Петра догматически *п о л н о с т ь ю* отпала половина ее адептов, а сам протестантизм, исключая более или менее консолидированное лютеранство, раздробился на множество сект.

Русское же православие в результате реформ Никона не породило протестантизма и догматически осталось единой и верной всем заветам Христа. Напомним: исходные догматы есть основа, скрижаль, краеугольный камень любой канонической религии; малейшее отступление от догматов — суть нарушение церковной полноты, ибо догмат — это вера, главное содержание религии, которая не подлежит обсуждению, сомнению, вольному толкованию.

Но что же послужило движущей силой раскола русской церкви, длящегося до настоящего времени и реально не имеющего перспектив для объединения обеих ветвей русского православия, если незначительное различие в внешних обрядах (см. выше и в приводимых документах) здесь несущественно? — Ведь не упрямство же неистового протопопа Аввакума и боярыни Морозовой здесь первопричина?

Нет, конечно, а о истинной причине раскола стараются не писать ни отцы православной (никонианской) церкви, ни светские историки религии, а староверы по даней привычке и вовсе молчат в миру. Но прежде всего ставить все точки над «и» невыгодно русской православной церкви Московского патриархата. Все дело в том, что выдаваемое дружно историками за причину раскола некоторое изменение Никонем обрядовости явилось лишь поводом, правда, весьма к месту и времени. А истинная причина состоит в назревавшем еще в Византии раскладе отношений православной церкви и государства (Византии, Руси-России, России в новейшие времена). Ибо по догматам аутентичного христианства (по заветам Христа) церковь и государство должны сосуществовать в гармонии. При этом телеологическая и сотериологическая функция государства основывается на *Втором послании* Св. апостола Павла к фессалоникийцам. Отсюда и эсхатологическая доктрина православия: симфония властей светских и церковных, в которой эти власти (царь и патриарх в русской церкви) находятся в строго определенном соотношении, как раз и определяемым принципом симфонии. А говоря языком понятийным: эти власти не подчиняются в смысле юрисдикции друг другу, но дружественно сосуществуют, и каждая из них в едином устремлении к благу государства и народа достигает этого доступными, имманентными им средствами.

Этот догмат сохранило древлеправославие, а православная церковь со времени Никона (хотя бы он сам и объявил себя равным царю!) все более и более становилась государственной, де-юре став таковой при упразднении Петром Первым патриаршества. Вот в чем причина случившегося раскола, а вовсе не в малосущественных обрядовых тонкостях. Поэтому и появление в начале XX века в России единоверческих церквей свидетельствует о несостоятельности появления «старообрядчества». А вот «старая вера» — это куда существеннее; это основополагающее в расколе.

Мы не рассматривает аспекты данной ситуации в XX веке (после революции) и начале нынешнего, начиная со времен патриархов Сергия и Тихона, ибо, во-первых, это требует отдельного, сугубо аргументированного исследования; во-вторых, здесь налицо преобладание элементов политики церкви, и не нам, как мирянам, комментировать ее и делать выводы. Это прерогатива самой церкви.

Причина же, по которой мы фактически начинаем рубрику публикацией документов о староверчестве, актуальна: наша область, а также соседние Калужская и Брянская, являются историческим местом проживания староверов «поповского» и «беглопоповского» согласия. Сильны позиции и Поморской староверческой церкви. Пользуясь веротерпимостью и лояльностью нынешней государственной власти, староверы, как и православные Московской патриархии, активно участвуют в процессах возрождения церковной полноты. Так, в Туле староверам возвращаются их исконные храмы, идет речь о реставрации единоверческой церкви и так далее.

Наконец, следует учитывать, что в современной России проживает порядка восьми миллионов только воцерковленных староверов. Намного больше число традиционных (по воспитанию, культуре и пр.) староверов. Как правило, это люди высокообразованные, занимающие активную жизненную позицию, в том числе вовлеченные в литературный процесс.

Вроде все сказано в данном кратком предисловии.

Алексей Третьяков

В. Е. Макаров

СТАРООБРЯДЧЕСТВО, ЕГО СМЫСЛ И ЗНАЧЕНИЕ*

Не без смущения, гг., взошел я на это место, чтобы, по мере сил моих, осветить пред вами тот уголок русской жизни, который обычно принято называть старообрядчеством, уголок, для многих до сих пор темный и неведомый. До самых последних лет мы занимали исключительно — неблагоприятное и ненормальное положение — постоянных подсудимых. Должности и прокурора, и следователя, и истца, и свидетелей, и судей наших заключались в одном лице — наших многочисленных врагов, духовенства, миссионеров и т.д. Нам, подсудимым, был зажат рот и связаны руки, мы были лишены права пользоваться орудием печати, мы были лишены и тех мизерных прав, какие полагались прочим гражданам до 17 апреля и 17 октября 1905 года, при осужденном и народом и самой верховной властью самодержавно-бюрократическом режиме. Общество всегда слышало только обвинителей и не могло, по чудовищным цензурным условиям, слышать обвиняемого. Нас не спрашивали, когда судили-рядили и спорили о нас. Но так как в прогрессивной печати иногда все-таки проскальзывало сочувственное и более или менее беспристрастное слово о старообрядчестве, то обыкновенно простым административным распоряжением вопрос старообрядческий приказывали изъять из обсуждения печати. А между тем наши многочисленные враги не дремали, — они, пользуясь этим, говорили о нас, что угодно, а чаще всего прямо лили ушаты помоев на незащитное и многострадальное старообрядчество.

Да и сочувственное слово о нас, благодаря малому знакомству широкой публики с религиозными вопросами вообще и с старообрядчеством в частности, часто тоже было неточно или неверно. В силу всего этого, старообрядческий вопрос в существующей литературе, особенно официальной, освещен крайне односторонне, пристрастно и тенденциозно, и общество, благодаря этому, или совсем не знает настоящей физиономии старообрядчества, или имеет о нем совершенно превратное понятие. Армия наемных миссионеров казенного «православия» и полицейского благонравия, содержащая на последние гроши, жестоко выколачиваемые с нищаго, темного и невежественного мужика, гроши, которым нашлось бы, несомненно, лучшее и более продуктивное применение, а также кучка мнимо «ученых», недоучек и дилетантов, присосавшихся к казенному пирогу, поют в унисон, что старообрядцы незаконно и неправильно, не имея никаких разумных оснований, отделились от русской господствующей церкви и ее иерархии, что, как упорно ни занимайся этим вопросом, а основательных причин для раскола не было и нет. И с легкой руки подобных инсинуаторов многие до сих пор видят в старообрядчестве лишь проявление дикаго фанатизма, порождение тупоумия и невежества, узости, буквоедства и обрядовой нетерпимости.

Как произошло старообрядчество, что оно из себя представляет и какой имело и имеет смысл и значение? — Вот на эти вопросы я и хочу ответить.

То было, гг., в XVII столетии... Деспотическая церковная реформа патриарха Никона расколола до того времени единую православную русскую семью. Народ возстал против новопечатных книг и новых обрядов, против «любоначалия во властях», против гордой самоуверенности и «латынских нравов» духовных «владык», отождествляющих церковь с самими собою. Исконный страдалец-народ все мог стерпеть, со всем так или иначе мог примириться. Мирился он и с отнятием у него старинных

* Публичная лекция, прочитанная старообрядцем В. Е. Макаровым 20 января 1908 года в Москве, в помещении 1-го общества торговых служащих.

земских прав и вольностей, мирился он и с тяжелым монгольским игом, терпел он всякия невзгоды и произвол «власть имущих», до опричнины включительно, согнул он шею и под крепостным ярмом личной неволи. Но тем крепче он держался за свою веру, которая к тому времени оставалась единственной сферой его свободной мысли и деятельности, так как все остальное было «расписано по рангам», поглощено правительственной опекой и насилием.

Только в области веры народ мог еще чувствовать себя относительно свободным человеком, только здесь оставался он на своей почве, только здесь мог получить удовлетворение и нравственное вознаграждение за весь гнет, насилие и невыносимую тяжесть общественно-экономического строя, за все бедствия и удары судьбы.

За свою веру, эту свою последнюю собственность, последнюю святыню, оставленную отцами и дедами, народ готов был идти на смерть, отстаивать ее до последней капли крови, и поэтому отнять ее у народа — значило отнять его «душу». И когда народ увидел и помял, что у него хотят отнять его последнее достояние — его веру, хотят пленить его душу, поработить его совесть, попрасть и обесчестить все то, чем он еще жил и дышал и в чем он еще чувствовал себя хозяином, — его обычаи, предания, чаяния и надежды, он этого не стерпел и с этим никоим образом не мог помириться.

Это покушение на свою веру народ увидел в церковной «реформе» середины XVII столетия.

Неблагодарную роль исполнителя этой реформы, которая потрясла исторические судьбы русской церкви, реформы крайне неудачной, скороспелой и небрежной, неосмотрительной, необдуманной и мелочно-примитивной, реформы в которой и не было в то время особенной нужды, взял на себя патриарх Никон, человек хотя и способный, но узкий и недалекovidный, а к тому же крутой, честолюбивый и капризный до самодурства, человек, страдавший манией величия, способный идти «напролом», ни перед чем не останавливаясь, человек, в характере которого господствовали гордость, надменность, ненависть, злоба и почти зверская свирепость, заставлявшая трепетать не только его подчиненных, но и всех вообще окружавших его.

Понятно, что такой человек, как Никон, о котором, «грозя друг другу», говорили: «знаете ли, кто он, зверь ли лютый, лев, или медведь, или волк?»*, о котором даже собор 1667 года засвидетельствовал, что он все делал изступя ума, следовал не Спасителю, а сатане**, был даже хуже сатаны***, не мог в своих капризных притязаниях на роль «очистителя» церкви дорожить истиной, миром и благоденствием церкви, и от него невозможно было ожидать справедливости, беспристрастия, добросовестности и чего-либо доброго.

Поддавшись интригам, проделкам и влиянию ловких проходимцев и авантюристов из облатинившихся малорусских монахов и греков, воспитанников иезуитов, праздношатающихся милостыне-собирающих, людей с темным прошлым, низких, корыстолюбивых, готовых продаться кому угодно, на золотой телец променять все — и совесть, и веру, и убеждения, людей, которым выгодно было устроиться «при реформе», насеять в русской церкви смуты и вражды и явиться «учеными» вершителями ея судеб, — Никон принялся за свою реформу с фанатизмом, свойственным всем узким и недалеким людям, с сознанием своей неограниченной власти и своей непогрешимости, и, не знавший чувства меры, он не мог ограничиться необходимым и слишком перегнул дугу в другую сторону, чем, по словам своего современника и продолжателя его реформы, Паисия Лигарида, «вместо мира бросил нож в

* Ист. рус. Церкви, м. Макария, т. XII, стр. 215.

** Ист. изслед. Дела Никона, Гиббенета, прилож. к 2 ч., стр. 683 и 1051.

*** Ист. р. ц., Макар, т. XII, стр. 736.

Христову церковь»*, а на чистое поле русского векового благочестия выкинул знамя раздора.

Ломая и коверкая древность, искажая, и умышленно и по небрежности церковно-богослужебные книги, чины и обряды, приводя их в согласие с современными себе греческими книгами, печатанными латинянами и протестантами в западных типографиях, прошедшими чрез руки и цензуру иезуитов,— Никон и его клеветы не могли не вызвать дружного и сильшого протеста со стороны русского православного глубоко-верующаго народа, вставшего на защиту древних преданий и родной старины.

Тем более станет понятна и естественна та боязнь, та нервно-болезненная дрожь, тот неподдельный страх и ужас за чистоту и неповрежденность русского православия и благочестия, то сильное негодование и протест, которыми лучшая и большая часть народа встретила никоновскую бессмысленную и противную духовной свободе реформу,— если вспомнить, что первые же реформаторския попытки Никона и его сподвижников в деле реформы показали, что они не могут терпеть и даже слышать равнодушно никаких замечаний и протеста, никакого контроля над своими поступками со стороны тела церкви — народа, но требуют безусловнаго, рабскаго и слепого послушания себе.

А протест этот, как разумное проявление здравого, сознательного отношения к вере и иерархии православных людей, как живых и деятельных членов живого организма — церкви, был и исторически и канонически вполне правилен и законен.

В никоновской реформе христианский начала любви и свободы были подавлены латино-римскими, национальными особенностями не принимались во внимание,— она выражала собою презрение религиозной жизни русского народа со всеми ея чаяниями, заветами и преданиями и любовь ко всему чуждому, иноземному, особенно греческому. Ея вершители, состоявшие из чуждых русскому духу элементов, пропитанные безбожным папским «правом» и духом непогрешимости, не имели и не могли или не хотели иметь никакого понятия о характере и мировоззрении того народа, от котораго они властно требовали безусловнаго и слепого послушания себе. Религиозные мониторы не хотели понять народной души, муштровали народ по-своему, все хотели навязать ему внешними насилиями, все желали строить по своему произвольному плану, который не имел жизненных, разумных оснований, никак не вязался с думами, чувствами и стремлениями народными...

Народ ясно видел и понимал, что реформа — результат корыстных происков греков и каприза Никона.

На эту несправедливость, неестественность и внутреннюю ложь никоновских нововведений и стал он указывать, встав грудью на защиту добрых обычаев и порядков родной старины, воспитавшей его и вполне отвечавшей его духу и потребностям.

Первое решительное и открытое столкновение между защитниками старины и Никоном произошло вследствие следующего распоряжения, которое, под влиянием греков-советников, Никон разослал по московским церквам пред наступлением Великаго поста 1653 года: «По преданию святых апостол и святых отец, не подобает в церкви метания творити на колену, но в пояс бы вам творити поклоны, еще и тремя персты бы есте крестились».

Такое неожиданное и притом единоличное, ничем не мотивированное распоряжение патриарха, покушавшееся изменить старый церковный чин и обряд, крайне смутило благочестивых людей, воспитанных в благоговейной преданности существующим церковным чинам и преданиям, тем более, что относительно крестнаго знамения существовало категорическое и вполне ясное определение «стоглаваго собора»: «Иже не знаменуется двема персты, якоже и Христос, да есть проклят».

* Богослов. Вестн., окт. 1892 г., отд. 2, стр. 55.

Распоряжение это поставило народ в тяжелое, двусмысленное положение: подчиниться распоряжению — значит подвергнуть себя клятве собора, на котором были иерархи, признанные русской церковью святыми; остаться верным соборному постановлению — значит ослушаться грозного патриарха. — «Мы задумались, — говорит протопоп Аввакум, — сошед-шеся между собою, видим, яко зима хочет быти: сердце озябло и ноги задрожали».

Кружок ревнителей церкви из духовенства подает патриарху письменный протест против его распоряжения с выписками из отеческих книг.

Но начиная таким мирным, строго обдуманном путем свое дело, защитники старины ошиблись в расчетах. — На их протест не обратили никакого внимания.

В следующем 1654 году, желая показать вид, что он делает дело не самовольно, а с согласия всех епископов, Никон собирает собор и принуждает епископов подписать свое предложение об исправлении книг, при чем не обошлось и без обмана. Никон заявил, что книги будут правиться по древним греческим и славянским рукописям, тогда как на самом деле исправление было произведено по современным ему греческим книгам, печатанным иезуитами в Риме, Венеции и др. городах.

Начал было на соборе возражать относительно поклонов епископ Павел Коломенский, но тут же жестоко за это поплатился: Никон разразился над несчастным епископом страшною карою: низверг его, сорвал с него мантию, предал его жестокому телесному наказанию и сослал в заточение, где Павел впоследствии, по приказанию Никона, был убит, и тело его сожжено*.

В следующем 1655 г. «исправленный» служебник был уже напечатан.

Исправление книг продолжалось.

В чем же, собственно, состояло это исправление?

Профессор Е. Голубинский говорит: «Большее частью дело понимается так, будто Никонovo исправление богослужебных книг состояло в точном и настоящем воспроизведении древних греческих и славянских рукописей или было ничем иным, как этим точным воспроизведением. Такое понимание дела, основанное на ошибочном толковании недостаточно определенных слов предисловия к «служебнику», есть понимание совершенно неправильное, ибо представляемое в подобном виде исправление богослужебных книг было делом вовсе невозможным и было бы со стороны Никона делом лишенным смысла... Он захотел и предпринял исправить наши книги по современным книгам греческим, дабы привести нас относительно их в полное согласие с современными себе греками... Если Никон переменял взгляд на позднейших греков и начал смотреть на них, как на неизменно и неповрежденно сохраняющих чистоту православия древних греков, то из этого само собою и необходимо следовало, что мы должны быть в согласии относительно богослужения с этими последними греками, ибо иначе — признавать чистоту православия позднейших греков и не хотеть того, чтобы быть в согласии с ними относительно богослужения, было бы нелепостью, логическим *contradictio in adjecto*. Но и, наконец, приступая к исправлению книг, что провозглашал Никон на соборе 1654 года в своих известных «возглашениях», как не то, что желает привести русскую церковь относительно обрядов и богослужения к согласию и единению с современною церковью греческой?... Первоисправленный Никоном «служебник» и все последующие новые «служебники» вплоть до настоящего не составляют каких-нибудь книг секретных, относительно которых была бы невозможна проверка. Эта проверка документальным образом и доказывает, что Никон исправил служебник не по древним рукописям греческим и славянским, а по современному себе печатному греческому эвхологию и по современному живому чину греческой церкви. В библиотеке московской синодальной типографии до на-

* Ист. р. ц. Мак., т. XII, стр. 145 и 146.

стоящего времени сохраняется экземпляр греческого печатного эвхология, с которого... был правлен служебник 1655 года... Никон предпринял свое исправление книг с тою целью, чтобы относительно их привести русскую церковь в полное согласие с современною церковью греческою; а если так, то уже вовсе не может быть разумеемо исправления книг по древним рукописям греческим и славянским»^{*}.

Находящееся в моем распоряжении время, гг., не позволяет мне подробно остановиться на вопросе о технической стороне этого quasi-исправления. Вы сами поймете, велики ли были достоинства этого исправления, если я укажу вам только на один факт: При сравнении текста литургий: старопечатного, исправленного Никоном и греческого, которое сделано было по предложению Платона, архиепископа рижского, потом митрополита киевского, в 80-х годах XIX столетия, оказалось: из 340 параграфов — 230 указывают на погрешности служебника исправленного, и только 30 — на погрешности старопечатного, 45 — на общия обоим служебникам. Рассмотрены были литургии Иоанна Златоустаго и Василия Великаго.

В самый разгар никоновского книжного исправления и борьбы из-за него, в том же 1655 году, прибыли в Москву сербский патриарх Гавриил и антиохийский Макарий, которые и помогли Никону в его «реформировании» церкви.

«В 1656 году, 12 февраля,— говорит историк м. Макарий,— в день памяти святого Мелетия Антиохийскаго, а вместе и святителя московскаго Алексия, в Чудовом монастыре совершалась праздничная заутреня, на которой присутствовали сам царь со всем своим синклитом, патриархи с другими архиереями и множество народа. Когда в положенное по уставу время прочитано было из Пролога, в поучение православному, известное сказание о святом Мелетии Антиохийском..., тогда Никон во всеуслышание спросил патриарха Макария, как понимать это сказание? И Макарий возгласил: «Мужие всего православия, слышите: аз преемник и наследник святого Мелетия престолу, вам известно, яко сей святой Мелетий три первые персты разлучены показа друг от друга, от них же и знамения не бысть; тыя же паки три соедини, ими же и знамение показа. И аще кто сими тремя персты на лице своем образ креста не изобразует, но имать творити, два последние соединяя с великим пальцем да два великосредния простерта имети, и тем образ креста изображати, таковый арменоподражатель есть...»

Прошло еще двенадцать дней; настала неделя Православия (24 февраля). Собрались в Успенский собор на торжество все находившиеся в Москве архиереи с знатнейшим духовенством, царь со всем своим синклитом и безчисленное множество народа.

«В то время, когда начался обряд православия, и церковь, ублажая своих верных чад, изрекала проклятие сопротивным, два патриарха, антиохийский Макарий и сербский Гавриил, и митрополит никейский Григорий стали пред царем и его синклитом, пред всем освященным собором и народом, и Макарий, сложив три первые великие перста во образ святыя Троицы и показывая их, воскликнул: «Сими тремя первыми великими персты всякому православному христианину подобает изображати на лице своем крестное изображение; а иже кто по феодоритову писанию и ложному преданию творит, той проклят есть». То же проклятие повторили вслед за Макарием сербский патриарх Гавриил и никейский митрополит Григорий... И можно представить, как должна была подействовать эта анафема на православных, произнесенная в самое торжество православия.

В начале апреля прибыл в Москву молдавский митрополит Гедеон. И в Москве, вместо трех, было уже четыре восточных святителя. Никон решил обратиться ко всем им разом с письменным посланием от лица своего и других русских архиереев,

^{*} «Богослов. Вестн.», 1892 г. II, стр. 303, 307—310.

и указывая на то, что в Москве «неции воздвизают прю» относительно сложения перстов для крестнаго знамения, и одни крестятся тремя перстами десницы, а другие двумя, умолял (?) этих святителей возвестить, где истина и как следует креститься»^{*}.

Макарий и другие приезжие с востока архиереи на вопрос Никона дали следующий знаменательный ответ: «Предание прияхом с начала веры от святых апостол и святых отец и святых седми соборов творити знамение честнаго креста с тремя первыми персты десныя руки, и кто от православных христиан не творит крест тако, по преданию восточныя церкви, еже держа с начала веры даже доднесь, есть еретик и подражатель арменов и сего ради имама его отлучена от Отца и Сына и Святаго Духа и проклята: и за извещение истины подписах своею рукою: Макарий милостию Божию патриарх великаго Божия града Антиохии и всего востока. Гавриил Божию милостию архиепископ пеккский и патриарх сербский. Вышереченная тако исповедаю, и тако свидетельствую, и тако держу. И аще кто не верует, и вышереченная не держит, да будет проклят, того ради руку приложих. Смиранный митрополит никейский Григорий пречестный (sic!) и экзарх всея Вифинии, вышписанная тако исповедаю, тако проповедаю и тако держу, и кто не держит тако, да имать клятвы святых трехсот и ось-минадесяти богоносных отец, в Никеи собравшихся (!), и прочих святых соборов и да будет проклят, и за извещение истины подписал своею рукою. Гедеон Божию милостию архиепископ и митрополит сучавский и всея земли молдавския, вышереченная тако исповедаю, и тако свидетельствую, и тако держу, и аще кто не верует и вышереченная не держит, да будет проклят, того ради руку приложих»^{**}.

«Это ответное послание четырех святителей,— говорит историк м. Макарий,— вместе со своим посланием к ним Никон немедленно велел напечатать, и поместить в качестве приложения к книге «Скрижаль».

«Когда, таким образом,— продолжает м. Макарий,— восточные патриархи, находившиеся в Москве, изрекли свой приговор на крестящихся двумя перстами, не только устно, в неделю Православия, но и письменно, Никон счел благовременным созвать на собор своих русских архиереев, чтобы и они постановили решение по тому же вопросу. Собор состоялся 23 апреля 1656 года... Присутствовали на соборе, кроме патриарха, три митрополита, четыре архиепископа, один епископ, двадцать два архимандрита, семь игуменов, один строитель и один наместник. Никон открыл заседания собора довольно обширною речью. Сказав сначала, как зазирали и поносили его приходившие в Москву восточные святители за разный неисправности в церковных книгах и обрядах, в том числе и за употребление двоеперстия в крестном знамении, как приступил он к исправлению книг, Никон объявил, что он уже исправил некоторыя церковныя книги, а вместе с тем велел перевести и напечатать с нужными приложениями и книгу «Скрижаль», представляемую им теперь на рассмотрение собора. В особенности обратил Никон внимание отцов собора в своей речи на учение о двуперстии и объяснял, что соединением, по феодоритову писанию, великаго перста с двумя малыми неправо исповедуется таинство Пресвятыя Троицы, а совокуплением двух перстов, указательнаго и средняго, неправо исповедуется таинство воплощения; напомнил..., как изрекли в неделю Православия проклятие на крестящихся двумя перстами три восточные святителя, и как то же проклятие повторили они, вместе с молдавским митрополитом, в своем письменном ответе, и предложил собору русских святителей и духовенства сказать свое слово о том же предмете. Присутствовавшие на соборе занялись сначала свидетельствованием книги «Скрижали», «соборне чтоша ее во многи дни, с великим прилежанием всяку вещь и всяко слово со опаством разсуждающе», и обрели ее не только «безпорочну», но и достойну вся-

^{*} Ист. Русск. Церк., Макария, т. 12., стр. 188—191.

^{**} Скрижаль, изд. 1656 г., нечислен. Листы, между стр. 755 и 756; Ист. Русск. Церк., Макария, т. 12, стр. 191; «Патр. Ник.», Быкова, стр. 51.

кой похвалы и удивления, и много благодарили Бога за такое безценное (!?) сокровище. Затем, обсудив, что сказано о крестном знамении в трех статьях, помещенных в приложении к «Скрижали»..., собор постановил следующее правило: «Аще кто отселе, ведый, не повинится творити крестное изображение на лице своем, якоже древле святая восточная церковь прияла есть (!?)..., еже тремя первыми великими персты десныя руки изображати, во образ святых и единосущных и неразделимых и равнопоклоняемых Троицы, но имать творити сие неприятное церкви, еже соединя два малыя персты с великим пальцем, в них же неравенство святых Троицы извещается (!?), и два великосредняя простерта сущи, и них же заключати два сына и два состава, по несториеве ереси (sic!), или инако изображати крест: сего имама... всячески отлучена от церкви, вкупе и с писанием феодоритовым... проклинаем и мы». Это правило свое, равно как и всю книгу «Скрижаль» с приложениями, все находившиеся на соборе скрепили своими подписями 2 июня 1656 года.

Тем временем исправление книг облатинившимися греками продолжалось, несмотря ни на какие протесты и недовольство народное. Русские благочестивые люди теперь уже не «задумывались», а прямо ужасались, смотря на происходившее кругом них нечто такое, с чем никак не мог мириться ни ум, ни совесть верующего человека. Они теперь ошутительно почуяли, что «зима», в виде деспотизма, насилия жестокой свирепости, лжи, обмана и безумных клятв, сыплющихся как из рога изобилия на головы православного народа, действительно наступала, и «зима» суровая.

«Как было им не подумать,— говорит проф. Каптерев,— что эти пришельцы (греки, приближенные Никона) с очень темным и сомнительным прошлым, не твердые в православии, корыстолюбивые и эгоистичные, готовые служить всякому и всем, лишь бы только им хорошо платили за их службу,— что эти пришельцы, ломая русскую церковную старину, решая у нас разные церковные вопросы, тем самым не исправляли будто бы затемнившееся православие русской церкви, а только искажали его? Как русским было не признать глубокого унижения своей церкви и всего русского в том обстоятельстве, что на святой Руси всеми церковными делами орудует и заправляет выходец из Турции (Паисий Лигарид), запрещенный архиерей-авантюрист, лишенный своим патриархом кафедры и сана и даже не признаваемый самими восточными патриархами за православного? Как русским было не заволноваться при виде того, что русские церковно-богослужебные книги, будто бы не во всем строго-православные, вследствие допущенных в них искажений, исправляются человеком, который с детства был воспитан и соvrащен в униатство иезуитами, а потом принимал мусульманство, а затем делался опять то православным, то униатом, который и в то время, как «возстановлял» истинно-православный характер русских церковных богослужебных книг, сам находился, однако, под началом «для исправления его христианския православныя веры»?!..*»

Ясно, что при таком положении дела русским православным людям, которых безрассудно проклинали за одно двуперстие, проклинали только за то, что они хотели сохранить верность унаследованным от благочестивых предков преданиям, неизменность которых была ограждена клятвою свв. отцов и соборов, ничего не оставалось делать, как отделиться от таких пастырей, которые, по словам пророка, «пасли себя, а не народ», которые высказывали такие перлы «красноречия», «правдивости», «велемудрия» и «благоразумия», в роде вышеприведенных. Таким образом, образовалось два враждебных стана.

«На одной стороне,— по словам проф. Милокова,— стоял Никон, вооруженный авторитетом восточных патриархов и своим собственным, а также и той веревкой, или просто кулаком, которыми, по его собственному признанию, он «смирлял иногда

* Характ. Отош. России и правосл. вост., Каптерева, стр. 219—220.

по-малу в церкви» своих подчиненных, и которые в его употреблении сильно напоминают знаменитую дубинку Петра Великого. На другой стороне стояла вся огромная масса ревнителей русского благочестия, приученная авторитетом церкви верить в непогрешимость этого благочестия и в русскую всемирную задачу — сохранить его неприкосновенность до второго пришествия. Что должна была делать теперь вся эта масса? Ей осталось теперь одно — приложить к русской официальной церкви ту же теорию, какую она прилагала к римской, греческой и малороссийской. Так, положив руку на сердце, готовое громко исповедывать свою веру среди Москвы, отделялось русское народное благочестие от официального... Все, что было в России религиозного, все это или перешло открыто на сторону народной веры или ей втайне сочувствовало. На стороне господствующей церкви остались в огромном большинстве или равнодушные к вере или способные пожертвовать верой для житейских выгод по слабости или расчету»^{*}.

Этот народный протест был встречен страшными репрессиями и жестокостями со стороны высшей духовной власти и правительства. Все выдающийся лица, не согласные одобрить новизны, были похвачаны и разсажены по тюрьмам или угнаны в далекую ссылку. Начались гонения, началась страшная и ужасная в истории русского народа полоса, испещренная языками пламени, обрызганная слезами и кровью мучеников и страдальцев за веру.

И хотя сам Никон вскоре затем должен был удалиться от дел и даже был потом низложен и осужден, но дело его, натворившее столько бед в русской церкви, московское правительство решило продолжать.

Собор 1666 года 7 мая «соорудил» книгу «Жезл», нечто в роде апологии нововведений, в которой (л. 62) двуперстное крестное знамение называет «душевердным учением» и говорит: «Подобает убо, о право-славнии людие, последовати древнему всея церкви обычаю, апостольскому преданию, всех православных народов согласию, еже есть тремя первыми персты крестное творити изображение: а противне упорно мудрствующих предаем анафеме».

Мая в 13 день 1667 года собор с участием трех патриархов в Москве постановил: «Во имени великаго Бога... соборне заповедуем всем и повелеваем покарятися. во всем без всякаго сумнения и прекословия святой восточней и апостольстей церкви Христове... (именно): аллилуйя во уреченных местех глаголати трижды... знамение креста творити на себе тремя первыми персты по древнему преданию святых апостол и святых отец... Молитву Иисусову глаголати сице: Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас, в церковном пении и во общем собрании, а наедине якоже кто хочет. Просфоры печатати печатаю креста четвероконечнаго... Благословляти народ сложивши... два перста, яже знаменаета ІС... и три персты ХС... Аще ли же кто не послушает повелеваемых от нас и не покорится святой восточней церкви и сему освященному собору и начнет прекословити и противлятися нам, и мы такового противника, данную нам властью от все-святаго и животворящаго Духа... отлучаем и чужда сотворяем от Отца и Сына и Святаго Духа и проклятию и анафеме предаем, яко еретика и непокорника, и от православнаго всесочленения и стада и от церкви Божия отсекаем, яко гнил и непотребен уд, дондеже вразумится и возвратится в правду покаянием. Аще ли кто... пребудет во упрямстве своем до скончания своего: да будет и по смерти отлучен и не прощен, и часть его и душа его со Иудею предателем и с распятыми Христа жидами и со Арием и с прочими проклятыми еретиками. Железо, камение и древеся да разрушатся и да растлятся, а той да будет не разрешен и не разрушен и яко тимпан во веки веков, аминь. Сие соборное наше узаконение и изречение подписахом и утвердихом... в вечное утверждение и присное воспоминание»!..

^{*} Введ. В русск. Ист., — лекц., чит. на истор.-филол. Факульт., вып. 2, стр. 63, 67, 134.

Тот же собор еще раз подтвердил: «Кто отныне начнет прекословити о изложенных винах на соборе сем великом от святейших вселенских патриарх, яже исправиша и узаконоположиша о аллилуйи и о кресте и о прочих винах, яже писаны суть в соборном изложении настоящего сего собора... и в книзе Правления Жезл; да будет по апостолу Павлу, в правду самоосужден и наследник клятве сего собора, писанной в соборном деянии его, яко преслушник Божий и святых отец правилом противник».

Но этого мало. Одобрив реформу Никона и осыпав клятвами православных христиан, держащихся старых обрядов, правящие верхи русской церкви того времени, в лице собора 1666 года, придали санкцию начавшимся гонениям и мучениям, постановив наказывать сторонников старины «не только церковным наказанием, но и царским, сиречь градским законом и казнением».

А в наказе к архимандритам, игуменам, протопопам и старостам поповским собор объявил следующее: «Аще кто не послушает хотя в едином чесом повелеваемых от нас или начнет прекословити, и вы на таковых возвещайте нам, и мы таковых накажем духовно, аще же и духовное наказание наше начнут презирати, и мы таковым приложим и телесная озлобления»^{*}.

И вот с благословения духовного собора начались неслыханно-жестокия и суровые расправы, и кровь полилась рекой. Началась, по словам современников, буквально «псовая охота на христиан». «Времена Диоклетиана настали! Нероновы свещники из христианской плоти возжигают на Болоте, освещения ради тьмы кремлевския», — говорил народ.

Страшно вспоминать, гг., о том жестоком и мрачном времени.

Духовное и гражданское правительство на приверженность к старине и нежелание принять новизны, введенные никоновской реформой, отвечало многочисленными ссылками и ужасными казнями. Все первые защитники древности умерли на плахе, сгорели в срубах, исчахли, замурованные в сырые земляные тюрьмы, казематы и монастыри. Бесчисленные и беспощадные казни, утонченные и мучительные пытки идут длинным, непрерывным рядом.

Староверов «пытали и жгли огнем на-крепко», секли плетью и били батогами «нещадно», рвали ноздри, вырезывали языки, уши, рубили головы на плахе, ломали клещами ребра, зарывали по шею живых в землю, кидали в клетки и, завалив там соломою, сожигали, обливали голых водою и замораживали, выматывали жилы, вешали, сажали на кол, четвертовали... Словом все, что только могло изобрести человеческое зверство для устрашения, паники и террора, — говорит А. С. Пругавин, — все было пущено в ход.

Народ пришел в ужас от таких мер; он объявил антихристовыми слугами духовную и гражданскую власть, которая «упивалась кровью праведных», любясь тем, как вздымались клубы дыма от пылающих на Руси костров, на которых жарились невинные страдальцы за веру, как везде красовались виселицы и плахи, *ad maiorem Dei gloriam*, обгаренные потоками кропи защитников старины.

Народ думали запугать казнями, но довели до того, что он сам начал сожигаться целыми тысячами. Не имевшие возможности бежать или укрыться, при появлении «наезда гонителей с оружием и пушками, боящиеся их мучительства, сами сожигаются», — говорит современный дееписатель.

Таким путем погибли десятки тысяч невинных жертв, рассуждая вполне логично, что лучше разом покончить все расчеты с жизнью, чем лишиться ее от рук напавшей воинской команды, после бесчеловечных пыток и истязаний, может быть, даже отrekшись поневоле от своих убеждений.

Талантливый и стойкий борец за старину протопоп Аввакум писал по поводу го-

^{*} Соб. Деян. 1666 г., последн. л.

нений: «Чудо! Как-то в познание не хотят прийти: огнем, да кнутом, да виселицею хотят веру утвердить! Которые-то апостолы научили так? Не знаю! Мой Христос не приказал нашим апостолам так учить, еже бы огнем, да кнутом, да виселицею в веру приводить. Татарский бог Маомеф написал в своих книгах сице: «Не покоряющимся нашему преданию и закону, повелеваем главы их мечем подклонити»...

Возражали против гонения и другие борцы за старую веру, доказывая и в многочисленных «челобитных» и в разных сочинениях, например в «Дьяконовых», а также «Поморских» ответах, несовместимость с христианским учением и с достоинством церкви гонений за веру и отстаивая принцип свободы в делах совести, дающий возможность «каждой вере самой проявить плод евангельской добродетели».

Но разве могли такие речи остановить духовных «владык», пропитанных духом непогрешимости, считавших, что «церковь — это они»? — Преследования усиливались.

«Всюду мучительства меч обagriша кровию неповинною, новых старообрядцев видяшеся всюду плач, вопль и стонание, вся темницы во градах и селех наполнишася древняго держащихся благочестия. Везде чепи брячаху, везде тряски и хомуты никонову учению служажу: везде бичи и жезлие в крови исповеднической повседневно омочахуся. Проповедницы ни-коновых новин яростию и гневом и мучительством вместо кроткаго духа дыжаху: битием и ранами, а не благодатию Христовою увещаваху: лукавством и коварством злобным, а не апостольским смирением к вере своей привождажу, и от таковаго насилуваннаго лютаго мучительства облияхуся вся грады кровию, утопаху в слезах села и веси, покрывахуся в плачи и в стенании пустыни и дебри...

Толицы мученицы страдаху... Толицы исповедницы скончевахуся. Ови мечем усекаеми, ови огнем сожигаемы, инии, инако скончеваемы»^{*}.

Так описывает современник той ужасной эпохи гонения па старую веру.

В застенках, где производились пытки над державшимися старины, «предстоят учителя немые, вместо евангелия кнутом и вместо апостола огнем просвещающе», — говорит другой современный бытописатель.

Так насаждалась на Руси новая вера мнимыми заместниками Христа, не знавшими других средств борьбы, кроме виселицы, костра, плахи, ссылки в каторгу, конфискации имущества и т.д.

Предав проклятию и применив к злейшим ересьям древния церковныя предания, эти инквизиторы и палачи новыя книги никоновской редакции везде вводили насильно, а старыя отбирали и сожигали, при чем за утайку секли кнутом «нешадно», священников, которые осмеливались совершать богослужение по старым служебникам, лишали сана, били плетью и батогами, увечили и запирали в земляныя тюрьмы до конца жизни, ссылали (в монастыри, на цепь и т. под.; такой же казни подвергали просфорниц, державших печатать просфоры старой печатью с восьмиконечным крестом^{**}).

Следующая характерная сценка из «прений о вере» в Москве в Грановитой палате в 1682 году показывает, что кары сыпались даже не на упорных и страстных борцов за старину, не на «церковных бунтовщиков», как их окрестили архиереи-тираны, а на простых смертных, желавших при полном подчинении архиереям сохранить старые обряды, с которыми они свыклись. На вопрос Саввы Романова: «Кая ересь и хули и сем, еже двема персты креститися, божество и человечество исповедовати, и в молитве Сына Божия глаголати? За сие чесо ради мучити и в срубах жещи?» — патриарх Иоаким отвечал: «Мы за крест и молитву не мучим и не жжем, но за то, яко

^{*} Ист. выг. Пустыни, И. Филиппова, стр. V, VI.

^{**} Отнош. русск. церк. Власти к расколу, Синайского, ч. 1, стр. 59, 241—243. Указ Питирима, митр. новгор., архим. тихв. мон. Ионе от 18 мар. 7176 г.

нас еретиками называют и святей церкви не повинуются, сожигаем». То же подтвердил и Питирим, епископ нижегородский. Тогда Савва сказал: «Правду ли глаголеши, яко за крестное знамение и за молитву не мучите? То чесо ради, егда приведут перед вас коего христианина, и в первых словесех истязуете его, како крестится и како молитву творит. И аще отвечает оный: крещуся и молитву глаголю по-старому, якоже святая церковь прияла от святых богоносных отец,— и вы за то того часа велите его мучити, и в тюрьму вринете на смерть. И ныне у тебя в Нижнем Новгороде сидят три человека за крест и молитву в яме, которая ископана глубиною сажень десять, под башнею Иванскою. По твоему же приказу, приходил к ним поп Евфимий Мироносицкой, и извед их из ямы, вопрошивал, повинуются ли церкви во всем и архиерею? Они же, приемше от него благословение, отвечаша: во всем повинуемся и волю вашу без прекословия будем творити, точию увольте нам крестное знамение и молитву по-старому имети, и оной поп тебе возвестил: ты же паки повелел в ту же яму бросити»^{*}.

Правительство чувствовало, что оно бессильно, со всем своим арсеналом физического воздействия, покорить народную душу. И эта удивительная стойкость и живучесть народного протеста во имя старой веры еще более раздражала его, как и все оригинальное, все, что не подходило под его мерку, не соответствовало его вкусам и намерениям, вдохновляемым и благословляемым духовными правителями. А к тому же в борьбе за сохранение старой веры правительство, как водится, усмотрело «крамолу», «бунт», «политический элемент».

Правительство напрягало все силы к уничтожению приверженцев старины. Одного огульного обвинения и осуждения было для него уже недостаточно и оно озабочилось составлением подробных правил для розыскания и наказания «раскольников». Преследования дошли до *pes plus ultra*.

В постановлениях соборов, начиная с 1681 года и кончая 1685 годом, обращенных в государственные закон и опубликованных в форме царских указов, установлены были следующий драконовский, крайне жестокий даже для того времени, меры: «Раскольников, которые хулят святую церковь, производят в народе соблазн и мятеж и остаются упорными по трикратному у казни допросу, буде не покорятся, жечь в срубе. Если же у казни покорятся святой церкви, отсылать в монастыри под строгий надзор и по окончании испытания молодых и неженатых не выпускать из монастыря до конца жизни, чтобы они снова не увлеклись в раскол: а женатых отпускать на поруки, и когда окажется, что они снова предалися расколу, казнить тою же смертию. Тех, которые перекрещивали взрослых и детей, называя прежнее их крещение неправым, казнить смертию. Тех, кто перекрещивал других, хотя бы он и покорился церкви, после исповеди и причастия казнить тою же смертию без всякого милосердия. Тех, которые перекрещивались со своими детьми, если раскаются, бить кнутом и отсылать для исправления к местным архиереям, а если останутся упорными, казнить смертию. Обличенных в укрывательстве у себя раскольников, и доставлении им пищи, питья и т.п., если сознаются, одних, судя по вине, бить кнутом и батогами, а других ссылат в дальние города. Кто держит раскольников с порукою, не зная об их расколе, с тех брать пени».

«У раскольников, у которых объявятца дворы и поместья, и вотчины, и лавки, и иныя промыслы, и заводы, а так же и по расколыщиках порутчиков, которые ручались ведая и сосланы будут (за свою поруку) в ссылки, и те их поместья и вотчины и дворы и лавки и промыслы и заводы отписывать на себя Великих Государей и продавать по оценке с большей наддачей для того, что по таким сыскным делам на прогоны и посыльным людям в жалованье их Государские денежные казны исходит не малое число» и т.д.^{**}

^{*} Челобитная Саввы Романова, изд. Кожанчикова, стр. 99, 107—108.

^{**} Новые материалы для истории старообрядства, Барсова, стр. 25 и дал. П.С.З., т. II, 1102.

Комментарии к этим правилам, кажется, излишни: в каждом из них есть то казнь, то огнесожжение, то заключение, то ссылка, то кнут, то конфискация имущества, причем не щадятся и те, которые «раскаются», «покорятся церкви», и даже те, кто хоть сколько-нибудь сочувствует староверам, «Разыскивать» и «доносить» на «раскольников» должны были решительно все, под угрозой лишения должности или смертной казни: и духовенство, и военные, и гражданские чины, и каждый гражданин.

«Виноград Российский» — этот старообрядческий мартиролог, написанный современниками той эпохи и наполненный кровью, томлениями, застенками, пытками, плахами, огнесожжением, виселицами и прочими казнями, дает до того сильную и яркую картину того страшного времени, что по прочтении вас давит тяжелый и ужасный кошмар от сочетания призраков смерти с клещами, трясками, дыбами, хомутами и живыми кострами,— сочетания, пред которым бледнеют ужасы мрачного средневековья и утонченной испанской инквизиции.

Но когда вообразишь, что могло получиться от применения на практике свирепых законов 1681—1685 годов, то краски автора «Винограда» — Семена Денисова кажутся совсем слабыми для изображения этой глубоко-трагической эпохи в религиозной жизни русского народа.

Вся история этой эпохи состоит из непрерывной бойни, сплошных казней, ссылок, сожжения в срубах и на кострах, пожизненного заточения в сырых подвалах и подземельях, из виселиц, плах, «дыбы», вырывания ноздрей, «урезания» языка и ушей, зарывания живых в землю, наказания батогами и кнутом, сажания на цепь в монастырских казематах и т.п. Даже на Петра I — этого крутого и сурового деспота, человека с каменным сердцем и железным характером, спокойно смотревшего на истязания на «дыбы» и многочисленный пытки в застенках «преображенского приказа», казнившего, не дрогнув, собственноручно целые десятки стрельцов и проч. и даже своего родного сына,— даже на него ужасы тогдашнего «градского закона» не могли не произвести самого убийственного впечатления, и он говорил сам о себе, что от «мысли о (казни) бунтовавших стрельцов... все уды во мне трепещут; помысли о том, заснуть не могу»^{*}.

Мы уже видели, что сигнал всему этому дал собор 1666 года, который постановил предавать «раскольников» не только церковным наказаниям, но наказывать и «царским, сиречь градским законом и казнением».

Этой же политики держались и все его последователи, лишь привнес в нее еще больше иезуитизма. Так, Питирим епископ нижегородский, ренегат старообрядчества, отличавшийся свирепыми репрессиями против хранителей старины при Петре I, самоуверенно заявлял в «Пращице»: «Аще в ветхозаветной церкви непокорных повелено убивать, кольми паче в новой благодати подобает наказанию и смерти предавати непокоряющихся восточной церкви. Понеже тамо сень, zde же благодать (sic!): тамо образы, zde же истина: тамо агнец, zde же Христос: тамо манна и вода из камени, zde же тело Христово и кровь из ребр Его истекшая, и прочая таковая, оных древних превосходящая. Не точию убо древле, но и в новой благодати, непокоряющихся и преслушателей святыя церкви, повелевает нам Христос Спаситель имети их яко язычников и мытарей. У Матфея бо, в главе VII, глаголет Христос: аще кто церкви не послушает, буди тебе яко язычник и мытарь: еретики же и раскольники не суть сынове церкви, но сущий преслушницы, убо достойни суть преданы быти к наказанию гражданского суда».

Необходимо заметить, что книга «Пращица» издана была много раз с благословения высшего органа господствующей церкви — Синода, и поэтому антихристианское учение Питирима о казни еретиков и непокорников теряет характер личного

^{*} Царица Екатерина Алексеевна, М. И. Семевского, изд. 1884 г., С.-Пб., стр. 15—16.

мнения, обращаясь во взгляд всей церкви. Другой современник Петра I — митрополит Стефан Яворский, местоблюститель патриаршества и первый «президент» Синода, в своей книге «Камень Веры», также изданной много раз с благословения Синода, говорит по тому же вопросу не менее определенно: «Златоуст святы с прочими татей и разбойников толкует быти еретиков... Но что творит суд татем и разбойникам?.. Не убивает ли тыя?.. Таково и еретикам творити достоин... Иного на еретиков врачевания несть паче смерти»...

В одном из «доношений» Петру, перечисляя и рекомендуя ему многообразные способы «смирять раскольников», Питирим заявляет: «А мы под тесноту штрафов и окладов писанием удобнее к церкви присоединяти будем», дабы, по его словам, «не дать им знаку, что он их гонит».

В составленной на основании этого «доношения» собственноручной инструкции Петра I, между прочим, говорилось: «Вожаков и учителей раскольниковских, буде возможно явную вину сыскав кроме раскола, с показанием и вырезав ноздри, ссылатъ на галеры, и буде нет причины явной, то чинить с ними по словесному указу».

Чтобы вы могли, гг., судить о том, каков был вообще в то ужасное время характер «градского закона и казнения», я процитирую очень немногим известный документ XVIII столетия, извлеченный из дел «Тайной канцелярии», под названием: «Обряд, како обвиненный пытается».

Этот крайне интересный документ гласит:

«Для пытки приличившихся злодействах, зделано особое место, называемое застенок, огорожен полисадником и покрыт для того, что при пытках бывают судьи и секретарь, и для записки пыточных речей подъежей; и, в силу указу 742 году, велено, записав пыточные речи, крепить судьям невыходя из застенка.

«Взастенке же для пытки зделана дыба, состоящая втрех столбах, некоторых два вкопаны в землю, а третьей сверху, поперег.

«И когда назначено будет для пытки время, то кат или палач явится должен взастенок с своими инструментами, а оные есть: хомут шерстяной, хкотоому пришита веревка долгая; кнутъ, и ремень, которым пытанному ноги связывают.

«По приходе судей в застенок и по разсуждении в чем подлежащаго к пытке спрашивать должно, приводитца тот, котораго пытать надлежит, и от караульнаго отдаецца палачу; которой (веревку) долгую перекинет через поперечной в дыбе столб и взяв подлежащаго к пытке, руки назад заворотит, и положи их вхомут чрез представленных для того людей встягивается, дабы пытаной на земле не стоял. У котораго руки и выворотит совсем назад, и он на них висит; потом свяжет показанным выше ремнем ноги, и привязывает к зделанному нарочно впереди дыбы к столбу; и растянувши сим образом, бьет кнутом, где и спрашивается о злодействах и все записывается, что таковой сказывать станет.

«Естьли-ж ис подлежащих к пытке такой случитца, которой изобличается во многом злодействе, а он запирается, и по делу обстоятельства доказывают его к подозрению, то для изыскания истины употребляются нарочно:

«1-е тиски зделанныя из железа в трех полосах с винтами, в которые кладутся злодея персты сверху больший два из рук, а внизу ножныя два; и свинчиваются от палача до тех пор, пока или повинится, или не можно будет больше жать перстов и винт не будет действовать.

«2-е наложа на голову веревку и просунув кляп и вертят так, что оной изумленным бывает; потом простригают на голове волосы до тела, и на то место льют холодную воду только что почти по капле, от чего также в изумление приходит.

«3-е при пытке, во время таково-ж запырательства и для изыскания истины, пытанному, когда висит па дыбе, кладут между ног на ремень, которым они связаны, бревно и на оное палач становится за тем, чтоб на виске потянуть ево, дабы более

истязания чувствовал. Есть ли же и потому истины показывать не будет, снимая пытанного з дыбы правят руки, а потом опять на дыбу таким же образом поднимают для того, что и чрез то боли бывает больше.

«Хотя по законам положено только три раза пытать, но когда случится — пытанной на второй или на третьей пытке речи переменит, то еще трижды пытается.

«И есть ли переговаривать будет в трех пытках, то пытки употребляют до тех пор, пока с трех пыток одинаковое скажет, ибо сколько раз пытан ни был, а естли и чем-нибудь разнить в показаниях будет, то в утверждение должен еще три пытки вытерпеть; а потом и огонь таким образом: палачь, отвязав привязанные ноги от столба, висячего на дыбе растянет и зажегши веник с огнем водит по спине, на что употребляют веников три или больше, смотря по обстоятельству пытанного.

«Когда пытки окончатся и пытаной подлежать будет по винам ссылки на каторгу, то при посылке от палача вырываются ноздри сделанными нарочно клещами. Есть ли же которые подлежат смертной казни, то и таковых, в силу указов, до будущего о действительной казни определения, велено ссылать на каторгу ж, а при посылке также; ноздри вырезаются. И сверх того особливыми присланными стемпелями на лбу и на щеках кладутся знаки (:вор:) в тех же стемпелях набиты железный острый спицы словами и ими палачь бьет в лоб и щоки, и натирает порохом, и от того слова видны бывают»*.

Вы поражены, гг., вам не хочется верить, что все это было, одно представление в вашем воображении этих ужасов человеческого зверства вас корбит, выворачивает вашу душу! А между тем все это было наяву, практиковалось в жизни в самых широких размерах и больше целого столетия. И главным объектом для применения таких свирепых законов и судебных порядков были люди старой веры. А что всего чудовищнее, так это то, что в любой момент кто угодно, сказав: «слово и дело!», мог любого человека притащить в застенки на «дыбу».

Отсюда становится вполне понятным то страшное и почти небывалое в истории человечества явление, когда терроризированная народная масса стронулась с насиженного места, бросила все, в ужасе бежала во все стороны, кто куда мог, — в леса, в непроходимые места, па глухия окраины и в чужия страны, зарывалась и землю и сожигалась целыми сотнями и даже тысячами, лишь бы не попасть в руки «антихриста» и его «шишей», — «учителей неправедных и немилостивых» и «владык жестоких».

И невольно восхищаешься удивительной стойкостью, нравственной доблестью и безпримерным самоотвержением этих борцов за великое и священное человеческое право — верить по совести и молиться по велениям своего сердца, поддаешься неотразимому и глубокому очарованию этими людьми, так сурово жившими, так много ждавшими в вечности от своей тернистой, страдальческой, но яркой жизни, протекшей без единого луча радостной надежды на возможность или близость торжества своего дела, и веришь, что их великую заслугу, запечатленную кровью мученичества, и обаятельные имена никогда не забудет история, воздающая должное всему высокому, честному и благородному.

В тяжелой и неравной борьбе пали обаятельные образы великаго богатыря-протопопа Аввакума, боярыни Морозовой и княгини Урусовой, дьякона Федора и целыя тысячи прочих, заметных и незаметных, героев духа и борцов за старину, крепких верою, живых, ревностных и деятельных; пала и Соловецкая обитель, после многолетнего «сидения», с ея доблестными защитниками; но не пала их вера в свое дело, и эта вера «сдвинула горы». Несмотря на ужасы кровавой инквизиции, несмотря на виселицы, костры, эшафоты, застенки, «дыбу» и пытки, дело их не погибло, но разрослось, окрепло и ныне завоевывает права гражданства.

* «Слово и дело», М. И. Семевского, изд. 3-е. 1885 г., С.-Пб., стр. 7—9.

И прав был, гг., протопоп Аввакум, когда писал о мучениках, сожигаемых на кострах: «Из каждой золинки их, из пепла, аки из золы феникса, израстут миллионы верующих».— Его пророчество сбылось.

К старообрядчеству ныне принадлежат миллионы русского народа, и оно имело в русской истории огромное значение. Лишенное в родной стране всех прав на существование, претерпевая все ужасы жестоких гонений, отдавая себя в жертву безпощадных и неумолимых гонителей, влача самую тяжелую и несносную жизнь, старообрядчество до настоящего времени сохранило в себе всю силу внутренней духовной жизни, которая и составляет сущность христианской церкви, независимой от мирской власти. Оно выше всего ценило веления своей совести, правоту своих верований и независимость церковного духа. Идя на плаху или костер, оно отстаивало принцип свободы веры и совести, оно спасало ее от опеки правительственной власти. Два с половиной столетия страшных гонений пережило старообрядчество, но изменить самому себе оно не могло; превратить свою церковь, эту совокупность живых верующих душ в бездушный придаток к государственной машине старообрядчество считало хуже смерти, ужаснее всяких пыток и мучений. Христос и верующия, свободно, по совести, идущия к нему души,— вот тот идеал церкви Божией, который старообрядчество ревниво оберегало от посягательства гражданских и чуждых ему духовных властей.— «Кесарево — кесарю, а Божие — Богу»,— вот принцип, на котором всегда были построены отношения старообрядчества к государственной власти.

Кажущийся теперь новым принцип отделения церкви от государства вовсе не так нов. Еще протопоп Аввакум спрашивает: «В коих правилах писано — царю церковью владеть и догмат изменять, святая кадить?» И тут же обличает и Никона, который стремился «святительство» поставить выше «царства», тогда как церковь должна заботиться только о спасении душ.

Находясь все время в преследовании правительством, будучи предоставлено лишь самому себе, старообрядчество, в силу этих исторических условий, являлось во внутренней своей жизни совершенно свободным и независимым от влияния и мертвящей опеки государственной власти. Живя вне закона, не признанное им, старообрядчество показывало и показывает собою светлый образец того, что прочность всякому обществу дают не столько писанные законы, сколько его сущность, внутренняя сила и духовная связь.

Несомненная историческая заслуга и значение старообрядчества заключается в том, что оно через 2½ столетия гонений с достоинством пронесло свое знамя, давая собою яркий пример здоровых и нормальных отношений между церковью и государством, и отстояло своей грудью от иноземного натиска все, что было здорового, светлого и жизнеспособного в национальной русской старине.

Кровавая полоса в истории старообрядчества тянулась слишком 100 лет, до 60-х годов XVIII столетия, т.е. до царствования Петра III и Екатерины II. Но с этого времени начинается отмена прежних жестоких гонений, не достигших намеченной правительством цели, что внесло некоторые облегчения в жизнь староверов. Но свободы веры правительство все-таки не дало. Оно смотрело как бы сквозь пальцы на исполнение их духовных потребностей, но открытого «оказательства раскола» попрежнему не допускало.

Объясняются такие уступки старообрядчеству тем, что правительство в это время обратило большее, чем прежде, внимание на внутреннюю экономическую жизнь государства и, между прочим, решило заселить богатые, но пустынные окраины: Новороссию и низовое Заволжье. Начали для этой цели приглашать иностранных колонистов, предоставляя им значительные льготы. Вспомнили в это время и о старообрядцах, коренных русских людях, свирепыми гонениями разогнанных с родины и за-

гнанных в чужия земли, и решили их рабочую силу, трудолюбие и терпение использовать на окраинах России.

В 1762 году был обнародован указ о свободном возвращении «беглецов» на родину, в котором объявлялась «амнистия» по всем прежним делам. Затем последовали и другие указы и распоряжения о льготах. Старообрядцы вздохнули легче.

Кроме экономических причин, вызвавших эти льготы и послабления, имели в этом вопросе значение и политические причины. В то время проникли в Россию новые веяния с Запада, где под влиянием цивилизации давно уже прекратились гонения на веру и совесть. А затем разразилась великая французская революция, слабые отголоски которой доходили и до нас. Перепуганные европейские правительства спешили делать народам уступки.

Екатерина II и образованное русское общество того времени находились под влиянием новых веяний и грозных политических событий. Крестьянский бунт под предводительством Емельяна Пугачева, который в своих манифестах «жаловал» народ не только землю, но и «крестом и бороною», т.е. свободой старой веры, также не мог не повлиять в этом вопросе на Екатерину II. Всем этим отчасти и объясняются льготы старообрядцам и некоторые другие реформы того времени. Но все эти льготы не были основаны на точном праве и законе, а зависели от усмотрения власти. И поэтому, попрежнему, особенно в провинции, царил произвол, взяточничество властей по отношению к старообрядцам и т.под.

Такое время сравнительно сносного положения, с незначительными отклонениями то в сторону репрессий, то послаблений, продолжалось до тридцатых годов XIX столетия — времени расцвета николаевского режима, с его идеалом «палки». В царствование Николая I, когда забыты были все помыслы о реформах и царила неудержимая реакция, все льготы старообрядцам пошли на смарку. Воскресли прежние draconические законы и гонения, за исключением лишь плахи, петли и костра; — старообрядцы снова лишены были всех прав гражданства, почти окончательно были лишены священства и возможности совершать богослужение. У них отнимались или закрывались храмы, отбирались книги, утварь и т.д. Был даже случай зарытия в землю живых, забитых до полусмерти староверов. Бог знает, до чего бы дошли эти гонения, если бы неудачная крымская кампания не заставила правительство сделать поворот во внутренней политике в сторону реформ. Намечены были опять, хотя и очень слабые, льготы старообрядчеству. В 1874 году был издан новый, хотя и неудовлетворительный, закон о старообрядческих браках, а в 1883 году закон об общем положении старообрядчества в государстве и его религиозных правах. Но и этот закон, и без того очень несовершенный, в период наступившей, с призывом к власти Победоносцева, реакции был сведен почти на-нет.

В 1900-х годах при министре Сипягине было покушение отнять у старообрядцев и те мизерные права, которыми они пользовались по закону 3 мая 1883 года, но вследствие обращения старообрядцев с коллективной петицией на имя Государя Императора, за подписью около 50,000 человек, эта мера была приостановлена.

Когда неудача на Дальнем Востоке заставила опять взглянуть на устройство лучших порядков в государстве, был издан указ 17 апреля 1905 года о веротерпимости, отменивший прежние стеснения и ограничения прав за веру. Были бюрократический попытки «разъяснить» и урезать этот указ, но безрезультатны.

17 октября 1905 года был издан Высочайший манифест об установлении нового государственного строя, о призывании к делу управления народных представителей, о свободе совести и прочих политических свободах. С этого времени старообрядцам разрешено было то, что не разрешалось даже и после указа 17 апреля 1905 года, например архиерейские служения на Рогожском кладбище и т.под.

17 октября 1906 года был издан временный закон о старообрядческих общинах,

хотя и не совсем удовлетворительный, но все же дающий старообрядцам некоторый новый права.

Закон этот был внесен правительством на уважение 2-ой Государственной Думы; в нее же были переданы, уполномоченными 3 чрезвычайного всероссийского съезда старообрядцев в Москве 15—17 мая 1907 года, и желательныя для старообрядцев поправки и изменения. Но она не успела этот закон рассмотреть.

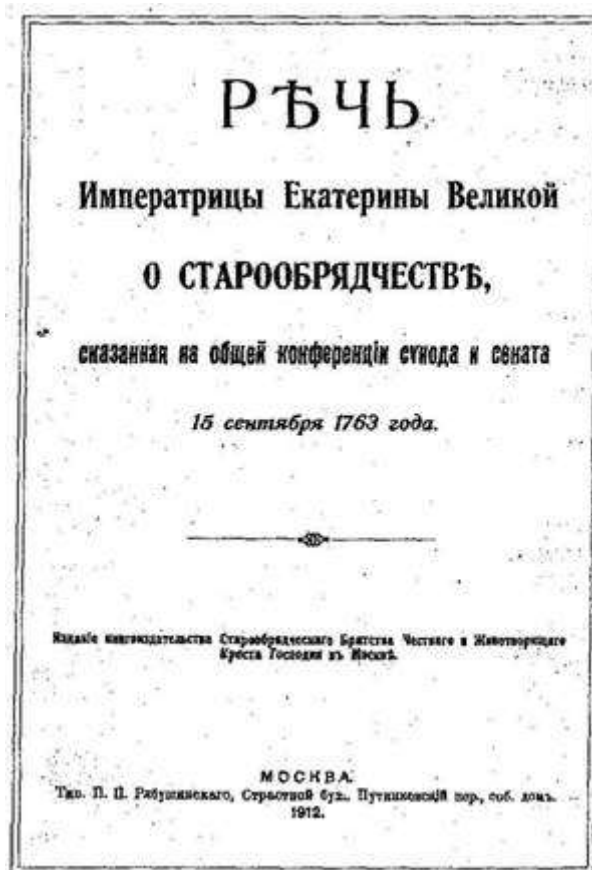
Ныне он вновь внесен в 3-ю Государственную Думу, которая, вероятно, удовлетворит справедливыя желанія старообрядцев, и закон выйдет из нея в более или менее благоприятном виде.

Эта краткая экскурсия в область законодательства о старообрядчестве и отношений к нему правительства учит нас, старообрядцев, одному: что наше дело есть только часть всенароднаго общерусскаго дела, что нам давали льготы тогда, когда давали их всему народу, и отнимали их, когда начиналась реакция, и что, следовательно, мы получим надежныя гарантии твердости и незыблемости своих религиозных прав только тогда, когда их получит весь русский народ.

Героический период нашей истории окончился. Наступила новая эра — нашего приобщения к благам просвещения и общечеловеческой культуры, пора серой и кропотливой будничной работы по укреплению и развитию того дорогого наследія от древней русской церкви, твердость котораго запечатлена кровью наших предков. Эта малозаметная работа, правильно поведенная, несомненно, даст со временем блестящія результаты, и горе нам будет, если мы не выдержим своего экзамена, не выполним, или выполним дурно возлагаемую на нас моментом задачу, — нам будет укором память о наших предках, нас осудит неумолимый и неподкупный судія — история.

**РЕЧЬ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ О СТАРОБРЯДЧЕСТВЕ,
СКАЗАННАЯ НА ОБЩЕЙ КОНФЕРЕНЦИИ СИНОДА И СЕНАТА
15 СЕНТЯБРЯ 1763 ГОДА**

Преосвященные архипастыри и гг. сенаторы!

В русской империи, Промыслом нашему управлению вверенной, издавна продолжается раздор и раскол между архипастырями и народом. Я, насколько могла, старалась понять суть раздора и, надеюсь, поняла удовлетворительно. Эта суть знакома их преосвященствам, а вам, гг. сенаторы, мы постараемся ее объяснить. Не сейчас и не вчера, а как только я, по внушению неба, почувствовала себя родною великому русскому народу и его скорби, и его радости, до глубины души огорчилась раздором между архипастырями и народом, и положила на своем сердце — истощить все средства ко уврачеванию этой язвы, разъедающей государственный организм. Каждого из архипастырей и ученых и духовных разспрашивала я: из-за чего именно и как явилась и продолжается толико упорная с обеих сторон вражда, разспрашивала каждого и здесь присутствующих архипастырей. От всех их я выслушала следующее: «Русская церковь от недостаточнаго общения с восточными патриархами в продолжении нескольких веков утратила правильность и чистоту сноси обрядности; о падении нашем не сами мы, русские, догадались, а надумали нас греческие и киевские отцы, примерно с 1649 года начавшие наезжать на Москву. Первое из погрешностей, на которую они указывали с наибольшим рвением со многими «зазираниями и осуж-

дениями», было сложение двух перстов для крестного знамения. Знакомясь далее с нашими якобы падениями, греческие и киевские отцы нашли еще несколько обрядовых разностей. Прибавление слова «истинного» к слову «Господа» в символе веры, произношения «Исус» вместо «Иисус», двойное аллилуйя вместо троения, хождение по солнцу вместо хождения против солнца, употребление на проскомидии семи просфор вместо пяти, печатание просфор круглою печатью вместо квадратной, именованье в одной из молитвенных пресловий Сыном Божиим, а не Богом».

Гг. сенаторы! Вы сейчас встречаете великую скорбь, яко бы к небу вопиющая преступности нашей церкви против восточных патриархов были причиною раскола. Что до нас, то нам припомнилось путешествие Гуливера, попавшагося после крушения его корабля в одну страну, так называемую «лиллипуты», в которой существуют люди величиною в 3 или 4 вершка. «Народ этой страны,— рассказывает Гуливер,— уже целые века подвергается страшному истязанию и смертельным казням за то, что он ослушивается определения верховной власти, чтобы разбить яйцо непременно с острого конца; если же кто разобьет с тупого конца, тот беспощадно попадет на кол или костер».

Итак, все эти зазирания и осуждения греческими и киевскими отцами нашей отечественной обрядности, гг. сенаторы, и затем внутренние запреты и проклятия, истязания и казни не похожи ли на лиллипутские споры и междоусобия из-за того, с которого конца разбивать яйцо, и не суть ли они внушения суетности, тщеславия и склонности греческих и киевских отцов учить и драть за ухо нашу отечественную церковь, а при этом обирать наших царей и народ, дескать, за науку, за яко бы спасительную для нас проповедь, словом — показать нам свое пред нами яко бы превосходство и нашу в них яко бы необходимость. По моему, господа сенаторы,— продолжает мудрая Екатерина,— государю Алексию Михайловичу следовало бы всех этих греческих отцов выгнать из Москвы и навсегда запретить въезд в Россию, чтобы они не имели возможности затеивать у нас смуты, а киевских отцов просто разсылать по крепостям и монастырям па смирение. До сих пор, господа сенаторы, все это, признаюсь, сначала возбуждало во мне веселость. Но никак не допуская, чтобы человечество, нет не только человечество, а христианство, и сие в высших нарочитых его носителях и представителях, могло дозволить себе унизиться до таких безразсудных размеров, мы потребовали подлинный деяния собора 1667 года, и нам показали его соборный акт от 13 мая, коим, как нам объяснили, этот собор увенчал нее прежний с 1649 года начавшийся зазирания, осуждения, запреты и проклятия поименованных обрядностей. Прочитывая этот злополучный акт, мы натолкнулись на новую характерность, про которую отцы мам не говорили. Вы уже знаете, что отцы с проклятиями, запретами произносят Сыне Божий на так называемой молитве ко Иисусу. Надеюсь, вы поняли бессмысленность и преступность клятвы. Но это не все, а вот что мы еще вычитали в этом акте. Отцы с проклятиями запретили говорить «Сыне Божий» только на соборе, т.е. на церковных, общественных священнослужениях, а во всех остальных случаях предоставили свободе каждого говорить: и «Боже наш», и «Сыне Божий». Стало быть, во всех этих остальных случаях и «Сыне Божий» здесь в этой молитве находили Богу угодным и спасительным. Что же это такое? Признаюсь, господа, этот момент и этот акт, и этот май, и это 13 число, и эти отцы в представлении моем примяли образ чудовища, зверя, адом, изрыгнутым на посрамление веры христианской, на посрамление человечества!

Затем, гг. сенаторы, допрашивали мы преосвященных архипастырей. Во всех осужденных 13 мая обрядовых действиях и чтениях есть ли какая противность или вере христианской, или канонам церкви, или интересам государства? От всех мы получили полное отрицание. Зачем же, допрашивала я отцов, зачем вы за эти клятвенные запреты стоите так упорно и азартно, что, например, 15 мая 1722 года определили лишить церкви и таинств каждого из православных за то только, что он крестится

двумя перстами? Вот, отвечают, что это делают они по должному послушанию великому и святому собору 1667 года, положившему клятвенные запрещения на двуперстие и крестящихся двуперстно с таким подтверждением, что скорее весь чин природы разрушится, а клятвы эти пребудут неразрешены во веки веков, аминь!

Да, да, господа, я уже сказала, что читала этот злополучный акт и подтверждаю, что ссылка на него отцов безупречна. Но что же в этом, ежели и клятвы несправедливы и запреты безразсудны? Неправедная клятва не обращается ли на самих проклинателей? Все эти клятвенные запреты ничтожнее для нас комара: этот, по крайней мере, ужалить может, а безразсудные клятвы? Что это, как не перебранка между собой базарных торговцев, что это, как не лай собак на толпу проходящих! Да, гг. сенаторы, да, преосвященные отцы! Ежели есть в Церкви Божией праведная клятва, то по истине стоит ей акт 13 мая и составители его... Да, да, преосвященные отцы; в этом вашем акте мы вот еще что вычитали во удостоверение праведности и непреложности своих закланий, именно: «аще же кто и умрет во упрямстве своем, да будет и по смерти не прощен и не разрешен, и часть его и душа его с Иудою предателем и со Арием, и с прочими безбожниками и еретиками. Камение и древесина да разрушатся и растлятся, а той и по смерти пребудет не прощен и не разрешен, яко тимпан во веки веков, аминь!» Это, господа, значит, что тела умерших в непокорстве отцам 13 мая до Страшного Суда не предадутся разложению, что их, как говорится, не будет принимать земля. Это отцы обещают нам во имя Великаго Бога. Так ли, преосвященные отцы, поняли мы ваш соборный акт 13 мая? (Молчание). Отчего же Бог не послушал и не слушает вас, отчего не видали мы ни одного такого знамения? Господа, слышали ли вы когда-нибудь, чтобы какого-нибудь старообрядца не приняла земля?

Преосвященные отцы! Давайте же нам такое знамение, покажите нам такая телеса, или хотя одно такое тело покажите, или же откажитесь, от своих клятв и запретов. Клятвы и запреты! — против чего? Против предметов не только безвинных, не только честных, богоугодных и спасительных, но даже более осмысленных и более продуманных, чем указано со-борне. Телесные озлобления и смертельные казни, кнут, плети, резания языков, дыбы, виски, встряски, виселицы, топоры, костры, срубы — и все это прогни кого? Против людей, которые желают одного: остаться верными вере и обряду отцов! Преосвященные отцы! За что вам на них так звериться и сатаниться? Есть ли у вас хотя искра, хотя призрак человеческого чувства, совести, смысла, страха Божия и страха людского? Святителей ли я вижу? Христиане ли предо мной зверятся и беснуются? Люди или звери устремляются пред моими глазами на растерзание Христова стада и на колебание основ Провидением нам вверенной матери?!

На дальнейшие наши разспросы: в праве ли и не обязаны ли св. синод и архипастыри исправить ошибки своих предшественников, нам отвечали приблизительно следующее: Собор есть голос церкви, есть сама церковь, а церковь непогрешима. Узнает народ, что собор 1667 года погрешил, у него поколеблется вера в свою церковь.

Ясно, господа сенаторы, что преосвященные отцы указывают нам церковь не истинную, а ложную и лживую. Не та Церковь, которая истинность своих соборов доказывает согласием их с учением Христа и апостолов, а та, которая на слепой вере народа, собор мнит строить несправедность безразсудств, никому не позволяя сомневаться в достоинстве ее определений. Скажу яснее и прямее: не та церковь, которая имеет право исправлять ошибки своих первосвятителей, а та, в которой эти первосвятители не только не позволяют никому обличать их ошибки, но и принуждают веровать в эти ошибки, как во внушения Бога. Но ни престол, ни государство не могут быть крепки, стоя на лжи и обмане. Гг. сенаторы, преосвященные отцы! Я с помощью Бога на всяком их слове опровергала и стыдила. За всем тем, на все наши предложения исправить давнейшие погрешности, они в этом нам отказывали и отказывают. Вот, гг. правительствующий сенат, цель сегодняшней вашей конференции с

св. синодом. Сегодня, при содействии вашем, мы надеемся сломить его упрямство, а вы, гг. сенаторы, будете свидетелями пред отечеством, ч/о меры, кои мы на случай дальнейшего упорства имеем принять, вынуждены у нас преосвященными отцами. К вам обращаюсь, св. синод, и вместе с сим возвращаюсь к вашему определению от 15 мая 1722 года. Спрашиваю: о мудрости ли, о просвещенности ли, о пастырности ли свидетельствует этот акт? Удивляюсь вашему ослеплению: народ валит в церковь и, конечно, со своим от отцов унаследованным двуперстием, а архипастыри будто как злодеев встречают его проклятиями и угрозами истязаний и казней. Кто же из вас раскольники, кто злодеи? Можем ли мы терпеть это пятно, эту нечисть, этот позор на нашей императорской порфире, на отечественной церкви, на ея иерархии и, наконец, на вас самих, преосвященные отцы? Хотя знаю, самая мысль разстаться с этой нечистотою приводит вас в ужас и негодование! Не трогаю ваших ни запретов, ни проклятий: пусть они последуют за вами и туда, где раздают их по достоинству. Отвечайте, преосвященные отцы, согласны ли вы уступить русскому православному народу, уступить нам только любезное двуперстие? Согласны ли вы ваш акт от 15 мая открыто и явно заменить актом, ему противоположным?

— Самодержавная государыня, великая мать отечества! — в один голос отвечают члены синода. — Святая церковь непогрешима, а собор — ея голос. Великий святыи собор изрек клятвенное запрещение на двуперстие, это изрекла сама церковь; веруем во Христа, веруем и в Его Церковь. Твоя власть, великая государыня, над пашей жизнью, но жизнь наша — Христос и Его Церковь, за Христа и Его Церковь мы умерен» готовы. Искоренение двуперстия есть задача нишей жизни и нашего святительства. Делай, государыня, что тебе угодно, но без нас.

— Слышите, гг. сенаторы? — продолжает мудрая Екатерина. — Слышите, какую хулу возводят архипастыри на Христа и Его Церковь, какою грязью бросают они им прямо в лицо, называя Телом Христа и Его Церкви блевотины своего изуверства? Знаю, преосвященные отцы, что Церковь святая непогрешима, а соборы суть ея голос. Но не могут же быть святыми соборы разбойнические? Таков по содержанию и последствиям собор 1667 года. Не произношу суда над ним: суд над соборами принадлежит Церкви и ея соборам. И собор 1667 года пусть будет свят и непогрешим во всем остальном; но что касается до акта его от 13 мая, то это ничто иное, как извержение невежества, гордости, злобы, насильства и изуверства. Гг. сенаторы! Сам св. синод, здесь, в присутствии вашем, признался, что его собственный акт от 15 мая 1722 года есть родное детище соборного акта 13 мая, есть точное отражение, отпечаток этого акта, а вы видели уже достоинство их обоих. Пусть для членов синода, пусть для всех архипастырей и российских и греческих собор тот будет и велик и свят. Но нам-то, императрице русскаго народа, какое дело до святости и великости собора, если постановления его безумны? И не будем ли мы отвечать перед историей и потомством, и куда скроемся мы от собственной нашей совести, если, противопоставив с одной стороны несправедливость и безумство соборных запретов и проклятий, а с другой — справедливость, громадность и энергию протеста, — останемся среди них безучастными и бездеятельными? Акт «великаго и святого» собора с проклятиями и угрозами истязаний повелевает мне креститься непременно тремя перстами. Но что если двуперстно слагать знамение креста научила меня дорогая мне мать, поясняя, что это слагание есть завет Церкви и предков, что, храня этот обряд, я чту их память и, сохраняя уважение к Церкви, привлекаю на себя благословение неба? Недаром, ведь, Бог еще в ветхом завете проглаголал: «Чти отца твоего и мать». По можно ли чтить отца и мать, и плевать на бабку и деда, на ближних и отдаленнейших предков, если учение их не отступало от учения Церкви. Это я говорю, входя в чувство каждой гражданки, дочери и матери. Теперь скажу, как императрица. Основание государственности есть семья, крепость семьи, почтительная преданность

родителям, крепость всей совокупности семьи, крепость государства, благоговейное опниение к памяти предков. Дозволим же ли мы кому-то (шло разрушить сию важнейшую из основ государственности, бросая грязью и огненные стрелы в верования, обычаи и в справедливый обряд предков?

Преосвященные отцы! Вот вам мои два перста. Гг. сенаторы! Вот вам наше исповедание Распятого! Вот, я при всех вас этим двуперстием полагаю на себя знамение креста, полагаю твердо и истово, как крестились предки, как крестится теперь народный протест. Видели? Св. синод осмелится ли сказать, что я — еретичка, что я — раскольница, что я — противница Распятому и Его Церкви? Да, я противница, я презрительница, но только не Христа и Его Церкви, а ваших, св. синод, безразсудств и вашего, отцы архипастыри, достойного проклятий собора 13 мая. А будучи сама исповедницею Распятого, но презрительницею ваших и соборных, и синодских бредней, могу ли осуждать русский православный народ, осуждать старообрядчество, народный протест, который вы называете расколом? Гг. правительствующий сенат! Вот я во второй раз крещусь двуперстно и с сим после знамением веры в Бога-Человека, с этим символом любви к Распятому, свидетельствую вам пред Господом-сердцеведцем, что не допущу, чтобы в империи, Всевышним Промыслом нам вверенной, продолжать невежество, чтобы наше царствование и наше имя в истории загрязнили безобразничества их преосвященств — Крещусь в третий раз, в третий раз подтверждаю, что сие пани.: намерение будет нами исполнено, что не далее, как сегодня, и не позже, как в это заседание, русский православный народ получит полную свободу крести и обряда. Еще раз обращаюсь к вам, св. синод, уступите нам, уступите доброму, любезно верному нам русскому народу его родное, отечественное и любезное им двуперстие.

— Всемилоостивейшая государыня! — отвечает синод.— С благоговением выслушали мы твое исповедание, со смирением обличения в глубине своих совестей мы признаем и без колебаний исповедуем святость двуперстия. Но здесь, в общем собрании, с сенатом мы обязаны разсуждать не только как пастыри, но как государственные деятели и администраторы. Прими но внимание, государыня, невежество и грубость русского народа. Ежели и может что его обуздывать, то но одна сила и страх. Какую же силу и какой страх может чувствовать парод к правительству, которое именем Бога и Его Церкви изреченныя повеления обращает в ничто, повеления, который честно и грозно содержал целый ряд правительств? Твоя воля и твоя власть. Но, великая государыня, мы, всероссийский синод, за себя и за всех архипастырей российской церкви, и настоящих и будущих, дерзаем тебе сказать, что не примем участия в разрушении тобою православной церкви и собственного твоего престола.

— Слышите, гг. сенаторы! — к сенату обращает речь императрица.— По окончательному приговору архипастырей и церковь, и престол рушатся, если мы окажем справедливость нашему верному народу, окажем уважение к тому, что для него и есть, и искони было священо; ежели мы, даровав ему свободу креститься двумя перстами, почтим его предков, а почтив предков, удесятерим силу и крепость государства. По словам св. синода, и церкви и престолу грозит разрушение, если мы будем управлять разумно, просвещенно, справедливо к человечеству. По св. синоду, и церковь и престол крепки только насилием, проклятиями и смертельными казнями за слагание двух перстов и за молитву, и за именование в молитве Спасителя «Сыном Божиим» и т.д. Я могла бы продолжать бесконечно, но и наш язык и ваш слух для нынешняго дня уже довольно натерпелись, теперь, гг. правительствующий сенат, извольте сказать нам ваше мнение.

Всемилоостивейшая государыня! — отвечает сенат.— Сии три часа, в которые слух наш преисполнился слышанием твоих поистине боговдохновенных речей, и сей день 15 сентября впишутся и на небесах и в книгу жизни, и здесь, и на земле в серд-

цах твоего народа и его истории. А в объяснениях и воззрениях св. синода не находим ничего твердаго и основательного. А потому ты поступишь как истинная мать отечества, если всемилостивейшим манифестом, помимо св. синода, объявишь российскому народу свободу креста и обряда, что ты уже обещала.

— Благодарю вас, правительствующий сенат, — отвечает государыня. — Благодарю за ваше решение: в нем выразилась и мудрость и попечительность о благе народа, всегда нам свойственная. Но мы не принимаем нашего решения. Правда, как императрица, как прирожденная самодержавная представительница русского народа в делах его церкви и государства, как сам народ, мы и Богом и народом облечены правом и властью устанавливать все для него полезное и освобождать его от всего ему несвойственного, и, прибавляю, принятием предлагаемой вами меры мы придали бы необычайный блеск и нашему царствованию и, что важнее, самому императорскому престолу. Но мы не желаем в глазах народа унижить св. синод, это — за неимением лучшего, — высшее церковное учреждение, приняв не только помимо его, но и прямо вопреки ему, меру неизмеримо великой важности. Не желаем также положить на св. синод неизгладимого пятна в истории и, что считаем и того важнее, обнаружить пред очами иноземцев внутреннюю нашу неприглядность. У нас есть мера, которая не касается ни прав, ни убеждений св. синода, а между тем дает нам возможность исполнить сейчас данное нами обещание, — сегодня же дать верному нам русскому народу крестное слагание для крестного знамения, — обещание, которое мы торжественно и трикратно подтвердили знаменiem креста, и, как вы видели, не синодское слагание перстов, слагание, навязанное некогда русскому народу насилием, невежеством и изуверством, слагание, которое введено с проклятиями из проклятий, истязаниями и смертельными казнями. Народу, любезному нам русскому народу, не как невежественному и грубому, как думают о нем преосвященные отцы, дадим свободу обряда, в котором так сердечно и глубоко, как ни в одном из народов мира, развита вера во Христа и к престолу. Мера эта, гг. сенаторы, — отмена государственной религии и полная свобода вероисповеданий. Секретарь, садитесь и пишите в этом смысле наш всемилостивейший манифест.

— Всемилостивейшая государыня! — бросившись на колена, возопили члены синода. — Что вы делаете? Вы разрушаете и церковь и престол!

— Что это за церковь? — возражает государыня. — Что это за церковь, которая только в покровительстве, только в мече императоров знает свое спасение и свою неодолимость? Так вот, отцы, какова ваша церковь, а мы этого еще не знали! Не хочу быть в вашей церкви. Я знаю Церковь единую, соборную, апостольскую; знаю Церковь, в которой Господь Духом Своим Святым пребывает со Отцем и во веки пребывает, и которую не император мечем своим, а Господь Духом Своим сохраняет и во веки сохранит неодолимою от врат адовых. Да, сегодня я в отечественную церковь уверовала; уверовала, что Господь и ее, как члена церкви вселенской, охраняет, а теперь меня св. синод ставит на месте Христа и Святаго Духа, от меня, от нашего императорского меча, как папства, надеется неодолимости своей церкви? Я сохраняю неодолимость церкви. Стало быть, я более, я выше, я сильнее церкви! Нашему сердцу чужда эта преступная суетность. Разве не довольно нам великой империи, чтобы благодетельствовать человечеству. Зачем посягать нам ни Церковь, на достояние Христово? Мало нам нашей империи? Христос даст нам Константинополь, быть может, и весь Восток, если мы сохраним верность ему. Я сильнее церкви; но если так, то, стало быть, сама я вне этой церкви. Вам, преосвященные отцы, с вашей церковью хорошо за мной, за нашей спиной, за нашим императорским мечем, а нам-то каково? Как я-то, бедная, останусь без Церкви? Гг. сенаторы, в какой церкви вы быть полагаете? В той ли, неодолимость которой охраняю я, или в той, которую охраняет Христос? Если в последней, то приглашаю вас вместе искать, где она. Мы имеем Церковь вселен-

скую, но непосредственно в ней быть нельзя, непременно должна быть посредствующая, каковою до сего дня была наша поместная, отечественная русская церковь! Но русская церковь разделяется на две церкви: старую и новую. Новая церковь, старая церковь, а между тем обе российские? Как эти слова странны ушам, разительны для сердца! О, Провидение! Озари ты наши умы и сердца в сей священный для нас час! О, Провидение! Благодарю Тебя! Гг. сенаторы! Я всегда всем сердцем веровала Провидению, и Провидение сейчас не оставило нас: оно показало нам церковь и церковь ни как не новую, а, несомненно, старую и притом отечественную, хотя и не синодскую. Вы сейчас слышали от представителей отечественной церкви, что неодолимость ея охраняют государи своим императорским мечем. По такую ли она была до учреждения синода? Такая ли вера принята была нами, русскими, сначала? Никак! Слало быть, теперешняя наша государственная церковь есть новая. Когда же, с какого момента она стала такою? Какая катастрофа и когда могла обрушиться на нашу древнюю церковь? Ужели такая громадная реформа могла совершиться без протеста, без борьбы, не оставив в истории после себя ни памяти, ни следа? Куда девалась древняя наша церковь, — церковь, которую мы получили из рук просветителя земли русской, которая не впадала в Христорство, ставя у себя царей вместо Христа, которая веровала во Христа, как в своего Главу и Охранителя, которая поэтому была истинным членом вселенской Церкви и, как член последней, и сама была причастницей неодолимости, обещанной Господом? Где же ныне, где ныне наша древняя святая Мать? О, Провидение! Благодарю Тебя, сугубо благодарю, нет, благодарю сто-кратно, нет — тысячекратно, нет — до конца дней моих не перестану благодарить Тебя и помнить, что Ты в сей день и час ярким светом просветило меня! Гг. сенаторы! Постараемся припомнить, не найдем ли мы в прошедшем чего-нибудь похожего на искомую катастрофу, а по ней какого-нибудь следа или слуха о древней нашей Матери. Господа, внимание! Что такое наш раскол? Что такое старообрядчество? Припоминаю события и их последовательность. Русский православный народ искони крестился двуперстно. Не перечисляю других обрядов. Все это было прекрасно, все превосходно, богоугодно и спасительно. Нам не было надобности до обрядности греков, а равно и грекам до нашей. Обе церкви, — и греческая и наша, — жили в мире и общении. Восточные отцы, епископы, митрополиты, патриархи, бывая у нас на Москве, прославляли благочестие Руси, сравнивая с солнцем, освещающим вселенную. Но вот, с восшествия на патриарший престол Никона, начинают наезжать на Русь греческие и киевские отцы. Посыпались сначала «зазирания» и «осуждения» нашего до этого года для самих греков честного и святого двуперстия. За Никоном последовал собинный друг его, государь Алексей Михайлович. «Зазирания и осуждения» превратились в прямые запрещения. Затем последовали анафема и проклятия; за ними — «телесная озлобления» или истязания и наконец, гражданский казнения, т.е. смертельный казни. Что же это значит? Значит, что эти «зазирания» встретили в русском народе возражения и негодования, коими правительство и церковное, и — увы! — светское пренебрегло. Этого мало. Правительство перешло на сторону чужеземных агитаторов и авантюристов, правительство стало против своего народа и потребовало от него отречения от двуперстия и старого обряда, отречения от свободы, от своего достоинства, от предков, от благочестия и народности. Правительство в полном составе изменило отечеству и этой измене потребовало от народа. Народ, разумеется, воспротивился, а правительство и при этом не усмиренномудрилось и свои требования поддержало церковными анафемами и проклятиями, на кои народный протест отвечал тем же, и справедливо. Ежели церковный анафемы и проклятия расточаются безразсудно, то оне перестают быть святыми и церковными, а превращаются в ругательства. Если просвещенные и преосвященные архипастыри первые обратились к народу с ругательствами, то можно ли винить народ, если он отвечал тем

же? Да и не обязаны ли были архипастыри за свое безразсудство получить должный урок? Правительству еще не поздно было одуматься, усмиреномудриться, воротиться назад, примириться с народным двуперстием и т.п. обрядами. Но не таковы были тогдашние времена: вмести исправления собственных ошибок, власть разсвирепела против протеста. От Никона и ждать иного было нельзя.

«Когда я ехал в Москву,— пишет в прощальном письме к царю Алексею Паисий Лигарид, митрополит газский,— то заранее восхищался тем, что увижу великого Никона, но, приехавши в первый раз и увидев его, то почел счастливыми тех, которые, родившись слепыми, не испытали несчастья видеть толикаго зверообразного человека». Таков был Никон. Но не могу надивиться на царя Алексея Михайловича, надивиться его тупости, его бездушности и безсердечности. Никон и Алексей обрушились на народный протест истязаниями и смертельными казнями. Застонала русская земля от двух тиранов: «святейшаго» и «тишайшаго». И этот-то порядок, такие-то отношения обоих правительств к народу застаем мы по восшествии на всероссийский престол; на наших глазах преосвященные архипастыри продолжают свирепствовать, а раскол крепнет, несмотря на тирания и ожесточения.

Отцы архипастыри! Куда вы завели, до чего вы допели и куда ведете вы свою отечественную церковь, российский православный народ и нас?

— Великая Государыня,— послышался голос со стороны синода,— истязания нисколько не в наших руках, это не мы, а прежде бывшие правительства.

— Как? — возражает императрица.— А акт 15 мая 1722 г., разве, не ваше дело? А телесныя озлобления и гражданския казни, разве, не вы освящали соборными определениями, и государи, разве, не по нашим внушениям и не по вашим усиленным настояниям ополчались против своего народа истязаниями и казнями? О, государи и прежние и будущие! Ног нам аттестат за ваше сообщничество с изуверами, палачами и злодеями! Но, гг. сенаторы, вот вопрос: благодать и истина Господня могут ли быть там, быть в той церкви, и которой стоят па месте святителей, палачи и кровопийцы. Может ли быть Христос там, где свирепствуют тол и кия злодейства? Остановимся на минуту. И «зазирания и осуждения» и запрещения, и проклятия, все это было — и немислимо, и безразсудно, и преступно; но все же еще борьба не выходила из пределов церковных. Но когда власти, и церковная и светская, взялись за истязаниями казни, тогда, очевидно, борьба вышла из пределов церковных, тогда власти стали вне церкви. Правда! за властями и собором волей-неволей пошло и большинство народа, вес же прочь от церкви пошли; и это большинство — архипастыри и государи. Но куда мы денем протест, который не трогался с места и по этому одному заслуживает внимание и уважение. Истязаний и казней нет у Христа, не должно быть их и в Его Церкви. Христос на это не уполномочил апостолов и их преемников. Стало быть, за истязаниями и казнями архипастыри обратились не ко Христу, а к царю Алексею, приглашая его охранять впредь, на место Христа, неодолимость российской церкви, а Алексей имел слабость и безразсудство согласиться на это. И куда, куда уйдем мы от вопроса: где же, на которой из этих двух сторон остался Христос? На обеих он, разумеется, быть не может. Очевидно, на стороне протеста; как и зачем остался бы он в государственной церкви, когда и царь, и архипастыри с безчестием вон из нея его выпроводили! Надеюсь, господа, что теперь вы ясно поняли, куда, почему и для чего мы намерены и сами идти, и вас приглашаем.

Но, гг. сенаторы! Догадываюсь о вашем смущении. Вам кажется, что, приглашая вас воротиться к старой Церкви, мы совращаем вас в раскол. Обязана объясниться. Всего, сейчас сказанного нами о церкви не следует понимать буквально; церковь, в которой быть не хочу, называю я то представление, какое составили о церкви архипастыри. Мы же желаем той Церкви, какою она быть должна и какою быть ей требует народный протест; прямее и яснее, мы желали бы в нашей господствующей церкви

возстановить все то, без чего Церковь не может быть истинно Христовой, не может быть созидательницею государства и хранительницею престола; возстановить то, что у ней когда-то непременно было, то что утрачено ею в несчастия для нея времена по безразсудству архипастырей и по зверонравности Никона, и по легковёрности и безсердечности Алексея Михайловича; но в обязанность вменяем себе ничего не скрывать от вас, гг. сенаторы, следовательно, не скрываю и других государей. Попробую разрешить эту, признаюсь, не малую для вас задачу. Мы в этом вопросе, так сказать, пойдем ощупью. Если бы нам, господа, нужно было возстановить какой-нибудь древний храм, лежащий в развалинах, засыпанный до половины мусором и густо заросший дикими растениями, то прежде всего нам следовало бы расчистить вход в этот храм, а затем, по мере расчистки от наростов, распознавать внутреннее устройство сию храма, назначение и размеры каждой его части и т.д. Мы так и сделали. Здание наше великой церкви (ибо о ней речь) мы освободили от векового мусора и от безобразивших ее пристроек и наростов, в виде обрядовых запретов и клятв соборных, в Алексеевы годы произносимых, и далее в виде определений синода 15 мая 1722 года и целого ряда в этом направлении совершенных фактов и актов. Теперь, когда обозначился пред нами фасад этого здания, заглянем в его внутренность и постараемся по разным признакам догадаться, какова была у нас церковь до перестройщиков ее — Никона и Алексея, — носительница благодати и истины, пароду учительница, государству собирательница, созидательница и объединительница, престолу крепость и слава. Сущность идей этой церкви было: сущная союзность и единность живая, деятельная и твердая. Чем этот сердечный союз был крепок? Правильностью отношений к народу государей и архипастырей, справедливостью, сердечной участностью к его нуждам, уважением к его народности и свободе, к свободе в церковном отношении, всей сполна и без уреза в государственном; по мере возможности, в частности, народ требовал от архипастырей благочестия и святости, от государей внимательного блюдения, чтобы гармония взаимно-свободных отношений в церкви между народом и архипастырями не нарушались.

Но вот настал Никон; признаюсь, личность возбуждающая во мне отвращение. Счастливее бы была, если бы не слыхала о имени его. Он начал реформировать свою церковь, перестраивать ее по своему. Какая же начала вложил он в основу своих перестроек? Безусловное подчинение народа духовенству, духовенства — архипастырям, архипастырей — патриархам. Подчинить себе пытался Никон и государя: он хотел сделаться папой. Порабощение народа ясно сказывается в насильственном отнятии у него обряда его предков, поддержанном клятвами, истязаниями и казнями; порабощение архипастырей — в незаконном единоличном низложении епископа коломенского Павла и глубочайшей тайной прикрытого умерщвления его; порабощение государей — внедрением в них убеждения, яко бы они обязаны мечем своим служить всевластительскому папе-патриарху, мечем смирять непокорение папе-патриарху народа и епископов. Что же вышло? Народ возстал за древнюю, под видом обряда Никоном окончательно разрушенную, апостольскую церковность, и за древнюю сердечную взаимно единость, основанную на вере, благочестии, любви и свободе. Возстал против соединения в лице патриарха обеих властей и епископа и царя.. Никон внес смуту и разделения в отечественную мирную до него и целостно единую церковь. На одной стороне стали архипастыри со своими реформами и насилием, в своими триперстием и проклятиями, а с другой — народ с обычною всем народам инстинктивною склонностью охранять все унаследованное от предков, а прежде и паче всего свободу. Известный обряд, как и всякий предмет, даже обряд православный, богоугодный и спасительный, но в руках насильных и жестоких властей ставший поводом и орудием порабощения народа, становится ему ненавистным, как знамя и символ его порабощения. Входим в чувства народа, таковым для последнего

должно быть и триперстие, навязанное нам греками при помощи проклятий, истязаний и смертельных казней. Для народа оно стало символом порабощения, для архипастырей — знаком его победы и торжества над народом. Ежели перенесемся на тот момент, когда совершались реформы и заглянем в совесть каждого из тех, кому пришлось отечественное двуперстие менять на указанное триперстие, то в большинстве увидим невежество, которое прямодушно поверило реформаторам, будто двуперстие есть обряд погрешительный, неправославный, небогоугодный и неспасительный, и благодушно последовало за правительством, затем — покорность из страха истязаний; то не похвально, а это уже предосудительно. Теперь разберем, к которому из этих разрядов принадлежит предок каждого из нас, господа. Переменившим двуперстие на триперстие, во всяком случае не думаю, чтобы можно было каждому из нас гордиться его доблестью, и если при этом припомним, какая идея была соединяема со введением триперстия, то поймем и смысл, и правость, и неодолимость, поймем родной протест и предупреждения против триперстия и неприязни его к тем, кого зовут «щепотниками». Наконец, Никон внес разлад и разделение между народом и престолом; до него государи были отцами своего народа, самодержавными охранителями православных на любви и свободе, на единности престола с народом в верности веры отцов, в верности обрядов и обычаев предков, основателей отношений государей к их народу. Никон из Алексея царя-отца сделал тирана и истязателя своего народа. И какого народа? Подобно которому по преданности к царю своему нет другого в мире, Что Алексей сделал из своего народа? Народ стал видеть в своих царях антихристов, и мы его не виним: народ подлинно испытал на себе руку последних. И для чего все это? Для чего Алексей изменил своему народу, изменил еще недавнему, еще памяtnому избранию народом отца его в царя Российской земли, изменил общим обязанностям всех царей? Чтобы угодить другу своему Никону, чтобы покорить под ноги его и иерархов и духовенство и народ, и затем чтобы из него и будущих патриархов создать врагов престолу и самодержавию. Удивляюсь царю Алексею, его не дальновидности: идет за Никоном, как провинившийся мальчишка за готовящимся его высечь учителем! Вот заслуга никоновской реформы пред престолом и самодержавием! Государство не могло и не должно терпеть над собой в пастырях второго великого государя, и первый, кто об этом догадался, был сын этого Алексея. Петр Великий заменил патриарха синодом. Может быть мы этого не сделали бы, прямо говоря, ибо патриархи могли существовать; но государственная власть им не надлежит. Я бы этого не сделала. Но вот пред нами св. синод. Что же это за институт. Мы слышали сейчас, как он нас, императрицу, ставит в своей церкви на место Христа, в нас, в нашем императорском мече упоая найти обещанную Христом неодолимость.

Поймите, св. синод еще не знает нас, не знает, в чем мы видим крепость и силу нашего царствования; еще не знает, как мы относимся к притязаниям некоторых государей, их императорским мечам. Св. синод еще не знает, как мы относимся к этому громадного значения деянию, образцового между царями, Алексея и к деланию влияющего в народной организм превратностей бездушного и безсердечного института. Св. синод еще не знает, как несвойственно нашему уму и сердцу, как мерзит нашей душе убивать в народе дух и жизнь, совесть, смысл и свободу. И вот он, синод, при первой встрече с нами уже спешит предложить нам быть его провидением и сохранять неодолимость. Чью неодолимость? Да старинных «зазираний», осуждений, истязаний и смертельных казней, и все это против двуперстия и тому подобных старотечественных обрядов, словом охранять неодолимость и старых и нынешних нелепостей. Синод возводит нас и снос провидение, в провидение своей церкви! Так вот для каких услуг приглашает нас этот коллегийум. Но кто решится принять такой сюрприз? Чего же ждать церкви от этого лишенного жизни и мертвящего института, которому вручена вся власть царя; но об этом не сегодня.

«Вы,— говорит нам св. синод,— разрушаете церковь!» Гг. сенаторы! Мы только частью обозрели здание церкви, только частью уразумели, что такое церковь и что такое требуется от церкви великого народа, чтобы она подлинно была Церковью. Но вы уже догадываетесь, что наша отечественная церковь лежит в развалинах, если в церкви нашей что еще и осталось живого и берегущаго ее жизнь, то это чуть ли не один народный протест. Ясно, что архипастыри сбивают нас с толку, страшая разрушением церкви, самими ими давно разрушенной.

«Вы,— говорит нам святейший синод,— разрушаете престол!» Но, господа, мы уже видели, какие услуги престолу оказало российское архипастырство со времени Никона, какую пропасть изрыло оно между престолом и народом. Все то, что в те времена было в русском народе лучшего, великодушного, живого, энергичного, все стало на сторону протеста. А последовавшие за Никоном государи обременили себя легковесием, а народ заставили видеть в них тиранов и, как сказали мы,— антихристов.

Господа! Для вас ясна правота протеста. Совесть сама говорит вам, что не новая, не синодская церковь, а народный протест остался на месте, что не протестующий народ, а архипастыри, пренебрегшие народным протестом, лишившие последнего своего общения, сами стали раскольниками, и что, наконец, все обвинения возводимый на старообрядчество, все ложь, клевета, внушаемая злобою оскорбленной гордости архипастырей. Но вас, быть может, смущает мысль: если народный протест прав, то как же Христос покинул его, оставив без единого епископа и, следовательно, вне церкви, тогда как сторона смутников и раздорников, оставаясь с иерархией, имеют права носить имя церкви? Каким образом Господь, вопреки обещанию пребывать с верными ему, покинул подлинных носителей церковности и, следовательно, верных ему, истинных стоятелей за самую Церковь, и таким образом, как бы допустил врата ада одолеть? О, Провидение! Благодарю, благодарю, благодарю Тебя! Смущение ваше, гг. сенаторы, надеюсь разъяснить краткими словами. Оставив свой протест без епископа, Господь не покинул его. Во-первых, протесту он предоставил честь сохранить неодолимость своей невесты, российской церкви, нашей святой Матери. Не будь протеста, церковность русской церкви навсегда представила бы миру зрелище совершенных развалин, в которых ее ныне видим. Хотя церковность ее и распадалась, хотя и лежит в развалинах, но пока не убит, пока жив народный протест, никто не имеет права сказать, что церковь российская совершенно пала, совершенно перестала жить. Погрешила не она, не российская церковь, которая есть член святой апостольской Церкви, а согрешила одна ее иерархия. Во-вторых, вся иерархия пала, практически верным церковности остался один народ и даже только часть народа. Поняли ли вы, господа, все значение, все достоинство, всю святость великого народного старостояния, громадность его заслуги перед нашей отечественною церковью и Церковью вселенскою? Да, народ простой, необразованный народ дает величайший урок в церковности своему архипастырству: последнее оказывается упрямым и злым; на протест сыплются проклятия, истязания и казни; а он, народ,— подивитесь, господа сенаторы,— стоит твердо, непоколебимо целые века! Зрелище, поражающее своим величием, зрелище, достойное не земли, а неба. Ад и Христос в нашей отечественной русской церкви стоят в открытой борьбе: за первым вся мощь, вся злоба, все козни мира в лице духовных правительств, в лице обманутых царей и архипастырей; за вторым — безмолвное терпение и терпеливое безсловие. Кто в этой борьбе одолеет? Я не была бы искренно верующею дочерью Церкви, я была бы недостойна великого народа русского, носящего имя святой Руси, если бы на минуту усумнилась в победу Христа, в победу народа, в победу протеста, в победу старообрядчества. О, Провидение! Пусть обманутые архипастырями цари с самими архипастырями удесятерят злобу и козни свои, пусть эта борьба, борьба между исконным злом и вечным добром, между адом и небом, продолжится еще на сто, еще на двести лет. Чем тягчая

испытания, чем продолжительнее страдания, тем внушительнее победа, тем памятнее и поучительнее урок, тем блистательнее слова Христа, Церкви и протеста... Но только, гг. сенаторы, мы за себя ручаемся, что не будем орудием ада против любезно-верного нам народа, против голоса великой российской церкви, против Христа.

Поняли вы, наконец, гг. сенаторы, что значит решительность уйти из синодской исповедуемой казенной церкви и искать старую, что все вам показалось приглашением идти за нами в раскол? Это значит присоединиться к протесту, разумеется, присоединиться к протесту против разрушения задуманной союзности между народом, между престолом и архипастырями. Мы возстановим в нашей великой церкви все, что разрушено в ней в варварские, несправедливые насильственные времена, все, что разумеет в истинно древней Христовой и апостольской, православной католической церковности. Мы безвозвратно на все времена утверждаем право каждому верноподданному слагать персты для крестнаго знамения, как ему угодно, а каждой православной приходской общине употреблять в ее приходском храме тот из обрядов, который ей любезен. За каждой приходской общиной и епархией мы утверждаем право выбрать по сердцу пастыря, полагать на него обязанность наблюдать за исполнением требований, ответы за каждый его шаг, а в случае упорного уклонения от обязанностей, удалять или смещать по своим приговорам. Только таких пастырей мы будем знать, как истинных пастырей и подлинных представителей их общин и епархий.

Тогда-то, гг. сенаторы, нам можно будет управлять народом, Провидением вверенным нам. Народная жизнь в начальных, элементарных ее проявлениях будет расти, цвести и приносить плоды сторицею под святым и животворящим пестунством Самого Христа и Его Церкви, которая тогда будет матерью, и кормилицей и нянькой народа, а пастыри ее — и попечителями, и учителями, и судьями, и отцами. Тогда-то сердечный союз между народом и престолом, союз, указуемый самой натурой вещей, союз между Церковью и государством, Самим Господом заповеданный и благословляемый только в Российской империи, только между русским православным народом и его царями возможно осуществиться на радость небесам, на удивление миру и на страх нашим врагам!

— Великая государыня! — отвечают члены синода. — Сам Бог говорит твоими устами, преклоняемся пред верховностью твоих уроков. Содрагаемся последствий, но уступаем двуперстие твоей непреклонной воле. Твоя непреклонная решимость на крайние меры будет нам оправданием пред нашей совестью и церковью, и потомством. Но, государыня! Забудь, забудь о свободе исповеданий, забудь обо всем, что мы сегодня от тебя выслушали, дозволю и нам забыть все это.

— Благодарю вас, преосвященные отцы! Со временем поймете, какую услугу церкви, государству и престолу оказали вы вашим согласием. На этот раз принимаю от вас для нашего народа одно двуперстие. Все остальное до времени оставляю на успех ваших совестей. Высоко держите свое знамя, свое дорогое 13 мая 1667 года. Мы желали бы, чтобы подвиги ваши в этом направлении, хотя по временам, делались нам известными; особенно занимает нас определение вашего собора о Иисусовой молитве. Уверяем нас, что каждый раз, как только будем слышать о подвигах ваших, веселость будет облетать до нас от кабинета и гостиной до самых прачечных. Но забыть сказанного нами не дозволяем. Напротив, гг. сенаторы! Прошу каждого из вас сохранить память о сегодняшней нашей конференции, чтобы нам самим напомнить о ней, если бы нам когда-нибудь, паче чаяния, изменила память. Секретарь, пишите:

«На общей конференции сената и синода 15-го сентября 1763 года определено (есть): тех, кои церкви Божией во всем повинуются (есть), в церковь Божию ходят (есть), отца духовнаго имеют (есть) и все обязанности христианския исполняют, а только двуперстным сложением крестится (есть), таинства см не лишать (есть), за раскольников не признавать (есть) и от двойного подушнаго оклада освобождать» (есть).

Владимир Никишов
(г. Мытищи)

ЖАБЫНЬ И СТАРООБРЯДЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

***От редакции:** Владимир Дмитриевич Никишов, профессор Московского государственного университета леса (МГУЛ), академик РАЕН, заместитель главного редактора журнала «Вестник МГУЛ: Лесной вестник», наш автор (см. «ПЗ» № 2, 2009). Совсем недавно вышла в свет его книга: Никишов В. Д. Жабынь. История Свято-Введенской Макариевской Жабынской пустыни. — М.: ГОУ ВПО МГУЛ, 2011. — 384 с. Замечательно изданная, с большим числом цветных иллюстраций, книга посвящена 425-летию основания Свято-Введенской Макариевской Жабынской пустыни — одного из наиболее чтимых православными России и других стран мужского монастыря, расположенного на правом возвышенном берегу Оки, недалеко от города Белева — ровесника, кстати говоря, Москвы. Задолго еще до основания монастыря на его месте находилось древнее городище восточнославянского племени вятичей. Неудивителен и интерес Владимира Дмитриевича — уроженца Белева, много размышляющего и пишущего об истории родного города и его окрестных мест. Ниже мы публикуем главу из названной книги.*

О том периоде времени, который следовал непосредственно за кончиною преподобного Макария, подробных известий не сохранилось. Из настоятелей, управлявших обителью в XVII веке, история сохранила имя только одного из них — строителя Герасима. По одному из актов XVIII столетия, который обнаружил в монастырском архиве архимандрит Леонид, известно, что отец Герасим подавал челобитную на притеснения и обиды от соседнего помещика Михаила Киреевского и на братьев его «в разорении сей пустыни». Но в чем именно состояло это разорение, и какие были поводы для этого, оставалось неизвестным.

Из архива Белевского Спасо-Преображенского монастыря известно, что к концу XVII столетия, попусшением Божиим, возобновленная блаженным Макарием обитель запустела вовсе. Причины, приведшие к запустению монастыря и оставлению монахами намоленной обители, оставались невыясненными. Смутное время ушло в историю, «украина» Московского государства отступила далеко на юг, никакие боевые действия в окрестностях Белева давно не велись, а обитель опустела.

Мы полагаем, что одной из причин запустения Жабынской обители, к концу XVII столетия, стали трагические события в России, связанные с церковными реформами. Они привели к расколу, который на долгие годы разделил не только церковь, но и все российское общество на два непримиримых лагеря: старообрядцев и новообрядцев. Большой Московский собор 1666—1667 годов наложил проклятие на сторонников древлеправославия и признал еретиками и раскольниками отделившихся от Церкви по поводу книжных и обрядовых исправлений. Это вынудило старообрядцев уходить в подполье и скрываться в глухих местах.

Сохранилось немало документов, свидетельствующих о том, что жители Белева и уезда не приняли тогда церковной реформы и долгое время оставались верными приверженцами старой веры. Они стали активными участниками старообрядческого движения, а Белев стал важным центром борьбы за старую веру. Отсюда выходили беглые попы, уставщики и начетчики, расходившиеся по отдаленным краям. В истории остались известны имена священников Иоанна Белевского, Алексея Белевского, Андрея Белевского. Среди них наиболее деятельным защитником древних обрядов стал священник Стефан Иванов, известный еще как Стефан Белевский.

С началом гонений многие из белевцев через прилегающие брянские леса уходили в Стародубье, ныне город в Брянской области. Здесь, в стародубском редколесье, Стефан Белевский вместе с сыном Дмитрием основал слободу Митьковку. Спасаясь от жестоких преследований, отсюда им пришлось уйти на Ветку — пустынный остров на реке Сож вблизи Гомеля. Тогда это были польские владения панов Халецкого и Красильского, охотно принимавших под свое покровительство трудолюбивых и трезвых «москалей». Ветка активно развивалась и стала одним из важнейших духовных центров поповцев-старообрядцев. Здесь в начале 1690-х годов была впервые построена старообрядческая церковь Покрова Пресвятыя Богородицы, в которой был установлен еще дораскольный иконостас.

Не могли остаться в стороне от происходивших событий и насельники Жабынской пустыни. Из сохранившихся исторических документов можно заключить, что эта обитель была тогда укромным пристанищем не только для ночевков старообрядцев, бежавших из Москвы в Стародубье. Здесь скрывались и подолгу жили видные деятели старообрядчества. Среди них знаменитый вождь и неутомимый защитник старообрядчества Досифей, известный старообрядческий писатель Евфросин, любимый ученик Аввакума Сергей. С историей Жабыни тесно связано имя старицы Мелании, которая была духовной наставницей самой боярыни Морозовой. Недаром из «росписи церковным раскольникам, объявленной по извету приходских священников» Белевского уезда в 1681 году, видно, что уже в семидесятых годах XVII века раскольники завели себе здесь «великое пристанище».

Игумен Николо-Беседного монастыря Досифей прожил в Жабыни десять лет. Об этом стало известно в начале XVIII столетия на допросе арестованного старообрядца. Это был старец Урван, в миру Ульян Анкудинов, пахотный крестьянин Галицкого уезда, вотчины князя Никиты Ивановича Одоевского, села Богородского, деревни Прутков. После смерти отца он бросил жену и сбежал в Белев — «в Жабынскую волость». Здесь жил бельцом около года, а потом постригся от старца Досифея (позднее признанного раскольниками святым), с которым вместе жил в пустыни 10 лет, пока Досифей не съехал на Дон «во дни державы благородныя Государыни Цесаревны Софии Алексеевны».

После Досифея Урван ушел из Жабынской пустыни в Волоколамский уезд, где жил один в лесу вблизи Иосифова монастыря. Построил келью, но скоро охотниками князя Шаховского она «была усмотрена», и Урвана выгнали отсюда. Он отправился в Вяземский уезд и как только устроился здесь, его опять постигла подобная же невзгода. После недолгих скитаний Урван, наконец, попал в Приказ церковных дел и был сослан в Иосифо-Волоколамский монастырь. В каком именно году это было, неизвестно, но по делу видно, что через 10 недель Урван бежал из монастыря и снова жил до привода его попом Иваном Неусыпаевым в Волоколамском лесу.

Перед арестом был он в Осташкове, в доме купеческого человека Григория Васильева Зетилова, прежде бывавшего у него в келье с милостынею, и еще в Ржеве. «Открыт» был старец Урван в можайских лесах попом Иваном Васильевым и снова передан в Приказ церковных дел. Отсюда «под крепким караулом» был отправлен в Святейший Правительствующий Синод. Будучи учеником Досифея, называл патри-

арха Никона еретиком, а наставников своих, Досифея и Филарета, почитал за святыми. Долго упорствовал в расколе, но наконец решился отречься от него. Святейший Синод распорядился таким образом: «быть ему, старцу Урвану, до указа, лучшего ради исправления и всегдашнего в несомнительном святей церкви покорении содержания, в Троицком Александро—Невском монастыре, и смотреть над ним, старцем, прилежно, чтобы он показанную присягу содержал».

При старце Урване при обыске были найдены: «дорник»*, оставленный ему Досифеем; «таинство» — также от Досифея, которое положено было в «белильнице» и которым он причащался; в двух мешочках сухари: в одном всеюшней хлеб, в бумажке раздробленная просфора; в другом три сухарика в бумажке, растворенные на благословенной воде; сухарики употреблялись Урваном после причастия.

Известно, что Досифей переселился на Дон в 1685 году, поэтому начало совместного с ним проживания Урвана в Жабынской пустыни относится к 1675 году. Однако с монахами из Жабыни, да и самой обителью он познакомился значительно раньше. Покинув после Московского Собора 1666—1667 годов свой монастырь, где он был настоятелем, Досифей вынужден был скрываться, и вел скитальческую жизнь. Периодически он посещал членов московской старообрядческой общины. Кому тогда не было известно имя знаменитой боярыни Феодосии Прокофьевны Морозовой? Слава о ее боярских хоромаш, служивших убежищем всем поборникам раскола, гремела по всей Москве. Сама она была душою московского «стада», особенно женской его половины. В начале 1670 года Досифей приехал в столицу, где сблизился с московскими «старолюбцами» в окружении боярыни. Среди них были и выходцы из Жабыни.

Набожная боярыня Морозова, овдовевшая в тридцать лет, после смерти мужа щедро подавала милостыню на храмы и монастыри, истратив на помощь нищим треть своего огромного состояния. Будучи верховной дворцовой боярыней и близкой родственницей царя Алексея Михайловича, она не испугалась царской немилости и осталась верной древним церковным обрядам. Только благодаря своему родству и связям Феодосия Морозова в течение ряда лет смогла занимать независимое положение. Ее дом постепенно превратился в небольшой монастырь, объединявший людей старой веры. «Пятерица инокинь, изгнанных» во главе со старицей Меланьей составляла тот «собор» домового монастыря боярыни, вниманию которого она предлагала важнейшие вопросы веры и жизни.

В дом Морозовой нередко приходили юродивые и странники. В деле о раскольниках, находившихся в ее доме незадолго до ареста, доносчиком названы «имена раскольникам соборная церкви, которые приежжаючи живут у боярыни Федосьи Морозовы: Белевскаго уезду Жебынския пустыни старица Меланья (на поле пометка: а прозванием Александра); да то же пустыни старец Спиридон...». О Мелании Морозова узнала от инока Симонова монастыря Трифилия. Боярыня «уведе о некоей инокине благоговейной, именем Мелании, и призвавши ю и слышав словеса ея, возлюби зело, изволи ю в мать себе избрати. И смирившись Христа ради, отдадеса ей под начал, и до конца отсече свою волю. И сице пребысть до конца опасная послушница, яко и до дне смерти своя ни в чем повеления ея не ослушалася. И от тоя Мелании наставляема уже в конец постиже разумети и сотворити всякое богоугодное дело».

Инокиня Мелания, которая была одной из ярчайших личностей в первом поколении русских старообрядцев, имела значительное влияние на боярыню. Будучи духовной наставницей, она не оставляла свою смиренную послушницу до самой ее трагической гибели в боровской тюрьме. Даже в тяжелейшие годы жестоких испытаний, когда сам царь Алексей Михайлович интересовался розыском Мелании, она всеми

* Дорник — от греч. *dory* — копье. Имеет два значения: копье, которым вынимаются части из просфоры или печать для теснения креста на просфоре

Боярыня Морозова. Художник В. Серов

силами подбадривала свою духовную дочь и с риском для жизни навещала ее в тюрьмах. В период расцвета домового монастыря Мелания наставляла боярыню «сотворить всякое богоугодное дело». Вместе они ходили по тюрьмам, разносили милостыню, ежедневно поклонялись московским святыням.

Хорошо знал Меланию и Аввакум. В одном из писем боярыне он пишет: «А Меланью ту твою веть я знаю, что она доброй человек, да пускай не розвешивает ушей, стадо то Христово крепко пасет, как побраню. Ведь я не сердит на нея, — чаю, знаешь ты меня. Оне мне и малины прислали, радеют, миленькие... Я браню ея, а она благословения просит. Видишь ли, совесть та в ней хороша какова? Полно уже мне ея искушать. Попроси у ней мне благословения: прощается-де пред тобою! Да вели ей ко мне отписать рукою своею что-нибудь».

Из «Повести о боярыне Морозовой», написанной ее современником, известно, что в дом к Морозовой из-под Белева вместе с Меланией пришли еще четыре инокини: «В то время в дому боярыни живяху пятерица инокинь изгнанных». По этому поводу ее двоюродная сестра Анна Михайловна Ртищева сокрушалась: «О, сестрица, голубушка! Съели тебе старицы белевки, проглотили твою душу аки птенца, отлучили тебе матери Мелании».

Не следует удивляться тому, что инокини и старцы могли быть из одной «тое же Жебынския пустыни». Из истории православных монастырей известно, что некоторые из них были сначала общими для старцев и стариц. Они имели свои отдельные мужские и женские половины и управлялись одним духовным лицом. Такой, например, была Оптиная пустынь. По В. И. Далю — слово «опт» или «обт» означает «общий». Она оставалась общей обителью до середины XVI века, когда Стоглавый собор в 1551 году запретил совместное Проживание в монастырях мужчин и женщин. Что касается Жабынской пустыни, то нет никаких сведений, подтверждающих, что она была общим монастырем. Непонятно тогда, почему же автор древнего источника называет старицу Меланию подвижницей «Белевского уезду Жебынския пустыни» и откуда, из какого монастыря вместе с ней были изгнаны «пятерица инокинь», почему вместе с ними в доме Морозовой оказались жабынские старцы?

Известный славист и историк русской культуры, профессор американского Университета Вандербилта С.А.Зеньковский в своей монографии «Русское старообряд-

чество» говорит, что «старицы белевки» были «монашки из старообрядческого монастыря в Белове». К сожалению, автор не сделал здесь ссылки на источник. В то время в Белеве действительно существовал женский Крестовоздвиженский монастырь, настоятельницей в котором с 1661 года была игуменья Вера. О бурных событиях, происходивших в монастыре — «великой распре», мы узнаем из опубликованных в 1909 году документов Сарайской и Крутицкой епархии. Они были найдены протоиереем Н. А. Соловьевым в делах Крутицкого архиерейского казенного приказа.

В 1662 году старицы Крестовоздвиженского монастыря подали Преосвященному Питириму, митрополиту Сарскому и Подонскому, челобитную. Среди них были Анастасия, Маремьяна, Дария, Зинаида, Мелания и другие старицы. В своей челобитной они писали, что игуменья Вера, приехав в монастырь, «живет не по правилу святых отец; забыв страх Божий и твой святительский указ, в монастыре чинит мятеж большой». Суть мятежа была в том, что она, без ведома стариц, жаловалась митрополиту Питириму на игумена соседнего Белевского Спасо-Преображенского монастыря Михаила, на черных священников и на всю братию. «Ево игумена з братией оглашает,— писали они,— а нас, богомолиц твоих, от черных священников отлучает; пишет к тебе, великому святителю, будто те черные попы исповедывают и причащают не по правилу святых отец, за грехи епетемей не довают, и называет ево игумена и з братиею ворами и бражниками и всякое безчиние на Спасской монастырь наносит; а мы, богомолицы твои, того ея письма ничево не ведаем, а она пишет будто со всего собору».

Жаловались старицы и на другие поступки игуменьи Веры. «А которые, государь, старицы живут в мире, питаютца меж дворов и приходят в монастырь к церкви Божий, и она тех стариц из церкви выбивает, на паперти бьет своими руками. Да она ж игуменья у нас в монастыре вкладными и кормовыми денгами владеет одна, а с нами не поделается; а что нам дано в монастырь, государь, жалованья пахотной земли, и она ту землю отдает внаймы; а что за тое землю берет найму, и тем всем она ж владеет, а нам, богомолицам твоим, того ничего не дает, и мучит нас безвинно, на чепь сажает, плетми бьет и увечит своими руками; принуждает нас сильно в духовность к игумену Никодиму, а у нас, богомолиц твоих, отцы духовные у всех есть, и грозит нам им, игуменом Никодимом^{*}; а сама в Волхов по ночам ездит и живет многое время, а церковь Божию, поехав, замыкает и ключи с собою возит и церковь Божия стоит без пения. И она, государь, игуменья Вера в твоём святительском богомольи нам не годна в игуменьях, потому что творит не по правилу святых отец, чинит в монастыре соблазн большой и нас, богомолиц твоих, бьет безвинно и розна разгоняет».

Далее старицы просили митрополита назначить игуменьею монастыря старицу Варсонофию, «Ивановскую жену». К челобитной приложили руку:

бывший игумен Спасо-Преображенского монастыря Геласий — вместо своих духовных дочерей, старицы Марфы с сестрами;

черный поп Иосиф — вместо своих духовных дочерей, старицы Софии с сестрами;

черный поп Боголеп Белевской Жабынской пустыни — вместо своих духовных дочерей, старицы **Мелании** с сестрами.

В 1662 году митрополиту Питириму встречную челобитную подала игуменья Вера, в которой жаловалась на своих монахинь. «В Воздвиженском де монастыре

^{*} Никодим был игуменом Волховского Оптиного монастыря, с которым игуменья Вера была хорошо знакома и ездила к нему погостить. Она пыталась запретить монахиням Крестовоздвиженского монастыря исповедоваться в Спасо-Преображенском монастыре и Белевской Жабынской пустыни. При этом она настаивала, чтобы они окормлялись у игумена Никодима. В 1662 году, в Великий пост, он приезжал в Спасо-Преображенский монастырь исповедовать братию и между прочим говорил, что, скорее всего, будет настоятелем в Спасском Монастыре, что Спасских старцев вышлет, а переселит сюда старцев из Болхова Оптиного монастыря.

новопостриженные старицы ее игуменью не слушают, живут в монастыре самовластно, ходят в пустыню, что на Жабини, к старцам и ко братьям и в той пустыне ночуют и живут дня по три и по четыре. Да оне ж избрали себе отца духовного не по чину мужа юна, коему еще нет и 20 лет, на Жабини черного попа Боголепа, и за их бесчиния игуменья Вера хотела тех стариц смирить, и те де старицы собралися с своими... хотели ее игуменью убить. Да того де монастыря дьячок Мишка в то время ее игуменью бранил и позорил всячески и перешиб у ней у руки кисть, да он же дьячок Мишка в монастыре бесчинствует, по кельям к старицам ходит и один на один с старицами бывает».

Свое решение проблемы, возникшей в среде монашествующих, митрополит Питирим объявил в благословенной грамоте повоназначенному настоятелю Белевского Спасского монастыря игумену Михаилу. «И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б в Воздвиженском монастыре игуменье и старицам против сей грамоты велел: впредь игуменью Веру всем старицам и сестрам почитать и слушать по монастырскому чину, как и в прочих монастырях ведетца, а самовластвовать не велел, и в Макарьеву пустыню старицам ходить не для каких... не велеть; а будет которой старице... беседа духовная, и им велеть приходить в девичь монастырь и о духовности творить беседу, на монастыре, на паперти пред церковью, а в келью старцем к старицам входить отнюдь не велеть; а отца духовного велеть им избрать в Белеве в... нем монастыре, а попу Боголепу впредь отцем духовным у них стариц быть не велеть; а дьячку Мишку кроме церкви к старицам ходить не велеть; так же и игуменье Вере впредь жить в монастыре смирно, прихотцаго их попа и сына ево от церкви не изгонять и стариц без вины не смирать, а где лучитца, смирать не деянием, но поучением; а вкладные кормовые и наемные деньги велел игуменье делить со всеми сестрами по чину, как ведется в прочих монастырях. А будет впредь старицы игуменью почитать и слушать ее не учнут, и мать Вера впредь станет жить не смирно, и ты б о том их немирении писал к нам; и мы пошлем к ним в монастырь нашего сына боярского и велим игуменье и старицам учинить жестокое смирение. А лично б ты игумен девича монастыря игуменье и старицам сей наш великаго господина указ сказал безо всякаго мотчания... А милость Божия и Пречистые Богородицы и всех святых молитвы и нашего смирения благословение да есть и будет с тобою ныне и во веки аминь».

Приведенные документы доказывают, что старица Мелания была монахиней Белевского Крестовоздвиженского монастыря и духовной дочерью черного попа Боголепа, к которому она вместе с сестрами ходила на исповедь в Жабынскую пустынь. Знала она, конечно, и других жабынских монахов.

Из истории неизвестно — удалось ли митрополиту своим строгим посланием смирить властную игуменью и примирить ее с сестрами монастыря. Но зато хорошо известно, что старица Мелания и ее четыре сестры после этой распри оказались как «инокини изгнанные» в доме знаменитой боярыни Морозовой. Произошло это, скорее всего, в первой половине 60-х годов XVII века. Игуменье Вере, видимо, так и не удалось «смирать не деянием, но поучением» стариц, а угроза митрополита Питирима «игуменье и старицам учинить жестокое смирение» привела к изгнанию из монастыря «но-вопостриженные старицы» во главе с Меланией.

Заслуживает внимания инок Трифилий, рекомендовавший Феодосии Прокопьевне старицу Меланию. В источнике его называют «симоновским иноком, страдальцем Трифилием», который «прежде пострижения в царских дворех все усердный служитель и верный бяше». Он действительно пострадал за раскол и был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь. Прежде всего — непонятно, откуда мог знать московский инок Трифилий старицу из далекого, еще недавно находившегося на окраине государства, монастыря. В той сложной обстановке, которая складывалась в Москве вокруг старолюбцев, только человек, хорошо знавший старицу Меланию, мог рекомен-

довать ее боярыне.

Мы не можем не упомянуть здесь и другого инок со схожим именем Трифиллий — старца из Жабынской пустыни. Учитывая тесные связи морозовского дома с Жабынью, нельзя не предположить, что и жабынский Трифиллий тоже бывал в доме Морозовой и вполне мог рекомендовать ей Ме-ланию, хорошо ему знакомую по Белеву. Незвестный автор «Повести о боярыне Морозовой», знавший московского Трифилия как славного «воина» за раскол, мог ведь и не знать жабынского Трифиллия. Молва же оставила на слуху только имя рекомендателя Мелании, которое автор связал с иноком Симонова монастыря. Подчеркнем — это лишь наша версия событий того времени.

Информацию о Трифиллии и связанных с ним событиях, происходивших в то время в Белеве, находим в работе иеромонаха Герасима (Дьячкова) о Белевском Спасо-Преображенском монастыре.

В 1662 году старец Белевской Жабынской Макариевой пустыни Трифиллий жаловался митрополиту Сарскому и Подонскому Питириму, что в Белевском Спасском монастыре в г. Белеве посадские и уездные попы, «забыв Божий страх и указ великого государя и наше благословение, во святых Божиих церквах поют и говорят голоса в два и в три, а не единогласно^{*}. Да в Белеве ж де многие люди от неразумия о книгах старые и новые печати чинят соблазн и возлагают хулу, и в том де мятежи чинятся святому псалмопению церковному и божественные литургии, от неразумия, раздор и соблазн».

Чем кончилось это дело для Трифиллия — неизвестно. Непонятны также и мотивы, побудившие его жаловаться на соседний монастырь. Мы знаем только, что в том году «волею Божию Спасского монастыря игумен Геласий занемощевал и братии... сказал: «моей де мочи нет в игуменах быть». В борьбе за настоятельское место, вероятно, участвовали уже известный нам настоятель Волховского Оптиного монастыря Никодим, сама братия монастыря, желавшая Михаила и игуменья Вера, которая из-за своего вздорного характера никак не могла смириться с назначением нового настоятеля в соседний монастырь.

В 1670 году овдовевший царь Алексей Михайлович выбрал себе в невесты Наталью Кирилловну Нарышкину. Сразу же после этого Морозова, тесно связанная с первой женой царя Марией Ильиничной Милославской, лишилась монаршей милости. Мы никогда не узнаем, что побудило боярыню Морозову в конце этого года тайно принять монашеский постриг. «Желая зело ангельского образа», Феодосия Прокофьевна стала упрашивать свою духовную наставницу Меланию помочь ей в этом. После безуспешных уговоров — Мелания опасалась огласки и царского гнева — она, наконец, согласилась: «изволи быть сему». В это время в доме Морозовой жил игумен Досифей и Мелания «молит отца Досифея, яко да сподобит ю аггельского одеяния. Он же постриже ю, и наречена бысть Феодора, и даде от Евангелия матери Мелании».

Монашеский постриг помешал инокине Феодоре присутствовать на свадьбе царя 22 января 1671 года. По своей должности она, как старшая боярыня, была обязана быть на свадьбе, где произносился титул царя, должна была называть его «благодарным», целовать ему руку и подходить под благословение архиереев по новому обряду. Пойти на сделку с совестью боярыня уже не могла и, сославшись на болезнь, на царскую свадьбу не явилась. Это решило ее дальнейшую судьбу. Разгневанный глубоким оскорблением царь Алексей Михайлович кричал: «Вем, яко загордилася!»

^{*} Многогласие — это пение и чтение одновременно различных по последовательности частей службы. Богослужение исполнялось не последовательно, в порядке богослужебного чина, а одновременно. В 1652 году царь Алексей Михайлович издал указ о запрещении многогласия, которое стало рассматриваться как преступление. Церковный собор 1666—1667 гг. строжайшим образом осудил многогласие, но оно продолжало существовать в некоторых церквах еще и в начале XVIII в.

Предчувствуя неминуемую опалу, Морозова приказала старице Мелании и ее сестрам скрыться из Москвы. Они поселились в одной из многочисленных усадеб боярыни, где и продолжал свою деятельность подпольный старообрядческий монастырь, руководимый Меланией. Место его пребывания боярыня не выдала, несмотря на жестокие пытки. Скрылся и Досифей, скорее всего — в Жабыни. Его бегство из Москвы вполне понятно, так как тогда начались розыски и о других попах, служивших у Морозовой.

Под стражу боярыню Морозову взяли вместе с сестрой 16 ноября 1671 года. Несмотря на все попытки, исходившие от царя и патриарха, склонить ее к принятию нового церковного обряда не удалось. Решив страдать до конца, она осталась непреклонной. Четыре года продолжалось заточение и пытки именитых узниц в монастырских тюрьмах. «Старицы белевки» находили любую возможность для их посещения, подбадривал своими письмами Аввакум. Едва ли было известно Мелании, что сам царь интересовался тогда ее розыском.

В начале июля 1675 года узниц Боровского монастыря перевели в «пятисаженные ямы» — новоустроенную земляную тюрьму. Под страхом смерти стражникам запретили давать заключенным пищу и питье. Боярыня, умиравшая от голода и жажды, умоляла стражников дать ей «мало сухариков», яблочко, огурчик, но всякий раз слышала отказ. Тогда она попросила исполнить ее последнюю просьбу: похоронить рядом с сестрою. Позвав другого стражника, она отдала ему свою рубашку и попросила постирать ее в реке: «Се бо хочет мя Господь пояти от жизни сея, и неподобно ми есть, еже телу сему в нечисте одежде возлещи в недрах матери своея земли». Стражник пошел к реке, «платно мыяше водою, лице же свое омываше слезами».

В ночь на 2 ноября 1675 года старице Мелании, находившейся в отдаленной пустыни, было видение: явилась к ней во сне инокиня Феодора, одетая в схиму и куколь «зело чуден», сама же была «светла лицом и обрадована». Сон старицы был провидческим: в ту ночь боярыня умерла.

Познакомившись в доме Морозовой с белевскими иноками, Досифей не без их помощи получил возможность длительного, скрытного проживания в Жабынской пустыни. Для него это было удобное и безопасное место. Отсюда недалеко была Москва и практически на равном удалении находились все зарождавшиеся центры старообрядчества. Обращает на себя внимание, что в обширной переписке лидеров старообрядцев Жабынь нигде не упоминается. Сохраняя конспирацию, они, безусловно, берегли от разорения эту обитель. Слишком уж тяжелыми уроками были казни старообрядцев, особенно расправа властей с монахами Соловецкого монастыря, где погибло 500 иноков.

В Белеве в то время, по поручению епархиального начальства, зорко следили за старообрядцами из Белевского Спасо-Преображенского монастыря. Его настоятель архимандрит Иов регулярно отсылал в Патриарший казенный приказ «Роспись раскольщиком и церковным мятежником и непокорщиком, которые объявились по известу приходских священников и отцов духовных градских и уездных». Из «Росписи» 1681 года видно, что раскольники из лесов свободно бродили по селам, имели «приход» в Белеве. У белевского стрельца Семена Третьякова были «поставлены на дворе три избы для раскольников, и бывал к нему их приход беспрестанно, и ведал он, где те раскольники живут».

Из той же «Росписи» узнаем, что в 1677 году «пойман был в Белеве на посаде у посадцкого человека у Артюшки Кудинова раскольщик Жабынские пустыни чернец Сергей и приведен был в Преображенский монастырь... И тот чернец Сергей в Преображенском монастыре был весь окован в че́пи и в железах, и разомкнув че́пь, ушел из монастыря в ночи и з железами». Чернец Сергей, постриженный в середине 1675 года игуменом Досифеем, в Жабынь пришел, очевидно, с самим Досифеем из Сунарской Троицкой обители. Находясь в Жабынской пустыни, он навещал на посаде

своих знакомых старообрядцев и там был арестован.

Под Белевом, скорее всего в Жабыни, вместе со своим учителем Досифеем жил и его верный ученик инок Евфросин. После ареста Сергия едва ли он мог рисковать оставаться на белевском посаде. Присутствие Евфросина оказало очень большое влияние на положение дел в старообрядческих кругах Белева. Именно ему мы обязаны тем, что в городе и уезде не было отмечено ни одного трагического случая «гари» — самосожжения старообрядцев.

Искусно владевший словом и пером, Евфросин написал знаменитый трактат «Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей», который был направлен против учителей и последователей самоистребления в старообрядчестве. К трактату, который датируется 1691 годом, была сделана важная для истории приписка: «Списано с тетрадей, с Минина приносу, с Руси, с Калуги и с Белева, письма старца Евфросина». Следовательно, в то время, когда был написан трактат, Евфросин жил в пределах калужских и белевских.

Своими взглядами Евфросин был обязан учителю Досифею, который осуждал гари, не благославлял их и отказывался помянуть самосжигателей. Вопреки Аввакуму, он не считал гари проявлением религиозного мужества. Евфросин доказывал, что православные христиане, идущие добровольно на гарь, вовсе не святые мученики за веру, а наивные жертвы-самоубийцы, не разбирающиеся в богословских вопросах. Проповедников гарей он считал опасными грешниками, ответственными за гибель своих последователей. Часто Евфросин вступал с ними в опасную полемику. В одном из таких жарких споров, происходившем на Волге в городе Розанове, его оппонент Поликарп Петров бросил ему в лицо: «Не ты ли, губитель, душеяд и душеглот, по целому граду глоаешь? Белев свой поглотил уже и Романов хочешь пожрать? Не проглотишь, всем: подавится молитвами страдальца отца Аввакума».

Проблема гарей была в то время более чем актуальна. В 80-е годы XVII века официальная власть резко усилила репрессии против старообрядцев, которые отвечали на них самосожжениями. В 1685 году царевна Софья и патриарх Иоаким утвердили «12 статей о борьбе с расколом», которые отличала особая жестокость в преследовании староверов, многие из которых жизнью заплатили за свои убеждения. Сторонников «старой веры» повелевали в одних случаях жечь в срубе, в других — бить кнутом. Раскаявшихся в «расколе» отправляли до конца дней под строгий надзор в монастырь. «Облеченных в укрывательстве у себя раскольников, в доставлении им пищи, питья и т.п., если сознаются, одних, судя по вине, бить кнутом, а других ссылая в дальние города». Имущество виновных забиралось в казну.

Изложенные исторические сведения подтверждают, что в Жабынской пустыни монахи разделяли староверческие убеждения Досифея и его учеников. В ответ на репрессии властей, как и многие последователи «старой веры», они вынуждены были скрываться и помаленьку уходили из обжитого монастыря. Была и другая причина исхода — это «разорение», которое пришло от соседнего помещика М.Киреевского. В этих условиях Жабынская пустынь к концу XVII века полностью обезлюдела.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «КОВЧЕГ» В ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

МАРИНА МИХАЛЕВА: «НАС ВСЕХ ОБЪЕДИНЯЕТ ВЕРА»

В декабре 2009 года по предложению и благословению Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла в России создано Общество православных писателей, целью и задачей которого является популяризация морально-этических и духовно-нравственных ценностей в обществе, а также оказание содействия творческой деятельности православных писателей, журналистов, художников, краеведов.

В Совет Общества православных писателей вошли именитые мастера русского литературного слова, такие, как Председатель Союза писателей России Валерий Ганичев, писатели Валентин Распутин, Владимир Куприн, Николай Коняев, Юрий Лошиц, Татьяна Дашкевич и другие.

В 2010 году решением Издательского Отдела Тульской Епархии Общество православных писателей создано и в Туле.

Для чего в России создано еще одно писательское общество, каковы его цели и задачи, кто станет членом Общества православных писателей в Туле? На эти и другие вопросы отвечает преподаватель Тульской Духовной семинарии, заведующая церковно-археологическим кабинетом Тульской Духовной семинарии, сопредседатель клуба православных писателей «Ковчег» Марина Михалева.

— Марина Александровна, в России уже существует несколько писательских организаций — это Союз писателей России, Союз российских писателей, Международное сообщество писательских союзов. Тем не менее Святейший патриарх Московский и Всея Руси Кирилл создает еще одну писательскую организацию — Общество православных писателей. Как Вы считаете, в связи с чем Патриарх принял такое решение? Для чего происходит объединение православных писателей?

— Я не дерзну братья объяснять и комментировать решения Святейшего Патриарха, но смею предположить, что объединение православных писателей в Общество связано с желанием решить несколько проблем.

История Православной Церкви свидетельствует: вопреки пословице, один в поле всегда воин, если он воин Христов. А если он воин Христов, то он уже и не один, а с Богом. А с Богом «кого убоюся?», как вопрошал псалмопевец Давид. Следовательно, писатель, живущий по вере, в своем творческом озарении, вне всякого союза и объединения оказывает огромное влияние на человеческое сердце. Но вспомним литературную историю нашего Отечества. При абсолютной самодостаточности писателей, они искали творческого общения с теми, кто исповедовал одну с ними «литературную веру». Десятки журфиксов, обществ, клубов, которыми был прославлен 19 век, литературные объединения Серебряного века подтверждают очевидную мысль: человек всегда ищет близких себе по духу.

А что общего у членов нашего Общества? Безусловно, вера. Все остальное — разное. Разные жанры, разная стилистика, разные характеры, в конце концов... Но объединяет вера. Вместе молимся, вместе ищем ответы на сложные вопросы челове-

ческого бытия. Общая, единая вера не означает нивелировки личностей. Как и все в христианстве, совместный поиск ответов, оказывается, рационально необъясним: идем все на один и тот же немеркнущий свет, веруем в одного и того же Троиственного Бога, идем к Нему вместе, но... каждый своей дорогой. Какие открытия делает каждый на своем, неповторимом пути — вот что становится темой встреч православных писателей. Хочется оговориться: речь идет не о визионерстве, не о бесконечных рассказах, «как явился ангел», которым так любят предаваться духовно не взрослые люди, а именно о том, как вся человеческая жизнь преображается, — преображается так, что и сама речь, вспоминая А. Тарковского, по горло наполняется новым смыслом.

Для чего объединяются православные писатели? Чтобы духовно быть вместе.

Но следует сказать и о другой стороне вопроса. В наши дни, когда литература растянула свои границы до самых безнравственных экспериментов и со словом, и с содержанием, часть писателей пожелала объединить свои силы, чтобы общими стараниями противостоять пошлости и духу купли-продажи. Стоит повториться: и один в поле воин, но когда воинов много и они вместе, можно ожидать более победных результатов. Среди задач Общества православных писателей указана именно эта цель: объединение творческого и профессионального потенциала членов Общества в интересах популяризации православных духовно-нравственных ценностей в обществе.

Не забудем, наконец, и еще об одной важной проблеме. Многие писатели, считая себя православными, смиренно признают, что они не очень хорошо знают Священное Писание, мало знакомы со святоотеческим наследием, редко приходят на богослужения и откровенно редко принимают участие в таинственной жизни Церкви, то есть нечасто исповедуются и причащаются. Общество, по словам Святейшего Патриарха, призвано помочь в воцерковлении тех писателей, которые близки Православии, живут его нравственными ценностями, но саму Церковь воспринимают в большей степени этически и эстетически, не имея пока духовных знаний или внутренней духовной готовности войти в ее жизнь как жизнь особого духовного организма, имеющего единого главу — Господа Иисуса Христа.

Общество православных писателей необходимо, таким образом, еще и для того, чтобы помочь преодолеть некоторую церковную безграмотность, из-за которой духовное богатство Церкви как богочеловеческого организма остается за пределами личного опыта творческого человека.

— *Кто может стать членом Общества православных писателей: человек православного вероисповедания, литератор, пишущий свои произведения на православную тематику или же существуют какие-то другие критерии отбора?*

— Название Общества кого-нибудь может ввести в заблуждение. Может показаться, что его членом может стать писатель, который в каждой строке своего произведения поминает имя Божие и описывает свечи и лампы. Следует признать, что порой начинающие авторы, к сожалению, паразитируют на этих образах. Это объясняется довольно просто. Человек, возможно, только что вошел в неизреченно богатое, безграничное пространство веры. Внешняя сторона церковной жизни чуткое сердце не может не привести в состояние неиспытанной ранее приподнятости и особой духовной радости. Человек начинает описывать свое положение в непривычном пока для него мире, незнакомые для себя ощущения. Но духовная беспомощность, духовная близорукость не позволяют ему увидеть за своими новыми переживаниями Источника этих переживаний. Человек пытается свести совершенную и бесконечную сущность духовного мира к несовершенным и имеющим быстрый конец словам человеческого опыта. Поэтому так безлики и невыразительны бывают произведения новоначальных (в смысле опыта веры) писателей: и внешние образы одни и те же, и внутреннее содержание слишком мелко — именно потому, что оно составлено по горизонтально расположенной схеме «Я и свеча», «Я и икона», «Я и колокольный

звон». Но «самостоянье человека», «залог величия его» вряд ли возможен в приложении человека к предмету. Стояние человека перед Богом — вот в чем осуществляется его жизнь. При этом, как писал И. А. Ильин в «Аксиомах религиозного опыта», человек может есть, спать, напряженно работать, предаваться развлечениям, но свет купины неопалимой не покидает его. Этот свет освещает и очищает душу, дает возможность отличить зло от добра и препятствует совершению поступков, которые совесть только при этом вечном свете допустить не может.

Поэтому я бы ответила на ваш вопрос о членстве в Обществе православных писателей следующим образом. Не тот, кто без конца и, не зная меры, обращается к святым именам и образам, является православным писателем. Отметим в скобках, что третья заповедь гласит: «Не поминай имени Господа твоего всуе», и именно эту заповедь нередко писатели и нарушают, сами того не подозревая. Членом общества может стать человек, осознающий себя литератором, искренне и неложно исповедующий православие, а не туманно рассуждающий о том, что «Бог один, и все религии равны».

Можно провести аналогию с Обществом православных врачей. Они не лечат неизвестными науке лекарствами и не делают операции невиданными инструментами. Профессионально они такие же врачи, как и те, кто исповедует атеизм или конфуцианство. Но они объединились для того, чтобы с молитвой и в общем для них понимании духовных и физических проблем человеческой природы решать свои медицинские вопросы. Мусульманские врачи и писатели, наверное, имеют свои объединения, и было бы странно, если православный человек неожиданно решил бы вступить в их творческие клубы или они, поступаясь своими религиозными убеждениями, вдруг решили, что имеют конституционное право вступить в Общество писателей, ограниченное от других конфессионально.

Следует подчеркнуть, что отбора как такового никто не осуществляет. Но сам настрой писательских встреч таков, что люди, чуждые православию, рано или поздно понимают, что здесь их любят, но их собственные убеждения не дают им возможности почувствовать себя принятыми. То есть в Общество принимает себя человек сам.

— *Как Вы считаете, существует ли отличие писателя православного от писателя светского? И, если да, то в чем это выражается?*

— Православный писатель, равно как и обычный, не обладающий литературными дарами человек, видит мир по-иному. Если человек находится в Божьем свете, то все явления жизни пронизаны для него лучами божественного откровения. Это не значит, что писатель видит мир в розовом свете. Как раз наоборот: яркий свет помогает увидеть грязь и пыль там, где ее не увидишь при слабом освещении. Но одновременно свет дает возможность или найти способы уничтожения этой грязи, или обнаружить пути, пролегающие далеко от нее.

Для православного писателя, как я думаю, всякое явление человеческой жизни значительно, потому что в его разуме живет понимание воли Божией, без которой волос не упадет с головы человека. В нескольких словах я бы так ответила на Ваш вопрос: понимание священности жизни — вот что отличает православного писателя от светского. При этом сюжет произведения может развиваться и в пределах рассказа о собирании крыжовника, и в психологически глубокой обрисовке внутренних исканий философски настроенного человека. Но за любым сюжетом — ощущение вечности, прорыв за облака, видение Божественного луча. Что касается языка православного писателя, то именно по этой причине он не может быть пошлым, скудным, мелким и ничтожным.

— *Кто является координатором деятельности Общества православных писателей, кому оно подотчетно?*

— Все инициативы, возникающие в писательской среде, выносятся на рассмот-

рение Митрополита Тульского и Белевского Алексия, и после его благословения члены Общества занимаются их осуществлением. Что касается координации действий, то, согласно Положению, есть и председатель, и Совет, которые избираются общим собранием.

— *Не получится ли так, что писатель православный в отличие от светского будет ущемлен, скажем так, внутренней церковной цензурой?*

— Если писатель считает себя православным, но при этом с восторгом описывает состояние наркотического опьянения, то ему, безусловно, придется пережить все ущемления церковной цензуры. Если писатель своим произведением подводит человека к мысли, что Христос Иисус — не Сын Божий, ипостась Троицкого Бога, а великий учитель нравственности и только, — то и такой писатель должен ожидать для себя множество вопросов со стороны своих собратьев. В связи с этим еще раз хочется подчеркнуть необходимость получения религиозных знаний, чтобы не впасть в ересь. Блистательный по языку «Иуда из Кариота» Леонида Андреева — очень яркое, эмоционально притягательное, но духовно страшное и разрушительное произведение. Но Леонид Андреев и не называл себя православным писателем. А если современный писатель, плохо знающий вероучение Церкви, находясь в духовном обольщении, начнет сочувствовать Иуде на том основании, что все равно кому-то надо было предать Христа, чтобы Сын Божий умер и выполнил волю Бога-Отца, то такому литератору, разумеется, расскажут о том, что он исповедует одну из древнейших ересей. Вряд ли желание помочь писателю узнать богатство вероучения, в безграничных границах которого он себя мыслит, можно назвать ущемлением. Нет ошибки в словосочетании «безграничные границы». Как только человек ограничит себя, он внутренне себя расширит; отграничит себя от зла, от греха — границы его внутреннего добра расширяются. Православие — это жизнь человека не в тюрьме постоянных лишений, а в свободе: «Познаете истину, и она сделает вас свободными». Это слова Самого Господа Иисуса Христа. Как пишет наш современник, протоиерей Максим Козлов в своей книге «Мир и клир», «если верить в жизнь вечную и считать, что слова Христа и Евангелия — правда, то стоит все потерпеть. И ограничения, и что одного, второго, третьего удовольствия тебе нельзя, и что жить нельзя по принципу «лови момент» и пользоваться этой жизнью, пока молод, и что неверна идея, что каждый сам за себя в этой пустыне жизни, именуемой эгоизмом. Ничего этого нельзя, а можно только то, чего Господь от тебя хочет». Отец Максим говорит здесь об ограничениях повседневной жизни, но его рассуждения применимы и к нашему разговору. Призыв не проповедовать эгоцентризм, культ молодости и силы, денежных отношений между людьми, — разве можно это вообще называть ущемлением цензурой?

Позвольте процитировать еще и святого праведного Иоанна Кронштадтского: «Наш ветхий, самолюбивый человек не терпит препятствий его мыслям, желаниям, словам и делам — и когда встретит их от людей или от обстоятельств вещей, места, времени, бывает в нетерпении: готов сокрушать и уничтожать все, стоящее ему на дороге к цели. Такова гордость и злоба ветхого человека! Что может служить врачевством против этого недуга гордости, злобы, нетерпения? Надо во глубине сердца смириться пред Богом и людьми, сознать свою немощь, свое ничтожество, бессилие и решиться терпеть спокойно всевозможные препятствия, если нет нужды и возможности преодолеть эти препятствия. («О борьбе человека со страстями»).

— *Общество православных писателей видимо будет материально обеспечиваться Русской православной Церковью, которая сегодня и сама нередко нуждается в помощи. Как Вы полагаете, не окажется ли православный писатель обузой для церкви, не откажется ли она в будущем от своего детища, как отказалось государство от Союза писателей России, переведя его из статуса государственного в общественную организацию, прекратив финансировать?*

— Согласно Положению, Издательский отдел Тульской епархии финансирует деятельность Общества по следующим статьям расхода: 1) подготовка и размножение материалов по вопросам деятельности Общества; 2) оплата услуг связи для координации работы; 3) разработка и поддержка Интернет-представительства Общества; 4) предоставление зала для заседаний Общества. Что касается издания сборников произведений наших писателей, это возможно осуществить за счет благотворителей, которые в принципе такую помощь готовы оказать. Материальное обеспечение, нужно признать, не очень большое, но вполне достаточное.

— *В Издательском отделе Тульской Епархии, в рамках создания православной писательской организации, был разработан проект Положения об Обществе православных писателей. Скажите, пожалуйста, а какая еще работа проводится в этом направлении?*

— Мне хочется вернуться к самому первому вопросу: зачем и как объединяются писатели? Еще до того, как в епархии началась разработка Положения, в Тульской Духовной семинарии постоянно проходили встречи с писателями, поэтами, художниками. Постепенно из этих встреч выросло убеждение, что встречаться нужно чаще, обогащая друг друга новыми идеями и творческими открытиями. Накануне Дня православной книги 14 марта 2010 года было решено создать литературное объединение. По благословению митрополита Тульского и Белевского Алексия объединение получило название «Ковчег» в напоминание о том ковчеге, в котором некогда обрело свое спасение человечество, доверившее свою жизнь Богу. Как и тысячи лет назад, мы нуждаемся в надежном корабле, который перенесет нас по волнам нашей беспокойной жизни к желанному берегу вечной радости. Что касается нашего «Ковчега», то его «строительство» началось 26 февраля 2010 года, когда владыка Алексей благословил деятельность нашего объединения.

— *То есть, будет ли правильным утверждение о том, что члены православного клуба «Ковчег» составят основной костяк Общества православных писателей в Туле?*

— По существующему Положению, в Обществе православных писателей имеется пока два объединения: литературное и краеведческое. Что касается литературного отделения, то оно и представлено объединением «Ковчег».

— *Скажите, пожалуйста, сколько человек насчитывает на сегодняшний день клуб «Ковчег», какой опыт литературной деятельности имеется у его членов и много ли в клубе молодежи?*

— В настоящее время сорок четыре человека написали заявления с просьбой считать их членами Общества православных писателей. Если говорить о возрасте, то значительную часть составляют люди среднего возраста. Есть люди совсем молодые и совсем немолодые, что очень положительно сказывается на внутренней жизни «Ковчега»: происходит творческая встреча поколений, при которой конфликт между «отцами» и «детьми» абсолютно невозможен — ведь люди объединены не общими интересами, а общей верой, которая скрепляет между собой характеры самые разные и интересы самые противоположные. Среди членов клуба много начинающих поэтов, но есть и те, имена которых известны далеко за пределами Тульской области. Достаточно назвать Валерия Ходулина, Валерия Савостьянова, Олега Сенина, Татьяну Леонову... Кстати, приятно и то, что в клубе происходит замечательное общение между писателями, формально принадлежащими и Союзу писателей России, и Союзу российских писателей. Внутри нашего клуба никаких разногласий по поводу их членства нет. В «Ковчеге» все равны.

— *Марина Александровна, что уже достигнуто в работе клуба «Ковчег», с какими трудностями Вам приходится сталкиваться и какова дальнейшая перспектива его деятельности?*

— «Ковчег», собираясь каждый месяц, провел несколько литературно-музыкаль-

ных гостиных. Первая была посвящена Дню православной книги и знакомила писателей друг с другом. Апрельская встреча была посвящена празднованию Христова Воскресения. В мае писатели не могли не отметить своим творчеством 65-летие победы в Великой Отечественной войне и праздник Вознесения Господня. 6 июня — день рождения А. С. Пушкина, поэтому и «Ковчег» сделал свое «Приношение Пушкину». Начало июля само подсказало тему нашей встречи: день святых Петра и Февронии. Звучали очень редкие по теме стихи не просто о возлюбленных, но именно о супругах, о супружеской верности и семье. 9 сентября празднуется память святого Кукши, который в 12 в. пришел из Киево-Печерской лавры для просвещения языческих племен и нашел свою мученическую кончину в наших землях. Опираясь на эту дату церковного календаря, мы и сформулировали тему заседания клуба: что может сделать один человек, когда все против него? В октябре день встречи «Ковчеха» совпал с праздником Покрова Божией Матери, что заставило нас поразмышлять над вопросом: что в нашей жизни является для нас покровом и защитой? 4 ноября — государственный День единства, поэтому основная проблема литературных размышлений была сформулирована так: «С кем я един?» В декабре, вступив в Рождественский пост, члены клуба начали сосредоточенно и с внутренней радостью готовиться к Рождеству Христову, назвав свою встречу пастернаковской строкой: «Все золотые шары». То есть все, что мы хотели бы принести Богомладенцу, всякое слово, которым мы хотели бы украсить древо жизни, было принесено на этот вечер.

Кроме гостиных, в стенах Тульской Духовной семинарии проводятся занятия поэтической школы. Ее руководитель, сопредседатель клуба «Ковчег» Яков Шафран, строит общение таким образом, что теория стихосложения сочетается с практикой. Без всяких стеснений поэты предлагают для дружеского, но строгого профессионального разбора свои произведения, что помогает каждому участнику школы заново взглянуть на свое творчество.

«Ковчег» проводит и выездные выступления, которые состоялись уже в музее В. В. Вересаева, в Центральном парке г. Тулы в День памяти 22 июня, в приходе храма святого благоверного князя Александра Невского. Это выступление было посвящено памяти Сергея Есенина, а устраивался вечер главным образом для людей, страдающих от алкогольной и наркотической зависимости. Впервые врачом их души стала поэзия. Кстати, «Ковчег» готов оказать помощь тем храмам, в которых есть желание развивать литературно-музыкальное направление деятельности прихода.

Состоялось выступление членов «Ковчеха» на областном радио, информация о деятельности клуба размещена на сайтах Тульской епархии, ТДС и на литературных сайтах. Наше объединение уже хорошо известно во всех литературных объединениях и клубах города. Что касается издательской деятельности, то в настоящее время идет подготовка первого литературно-краеведческого альманаха Тульской епархии, где будут представления труды членов «Ковчеха».

Сбылась наша мечта, и при «Ковчехе» создан «Ковчежец» — детская литературная гостиная, где маленькие писатели пробуют свои силы, узнают историю любимых ими книг, играют в полезные и забавные литературные игры.

Если говорить о трудностях, то и они окрашены в светлые тона: не хватает времени, чтобы на каждом заседании выслушать всех желающих. Всякий раз готовы к чтению своих произведений по 20—30 человек, и не хочется обижать кого-нибудь напоминанием о том, что время заседания истекает. Значит, нужно придумывать что-то новое, разрабатывать необычные формы наших встреч. Творческую деятельность планировать сложно, поэтому полагаемся на то, что Господь откроет нам новые пути, а уж силы мы приложим.

Беседовал Геннадий Николаев

ВАЛЕНТИНА ПИНАЕВСКАЯ

(г. Тула)

Участница музейно-литературного объединения «Муза». Член Совета клуба православных писателей «Ковчег». Образование высшее, по профессии инженер-строитель. Публикации: газеты: «Вельск-инфо», «Вельские вести», «Графоман»; Альманахи: «Вель», «Венеды», «Дом радуги», «От рифмы до строчки»; Сборники: «Тула — наш дом», «Истово верую, что придут времена хорошие»; Журнал: «Работница»; «Листок Тульской духовной семинарии».

БОГ С ТОБОЙ

*Среди друзей я зрил Иуду,
но не его отверг, а месть...*

И. Северянин

Боль от предательства — острее боли нет
Средь бела дня вдруг меркнет солнца свет,
Затормозили ход настенные часы,
Добра и зла качаются весы.
Клокочет в горле приглушенный стон,
Под грузом гнева разум погребен,
Кровоточащей раной съежилась душа
И мысль о мести понеслась, спеша
конем, взбешенным без уздечки, без дорог,
Едва у бездны ты остановится смог.
Гремит над пропастью надменный, грозный смех,
На шее камнем виснет осуждения грех.
Толкает в спину кто-то, больше нету сил,
И ты взываешь: «Господи, спаси!»
...Пропало наважденье, бьют часы отбой
И счастлив ты, что Бог всегда с тобой.

ВАЛЕРИЙ САВОСТЬЯНОВ

(г. Тула)

Родился в селе Сергиевское Болоховского (ныне Киреевского) района Тульской области 2 сентября 1949 года. Закончил с медалью 51-ю среднюю школу и потом Тульский политехнический институт. Стихи пишет с детства.

Участник Всесоюзных совещаний молодых писателей в Москве в 1979 и 1984 г.г., а также в Кутаиси в 1985 г. И Совещания, организованного в 2003 г. Союзом писателей России. Неизменный участник, а ныне руководитель семинаров поэзии Областных совещаний. Председатель жюри ежегодного открытого городского конкурса молодых поэтов «Ступени». Стихи его опубликованы во многих центральных и тульских журналах и альманахах, в большинстве тульских газет, а также в газетах

«Российский писатель» и «Литературная газета», во многих коллективных сборниках Тулы, Москвы, Санкт-Петербурга, в антологиях «Русская поэзия: XXI век» и «Наши современники», в «Хрестоматии по литературе для 5—7 классов» и в хрестоматии «Три века тульской поэзии». Стихи передавались по Всесоюзному и Тульскому радио и телевидению.

Сегодня Валерий Савостьянов автор 8 книг. Он член: Союза писателей России, Международного литфонда, Бюро тульского отделения СП России, Совета клуба православных писателей «Ковчег», редсовета сборника писателей «Иван-озеро», редколлегии газеты «Тульский литератор». Один из составителей юбилейных сборников «Великий Май» и «Ветер времени над полем Куликовым», антологии тульской поэзии «Наши современники».

Лауреат литературной премии имени Ярослава Смелякова. Был представлен Администрацией области на премию Центрального ФО. Лауреат городского конкурса на лучшее стихотворение о Туле. Неоднократно награжден Почетными грамотами и дипломами. За патриотическую направленность творчества награжден юбилейными памятными медалями «100 лет со дня рождения М. А. Шолохова», «100 лет со дня рождения Мусы Джалиля».

НИЩИЕ

Камни и буераки.
Дождь моросит с утра.
Нищие и собаки
Вместе вокруг костра.
Их обойду, пожалуй,
Посох держа в руке.
Булькает что-то в ржавом
Стареньком котелке.
Я им пока не нужен,
Я им — что нет, что есть.
Ждут, что послал на ужин
Отче Небесный днесь.
Дай ты им хлеба, Отче,
Теплый подвал, где спят,
Дай им в осенней роще
Ягоды и опят!
Дай городским помойкам,
Свалкам — не оскудеть,
Чтоб на прохожих волком
Бешеным не глядеть!
С голода ли, с испуга —
Подлю, исподтишка
Дай не зарезать друга:
Шарика и Пушка...
Нищим, бомжам и ворам,
Пьющим из русских луж,
Гибнущим под забором,
Но не сгубившим душ —
Крови не проливавшим
Финкой и кистенем,
Отче, воздай как павшим
Воинам под огнем!

ВАЛЕРИЙ ХОДУЛИН

(г. Тула)

Родился в 1937 году. Крещен во Всехсвятском соборе г. Тулы.

С 15 лет на оружейном заводе: столяр, гравер по украшению охотничьего оружия. Воинскую службу проходил в Ленинграде, на Краснознаменном крейсере «Аврора» с 1956 по 1958 гг. Тогда же появились первые публикации. Первая книга стихов «Гравюра» вышла в 1965 году, когда автор был студентом 5-го курса Литературного института им. А. М. Горького, который окончил, получив диплом «с отличием».

Много лет работал старшим редактором Приокского книжного издательства, председателем Тульского областного отделения Всероссийского общества охраны

памятников истории и культуры. С 1972 года член Союза писателей СССР. С 1995 года носит почетное звание «Заслуженный работник культуры России», с 2005 года — почетный гражданин города-героя Тулы. Лауреат литературных премий им. Тульского комсомола, им. Л. Н. Толстого и других, лауреат Всероссийского отраслевого фестиваля авторской песни Член Совета клуба православных писателей «Ковчег».

Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств (г. Санкт-Петербург).

В 1995 — 2000 годах трижды выезжал в «горячие точки» Чечни и Дагестана для встреч с российскими воинами. Имеет благодарность Верховного Главнокомандующего ВС РФ В.В. Путина «За самоотверженность и отвагу, проявленные при защите Отечества», награжден медалью «За службу на Северном Кавказе», другими медалями.

Член Союза десантников России, Всероссийской ветеранской организации «Боевое братство».

КОЛЮПАНОВО

Как будто родился я заново,
Как будто бы снова возник,
Когда я пришел в Колюпаново,
Где плещет священный родник.
Побудешь хотя бы мгновение
В холодной воде родника,
И краткий обряд омовения
Продлит твою жизнь на века.
Одною судьбою повенчаны
Мы все в этом месте святом,
В часовенке этой бревенчатой
Под луковкой с ясным крестом.
Какими б мы ни были пестрыми,
Наверное, здесь неспроста
Становимся братьями, сестрами —
Единой семьею Христа.
Какими б мы ни были грубыми —
Другими глазами глядим
На лес, восходящий уступами,
На сосен сиреневый дым,

На церкви вдали благозвонные...
 Идешь — удивляешься сам,
 Как эти ступени бетонные
 Возносят тебя к небесам.
 Мы все в этом мире паломники.
 Удел наш — приходи уход —
 Студенты, шахтеры, полковники
 И прочих сословий народ.
 Пусть в нашей мирской скоротечности
 За взрывом торопится взрыв,
 Мы здесь приобщаемся к вечности,
 На время тревоги забыв.
 Сверкающим нимбом увенчана
 И светом небес залита,
 Пред нами является женщина,
 Открывшая эти места.
 И в самую душу, как водится,
 Вливается смысл ее слов:
 — Водички испей из колодеза
 И будешь вовеки здоров.
 Спасибо тебе, небо синее,
 Спасибо, божественный миг,
 Спасибо тебе, Евфросиния,
 За этот волшебный родник.

ВИКТОРИЯ ТКАЧ

(г. Тула)

Окончила Тульский государственный педагогический университет (факультет иностранных языков). Поэтесса, автор нескольких поэтических сборников. Творческая биография размещена в серии книг «Тульский биографический словарь. Новые имена» и антологии тульской поэзии «Наши Современники». В 1998 г. была принята в Союз российских писателей. Лауреат литературной премии «Золотое перо Тулы» (2009 г.) Дипломант ежегодного литературного конкурса «Созвучие» (Москва, 2010 г.)

Автор стихотворных и прозаических публикации на страницах газет и коллективных сборников Тулы и Тульской области.

Старший научный сотрудник Дома-музея В. В. Вересаева. Организатор встреч читателей с современными тульскими авторами. В области музейной педагогики разработала ряд инновационных программ для учащихся средних классов и старшеклассников, которые внедрены в работу музея и успешно реализуются.

Руководитель областного музейно-литературного объединения «Муза» и член клуба православных писателей «Ковчег».

* * *

От простого, прозрачно-простого
 До вплетенного в суть микросхем
 Я ищу Потаенное Слово,

Чтоб в незримый войти Вифлеем.
В этом городе все — не случайно.
В этом мире — основа основ.
Отражается зыбкая тайна
В просветлевшем прозренье волхвов.
И свечой, возгоревшей из пепла,
Не дает мне покоя вопрос:
Что же надо Ему еще сделать,
Чтобы в нас возродился Христос?..

ВЛАДИМИР ИОНОВ

(г. Тула)

Член Совета клуба православных писателей «Ковчег».

* * *

Мир устал, утомился от тряски
Поездов, и авралов, и войн...
Мы живем в ожиданье развязки
В одной связке у кассы на бронь.
Я молю отступившего Бога:
— Нас прости, защити от греха:
Растрясает любовь по дорогам,
А у щедрых слабеет рука.
Слышит Бог меня или не слышит —
Не пойму. Но в дорожном плену —
Понимаю: пока еще дышишь,
Выбирать самому.

* * *

Пусть и вы согласитесь со мною:
Я б желал, как любой человек,
Чтоб страну затопило любовью,
А не паводком глохнущих рек.

ЛЮДМИЛА АЛТУНИНА

(г. Тула)

Родилась и выросла в Горном Алтае. Окончила факультет журналистики Казанского госуниверситета. Журналист, член Союза журналистов РФ, финалист IV Всероссийского кинофестиваля короткометражных фильмов «Семья России» (проза) — 2007 г. Победитель Всероссийского конкурса «Растим патриотов России» (региональный этап) посвященного 65-й годовщине Победы в номинации «Энтузиасты. Подвижники. Хранители традиций» (2009 г.). Работала в печатных СМИ, на радио, много лет — «Университетской газете» в ТулГУ. Награждена нагрудным знаком «За заслуги перед университетом». Печатается в местных и центральных СМИ; в журналах «Сибирские огни», «Приок-

ские зори», «Тульские епархиальные ведомости». Автор и соавтор, в том числе об ученых ТулГУ, о Великой Отечественной войне, о репрессиях 1937 года.

Патриотическая, военная тематика, тема малой Родины занимают особое место в ее творчестве. Подготовлена к печати документальная книга о студентах-добровольцах, ушедших на фронт, в первые дни войны 1941 года, имея «бронь».

Член Совета клуба православных писателей «Ковчег». Активный участник (рассказы, повести, эссе) литературно-творческого проекта «Новые имена России. Тульский регион». Работает над авторской книгой.

ПОСЛЕДНИЙ ПОДАРОК ОСЕНИ ИЛИ ЯБЛОКО ДЛЯ МАМЫ

Из цикла «Рассказы для внуков и всех детей» под названием «Аллея, где живут чудеса...»

Стоял последний день осени — 30 ноября. Был последний день недели — воскресенье. Всю ночь шел дождь, а утром показалось яркое солнышко. Было тепло и тихо, как весной. Лена с Аней тотчас собрались на прогулку, потому что солнышко скоро могло скрыться. От горизонта уже поднимались тяжелые, серые тучи, грозя снова затянуть небо и все вокруг сделать серым, пасмурным и тоскливым. Хотя девочки гуляли в любую погоду и не боялись дождей, но при солнышке гулять было куда лучше. К тому же они собирались вместе с бабушкой пойти в дальнюю аллею и найти несколько еловых веточек к Новому году. Ждали, что скоро выпадет снег и тогда туда без лыж никак не доберешься. Ели росли в дальней аллее. Надо было идти через весь широкий луг, потом еще по длинной аллее и тогда придешь к елочкам. Они стояли, как одна семья — побольше и поменьше, будто мама с папой и детками. Чуть подальше, по березовой аллее, зеленела еще одна такая же еловая семья. Девочкам, конечно же, было жаль срывать веточки с елей. Они их стали искать внизу, под елями. И скоро нашли целых пять штук. Теперь их можно было отнести домой, поставить в вазу и вынести в прохладное место, в сени. Так они лучше сохранятся до Нового года. А перед самым Новым Годом и приходом Деда Мороза со Снегурочкой в их деревенский дом сестренки внесут букет из еловых веток в зал. Поставят посередине стола и украсят серебристым дождем из фольги, маленькими, яркими, стеклянными шариками и даже гирлянду повесят. По вечерам она будет гореть и перемигиваться разноцветными огнями. Рядом с украшенными ветками встанут Дед Мороз и Снегурочка в голубой бархатной, икрящейся серебром шубке и высокой золотой короне.

Девочки с бабушкой уже собирались возвращаться домой, но почему-то решили заглянуть в яблоневый сад. Он со всех сторон окружал аллею и тянулся ровными рядами яблонь куда-то далеко, до другой аллеи. Весной сады были все в белорозовом цветении, испускающем чудесный аромат. В конце лета и в сентябре Лена с Аней, папой и мамой приходили сюда за яблоками. Но в ноябре яблоки уже не растут. Весь сад облетел, ветви яблонь почернели от дождей и еще не успели просохнуть. Однако идти по их длинным, бесконечным рядам и вспоминать, какие тут росли огромные и душистые, красные и зеленые яблоки, было приятно.

О чудо! Каково же было удивление и бабушки, и ее внуков, когда они увидели, что земля под одной из яблонь была сплошь усеяна зелеными яблоками, зарывшимися наполовину в гнилые, коричневые листья. Бабушка подняла одно яблоко, другое, третье — все свежие, твердые, незамерзшие и не гнилые. Так девочки вместе с бабушкой набрали большой пакет чудесных яблок. Анечка нашла одно, очень маленькое, величиной с грецкий орех, яблочко с засохшим маленьким листиком на его ножке и сказала:

— Я отнесу его братику. Он еще не умеет ходить ножками и брать ручками, но когда подрастет, будет играть яблочком.

Тут Лена подняла вверх голову, чтобы разглядеть самолет, звук которого доносился до земли. Самолет летел так высоко, что казался маленькой, голубоватой птичкой. За ним оставался и расплывался по синему небу белый след.

— Вон, Анечка, гляди, самолет летит,— указала она в небо.

Аня тоже задрала вверх личико. И вдруг они вместе увидели большое, красное в розовую полоску яблоко, висевшее на яблоне.

— Яблоко! Яблоко! — радостно закричали девочки, протягивая к нему руки.

— Такие красненькие яблоки как раз наша мама любит. Мы всегда с ней в саду их находили,— сказала Лена,— давайте его сорвем для мамы.— А как мы его достанем? — спросила она, обращаясь к бабушке.

Бабушка попыталась потрясти яблоню, но ствол ее был толстый и ничего не получилось.

— Надо найти какую-нибудь палку и сбить его,— предложила она и стала искать палку.

— Бабушка, бабушка! — радостно закричала Анечка,— я нашла, вот и подала бабушке тонкую засохшую былинку.

— Молодец, Анечка, что нашла, но это всего лишь сухая травинка и ей не сбить яблочко. Она сломается, да и не достанет до него. Надо найти что-то подлиннее и потолще.

Тут же Аня побежала к сухим, высоким зарослям травы иван-чая и принесла травинку потолще и подлиннее. Но и она не годилась для сбивания яблока. Лена еле сорвала крепкую былинку конского щавеля и сама пыталась дотянуться до яблока и сбить его. Но, стукнувшись о толстые яблоневые ветви, былинка сломалась пополам. С нее посыпались на девочку темно-коричневые, крупные, круглые семена. Бабушка начала отламывать сук у соседней яблони. К ней тут же подбежала Лена и озабоченно сказала:

— Бабушка, нельзя ломать веточки у яблоньки, ведь ей же больно. И на этой веточке выросли бы яблочки, а теперь не вырастут.

— Верно, Леночка, живое дерево нельзя губить: обдирать с него кору или обламывать ветки. Но, посмотри, эта ветка мертвая, уже давно надломленная и засохшая. Она уже больше не вернется к жизни,— ответила бабушка, показывая девочкам сухой ствол сломленной ею ветки.

Наконец бабушка сбила яблоко. И оно, большое, полосатое в темных крапинках, немного сплющенное сверху и снизу, упало в рыжую, засохшую траву. Лена быстро проползла под низко нависшими ветками яблони и подобрала его. Она была очень рада, что принесет маме ее любимое яблочко. Ведь мама сидела дома с новорожденным братиком и совсем не выходила на улицу. Ей очень хотелось пройтись по аллеям, но она не могла этого сделать. И только сегодня утром мама говорила, что не любит и не ест привозные яблоки, а хочется ей яблочка вот из этого сада. И теперь она получит это яблочко и очень обрадуется.

Девочки весело бежали назад к дому, бережно неся в руках по очереди красно-полосатое яблоко для мамы. А в кармашке комбинезона у Ани было еще и крохотное яблочко для маленького братика. Так уходящая осень щедро поделилась напоследок своими дарами и преподнесла свой последний подарок двум славным сестричкам, их маме и братику.

Назавтра вступала в свои права уже зима. Завтра будет первый день зимы. И скоро — Новый Год...

— Это Боженька зимой нам яблочки подарил, потому что мы слушались маму и хорошо себя вели. — А самое большое и красненькое он послал для мамы, потому что она родила братика, правда, бабушка? — вдруг сказала Лена.

— Правда, — внученька...

ВЯЧЕСЛАВ АЛТУНИН

(г. Тула)

Алтунин Вячеслав Васильевич — журналист, поэт,— родился в 1951 году в с. Песковатое Белевского района Тульской области в семье сельских интеллигентов. Окончил историко-филологический факультет Казанского госуниверситета. Стихи пишет с 14 лет. Печатался в районных и областных газетах, в альманахах, в коллективных сборниках «Перекресток», «Оттепель», выходивших в разное время в Приокском книжном издательстве. Автор поэтических сборников «Единственная жизнь» (2002), «Корни» (2005), вышедших в Тамбове.

Активный участник литературно-художественных проектов продюсерского арт-центра «Странник», реализующихся в ЗАО «Гриф и К».

Дипломант конкурса Центрального федерального округа «Потенциал России» (2006). Лауреат премии «Бежин луг» имени И. С. Тургенева, учрежденного Союзом писателей России (2007).

Работал в районных и областных газетах. В настоящее время экономический обозреватель областной газеты «Тульские Известия».

Член клуба православных писателей «Ковчег».

ПРЕДКИ

Наши предки искали пустыни и скорби.
Мы ж — утех и уюта больших городов.
Наши предки трудились в полях, спины горбя...
Мы же любим созвучья, струения слов.
Наши прадеды жили сурово и просто:
Хлеб да соль да вода да молитва в тиши.
От сохи и косы, от избы до погоста,
От креста и земли — до спасенья души.
Так и прожили век свой в труде лошадином
На песчаных полях, над родимой Окой...
А когда их несли на погост тот старинный,
Пели ангелы им: «Со святыми — покой»...

ГАЛИНА ВИНОКУРОВА

(г. Тула)

	По образованию филолог, педагог. Член литературного объединения «Пегас» и член клуба православных писателей «Ковчег». Публиковалась в межрегиональном журнале «Приокские зори», в хрестоматии «Три века Тульской поэзии», во всех пяти сборниках «На крыльях «Пегаса», а также в коллективных сборниках: «Ветер времени над полем Куликовым», «Здравствуй, Тула», «Свет любви», «Отчий край», «Тула — наш дом», в газетах Тулы. Автор поэтических книг: «Родник души», «Боль», «Звуки сердца», «Я растворюсь в стихах» и романа в стихах «Сергей Беседин».
---	--

ПАСХАЛЬНЫЙ ЗВОН

Пасхальный звон
Плывет над мирным градом...
Блестят на солнце
Маковки церквей...
Над Тулой и над бывшим Ленинградом
Пасхальный звон по праху всех царей.
Нам нет пути
Без совести и чести.
Нам нет пути
Без святости души.
Поставим мы шлагбаум злобной мести.
Высокой горести дадим покой в тиши.
Высокой горести еще не все причины
Известны стали и понятны нам,
Но тысячи огней и огонек лучины
Слились в одно моление по церквям.
Пасхальный звон над родиной великой,
Чтоб ветер смерти сердце не студил,
Чтоб родина не стала степью дикой,
Чтобы народ в труде и мире жил.

ЕВГЕНИЙ ЗАЛЕССКИЙ

(г. Тула)

Родился в 1939 г. в г. Щекино. Окончил ТулПИИ, работал, в основном, в Конструкторском Бюро приборостроения, пенсионер.

С 1986 г. состоял в ЛО «Пегас» и литклубе «Голос». Печатался в заводских многотиражках и в газетах «Коммунар», «Тула вечерняя», «Тула». Были публикации в журналах «Приокские зори» и «Наша жизнь» (для слепых). В 2007 году вышла книга стихотворений «Право слово» и через два года сборник «Всего-то дождь».

Сочиняет и исполняет свои авторские песни, неоднократно становился призером тульских бардовских фестивалей «Люди идут по свету» и «Хомяковские Поляны».

Член Совета клуба православных писателей «Ковчег».

ТОПОР

Ладил дед Егор забор,
Вышло честь по чести.
Только, вот, забыл топор

На рабочем месте.
Спохватился посеред
Беспросветной ночи.
Бабка думала — помрет,
Огорчился очень.
— Ах, несчастье, ах, позор,
Шепчет бедный тихо —
Целый день лежит топор
На глазах у лиха!
Каждый, если не дурак,
Жаден до презента.
Ну, а плотнику-то как
Быть без инструмента?
И в деньгах велик разор.
Боже правый, сжался!
Сделай так, чтоб мой топор
Моим и остался.
Вот, суворовским броском
В предрассветну пору
Мчится старый босиком
К новому забору.
Осмотрелся второпях —
Умыкнули, нету!
Но, заметил вдруг в кустах
Чистую газету.
Дед нагнулся и молчит,
Веря и не веря:
Под газеткой сладко спит
Милая потеря.
Боль ушла, как сон, как дым,
Только знать охота:
Бог ли сжалился над ним,
Или добрый Кто-то?
Ах, лукавый маловер,
Грешник долголетний,
Дать тебе второй пример —
Ты запросишь третий.
Не пытай Творца хитро,
И не требуй много.
Если делаешь добро,
Ты под сенью Бога.
Помни первый уговор,
Он других дороже.
А забудешь про топор —
Кто тебе поможет?

ИГОРЬ БОРОНИН

(г. Тула)

Встречая на пути талантливого человека, искренне радуюсь, еще один голос РАЗУМА в необычном, безграничном движении жизни!..

Уроженец Сахалина, он в детстве в 1964 году переехал в г. Богородицк. Окончил политехнический институт в Туле, служил офицером в армии до 2002 г. Сейчас на пенсии, работает мастером по газовому оборудованию. Имеет множество публикаций, выступлений на телевидении и радио — легенда авторской песни, член Тульского литобъединения «Пегас», отмечен дипломом Бард Академии г. Москва.

Много сделано и много еще предстоит сделать. А на сегодня большая публикация в семи выпусках междунационального альманаха «Чувства без границ», в котором рядом с поэтами разных стран весомо звучит поэзия Игоря Боронина, публикации в различных Тульских изданиях. Новый музыкальный альбом «Жизнь многоэтажная» в исполнении песен и стихов самого автора.

Игорь Боронин — член клуба православных писателей «Ковчег».

Я БЛАГОДАРЕН НЕБУ

Что-то, когда-то слышал,
Что-то, когда-то читал,
Дар появился свыше...
Странно... поэтом стал.
Мысли в висках стучатся,
Мощной вибрацией тем,
Сами в стихи ложатся,
Рвутся наружу... Зачем?
Жжет какофония строчек,
Рифмы, как воздух ловлю,
Из междометий и точек
Что-то спасением жду.
Странно! Готов я не был,
Стать обрученным с Музой,
Но благодарен Небу
За неземную обузу!

СЕРГЕЙ НИКУЛОВ

(п. Скуратово, г. Тула)

Родился в 1958 году в селе Морозовы Борки Сапожковского района Рязанской области. Там же окончил десятилетку и ПТУ. С 1979 года, после службы в армии проживает в г. Туле.

Трудовую деятельность начал с 13 лет помощником комбайнера. До 1989 года работал мастером производственного обучения в ПТУ № 29. Последние 20 лет работал токарем-расточником на Скуратовском экспериментальном заводе.

Пишет стихи давно, но более серьезно с 2005 года. Печатных публикаций не имеет.

Член клуба православных писателей «Ковчег».

ПИСЬМО НА РОДИНУ

Чувство это знакомо не мне одному,
Ностальгический зов многим введом.
Поскорей бы весна — тогда отпуск возьму,
Хоть на пару деньков, а приеду.
Как жених на свидание шаг тороплю —
Здесь не город с дыханьем отравным.
В чистом поле я жажду свою утолю,
Знаю, цел родничок на Проявном.
В нем так сладок воды леденящий глоток,
Он заморским напиткам уступит едва ли.
Не случайно невзрачный лесной ручеек
Наши предки Нектаром называли.
Вновь увижу разлет голубых куполов
И кресты восстановленной церкви.
Где найти столько добрых и ласковых слов,
Чтоб сказать их о милой деревне.
Может быть, повстречаю и школьных друзей
И кого-то из них я, увы, не узнаю.
Мы с годами не стали моложе, стройней.
Я по юным, по прежним скучаю.
Дорог сердцу певучий, родной говорок —
Бесконечную вел бы беседу...
Пригласите меня на «последний звонок»,
Брошу все! Непременно приеду!
Да, в родимом краю я лишь гость, квартирант.
Увела прочь от дома дорога...
Вы простите меня, что таил свой талант,
Он не мой, он дарован от Бога.
Больно видеть — пустеет деревня моя.
Далеко от нее, но я с вами.
Чем помочь, чтобы ей не пропасть, устоять?
Может быть, помогу ей стихами.

ТАТЬЯНА АБИНЯКИНА (ЛЕОНОВА)

(г. Щекино)

Родилась в 1948 году в г. Ставрополе. Педагог, специалист в области информатики. Работала учителем, начальником отдела информатизации в НИИ и администрации г. Щекино, корреспондентом в ряде газет. Стихи пишет с детства. Автор десяти сборников и участница многих литературных альманахов.

На ее стихи написаны песни и романсы, которые стали лауреатами конкурсов. Соавтор альбома «Душа моя», куда вошли романсы и песни на стихи ее и Геннадия Мира.

В настоящее время живет в городе Щекино, Тульской области. Много путешествует по святым местам России. Автор сборника православных стихов «Пред иконочкою свечка» и аудио-видео альбома «Страница», стихи и песни о святых местах России. Руководитель творческого молодежного объединения «Орфей» в г. Щекино.

Член Союза журналистов России. Член Союза Российских писателей. Член Совета клуба православных писателей «Ковчег». Имеет свои сайты в Интернете: «Поэзия Татьяны Леоновой»: <http://leo.genmir.ru> и <http://abitat.narod.ru>. E-mail: 9abi@schekino.tula.net.

МОЛЬБА О РОССИИ

Господи, петъ научи о России,
О православной России святой,
Той, что небесно-лазурные сини
На купола пролила красотой,
Той, что светильники-Храмы восставила
И приготовилась трепетно ждать
Духа Святого, что прежде оставила,
Божью милость и благодать.
Господи, дай мне любовью проникнуться,
Тою, что память о Небе хранит.
Дай мне с Твоею лишь волею свыкнуться,
Дай мне терпенья, как скалам гранит.
Господи, дай моей ласковой Родине,
Где родники — как от Неба ключи,
Дай распрощаться со всеми невзгодами,
Сердце, подставив под Божьи лучи.
Господи, дай мне пропеть о России,
Милой России дубрав и берез,
Той, что проявится в Славе и Силе
В нас покаяньем исторгнутых слез.

ЯКОВ ШАФРАН

(г. Тула)

Родился в п. Брагин в Гомельской области Белоруссии. В 14 лет с родителями переехал на родину матери в Тулу. В 1973 г. окончил Тульский политехнический институт и в 1997 г. высший психологический колледж при Институте психологии РАН в Москве. Последователь и активный пропагандист ЗОЖ. Активно занимается физкультурой. Стихи пишет с юных лет. Издано два сборника стихов и прозы — «Любимая, прости» (2008 г.) и «Спасение рядом» (2009 г.). Участник поэтических сборников в Москве: «Поют любовь вам ангелы-поэты» и «Планета Душа» и в Туле печатается в журнале «Приокские зори» и в альманахах «День тульской поэзии» и «На крыльях Пегаса». Участник проекта «Я

горжусь подвигом отцов, дедов и прадедов», стихи опубликованы в книге «Мы помним...». Сопредседатель Совета клуба православных писателей «Ковчег», член литобъединения «Пегас» при Тульском отделении Союза писателей России. Имеет свои странички на литературных сайтах: <http://www.stihi.ru/avtor/byans>, <http://www.stihi.ru/avtor/byans3>, <http://www.proza.ru/avtor/byans>, <http://www.chitalnya.ru/users/byans/>.

ВОТ ТАК БЫ НАША ВЕРА

Как дерево растет все время к небу,
Как речка неуклонно катит волны,
Как солнце ежедневно к нам с востока,
А слабенький росток асфальт просверлит,
Вот так бы наша вера постоянной
Была бы, несмотря на все соблазны.
Чтоб мы стремились к небу неустанно,
Тянулись к океану вечной жизни,
Как солнце обязательными стали,
Трудиться, как росточек, не устали!

ДВЕ ЖЕНЩИНЫ

Две женщины стояли у иконы,
Две в темном и с платком на голове.
Одна клала обильные поклоны,
Другая лишь крестилась в стороне.
Одна икону лобызала часто,
Другая лишь смотрела на нее.
Одна молилась быстро и бесстрастно,
Другая, сердце отворив свое.
Две женщины стояли у иконы...
И Божий Лик с нее глядел на них.
Печально на одну и непреклонно,
А для другой смиренен был и тих.

ГЕННАДИЙ МИР

(г. Щекино)

Поэт, прозаик, ученый, автор более 30 книг, в том числе 7 поэтических, академик МАИСУ. Его поэма «Начало» в 1978 году в поэтическом конкурсе Центрального телевидения СССР и заняла первое место. Песни, написанные им и другими композиторами на его стихи стали лауреатами музыкальных фестивалей и конкурсов. Свои произведения публикует в Интернете в своем Портале: <http://genmir.ru>.

ДУША ЕЩЕ ЖИВЕТ

Дрожанием свечи душа еще живет
И небом голубым надежда светит многим.
Мы верим — для Любви настал уже черед
И выйдем мы опять на Божии дороги.

Расцветием зари глядит на нас Любовь
И звоном тишины рождается мгновенье.
Мы знаем — в мир чудес отправится любой,
Коль примет для себя Любви святое пенье.

Дрожанием свечи душа еще живет
И огонек ее в ночи надеждой греет.
Легко от дел мирских душа ушла в полет
И радостью Небес над миром тихо реет.

Волшебные слова повиснут кисеей,
В них мудрость и ответ проявятся едва ли.
Замрет в экстазе вдруг дыхание мое
От красоты Любви, что люди вечно ждали.

Дрожанием свечи душа еще живет
И небом голубым надежда светит многим.
Мы верим — для Любви настал уже черед
И выйдем мы опять на Божии дороги.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ

Материалы публикуются к 200-летию со дня рождения
В. Г. Белинского

Алексей Третьяков
(г. Тула)

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПОЗНАНИЕ КАК САМОВЫРАЖЕНИЕ ИДЕАЛЬНОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ. ПРИМЕР ДОСТОЕВСКОГО

Лев Толстой полагал поиски идеала поиском основания истинной любви к людям.

«Истинная любовь всегда имеет в основе своей отречение от блага личности и возникающее от того благоволение ко всем людям. Только на этом общем благоволении может вырасти истинная любовь к известным людям — своим или чужим. И только такая любовь дает истинное благо жизни и разрешает кажущееся противоречие животного и разумного сознания» («О жизни»).

Вересаев писал, как поражаало цивилизованных европейцев абсолютно антипатриотическое настроение русской интеллигенции в Русско-Японскую войну. И имело место то, что этот широкий космополитизм русской интеллигенции начала века в немалой степени сформировался под влиянием страстных проповедей-статей, проповедей-трактатов Льва Толстого о христианском единении, о пагубности патриотического одушевления, неизменно приводящих к взаимному перегрызанию глоток обманутого в самом святом людей. Диалектически разумом все можно объяснить, но кто смог за тысячелетия цивилизации хоть на версту приблизиться к объяснению: почему даже ради высоченного, с вавилонскую башню, идеала человек стремится превзойти зверя? И вот высокоцивилизованные, бесконечно логичные и разумные, воспитанные европейцы снисходительно называют Толстого талантливый варваром, а под влиянием слов этого «варвара» русская интеллигенция сплошь заражается духом пацифизма и гуманитарного космополитизма вплоть до крайностей пораженчества. Так было во все века. И снова возвращается в прошедшем. Вечное возвращение — термин больного философа* — гуманнейшего из вопросов бытия: есть ли верный путь во вселенной любви к ближнему? Нашел ли последователей другой Лев Николаевич — князь Мышкин? А Дон-Кихот? А еще дальше, в глубине времен — Иисус Христос?

«...В эпилептическом состоянии его была одна степень почти перед самым припадком... когда вдруг, среди грусти, душевного мрака, давления, мгновениями как бы воспламенялся его мозг и с необыкновенным порывом напрягались разом все жизненные силы его. Ощущение жизни, самосознания почти удесятерилось в эти мгновения, продолжавшиеся как молнии. Ум, сердце озарялись необыкновенным светом; все волнения, все сомнения его, все беспокойство как бы умиротворялись разом, разрешались в какое-то высшее спокойствие, полное ясной, гармоничной радости и надежды, полное разума и окончательной причины» («Идиот»).

* Фр. Ницше.

Здоровый скептицизм житейско-бытового обихода, а впрочем, куда как много людей и мыслящих, но немного однобоко, не преминет засомневаться: а может только вот в таких больных поступках и мерещится всякая химера, все эти гуманологии? А услужливые жизнеописания шепчут жарко и пылко: да, да! Да, все эти пророки любви к ближнему, и; всепрощение, любовь — мир спасет, и старые и новые,— все они лишь больные-с люди-с: эпилептики Магомет, Достоевский, Ницше, ипохондрик Будда, да и сам Лев-то Николаевич грешным делом... пошаливал, вспомните Арзамас? Юродивый Христос, все эти неистовые ветхозаветные пророки: бредящий наяву Иезекииль, Даниил с его видением кошмара отрубленной пишущей руки. Поистине каждый из них постоянно согбенным ходил под своим «Мене такел упарсин», лишь в минуты падучей и освобождались от ужаса больного ума и воображения?

— «...Он часто говорил сам себе: что ведь все эти молнии и проблески высшего самоощущения и самосознания, а стало быть и «высшего бытия», не что иное как болезнь, как нарушение нормального состояния, а если так, то это вовсе не высшее бытие, а, напротив, должно быть причислено к самому низшему» («Идиот»).

Ну и что из того, что патология? Может лишь в болезни человек не связан по рукам-ногам цепями «здорового смысла». А что есть ваш здравый смысл, вообще, может ли он быть здоровым, если миллионы, миллиарды здоровых умом и телом людей во славу этому здоровому смыслу в любую минуту могут уподобиться гадаринским свиньям и броситься в пропасть?

— «Что же в том что это болезнь? — решил он, наконец, — какое до того дело, что это напряжение ненормальное, если самый результат, если минута ощущения, припоминаемая и рассматриваемая уже в здоровом состоянии, оказывается в высшей степени гармонией, красотой, дает неслыханное и негаданное дотоле чувство полноты, меры, примирения и восторженного молитвенного слияния с самим высшим синтезом жизни?» («Идиот»).

Но как бы там ни было, именно в «Идиоте» идеал положительного человека Достоевского оказался тем же идеалом Толстого: кротким, вселюбящим человеком с «царством Божиим внутри себя». И даже более того: если толстовский идеал делает акцент на нирваническое самоуглубление в совершенствование своего духа, которому подчинено смиренное тело, то князь Лев Мышкин — воплощенное человеколюбие с даром пророческим; здесь Достоевский, не мудрствуя долго, перенес Иисуса Христа (именно не Будду, созерцателя духа, отшельника, гуру — учителя избранных, созревших для восприятия учения — как у Толстого), проповедника любви в избранном народе (опять же акцент именно на избранном, не в космополисе, как у Толстого), проповедника всем и всея,— на, без небольшого, две тысячи лет вперед. Так облик Христа трансформируется в лик Мышкина.

Вересаев в первой части «Живой жизни» пишет о патологическом «неумении» художественного воплощения радостных, просто оптимистических сторон человеческой жизни в творчестве Достоевского:

«...И так везде у Достоевского. Живую тяжестью давят читателя его туманы, сумраки и морозящие дожди. Мрачная отъединенная тоска заполняет душу. И вместе с Достоевским начинаешь любить эту тоску какою-то особенною, болезненною любовью.

В душе художника вечная, беспросветная осень.

...Прямо удивительно, как тускнеет волшебник Достоевский, когда ему приходится описывать природу радостную и прекрасную.

...Лексикон Достоевского поразительно богат. Но при описании радующейся природы он как будто теряет собственные слова. Либо «волшебные панорамы» и «ласковые волны», либо еще... цитаты!

...Но только вступит Достоевский в область мрака, туманов и дождей,— и чуждый пришелец мгновенно превращается в державного владыку...»

По хрестоматийным утверждениям следует, что пейзажи в произведении суть конформный фон состояния души описываемых персонажей. Так вот, под стать пейзажам моросящего дождя, в серых тенях глухих дворов Петербурга Достоевского и печальные, несчастливые герои его. И, продолжая мысль Вересаева в «Живой жизни», скажем, что он великолепный мастер в создании героев патологической складки (В. Чиж издал в 1885 году книгу под названием: «Достоевский как психопатолог», где он, на основании личного опыта врача-психиатра, утверждает, что писатель был величайшим психопатологом). А патологический герой: маньяк, безумец, юродивый и пр., словом, личность в негативе, человек неуравновешенный, утративший контроль над собственной волей, вырождающийся,— такой герой и есть объект Достоевского. Поэтому постановка вопроса о «проблеме положительного героя» у Достоевского нетривиальна, вернее этот вопрос следовало бы в совсем другой терминологии выражать: патологическая личность не есть положительный герой, также она не может быть и отрицательным персонажем. Вдумайтесь: разве можно разранжить под марки положительных и отрицательных героев Дмитрия и Алексея Карамазовых, Раскольникова, Мышкина и, чтобы не перечислять,— особенно многих персонажей «Идиота»? Исключение можно сделать лишь для героев «Бесов», где пафос обличительства отвлек Достоевского от углубления в розыск и описание патологий, и для «Подростка» в силу того, что этот характер в становлении... Это великая книга, насыщенная совершенно неожиданным у Достоевского оптимизмом.

Но суть дела не в терминологии, ибо и термин сам по себе есть символ,— просто очень свойственно человеческому мышлению исходить от замеченной тенденции, в частности, от того непреложного правила, что приемы характеристики у писателя одинаковы как при создании исчадия ада, так и непогрешимого героя без упрека. Так и здесь: раз Достоевский при создании образа отталкивается от отклонения, патологии души, то равно теми же средствами рисуется первый *Uebermensch** в литературе — Родион Романович Раскольников; концентрированное и подразделенное на три типа выражение духа русского человека — Карамазовы, и теми же средствами — светлейший, ангелоподобный лик князя Льва Мышкина, образ, которым Достоевский искупал свою «вину» за выпуск в пораженное воображение человечества галереи то буйно, то тихо мрачных индивидуалистов, бредущих по ту и эту сторону добра и зла.

Итак, в герое «Идиота» воплощена *заданность темы*: искупление христианским смирением, всепониманием и вселюбовью несовершенства мира; *цель показа*: дидактическая и оправдательная; *побуждения автора*: тоска по идеальному, положительному человеку; *средства воплощения*: исключительность (патология) героя как раздражитель устоявшихся (не принимаемых Достоевским) коллизий и содержаний характеров типичных представителей «петербургских типов» в устоявшейся же художественной интерпретации автора; *прототип*: неконформный член общины, наивный, а потому и убедительный проповедник добра и всеобщей любви, Иисус Христос; *результат*: он вернее всего выражается теми евангельскими стихами, что Достоевским взяты в эпиграф к «Братьям Карамазовым» об искуплении собственной гибелью: если же зерно попадет в добрую землю — оно погибнет, но даст многие всходы, слова, определяющие сущность христианства и смысл подвига Христа. Поскольку Достоевский исходит из заданного прототипа, то и раскрытие образа героя — князя Льва Мышкина — ведется в канве и ситуациях, сходных по общему смыслу с евангельскими; разумеется реминисценции художественно преобразованы, лишь в идее перекликаются, затемнены.

Как и Христос, князь Мышкин вводится в действие в годы первого серьезного отчета за жизнь, формирования мировоззрения, определения и обретения жизненных позиций.

* Сверхчеловек (нем).

«Обладатель плаща с капюшоном был молодой человек, тоже лет двадцати шести или двадцати семи, роста немного повыше среднего, очень белокур, густоволос, со впалыми щеками и с легонькою, востренькою, почти совершенно белую бородкой. Глаза его были большие, голубые и пристальные; во взгляде их было что-то тихое, но тяжелое, что-то полнее того странного выражения, по которому некоторые угадывают с первого взгляда в субъекте падучую болезнь» («Идиот»).

С такой-то внешней характеристикой князь Мышкин вступает в многоликий мир. Кто он, что он, откуда и зачем взялся? — Никто его не ждет и ничто его не ждет, так, наверное, и приходят пророки, люди не от мира сего, приходят, чтобы встряхнуть болото, смутить к любви и добру умы — почву добрую, а самим погибнуть, вернуться туда, откуда они и пришли. В романе это последнее подчеркнуто символически: от Шнейдера Мышкин пришел, к нему он и вернулся.

«Заповедь новую даю вам», — характер князя автор недолго таит, он уже раскрывается в сцене с камердинером генерала Епанчина. И не случайно ошарашенному камердинеру приезжий князь с узелком проповедует заповедь: «Не убий!» — первую заповедь христианства. «Убивать за убийство несоразмерно большее наказание, чем самое преступление. Убийство по приговору несоразмерно ужаснее, чем убийство разбойное» (Вспомните статьи Льва Толстого о смертной казни).

...Кто сказал, что человеческая природа в состоянии вынести это без сумасшествия? Зачем такое ручательство, безобразное, ненужное, напрасное. Может быть, и есть такой человек, которому прочли приговор, дали помучиться, а потом сказали: «Ступай, тебя прощают». Вот такой человек, может быть, мог бы рассказать. Об этой муке и об этом ужасе и Христос говорил. Нет, с человеком так нельзя поступать!» («Идиот»).

Кстати, в «Идиоте» более всего из всех произведений, минуя «Записки из мертвого дома», моментов к обращению к собственной биографии Достоевского. Это и понятно, выражая свой идеал человека, всякий по необходимости должен отталкиваться от самого себя; чужими чувствованиями здесь не обойтись... Быть может, гражданская казнь Достоевского была тем мигом, которых в жизни лишь несколько и бывает (у большинства же и вообще не бывает), и которые неотступно стоят на страже в том проходе из активного сознания в подсознание, что всегда наготове и до смертного часа накладывает свою руку на каждое мыслительное движение. В только что цитированном месте Мышкин ужасается — Достоевский устами князя — чувству осужденного на смерть, приготовившегося и помилованного. И через некоторое время действия романа он вновь обращается к этому ужасу воспоминания:

«Этот человек был раз взведен, вместе с другими, на эшафот, и ему прочитан был приговор смертной казни расстрелянием, за политическое преступление. Минут через двадцать прочтено было и помилование...» («Идиот»).

Неотступно герой Достоевского убеждает: нелеп, негармоничен мир, где царствует отмиение. (Сравните каторжников Достоевского и Жана Вальжана?).

«Горе тому, кто соблазнит единого из малых сих!» — христианская заповедь эта подразумевает несовместимость учения о добре и любви с индивидуалистическим, кастовым построением общины. Навыки ж; эгоизма и косности закладываются в детстве. Вот этот-то евангельским эпизод отвращения «малых сих» от дурного примера и подстрекания: взрослых, но злых и неразумных (в христианском смысле), вспоминает князь Мышкин, рассказывая о Мари. Особенно этот эпизод можно понять, вспоминая, что сам Достоевский очень любил детей, как любят их все те, кто мучительно воспринимает ложь и лицемерие окружающих людей, кому ясны и открыты все непривлекательные стороны обычной душевной жизни человека. Юродивый, «идиот», безумец — у Достоевского это символ человеколюбца, носителя христианских идеалов. Он смешон, лишь дети, натуры еще не испорченные, непосредствен-

ные, ангелы души и мысли, существа нравственно чистые, любят равного себе по духу, бескорыстно, любви ко всем и вся. Все это раскрывается в эпизоде с Мари.

«Положительный» герой Достоевского в лучших чертах раскрывается именно в разговорах с «малыми мира сего», а в романе это и Мари, и швейцарские детишки, это Аглая, Настасья Филипповна, Рогожин, генеральша Епанчина, все те юные и отнюдь не юные, в ком не возобладала полностью испорченность, что в переводе на язык обычного, «практического» человека означает: «еще детство в нем не выветрилось!»

Софья Ковалевская в «Воспоминаниях детства» пишет о знакомстве ее и ее сестры Ани с Достоевским, что в первую встречу, в присутствии их матери, решившей устроить обычный светский прием писателя, тот нервничал, нарочито грубил и в конце концов через полчаса встал и ушел.

«Однако, дней пять спустя, Достоевский опять пришел к нам и на этот раз попал как нельзя более удачно: ни матери, ни тетушек дома не было, мы были одни с сестрой, и лед как-то сразу растаял. Федор Михайлович взял Анюту за руку, они сели на диван и тотчас заговорили как два старых, давнишних приятеля. Разговор уже не тянулся как в прошлый раз, с усилием переходя с одной никому не интересной темы на другую. Теперь и Анюта, и Достоевский как бы торопились высказаться, перебивая друг друга, шутили и смеялись». — В подтверждение сказанного выше. Эти воспоминания Ковалевской очень ценны для понимания обширного автобиографизма романа «Идиот»; чтобы не перечислять моменты схожести, приведем лишь фразу из объяснения сестры Софьи Ковалевской, Анюты, по поводу отказа последней на предложение Достоевского:

«...— Вот видишь ли,— начала она, видимо, подыскивая слова и затрудняясь: — я, разумеется, очень люблю его и ужасно, ужасно уважаю! Он такой добрый, умный, гениальный!— она совсем оживилась, а у меня опять защемило сердце,— но как бы тебе объяснить? Я люблю его не так, как он... ну, словом, я не так люблю его, чтобы пойти за него замуж!— решила она вдруг».

Очень много схожих мотивов в высказываниях Аглаи. Сопоставляя воспоминания современников, личность Достоевского-писателя и Достоевского-человека, а также конечно-заданную цель показа образа Льва Мышкина, можно утверждать: Достоевский (на личной своей жизни, наблюдениях и анализе обычных житейских ситуаций) пришел к убеждению, что обычная форма любви личной, плотской для положительного, идеального человека является источником искупительного страдания, существует замкнутый круг: идеальным человеком добра и любви может быть лишь человек не от мира сего, «идиот», «юродивый». Лишь он способен на действенную проповедь всеобщей человеческой любви. Любовь мужчины к женщине — лишь частная, малая сторона этой великой вселюбви; естественно, что такой глашатай вызывает и любовь в женщине, но последняя, в силу естественного назначения к продолжению рода человеческого, не может не обратиться к частности, отвращаясь от общности. Она начинает испытывать любовь к человеку не от мира сего, носителю добра и любви.

Тот же, понимая личную любовь как составную частицу любви всеобщей, отвечает ей. Возникает невольная любовная коллизия, но в силу различных конечных устремлений эта любовь никому не приносит почти ничего, кроме страданий и терзаний. «Почти», ибо «идиот» и в страданиях находит искупительное добро, а добро радуется...

Случай с сестрой Софьи Ковалевской многое подтверждает.

Есть в романе сцена, когда в смешанном обществе у Настасьи Филипповны устраивается некое салонное подобие лютеранского публичного каения в грехах, пресловутое *пети-жэ*; эта сцена тоже не без второго смысла: кто-то под тезисом «самый гадкий поступок» выставляет себя в благороднейшей, выгоднейшей ситуации, Кто-то откровенно любит, испытывая мазохическое наслаждение своими мерзостями, кто-то считает нужным отмалчиваться. Несомненно, князь, при его страсти к моно-

логическим изложениям, вряд ли бы воспользовался такой возможностью в таком собрании слушателей... Но князь — как вовсе отсутствует в этой сцене и не без основания: этот чистый человек не может что-либо припомнить греховного, содеянного в жизни. И если Фердыщенко испытывает *embarras de richesse* (затруднение из-за большого выбора, фр.), то князь, вполне вероятно по свойственному чутким людям негативизму, испытывает это же *embarras de richesse*, но только из-за большого выбора противоположных дурным поступков в своей жизни...

Чистота помыслов князя Мышкина — большей частью от идеализированного восприятия жизни, да он ее и не знает вовсе: что он мог видеть в горной швейцарской деревушке? Собственно, только с приездом в Петербург он и начинает узнавать действительную жизнь, его так скоро и погубившую, проповедника любви, добра, идеалиста. Он идет от бога доброго, справедливого, его искренняя религиозность — это то, что потом оформится в учение Толстого как царство Божие внутри вас:

«Сущность религиозного чувства ни под какие рассуждения ни под какие проступки и преступления и не под какие атеизмы не подходит: тут что-то не то, и вечно будет не то: тут что-то такое, обо что вечно будут скользить атеизмы и вечно будут не про то говорить. Но главное то, что всего яснее и скорее на русском сердце это заметишь, и вот мое заключение!» («Идиот»).

Естественно вполне, что восторженный идеализм князя всколыхнул наиболее чувствительные души (ведь не только бури нарушают покой души...). В природе человека ко всякому необычному явлению искать прототипа, не замедлило это сказаться и в окружении Мышкина, тем более, что имя его прототипа, как идеалиста от добра, известно было с детских лет: Дон-Кихот. Так получает князь новое крещение в роли «рыцаря бедного». Поясняет Аглая: *«Рыцарь бедный» тот же Дон-Кихот, но только серьезный, а не комический*. Мышкин, более чем Дон-Кихот в смысле христианского понимания любви к ближнему, в знаменитой сцене вымогательства именем «незаконного» сына Павличего-Бурдовского, сцене подстать прощения Христом предавшего его Иуды, герой романа почти что декларативно и очень художественно-иллюстративно заявляет о еврей практической приверженности заповеди «возлюби врага своего», и итог: неукоснительное следование этой заповеди ведет к полному раскаянию «нигилистствующих» мздоимцев, более высокие чувства возобладают в слабодушном подложном сыне Павличева и даже в озлобленном, умирающем Ипполите. Последний является подтверждением девиза: *«В любом, самом последнем недуге где-то глубоко-глубоко спрятано доброе, остаток невинности детства и юности»*. Даже простецкий, откровенный лжец Келлер раскаивается в своих «двойных мыслях», некое благородство вспоминается в его раскаленной вином голове.

Князь бесконечно прощает и возлюбил как брата даже Рогожина, евангельским же прототипом которого является Иуда (поцелуй Иуды — обмен крестами князя и Рогожина). Два эти человека переплелись, обменялись не только крестами, но и душами. Они поставлены по отношению друг к другу в ситуацию, столь хорошо разработанную совершенными экзистенциалистами: «палач и жертва». И так они шли до конца — оба до безумия:

«По крайней мере, когда, уже после многих часов, открылась дверь и вошли люди, то они застали убийцу в полном беспамятстве и горячке. Князь сидел подле него неподвижно на подстилке и тихо, каждый раз при взрывах крика или бреда больного, спешил провеешь дрожащею рукою по его волосам и щекам, как бы лаская и унимая его. Но он уже ничего не понимал, о чем его спрашивали, и не узнавал вошедших и окружавших его людей. И если бы сам Шнейдер явился теперь из Швейцарии взглянуть на своего бывшего ученика и пациента, то и он, припомнив то состояние, в котором бывал иногда князь в первый год лечения своего в Швейцарии, махнул бы рукою и сказал бы, как тогда: «Идиот!» («Идиот»).

Положительный герой в творчестве Достоевского не единичен: это Подросток, Алеша Карамазов, ряд неглавных персонажей в романах и повестях, наконец, и князь Мышкин. Писатель искал «правильного» человека в обладателе христианских качеств доброносителя, проповедника всечеловеческой любви, сострадания, непротivления злу, как воспитательного средства. Алексей Карамазов и Лев Николаевич Мышкин наиболее близки к идеалу, последний — даже чересчур близок...

Выше уже говорилось о сходстве и различии идеалов положительного героя у Достоевского и Толстого, но герой «Идиота», может быть, более всех других героев его и самого Толстого подходит под тип человека высшего порядка, описанного в качествах своих в религиозно-философских трактатах Толстого.

Можно без конца приводить аргументы против христолубивой концепции положительного героя у Достоевского, но почему же в истории человеческой навечно остаются Дон-Кихоты **живыми** людьми, а великие покорители полумира — лишь каменными изваяниями? Создается страннейшая до абсурда ситуация: все люди цивилизованного мира знают, любят и одобряют Дон-Кихота, многие знают и князя Мышкина, абсолютно все знают Христа (правда, намного меньше знают его непрепарированное учение). Все добрые качества и задатки в людях сызмала возрастают и крепнут по примерам этих идеалов. Но одновременно с этим существует и устоявшееся, и поддерживаемое мнение, что-де Христос древен и наивен, Дон-Кихот смешон, Жан Вальжан — обычная выдумка французского романа, князь Мышкин — идеалист с реакционными монологами и пр. Но отчего, взрослея разумом, люди вновь и вновь возрождают в душах своих прежние идеалы? И так ли однобоко глупы были Достоевский и Толстой, рисуя своих героев, положительных в их замыслах; словно мысли их работали по ранжиру: на первый-второй рассчитайсь! Первые — умные и проницательные, вторые — заблуждения, реакционность, недалекость *etc.*

Человек един, если он не шизофреник, и если он глуп, то глуп во всем, а если это великий талант, то талант на все наложит печать свою, и не только внешнюю, как принято считать, но именно **на мысль**, на внутреннее содержание. И мера таланта определяется не расхожими хрестоматийными характеристиками, а тем, во скольких душах единая **цельная** мысль автора найдет второе «Я». И что можно поделать с собственной мыслью, если человек, давно вышедший из униформы напыщенного школьника, перебрав все возможные формы «пути жизни» к достижимому приближению к идеалу — не будем громко говорить: совершенного человека, пусть — просто гармоничной, гуманитарной личности, к изумлению своему, вновь возвращается к единственному пути, некогда наспех и по чужому изложению прочтенному и отброшенному в возрасте все того же напыщенного от гордости собственного мизерного знания жизни школьного мундирчика.

Можно, конечно можно было (и это вполне было под силу Достоевскому, и он это понимал прекрасно) лишить князя Мышкина смешных черт, сделать его пообразованней, научить ловко танцевать, избавить от падучей, обречь его проповеди в менее голую форму. И что ж осталось бы тогда от идеала писателя? Всякие теории разумного эгоизма? Вот уж истинно теория для идеала, только исповедующие ее чаще зовутся более крепкими терминами. Идеал он тем и хорош, что заставляет стремиться к совершенствованию души, а не системы устройства против угона личного автомобиля. Хотя и это — не лишенное практического смысла занятие.

Проблема возникает тогда, когда автор ее не может однозначно представить: чего же он хочет; по-моему, именно в «Идите» этот вопрос Достоевского не мучил, он просто выражал свой идеал.

Сергей Норильский
(г. Тула)

ВО ВЗЫСКАНИИ ВЕЧНЫХ ИСТИН

Заметки о творчестве Игоря Золотусского

Сергей Норильский (Сергей Львович Щеглов) автор шестнадцати документально-художественных, историко-краеведческих, литературно-критических, литературоведческих и публицистических книг и брошюр. Среди них: «Город Норильск» (1958), «Николай Федоровский» (1967), «Сергей Степанов» (1974), «Владимир Лазарев» (1986), «Не вечно зло, если добро множит» (1999), «Извечный поединок света и тьмы в прозе и драматургии Игоря Минутко» (2006), «Павел и Клавдия» (2008) и другие. Дважды удостоен журналистской премии имени Глеба Успенского, лауреат литературной премии имени Льва Толстого (2000). Составитель и автор текста трех томов книги памяти жертв политических репрессий в Тульской области. Основатель и председатель Тульского областного отделения Общероссийской общественной организации «Российское историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал»». Член Союза журналистов России, член Союза российских писателей.

28 ноября 2010 года известному литературному критику Игорю Петровичу Золотусскому исполнилось 80 лет. Он — один из авторов нашего журнала. Мы попросили его давнего коллегу и друга Сергея Львовича Щеглова (Норильского) рассказать о творческом пути этого человека.

В 1968 году в московском издательстве «Искусство» тиражом 32 тысячи экземпляров вышла книжечка журналиста И. Золотусского «Фауст и физики» — «о старом Фаусте и новых физиках — о человеке науки в искусстве». То были размышления о смысле в целях жизни, о судьбе человечества в бесконечной Вселенной на фоне и материале достижений знаний и мысли, накопленных к середине двадцатого столетия.

«Человек не может жить, не думая о бессмертии,— рассуждал автор.— Пусть он лично смертен, он уверен в своем продолжении, в своей необходимости в цепи жизни. Он не может представить, что у этой цепи будет конец. Само знание остановилось бы, если бы человек думал иначе (...). Распространение образования — не механический процесс. Оно разбрасывает споры знания, которые заражают желанием знать. Оно порождает Фаустов, которые не удовлетворяются верой».

Золотусский привел высказывание создателя кибернетики Норберта Винера: «Я никогда не представлял себе логику, знания и всю умственную деятельность, как завершенную замкнутую картину; я мог понять эти явления только как процесс, с помощью которого человек организует жизнь таким образом, чтобы она протекала в соответствии с внешней средой (...). В этом источник трагедии, но и славы тоже».

Золотусский так комментировал высказывание Винера: «Это слава науки. Это не успех, не преуспевание (...). Слава заключена в самом знании, в отслеживании неизвестного. Процесс, а не итоги его, дает ощущение славы».

Завершалась книжка следующим размышлением: «Только великие поэты сбрасывают порой вериги «здравого смысла». Раскованное мышление гениальных поэтов позволяет им разглядеть истину там, где другие пока слепы. Они (поэты С. Н.) интуитивно проникают туда, куда только через некоторое время в результате титанического труда удастся пробиться гению ученого.

Александр Блок писал,— вспоминал далее автор: —

*Нам казалось, мы кратко блуждали.
Нет, мы прожили долгие жизни...
Возвратились — и нас не узнали,
И не встретили в милой отчизне.
И никто не спросил о Планете,
Где мы близились к юности вечной.*

Это написано в 1904 году,— подчеркивал Золотусский.— За год до публикации Эйнштейном частной теории относительности. За несколько лет до того, как на основе этой теории появилось представление о парадоксе времени. Как мог Блок это реально представить и пережить — непостижимо!» (118).

Книжечка Золотусского была замечена. О ней с уважением писал критик Евгений Сидоров в статье «Фауст и физики» (журнал «Юность», 1969, № 9). Ее анализировал литературовед Александр Липелис в академических «Вопросах литературы» («Процесс, а не итог». 1971, № 9). Глубина проникновения в тему, актуальность поднятых вопросов, гуманизм и демократичность позиции автора, безупречный стиль не могли не обратить на себя внимания. Главные вечные вопросы мировоззрения были высвечены в полном соответствии с эпохой.

Два года спустя после «Фауста» Игорь Золотусский выпустил в издательстве «Советская Россия» сборник литературно-критических статей «Тепло добра» (20 тысяч экземпляров). Со свойственной ему пристальностью всматривался критик в творчество современных авторов: Юхана Смуула, Валентина Овечкина, Юрия Бондарева, Константина Симонова, Глеба Горышина, Даниила Гранина, Николая Амосова, Ивана Ефремова, Леонида Леонова, Василя Быкова, Василия Белова, Юрия Казакова, Михаила Рошина, Андрея Битова. Дополнялась книга размышлениями о романе Толстого «Война и мир», спором с кинофильмом Сергея Бондарчука. В романе критик видел главное: правду жизни, правду истории, которая освещена прожектором гуманизма и нравственности, не подчиняющейся условиям идеологических теорий. «Война для Толстого не доблесть, не эпос,— заключал Золотусский (...). Война отвратительна, это худшая ложь мира и только как ко лжи относится к ней Толстой (...). Это отношение злое, отношение боли и насмешки, негодования и отчаяния. Толстой не может выводить из войны баланс прогресса (...). Для России война двенадцатого года была справедливой войной. Но зачем она была нужна французам? Они проливали кровь за «общее благо» по «государственной необходимости»? Но эта необходимость была только необходимостью Наполеона, и он-то не платил за нее. Платили другие. Плата эта и ожесточает Толстого. Его ожесточает ложь о цели, якобы оправдывающей кровь» (214 — 215).

Игорь Золотусский с первых своих работ отчетливо выделялся среди советских критиков, даже наиболее талантливых и эрудированных. Его отличало собственное видение явлений, событий, лиц. В атмосфере политической оттепели перед ним расстилалось поле литературной и публицистической деятельности. Сын родителей, подвергшихся политическим репрессиям в 1937—1941 годах, с детства испытав все последствия этих событий, благодаря собственной стойкости и целеустремленности, сумев получить образование в одном из лучших университетов страны, стать журналистом, а затем и литератором, неуклонно шел он избранным с детства путем. Шел,

преодолевая преграды, чинимые «наследниками Сталина», не приспособливаясь к их требованиям, не склоняя головы, силой таланта достиг уважения и успеха. И в школе, где два года преподавал словесность (1954—1956), и корреспондентом комсомольской газеты, радиовещания в Хабаровске (1956—1963),— всюду «сеял разумное, доброе, вечное» в полной уверенности, что семена не упадут на камень, дадут всходы.

Первая книга очерков — «Обитаемый остров» — вышла в 1965 году в Ярославле. Шесть лет спустя повесть «Пока мы вместе» увидела свет в журнале «Сибирские огни». То было повествование о детстве, искалеченном арестом родителей. В «Сибирских огнях» тогда работал замечательный человек Николай Николаевич Яновский, который дал ход многим талантам, помог и Игорю. Повесть Золотусского получила заслуженную высокую оценку во всесоюзном журнале «Детская литература» (1971 г., № 10).

Однако, напор таланта вел Золотусского своим путем и он с него не сворачивал. Критика была его призванием. В 1967 году его пригласили в «Литературную газету» и четыре года он трудился там корреспондентом.

В 1976 году выходит третья литературно-критическая книга Игоря Золотусского: «Час выбора». (Москва, «Современник», 25 тысяч экземпляров. 318 страниц).

«Выбор в критике уже талант,— говорилось в предисловии. — Хорошо писать о пустом, наверное, невозможно. Есть критики — «технари», которые, как футболисты, умело владеют обводкой. Они способны привести в восхищение стадион, финишу по полю. Но гола от них не дождешься. В самом утилитарном виде мастерство — это «доходчивость», «читабельность», увлекательность критики. Действительно, это не последнее дело. Но разве так уж доходчив Белинский? Увлекателен Аполлон Григорьев? Включение в их мир требует напряжения».

Золотусский напомнил слова Пушкина о начинавшем Белинском: «если бы с независимостью мнений и с остроумием соединил он более учености, более начитанности, более уважения к преданию, более осмотрительности,— словом, более зрелости,— то мы бы имели в нем критика замечательного».

Автор юношеской трагедии «Дмитрий Калинин» прожил после этих пушкинских слов двенадцать лет, приобрел все, что советовал поэт, отверг побочное и стал замечательным критиком.

«Уважение к преданию», указанное Пушкиным, стало ключевым для Игоря Золотусского. Вторая (большая) часть его третьей книги так и озаглавлена.

«Уважение к преданию,— пишет он,— подразумевает уважение ко всему подлинному, что создало до нас искусство и, в том числе, искусство критики,— будь то прошлый век или ближайшие десятилетия. Ничто подлинное из созданного ранее не отменяется вновь созданным подлинным. На новом этапе совершается «обновление начала», которое есть связь, передача и непрерывность».

Приняв это кредо, Золотусский остается верен ему всю свою литературно-критическую жизнь.

В «Часе выбора», во второй части, критик заново перечитывает пушкинскую «Метель». Но больше всего уделено место Гоголю. О нем — главы: «Записки сумасшедшего» и «Северная пчела». «Игра в реальность» (о жизнеописании Гоголя, составленном Анри Труайя). «Необходимые замечания» (резкий отзыв на стихотворение А. Вознесенского «Похороны Гоголя Николая Васильича»). Последняя глава — «Лихорадка и синтез» — посвящена анализу экранизации романа Достоевского. Все эти вопросы рассмотрены под знаком «Уважения к преданию».

Первая же часть книги была отдана текущей советской литературе. Взято наиболее значительное из последних сорока лет. Плавню перетекают одна в другую статьи о Андрее Битове, Василии Белове, Михаиле Булгакове, Чингизе Айтматове, Василе Быкове, Василии Шукшине, Евгении Носове, Юрии Трифонове. В ряды оставивших

след в современной литературе вклиниваются писатели, не успевшие сделать этого (Олег Куваев и др.).

* * *

О Гоголе написано множество книг. Его жизнь и творчество — предмет исследования крупнейших писателей, литературоведов и русских критиков на протяжении 19—20 веков. Николая Васильевича превозносили, а иногда и порицали Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Дружинин. Над ним ломали головы И. Котляревский, И. Мандельштам, Д. Овсяннико-Куликовский, В. Переверзев, В. Виноградов, В. Кулиш, В. Шенрок, А. Белый, В. Розанов, Д. Мережковский, В. Брюсов, В. Короленко, С. Дурьлин, А. Воронский. Да мало ли еще кто!

Какой же отвагой надо было обладать, чтобы на паханном — перепаханном, засеянном — пересеянном поле найти не то что необработанные уголки, а попытаться вырастить урожай, по меньшей мере, достойный предыдущих ораторов. Такая отвага воодушевила Игоря Золотусского. Десять лет напряженной работы, и вот — итог: книга «Гоголь» в знаменитой серии «Жизнь замечательных людей» (Москва, 1979 г.). Последовали споры, столкновения мнений. В 2009 году «Гоголь» вышел вторым изданием.

Огромный труд, вложенный автором в пятьсот страниц текста, изобилует множеством открытий. Перед читателем предстал портрет, настолько близкий к оригиналу, что все предыдущие образы Гоголя казались эскизами.

Что же заставило литературного критика, добившегося признания, отвлечься от плодотворного поприща на ниве современности, и отдать лучшие творческие годы изучению феномена по имени Гоголь?

Заметки о книге Анри Труайя (1973) Игорь Петрович начал с мысли: «Без Гоголя нельзя понять Достоевского и Толстого и переход русской литературы и русского сознания от Пушкина к ним, к поставленным их творчеством и судьбой проблемам».

Познание этих проблем не могло не стать целью такого человека, как Игорь Золотусский. Но этого мало. То требование его ищущего ума А было еще сердце. «Без святости чувства в душе, без мысли, достойной разбудить эту ушедшую жизнь (...) нет повода прикасаться к святому, иметь дело с ним. К этому приходят внутренним развитием, неизбежной потребностью жизни, а не так, — на посиделки, на минутку, чтоб отметить, что и ты здесь был». Так начинал в 1974 году Игорь Петрович «Необходимые замечания» относительно стихотворения Андрея Вознесенского «Похороны Гоголя Николая Васильича». Внутреннее развитие, приведшее к «неизбежной потребности жизни», думаю, и вовлекло известного критика в путешествие вглубь литературной истории. Это, наверное, трудно понять с точки зрения «здорового смысла», того литературного практицизма, которым насыщено наше время.

Тема эта стала материалом книг Золотусского «Душа и дело жизни» (Москва, 1981), «По следам Гоголя» (Москва, 1984, 1988), «Гоголь, Лермонтов, Жуковский» (Москва, 1986).

В 2009 году, когда Россия отмечала 200-летие писателя, Игорь Петрович представил на телевидении серию рассказов о его жизни и творчестве. Эти рассказы отразили вехи многолетней работы исследователя над образом Гоголя и отличались глубиной проникновения в мир великого поэта.

Значимость деятельности Игоря Золотусского еще и в том, что, связав себя столь прочно с историей отечественной литературы, с ее вершинами, он не остался на сияющих высотах, не сделался «столпом науки». Звания и степени мало интересовали его. Он продолжал участие в текущем литературно-критическом процессе.

Через год после первого издания «Гоголя» выходит четвертый сборник статей и

очерков Золотусского: «Монолог с вариациями» (Москва, «Советская Россия», тираж 75 тысяч, страниц 416). В отличие от первых трех, это солидный том формата 13 на 21 сантиметр (первые три были значительно меньше).

Игорь Петрович сообщал в предисловии: «Эта книга составлена по преимуществу из трех работ: «Фауст и физики» (1968), «Тепло добра» (1970) и «Час выбора» (1976). Включены в нее и несколько статей, напечатанных в периодике».

«Оглядывая сейчас книгу,— продолжал автор,— я вижу, что хоть монолог и изобилует вариациями, он — монолог (...) лица. Я и теперь готов подписаться под тем, что было написано пятнадцать лет тому назад. Конечно, я и мое отношение к вещам изменились за эти годы. Менялся даже стиль. В молодости я просто мучился над каждой фразой, амбициозно думая, что если выскажусь не так, как все, то скажу нечто новое. Теперь я отношусь к процессу писания проще. Неважно, как писать — важно, что сказать. Если есть что сказать, то «как» — приложится. Оно явится без усилий самолюбия».

1983 год ознаменовался в жизни Золотусского выходом его пятой книги: «Очная ставка с памятью» (Москва, «Современник», 25 тысяч экз., с. 288). Основной раздел — «Трепет сердца», почти треть книги — был составлен из новых работ.

Шли годы, менялась жизнь, что-то из нее уходило, что-то в ней возникало. Как бы незаметно менялись оценки прошлого. То же происходило и в литературе. Далеко позади остались годы двадцатые, да и шестидесятые уже закатились. Плеяда военных и послевоенных писателей пополнилась новыми талантами. Новые книги написали Василий Белов, Василь Быков, Чингиз Айтматов. «Несколько раз принимался я писать о К. Воробьеве,— признавался Игорь Петрович,— и всякий раз оставлял: слишком высокую ноту приходится брать, хочется подхватить его крик (...), но не хватает сил, недостает напряжения. Страшно сорвать голос». Однако написал.

Роман Белова «Кануны» заставил по-новому взглянуть на «Поднятую целину», считавшуюся классикой литературы о коллективизации. Солженицына тогдашние власти и их прислужники заклеили «литературным власовцем». О Бунине стали упоминать уважительно, зато о Борисе Пастернаке старались не распространяться.

«От совести — прямой путь к правде»,— говорил Золотусский в статье о Пушкине. Романы Виталия Семина и Федора Абрамова попали в круг его обзора. С болью и гневом писал Игорь Петрович: «Есть ли писатель без правды, (...)»? Впрочем, есть. Есть литература полуправды, четверть правды, одной пятой правды (...). Есть герои умения сводить концы с концами, герои кисло-сладкого реализма, который только по идее хорош, как смесь правды с ложью (...). Иной и выскажет правду и тут же оговорится: я то-то и то-то имел в виду».

В послесловии автор книги размышлял: «Критика — не профессия, а поведение (...). Никто так не роняет достоинство критики, не дает основания судить о ней как о сфере обслуживания, как тот, кто послушно изгибается в сторону обстоятельств».

Книга заканчивалась следующим признанием: «Жить и писать в окружении талантов — счастье (...). Это создает твоё собственное внутреннее напряжение и напряжение вокруг тебя (...). Я мог бы назвать, по крайней мере, полтора десятка имен, которые есть цвет нашей критики и цвет русской литературы. Цвет в отношении мастерства, высоты критериев и истинного мужества».

Среди таких имен Игорь Петрович упоминал Николая Николаевича Яновского. «Это критик высшего благородства и высшей трудоспособности. Литературная Сибирь обязана ему своей историей».

Я бы добавил: не только Сибирь, но и Россия в целом (я много лет учился у Яновского как критика и знаю диапазон его творчества).

Последующие книги Золотусского «Трепет сердца», (Москва, «Современник», 1986), «Федор Абрамов» (Москва, 1986), «Поэзия прозы» (Москва, «Советский писа-

тель», 1987), «Исповедь Зоила» (Москва, «Советская Россия», 1989), «В свете пожара» (Москва, 1989), «Крушение абстракций» (Москва, 1990), «На лестнице у Раскольникова» (Москва, «Фортуна Лимитед», 2000) продолжили его искания. Каждая из них вносила что-то новое в осмысление современной литературы. Его статьи в «Московских новостях», «Литературной газете», журналах «Новый мир», «Знамя», «Литературное обозрение», «Литературная учеба», «Смена», «Искусство кино», выступления по радио и телевидению не только освещали, но и творчески обогащали отечественный литературный процесс. «Вечера в доме Гоголя», «Нравственные проповеди», «Петербургские сюжеты» (1992—1999) запомнились зрителям и слушателям обилием сведений, обоснованностью оценок.

Невозможно представить русскую критику, да и нашу литературу второй половины двадцатого — начала двадцать первого века без Игоря Золотусского. Талант исследователя, аналитика, яркого публициста, бескомпромиссность и «уважение к преданию» снискали ему известность на родине и за рубежом.

Его общественная деятельность также весьма значительна. Вступив в Союз писателей в 1963 году, Игорь Петрович немало сил отдал организационной работе. Пять лет — с октября 1991 по 1996 — был председателем и некоторое время первым секретарем Союза Российских писателей. Неуступчивость в вопросах принципиальных привела к тому, что он «на неопределенное время приостановил» участие в этом союзе. Член Русского ПЕН-центра, Почетный председатель общества российской словесности, член жюри литературной премии «Ясная Поляна», Президент международной Ассоциации творческой интеллигенции «Мир культуры», председатель Регионального общественного Фонда сохранения творческого наследия Н. В. Гоголя. В 2008—2009 годах состоял членом оргкомитета по празднованию 200-летия со дня рождения творца «Мертвых душ». Награжден орденом «Знак почета» (1984 г.), премией журнала «Огонек» (1988 г.). В 2005 стал лауреатом литературной премии Александра Солженицына.

Выступая на Международных яснополянских писательских встречах 2006—2007 гг., Игорь Петрович говорил: «Грустно мне от того тяжелого впечатления, которое производит современная словесность (...). Русское слово тает и уходит куда-то».

И еще одна причина для грусти. «Помню, Витя Ерофеев мне говорил: вот мол, Достоевский недоисследовал глубины зла, вот мы сейчас погрузимся еще глубже (...). А я ему сказал: «Витя! Если вы будете погружаться в глубину помойной ямы, это не будет значить, что вы погружаетесь в глубину человека». Мне кажется, что сейчас происходит именно такое погружение». («Международные яснополянские писательские встречи 2006 — 2007 г.г.». Тула, изд. Дом «Ясная Поляна», 2008, с. 115—116).

В 2008 году вышла книга Игоря Петровича «Нигилисты второй свежести. Раздумья на исходе эпохи» (Иркутск, издатель Сапронов 400 стр.). Сборник содержит эссе, статьи, интервью автора в наши дни. Автор рассуждает о путях современной России, о роли интеллигенции «старой школы» и нынешней. «Понятие «нигилист», — напоминает он, — появилось в России после реформы Александра Второго, в начале 60-х годов девятнадцатого века. В 1862 году вышел роман Тургенева «Отцы и дети», где сын обедневших дворян Базаров отрицал все и вся: власть, искусство и саму любовь. Он был нигилист «первой свежести». Потому что строгость суждений распространял не только на господ эксплуататоров, но и на себя (...). Такие, как он, (...) отrekliсь от комфорта, от больших денег и игр с совестью. И их стоило за это уважать (...). С тех пор минуло много лет, и облик нигилиста сильно изменился (...). Среди нигилистов «второй свежести» немало бывших членов КПСС (...). Не хотелось бы предсказывать, что будет с ними лет через десять-пятнадцать (...). Мне по душе то, о чем так прекрасно сказал Данте: «Отвергнув желчь, взыскую яблок сада»».

В статье «Истребление хамов», посвященной этой книге («Литературная газета»

14 октября 2009 г.), Илья Кириллов писал: «Литература для Золотусского — явление социальное, нравственное, идеологическое, даже религиозное. Касаясь этих составляющих, он неизменно взыскует истины».

Такие поиски открывают простор для дискуссии. Книга заслуживает вдумчивого прочтения и анализа, поскольку является в некоторой степени итогом многолетних раздумий автора над жизнью, литературой и историей.

После «Нигилистов второй свежести» Игорь Петрович опубликовал еще три значительные работы: «Я человек, Ваше сиятельство» (комментарии к походу Чичикова), издательство «Московские учебники», 2009, «Слово о Гоголе», издательство «Принт-Маркет», 2009 и «Незримая ступень (русская литература и религия)», «Московские учебники», 2010.

Более сорока лет отдал Игорь Петрович Золотусский служению русской литературной критике. За это время в жизни страны произошли события всемирного значения. Они не могли не сказаться на состоянии художественной литературы, существенно повлияли на ее развитие. Появились значительные имена, свершился перелом мировоззрения писателей и их аудитории. Вечные истины жизни высветились в ореоле происшедших событий, доказали свою независимость от явлений, казавшихся определяющими пути человечества. Игорь Петрович верно служил магистральным идеям, не поддавался диктату властей и колебаниям общественного мнения. Его работы отличались последовательностью и целеустремленностью, какими обладали не так уж многие литераторы. Закономерно, что он в одной из итоговых книг упомянул изречение Данте.

Работа продолжается. Пожелаем нашему мэтру новых достижений!

Ирина Кедрова
(г. Москва)

О Л. Н. ТОЛСТОМ И НЕ ТОЛЬКО О НЕМ*

Название книги Г. Маркина «В напрасных поисках истины» удивляет и поражает, поскольку сразу возникает вопрос: «И зачем читать то, что истины не даст?». «Да и возможно ли найти истину?», — рождается следующий вопрос, который задает себе не только читатель, но и герой этой книги.

Героем оказывается Лев Николаевич Толстой. Об этом говорится в предисловии к изданию: «Столетию ухода... посвящается». Об этом же свидетельствует графическое изображение на обложке человека, идущего по России в глубокой задумчивости. К сожалению, не указан автор рисунка, который настраивает читателя на серьезное чтение.

Г. Маркин — писатель, печатавшийся в разных отечественных изданиях, многое сделавший для развития литературы, активно участвующий в деятельности писательских организаций Тульского региона.

Принадлежность к Тульской писательской среде объясняет его интерес и к Л. Н. Толстому, и к описанию жизни Крапивенского уезда дореволюционной Тульской губернии.

Разные истории из жизни простых людей, русских и не только, наполняют страницы книги, и мы, то весело смеемся, то печалимся, то задумываемся над быстротечностью бытия, то увлеченно познаем: как там, в XIX веке, жилось человеку. Яркие характеристики людей, описания природы, созвучные состоянию персонажей, образные сравнения, емкие характеристики, вызывающие зрительные ассоциации, являются достоинством мастерства автора.

Однако самое интересное — это возможность проникнуть в жизнь яснополянского гения, чье имя еще при жизни было широко известно в России и за ее пределами.

Вот перед нами необразованный, но добрый и ответственный человек — лезгин Магомед Эфендиев, попавший волею судьбы из дагестанского села в крапивенскую уездную тюрьму. Встреча с Толстым, глубоко понимавшим человеческую душу и знавшим законы Кавказа, перевернула жизнь Магомеда, принявшего нравственный совет: очисти себя, чтобы ярче засветил в тебе вечный свет.

Вот события, в которых проявляется несовершенство российской судебной системы, вызвавшее протест Л. Н. Толстого, требовавшего учитывать нравственную сторону любого судебного дела. Впрочем, тут мы попеняем автору. В его изложении Толстой говорит о необходимости «учета морально-нравственных обстоятельств дела». При том, что в рассказах Г. Маркина явно слышатся языковые обороты XIX века, здесь писательская интуиция подвела. О различии в подходе к морали и нравственности заговорили в XX веке. Много внимания этому уделил, например, педагог, академик РАО Б. Т. Лихачев, автор «Философии воспитания» (М., 1995).

Значимое произведение, давшее название всей книге, — рассказ «В напрасных

* Геннадий Маркин. В напрасных поисках истины: Рассказы. (Библиотека журнала «Приокские зори»). — Щекино, 2010.

поисках истины». Что знает рядовой читатель, не знаток биографии Л. Н. Толстого? Писатель ушел из Ясной Поляны, обидевшись на жену, простудился, умер в небольшом домике на станции Астапово. Конечно, литераторы, биографы, музейные работники знают гораздо больше. Однако книга рассчитана на широкую читательскую аудиторию.

В небольшом рассказе разворачивается буря страстей (общественных, супружеских, родительских, человеческих). Рассказ не просто освещает последние дни писателя. Автор проникает внутрь своего героя, пытается понять построенный им мир, анализирует события, переживает те чувства, что охватили 82-летнего старца. Разворачивается спор между мужчиной и женщиной, спор человека с самим собой, с обществом и навязанным государственным порядком, с людьми, которые пытаются использовать гениального творца слова и стремятся подчинить его своим интересам, пусть даже не всегда корыстным.

Зачем ушел Толстой из дома, покинув близких людей? Не за тем ли, чтобы все-таки отыскать правду жизни? А может за тем, чтобы снова и снова познавать людей — простых, необразованных, неграмотных, угнетенных и обиженных? Познавать и помогать им. Писатель уходит из жизни, оставляя живущим неразрешимые вопросы, вечный путь к истине.

Вторая часть книги под названием «Документальные рассказы» отвечает интересам Г. Маркина — юриста по образованию, знающего, сколь много важной информации о жизни в прошлом могут дать архивные материалы. Он тщательно изучает единицы архивного хранения, выбирая из них жизненные ситуации по уголовным делам. По сути, в авторе разыграла струна юриста-историка. И это само по себе значимо и интересно, а также поучительно, поскольку в описываемое время — в XVIII веке — происходило то же, что происходит и сейчас, а именно братоубийство в корыстных целях (Алтуховский Каин), недоказанные преступления (Презумпция невиновности). И тогда были, и сейчас есть те, кто честно выполняет долг по защите людей, и есть разномастные преступники.

Автор убедительно показывает, что и в те далекие времена существовал принцип: «лучше десять виновных освободить, нежели один невинный к смерти будет приговорен». И тогда «на страже закона и общественной тишины» стояли порядочные и опытные «защитники». Читатель может увлечься анализом давних событий и провести параллели с днем сегодняшним.

Однако, нам показалось, что обе части слишком разнятся, чтобы объединять их в одну книгу. И тот, кто с интересом станет читать бытописания, с трудом воспримет, например, объем денежного содержания уездного исправника, его помощника, столоничальников и других административных лиц. Эти сведения предназначены для лиц, одержимых историей дореволюционной полиции.

Тем не менее, книга Геннадия Маркина «В напрасных поисках истины» состоялась. Она вызывает читателя на размышления о судьбах человеческих, о прошлой и настоящей системе государственной власти, о развитии общества и общественной мысли.

Пожелаем же автору активной встречи с читателем, новых тем и открытий! А читателю — глубокого познания еще одного взгляда, требовательного и полновесного, на жизнь, на человека и общество!

Владимир Сапожников
(г. Тула)

ИСПОВЕДЬ ИДЕАЛИСТА-КОММУНИСТА

Кем же все-таки был Коба — товарищ Сталин? Кровавым злодеем, забрызгавшем кровью миллионов всю Россию, бывшую Российскую империю, сатрапом, шизофреником, подверженного навязчивой манией величия, с полным отсутствием критики своего состояния, как это бывает у таких душевнобольных?

Высокоинтеллектуальным человеком, гением, самостоятельно увидевшем светлое будущее народа, всего мира, искренне мечтавшего об высоких идеалах справедливости, социализма, коммунизма, как следующей неизбежной ступени развития человеческого общества?

Идеалистом, романтиком, восхищенно взирающим с юности на прекрасные подлунные картины Кавказских гор?

Закомплексованным в плане своей неполноценности с детства сыном (ходят слухи, что и внебрачным, от известного русского путешественника?) неудачливого алкоголика-сапожника из бедной то ли грузинской, то ли осетинской или иной кавказской народности семьи?

А были ли у него патологически-властолюбивого, порой до параной жестокого, прошедшего «школу» непримиримого соперничества с «иудойшкой» Троцким, минуты человеческой слабости, оттаивания души, минуты раскаяния в собственной страшной гордыни?

Или он не случайно взял себе партийную кличку «Сталин», как бы подчеркнув, что он сверхчеловек, он не остановится ни перед чем при достижении поставленных целей: ни перед моралью, ни перед совестью, ни перед кровавым грехопадением — ведь он же как бы из стали, он непоколебим, он стальной!?

Да, идея построения человеческого, справедливого общества всегда витала в умах людей в сложные моменты истории, когда особенно безобразно открывалось дикое расслоение людей на нищих, но постоянно работающих и демонстративно жирующих на их труде, постоянно их грабящих, обворовывающих. Так было и во времена зарождения христианства, и во времена Великой французской революции, когда миллион голов был отпрепарирован через гильотину, и в 1917 году, когда даже терпеливый русский народ озверело начал срывать головы тогдашним олигархам, покрываемым безвольным, самым бездарным последним самодержцем всея Руси Николаем II.

Не дай бог, если нечто подобное повторится в нашей современной истории... Чувствуя это, нынешнее ворье спешно вывозит семьи, детей, наворованное за бугор, «в офшоры», в Австрию, Испанию, а еще надежней — в мировой притон для ворья всех мастей — в Англию. Чуют, чуют седьмым чувством, интуитивно, что недолго им осталось править бал во время чумы в России...

Философско-исторический роман известного русского прозаика Алексея Афа-

насьевича Яшина «Катехизис идеалиста»*, только что вышедший в свет, не только о противоречивой личности Джугашвили-Сталина, жившего в не менее противоречивое время и в противоречивой стране. Это и размышления о нашем сегодняшнем, даже завтрашнем дне. Автору удалось, как видится, главное в его творческом замысле — мысленно перевоплотиться в образ самого Иосифа Виссарионовича, чтобы попытаться осознать, почувствовать мотивацию его — вождя поступков, поведения, исходя из тех представлений о нем и исторических фактов, которые окружали эту незаурядную, противоречивую личность.

Как оказалось, что бы выстроить, уловить логическую нить жизни Сталина, вроде бы «недоучившегося семинариста», как его иногда с издевкой представляют нынешние критики той эпохи, нужно быть, как автор романа А.А.Яшин, и доктором технических, и биологических наук, профессором, академиком многих академий, заслуженным деятелем науки РФ, членом союза писателей России, лауреатом многих литературных премий...

Оказывается не таким уж «сырым» и глупым был вождь «всех народов»! А, как следует из захватывающего повествования нового романа о Сталине, был высоко самообразованным, разносторонним человеком, прекрасно разбиравшемся и в конъюнктуре и экономических, и политических, и общекультурных дел не только в СССР, но и в мире в целом. А кроме этого — самое главное — великолепно разбиравшийся в людях со всеми их слабостями, гордынями, амбициями...

А какие замечательные стихи сочинял юный Сосо Джугашвили! Они приведены и органично звучат в тексте нового романа А. А. Яшина в переводе В. В. Резцова.

При углублении в образ Сталина автору романа удалось провести интересные параллели с нашей нынешней действительностью.

Насколько они верны — рассудит время. По прогнозам здравомыслящих современных экономистов «час икс» наступит не через пятьдесят-сто лет, а через пару-тройку годков, если в стране все будет продолжаться так, по принципу самотека, неконтролируемого дилетантства во всех сферах жизни, где «рулят» дилетанты всех мастей, но «свои» люди...

Вождь всех народов, как следует из романа «Катехизис идеалиста», больше всего на свете не уважал дилетантов, но ценил и возвышал профессионалов. Его знаменитая фраза «...Кадры решают все...» — актуальна и для наших дней как никогда. Не могут эффективно руководить сельским хозяйством страны врачи-кардиологи, здравоохранением — бухгалтер, образованием — бывшие сотрудники НИИ, ни дня не работавшие в школе или вузе...

Такой кадровый дебилизм при Сталине был недопустим.

Автор романа обосновывает достаточно убедительно, что Сталин был человеком идеи, бессеребренником, идеалистом... Канул в мир иной, оставив после себя могучую державу с мощной индустрией, армией, флотом, с обществом трудящихся, а не на их горбу плодящихся... И это так.

Хотя такая историческая личность всегда окутана пеленой тайны. Не все однозначно было в Иосифе Джугашвили.

Версия событий и личности, представленная А. А. Яшиным, захватывает читателя с первых страниц романа, выглядит очень убедительно. Сталин предстает и с человеческой стороны, и как мудрый стратег, и, конечно, как истинный революционер, для которого борьба за построение социально справедливого общества на земле важнее всего остального.

Прочтешь несомненно художественно удачную книгу А. А. Яшина «Катехизис

* Яшин А. А. Катехизис идеалиста: Роман-размышление.— М.: «Московский Парнас», 2010.— 373 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

идеалиста» и ощутишь, как же нам сегодня не хватает людей идеи! Тех, для кого власть — не способ пришивания новых карманов на свою одежду для заполнения их украденными у страны денежными купюрами, не способ халявного наглого построения дворцов на Рублевке, приобретения недвижимости за границей, скандально роскошных яхт, а способ самореализации своих совестных качеств, работы на благо страны, народа...

Как не хочется верить, что земля русская не обеднела такими людьми — идеалистами, такими вождями нации!

История все расставит на свои места. И в конце концов каждый народ имеет такого правителя, которого заслуживает.

В Алексея Афанасьевича Яшина хочется искренне поздравить с большой творческой удачей — романом «Катехизис идеалиста».

Ирина Николаева
(г. Москва)

ПРОЧТИ И УДИВИСЬ ДУШЕВНОМУ БОГАТСТВУ*

Небольшая книжечка стихов Ирины Пархоменко привлекает строго-витиеватым оформлением. Простые черные буквы уложены в название. Птица с распахнутыми крыльями настраивает на лирический лад.

Стихи по форме незатейливые, однако, наполнены глубоким и разнообразным содержанием.

Автор объясняет название сборника строками о встречном ветре:

*...Ведь свободу и точность в полете
Не попутный, а встречный дает.*

Бьется в стихах тонкая и ранимая душа, похожая на свечу, колеблемую ветром, на «сад, цветущий на рассвете». В любви, и в полете, в одиночестве и в заботе о людях трудится душа, не ведая усталости. В ней живет память о родителях, «желаний куча», стихи, которые «не требуют наград». В ней «взлетают звуки к небесам» и звучит музыка.

Ирина Пархоменко — женщина, как и любая из нас, жаждущая любви. Для нее избранником может стать Орфей, но тот, который любимой верит, или Приам, который слушает Кассандру.

Полновесно омытая женской сущностью, она может по-бабьи взволноваться, поскольку ею «Пушкин не бредил, / Не любил Пастернак. Не влюблялись живые / Ни Есенин, ни Фет». Ее чувствами управляет страстное желание встретить того, кто способен ради нее научиться летать.

В ней ярким огнем горит страстное желание известности. Да и кто из поэтов этого не желает? Кто из нас не убеждает себя: «Поэтом важно быть, а не казаться»? Ирина Пархоменко убеждает читателей в преимуществах нестоличной жизни:

*...В провинции покой и красота,
И каждый точно знает свое место...*

И читатель согласится, поскольку есть Великий порядок жизни, и все для чего-нибудь предназначено. Исходя из этой мысли, возникшей у меня под впечатлением чтения стихов И. Пархоменко, взглянем на ее творчество как на творчество поэта, которому жизнь в провинции дала прочность взгляда, целеустремленность и силу, не допустила до легковесности и мельтешения.

*Из живоносных малых родников
Берут начало все большие реки.
Из малых сел и малых городов
России мощь слагается навеки.*

* Ирина Пархоменко. Ветер в крылья. (Библиотека журнала «Приокские зори» и альманаха «Кристалл»). — Щекино, 2010.

В творческом стиле И. Пархоменко преимущество отдается сонетам. Вот, например, «Сонет воды»:

*Была чиста осенняя вода,
Звенели паутинки на ветру,
И падала ненужная листва
На высохшую серую траву...*

Грусть звенит в этих строчках, возникает образ осени, в которой напоследок, перед холодами, образовалось множество паутинок, но уже уходит из жизни листва, недавно золотистая, а теперь превратившаяся в серую траву. И осень, и вода, и грусть воспринимаются через уход любви, когда «разрушен в сердце храм».

«Сонет очищения» наполнен такой же грустью, и не такой. Здесь ощущается надежда:

*Проблем ненужных груз в ладью свалю,
Поставлю парус из надежд линялых,
И — в дальний путь!
А мне — встречать зарю
И попытаться все начать с начала.*

Венок сонетов «Август» философичен. Звучат и грусть по ушедшему, и стойкость к настоящему, и вера в будущее. Как ни сложно почувствовать в этих стихах веру, она — есть! Замечательны основные строки, дающие нить венку. Среди этих строк:

*Июль последние перевернул страницы...
И длинным дням уже выходит срок...
Стремительно скользит с ветвей листок...
Пьянит звенящий терпкий звездный сок...
Прекрасный август вышел за порог...*

Вполне объяснимо обращение автора к картине И. Левитана «Сокольники. Прогулка». В венке сонетов под названием «Картина» удивительно сплетаются краски и мазки, музыка, танец и поэтика, движение тела и порыв мысли, любовь, безнадежность и одиночество, освобождение от которого приобретается лишь в творчестве.

*Набросит вечер голубую дымку,
И дрогнет кисть, как пламени язык.
Скользну перед тобою невидимкой,
Но ты и ветра видеть след привык:
Мазок, другой, проявлен тонкий стан —
«Сокольники. Прогулка». Левитан.*

Стихи, заполнившие новый сборник Ирины Пархоменко, доказывают поэтическую одержимость автора, у которого любое дело и любая мысль выражаются особой строкой, имеющей ритм, рифму и размер. Что можно пожелать поэту? Новых стихов! И новых поэтических сборников!

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ!

В редакцию поступают обращения с просьбой разъяснить сложившуюся практику распространения журнала «Приокские зори», где его можно приобрести, почитать и пр. Имеют свои вопросы и авторы публикаций в журнале. Несомненно, нас радует и ободряет все нарастающее внимание читающей публики. Постараемся ответить на основные вопросы.

Как значится на второй странице журнала, «Приокские зори» распространяются преимущественно в библиотечной сети. На сегодняшний день журнал регулярно поступает в Тульскую областную универсальную научную библиотеку (абонемент и читальный зал периодики), Детскую областную библиотеку, библиотеки Тульского госуниверситета (абонемент художественной литературы и читальный зал), Тульского госпедуниверситета им. Л. Н. Толстого, Дома учителя, гарнизонного Дома офицеров, Культпросветучилища (ныне — колледж), Лицея на Пушкинской, Областного об-ва «Мемориал», музеев Тулы и Тульской области, в редакции общегородских газет, в ИПО «Лев Толстой» и в редакции альманахов «НЛО» (г. Новомосковск) и «Тула», в библиотеки тульских филиалов московских вузов.

По системе городского библиотечного коллектора журнал регулярно доставляется во все городские библиотеки:

— Центральная городская библиотека им. Л. Н. Толстого — абонемент и краеведческий отдел (ул. Болдина, 149/10);

— Библиотека № 1 (ул. Новомосковская, 9);

— Библиотека № 3 (ул. Октябрьская, 201);

— Библиотека № 4 (ул. Metallургов, 34);

— Библиотека № 5 (ул. Metallургов, 2«а»);

— Библиотека № 8 (Косая Гора, ул. Гагарина, 7);

— Библиотека № 18 (Скуратовский мкр-н, 1);

— Библиотека № 20 (ул. М. Горького, 20);

— Центральная городская детская библиотека (Красноармейский пр., 36).

По системе областного библиотечного коллектора ТОУНБ журнал регулярно поступает во все районные библиотеки Тульской области: Алексинскую, Арсеньевскую, Белевскую, Богородицкую, Веневскую, Воловскую, Дубенскую, Донскую, Ефремовскую, Заокскую, Каменскую, Кимовскую, Киреевскую, Куркинскую, Ленинскую, Новомосковскую, Одоевскую, Плавскую, Суворовскую, Тепло-Огаревскую, Узловскую, Чернскую, Щекинскую, Ясногорскую и в Новогуровскую поселковую библиотеку.

Как видно, любой житель города и области может знакомиться с содержанием выходящих и прошлых номеров журнала в наиболее удобном для него «территориальном» варианте.

С начала 2007 года аудитория читателей потенциально многократно возросла, поскольку «Приокские зори» в полном объеме публикуются в электронной форме на

сайте www.medsu.tula.ru (в pdf-формате) Интернета. То есть, журнал стал доступен всем жителям России и знающим русский язык за рубежом.

Журнал имеет и приоритетную рассылку. Его получают лидеры ведущих фракций Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, руководители Тульской областной Думы и Администрации области, редакции ведущих литературно-публицистических газет России: «Литературной газеты», «Завтра», «Российский писатель». Доставляется журнал в Правление Союза писателей России. В рамках обмена содержимым «редакционных портфелей» «Приокские зори» получают Независимое литературное агентство «Московский Парнас», выпускающее одноименный альманах с ежемесячной периодичностью, и редакция старейшего литературно-художественного журнала «Подъем» (Воронеж). Журнал получают центральные библиотеки Москвы, Рязани, Петрозаводска, Курска, Сургута, Фрязино, Новосибирска, СПб и ряда других городов.

Определенное число экземпляров (до пятидесяти) предназначается для организаций-издателей журнала: Тульской писательской организации Союза писателей России и Тульского госуниверситета. Не остаются без внимания и члены редколлегии.

Библиотечная, а теперь и по сети Интернет, форма распространения журнала полагается нами оптимальной для настоящего, начального, периода становления журнала, имея в виду относительно малый тираж его, хотя за прошедшее время он увеличился до 500 экз. Но это и немало, учитывая, что сейчас тиражи ведущих всероссийских «толстых» литературных журналов не намного больше.

В планах редколлегии на ближайшее время значится доведение тиража до 1000 экз., присвоение международного классификационного номера ISSN и включение в подписной каталог «Роспечати». Усилия к этому прилагаются серьезные. С 2009 года журнал имеет госрегистрацию.

И еще одно обращение к руководителям библиотек школ и культпросветучреждений: если вы хотите регулярно получать (безвозмездно) наш журнал — сообщите об этом письменно главному редактору (адрес на второй странице журнала) с указанием своего телефона и/или *e-mail*. Начиная с предыдущих номеров журнал уже доставляется в ряд школ города Тулы. К сожалению, большинство школьных библиотек проявляет стойкую апатию...

Редколлегия журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., **является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»**. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России (см. информацию в начале рубрики «Хроника литературной жизни»). Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала, или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в

журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

В первом квартале 2011 года в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие книги:

1. *Московский Парнас*. Независимый альманах.— М.: Изд-во Независимого литературного агентства «Московский Парнас».— 2011, № 1.
2. *Николай Макаров*. Сказки про лес.— Тула: б/у изд-ва, 2010.— 37 с.
3. *Щербаков В. Л.* Русь единая — непобедимая: Книга-раскраска (Стихи, рисунки).— Тула: ООО Изд-во «Неография», СТМ «Звезда», 2010.— 24 с.
4. *Щербаков В. Л.* Тула — Родина моя: Книга-раскраска (Стихи, рисунки).— Тула: ООО Изд-во «Неография», СТМ «Звезда», 2011.— 72 с.
5. *Николай Макаров*. Знаменитые десантники Земли Тульской: Альбом.— Тула, 2010.— 71 с.
6. *Николай Макаров*. «Боги войны». Знаменитые артиллеристы Земли Тульской: Альбом / Предисл. В.Д.Дудки.— Тула, 2011.— 99 с.
7. *Пантюхин О. В.* Как порою не хватает нам весны...: Сб. стихов.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2011.— 44 с.
8. *Никишов В. Д.* Жабынь. История Свято-Введенской Макариевской Жабынской пустыни.— М.: ГОУ ВПО МГУЛ, 2011.— 384 с.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» в 2010 году вышли следующие книги:

1. *Яшин А. А.* Катехизис идеалиста: Роман-размышление / Предисл. Л. В. Ханбекова.— М.: «Московский Парнас», 2010.— 376 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
2. *Сапожников В. Г.* Три дерева: Сборник песен и романсов на стихи автора: Нотное издание.— Тула: ООО ПКФ «Полиграфинвест», 2010.— 24 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
3. *Молодые голоса*: Сб. стихов участников I слета молодых поэтов Тульской области / Под общ. ред. В. Ф. Пахомова и В. Г. Сапожникова; худ. оформл. Я. И. Стечкин.— Тула: ООО ПКФ «Полиграфинвест», 2010.— 52 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
4. *Наука с музами дружит*: Литературно-художественный альманах Вып. 2 / Гл. ред. и сост. Алексей Яшин.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2010.— 210 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).— Альманах издан к 80-летию Тульского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета и содержит произведения авторов, так или иначе связанных с университетом; см. «колонку главного редактора»).
5. *Каширин Олег, Харлашкин Виктор*. Операция «Версаль»: диалогия.— Тула: Гриф и К, Гриф и К, 2010.— 268 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
(Книга представлена редколлегией «Приокских зорь» для участия в конкурсе 2010 года ФСБ РФ на лучшее произведение литературы и искусства, посвященные деятельности органов госеопасности).
6. *Маркин Г. Н.* В напрасных поисках истины: Рассказы.— Щекино: АО «Щекинская типография», 2010.— 133 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной

ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова.

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

- проза, включая драматургию;
- поэзия;
- публицистика, включая историко-политическую;
- литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.

Звание лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. По положению о лауреатах последними не могут быть члены редколлегии, руководство организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений учредителей журнала. Читатели «Приокских зорь» также приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-ой стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания; например, имена лауреатов 2010-го года объявлены в настоящем номере «Приокских зорь». Также имена лауреатов объявляются в «Литературной газете». Лауреатам вручаются дипломы. С укреплением материальной базы журнала возможно расширение наградной символики. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявляется конкурс за 2011-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

О НАС ПИШУТ

В газете «Тульская правда» (№ 39(647), 8 октября 2010 г.) опубликована статья нашего автора, сотрудник тульской библиотеки № 20 Ольги Николаевны Бугримовой «Приокские зори» — журнал будущего: Литературное представление».

В газете «Литературный Красноярск» (№ 150—151, 21 января 2011 г.) опубликован рассказ «Подари медвежаток» зам. главного редактора по сибирским регионам нашего журнала Тамары Булевиц, а в железнодорожной красноярской газете «Удачный экспресс» (№ 1(21), декабрь 2010 г.) опубликована ее повесть «Дед Игнат».

В газете «Тульская правда» (№ 08(667), 23 февраля 2011 г.) в рубрике «Книжные новинки» опубликована аннотированная информация о выходе в свет «Приокских зорь» № 4, 2010 и книг: Наталия Парыгина. Здоровье вашего малыша и школьника.—

Тула: Гриф и К, 2009.— 288 с.; Алексей Яшин. Катехизис идеалиста: Роман-размышление.— М.: «Московский Парнас», 2010. 373 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Редколлегия и редакция журнала «Приокские зори» поздравляет всех своих авторов и читателей, чьи дни рождения приходятся на апрель-июнь месяцы. Здоровья Вам и творчества, а читателям обещаем все также высоко «держат планку» нашего журнала.

Поздравляем нашего главного редактора Алексея Афанасьевича Яшина с избранием его членом Правления Академии российской литературы — успехов ему на новом поприще участия в общероссийском литературном процессе.

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

В редакцию журнала «Приокские зори»

Примите нашу искреннюю признательность за Ваше внимание к музею Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», за новые дары: «толстовский выпуск» журнала «Приокские зори» (№ 4, 2010 г.), газетные публикации, посвященные столетию со дня ухода и смерти Л. Н. Толстого, ксерокопию выпуска «Отечественных записок» (№ 22, 2010), целиком посвященного Л. Н. Толстому, и отдельный выпуск «Отечественных записок» (№ 21, 2010) с публикацией А. Пшеницына «Обличения, и предостережения», где цитируются публицистические статьи Л. Н. Толстого, сохранившие свою остроту и актуальность в наше время.

Большой интерес представляет выпуск журнала «Приокские зори». Знаменательно, что открывает журнал статья Л. Н. Толстого «Не могу молчать», где мощно выражена его гражданская позиция по животрепещущей проблеме смертной казни. Яркий эмоциональный отклик в наших сердцах вызывают стихотворения, посвященные памяти Л. Н. Толстого.

Привлекает внимание рубрика «Толстой и современный мир: Антология прозы», где опубликованы рассказы современных авторов, посвященные Ясной Поляне. Рассказ Алексея Яшина «Такси до станции Астапово» в образной фантастической форме помогает нам почувствовать, как Толстой воспринял бы наше современное общество с его безнравственностью и духом торгашества.

Несомненный интерес также представляют рубрики «Вокруг Толстого: публицистика», «Литературная учеба: толстоведение» «Литературоведение, литературная критика, рецензии», где содержатся ценные материалы о Л. Н. Толстом.

Приятно отметить, что на страницах журнала представлены материалы, посвященные 50-летию Тульской писательской организации. Мы всегда будем рады иметь Ваш журнал и публикации о Л. Н. Толстом в нашей научной библиотеке.

Желаем здоровья и благополучия, творческих успехов и всего самого доброго!

С благодарностью: Научный сотрудник отдела книжных фондов И. А. Бочарова

Макаров Николай. Мои коллеги — военные медики. — Тула, 2010. — 97 с.

Новая книга-альбом бывшего военного врача, гвардии майора медицинской службы в отставке Н. А. Макарова, вышедшая с посвящением «Военным медикам города-героя Тулы», составлена в форме биографических очерков о сослуживцах, однополчанах и знакомых автора. Книга богато иллюстрирована десятками фотографий из личных архивов героев очерков — военных врачей-туляков.

Н. А. Макаров — выпускник Военно-медицинского факультета в Томске (1972), участник Всеармейского семинара молодых писателей и Юрмале (1985). Автор книг «Записки батальонного врача», «Пушкин и медики», «Мои "афганцы"», «Саперы», биографического справочника «Медики земли Тульской», очерков «Размышления военного врача не только о Чехове», «Тульские медики из окружения Л. Н. Толстого» и др. В декабре 2010 г. за цикл очерков в журнале «Приокские зори» Николай Алексеевич Макаров был удостоен звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова (Литературная газета. — 2010. — № 51). Редакция «Военно-медицинского журнала» поздравляет лауреата с заслуженной наградой и желает ему новых творческих успехов.

(«Военно-медицинский журнал», 2010. — Т. CCCXI, № 12)

В редакцию журнала «Приокские зори»

Глубокоуважаемый Алексей Афанасьевич!

Поздравляю Вас, «военно-морского человека» с Днем Советской Армии и Военно-Морского флота (по новым меркам — Днем защитника Отечества). Искренне желаю душевной и физической силы, энергии, творческого и научного вдохновения.

Огромное спасибо за присланные бандероли с Толстовским номером «ПЗ», и особенно за Ваш новый роман «Катехизис идеалиста», выхода которого я ждала с большим нетерпением. Пришли бандероли буквально накануне праздника, как долгожданный подарок.

Не поверите, но едва «окунувшись» в предисловие романа, поняла, что не выпущу книгу из рук, пока не дочитаю до конца. Я ранее читала ваш роман «Историк и его история», который также достоин самой высокой оценки. Но Новый Роман, настолько своевременный, мудрый, многоплановый по тематике и интересный по выbranному художественному методу фундаментальный труд, что его читателями не должны, а обязаны стать не только, как Вы пишете, «шестидесятники». Это книга для всех, независимо от возраста, кто заинтересован в очищении и выдающейся личности Вождя от пасквильной лжи, и в духовном возрождении собственной души и оклеветанной страны. Низкий Вам поклон за всех будущих читателей.

Прочитала сама, что-то постранично знакомым, а теперь вслух медленно, с расстановкой и обсуждением начали читать с мужем. Стала вырисовываться рецензия, и если Вы не возражаете, позволю себе написать и Вам переслать, хотя убеждена, что такое яркое произведение без внимания критиков не останется и будет всесторонне освещено в печати. Жаль, сейчас тиражи маловаты и не все библиотеки смогут получить Ваш роман. Я потом «пущу по достойным рукам» свой экземпляр для ознакомления.

Что касается экземпляра для В. В. Ж., то 25 февраля будет Международный Форум недавно созданного регионального общественного фонда развития российско-турецких отношений «Евразийский диалог», объединивший творческую и научную интеллигенцию под лозунгом «Мы возродим дружбу народов». Одно из пленарных заседаний будет вести В. В. Ж., а я выступаю с докладом о культурном диалоге наших стран на примере Международных Стамбульских фестивалей поэзии Бейоглу, на котором в 2008 году была первым приглашенным российским поэтом. Так что экземпляр романа, подписанный Вами, и один номер «ПЗ» с интервью обязательно передам, (в отдел пресс, службы пока не поступил). Оценки В. В. Ж. личностей Сталина и

Ленина хорошо известны из его книг и выступлений. Ваш роман найдет единомышленника в лице Геннадия Андреевича. Так же после праздников пеедам экземпляры в библиотеки, и один будет читаться студийцам.

Юбилейный номер «ПЗ» получился удачным. Хорошо, что открыли Толстовским «Не могу молчать». Интересны все литературоведческие работы и материалы о тульской писательской организации. Спасі поместили мою статью «Век нынешний и век минувший», а также перечень присланных книг, и уж совсем неожиданно июльское письмо. Все это очень приятно...

С искренним уважением и признательностью — Ваш постоянный автор Людмила Авдеева

23 февраля 2011 г.

«ПРИОКСКИЕ ЗОРИ В «МОСКОВСКОМ ПАРНАСЕ»

На публикуемых ниже снимках директор Независимого литературного агентства «Московский Парнас», главный редактор одноименного альманаха (журнала), вице-президент Академии российской литературы и член редколлегии «Приокских зорь» Леонид Васильевич Ханбеков знакомит с очередным номером нашего журнала членов творческого клуба «Московский Парнас» в зале знаменитого писательского дома на Поварской ул., 52. (Фото Сергея Овчарова).

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: В. В. Резцов, А. А. Яшин
Корректоры: В. В. Резцов, А. А. Яшин
Компьютерный набор: авторы, Л. П. Хохлова
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Подписано в печать 30.05.2011
Формат 70×108/16. Печ. л. 17,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в издательстве Тульского государственного университета,
300012, г. Тула, проспект Ленина, 92

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МЕСТА ТУЛЫ

(фото Геннадия Маркина)

Пушкинский сквер перед лицеем № 1 Тулы («Лицей на Пушкинской»). Бюст установлен в 1899 году в честь 100-летия со дня рождения А. С. Пушкина

Старинные улицы Тулы. В этом доме жил Глеб Успенский — бытоописатель Тулы, автор знаменитых «Нравов Растеряевой улицы»

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МЕСТА ТУЛЫ

(фото Геннадия Маркина)

Каминный зал Дома творчества в Туле в «доме Каминского», где располагается Тульская писательская организация Союза писателей России. В этом зале происходят все писательские мероприятия: собрания, юбилеи, обсуждения изданных книг

«ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» ОБСУЖДАЮТ НА ЗАСЕДАНИИ ТВОРЧЕСКОГО КЛУБА «МОСКОВСКИЙ ПАРНАС»

(Фото Сергея Овчарова)

«Писательский дом» на Поварской ул., 52 (Москва). Слева направо: Владимир Фомичев — председатель Некрасовского комитета СП России; Валентин Сорокин — проректор Литературного института им. А. М. Горького по Высшим литературным курсам; Леонид Ханбеков — вице-президент Академии российской литературы (В. Сорокин и Л. Ханбеков — члены редколлегии нашего журнала)

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Наш журнал, как и большинство современных российских изданий, не имеет твердой финансовой базы. Издается он исключительно заботой и энергией редакционной коллегии. Кроме того, мы с самого начала издания журнала отвергли практику (порочную в своей основе) взимания оплаты публикаций с авторов.

Единственно, чем вы можете посильно помочь редколлегии — это снять с нее финансовую заботу по первоначальному компьютерному набору текстов ваших произведений. Понятно, что литератор любит писать «от руки», в лучшем случае — на пишущей машинке. Но, полагаем мы, все же задача компьютерного набора решается каждым из вас: наверняка у каждого есть родственники, знакомые, друзья, владеющие компьютерной грамотностью. Наконец, сейчас широко развита сеть наборных услуг, вполне приемлемых по цене оплаты. В конце концов, каждый может позаботиться о судьбе своего детища — своего произведения.

Поэтому просьба предоставлять свои произведения в компьютерном наборе: CD-диск с файлом текста и 2 экземпляра распечатки. Набирать текст шрифтом Times New Roman Cir, размер 14 через 1,5 (компьютерных) интервала.

Обязательно приложите свое черно-белое или цветное фото и краткую биографическую справку.

Желательно все скомпоновать по образцу публикаций в «Приокских зорях». Просьба не присылать материалы «на выбор», а только то, что Вы хотите видеть опубликованным в одном номере журнала.

С признательностью — редколлегия журнала